

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

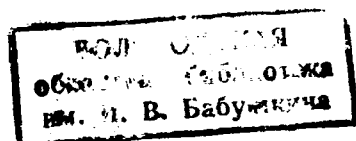
ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

4

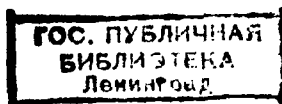
Июль — Август

1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **С. А. Арутюнов**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. М. Дробижева**, **Г. Е. Марков**, **Л. Ф. Моногарова**,
А. П. Окладников, **Д. А. Ольдерогге**, **А. И. Першиц**, **Н. С. Полищук**
(зам. главн. редактора), **Ю. И. Семенов**, **В. К. Соколова**, **С. А. Токарев**,
Д. Д. Тумаркин (зам. главн. редактора), **К. В. Чистов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19.

НА ВСТРЕЧУ Х МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

В наши дни усилиями прогрессивных сил мира, в первую очередь Советского Союза и стран социалистического содружества, достигнуты значительные успехи на пути разрядки напряженности, создаются благоприятные условия для расширения и углубления международного сотрудничества в области культуры и науки. В Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе были сформулированы конкретные направления и аспекты такого сотрудничества. Государства-участники, в частности, согласились поощрять поиски новых областей и форм обмена «по вопросам культурного разнообразия с тем, чтобы способствовать лучшему пониманию заинтересованными сторонами такого разнообразия там, где оно встречается»¹. Этот пункт одного из важных международных документов нашей эпохи имеет непосредственное отношение к активизации сотрудничества в области этнографических исследований, коль скоро многообразие и единство культуры человечества — один из основных объектов науки о народах мира.

В этой обстановке особое значение приобретают крупные международные форумы, которые способствуют непосредственному обмену научными достижениями ученых различных стран, стимулируют дальнейшие исследования в наиболее актуальных областях науки. К их числу принадлежит и очередной Международный конгресс антропологических и этнологических наук (МКАЭН), работа которого будет проходить 10—20 декабря 1978 г. в Индии.

Нынешний МКАЭН является юбилейным, десятым по счету. Однако история этих форумов начинается задолго до того, как в 1933 г. на совещании в Базеле было принято решение каждые четыре года созывать международные конгрессы «для содействия связям и обмену информацией в области изучения физической антропологии, этнологии и родственных им дисциплин».

Потребность в налаживании регулярных международных контактов между исследователями в области этнографии стала ощущаться еще по мере того, как в конце первой половины XIX в. в ряде стран Европы и Америки одно за другим возникали национальные этнографические общества (первым из них было Парижское этнологическое общество, созданное в 1839 г.; затем в 1843 г. появились Американское общество этнологов и Английское этнологическое общество; в 1845 г. возникло Русское географическое общество, в рамках которого функционировало Отделение этнографии и т. д.). Одним из первых научных конгрессов, в котором активно участвовали этнографы и антропологи разных стран, был состоявшийся в 1866 г. Международный конгресс по доисторической археологии и антропологии.

¹ «Правда», 7 августа 1975 г.

В 1875 г. в Париже собрался Международный географический конгресс, к открытию которого была приурочена обширная выставка. Русская часть этой выставки включала семь отделов, соответствовавших числу и тематике секций Конгресса, в том числе и отдел «исторической географии и этнографии». Физическая антропология на этом Конгрессе оказалась включенной в секцию... римской археологии. На одном из первых заседаний выступил известный французский антрополог Поль Брока, который произнес блистательную речь о древности рода человеческого. После этого заседание было прервано и группа его участников приняла решение о выделении в самостоятельную секцию антропологии, этнологии и доисторической археологии.

Однако выяснилось, что для этой секции на Конгрессе нет помещения. Тогда распорядитель выставки Русского географического общества Н. В. Ханьков предложил проводить заседания вновь созданной секции в помещении русской выставки. Один из участников Конгресса вспоминал впоследствии, что эта новая область смежных дисциплин «приютилась таким образом в России, и скоро заседания этой секции стали привлекать в нее от 150 до 200 посторонних слушателей, частью из других групп, а частью из публики, так как мы позаботились, чтобы наши заседания были доступны для всех»².

Русские и советские ученые активно участвовали и в Международных конгрессах антропологических наук, которые начиная с 1877 г. стали созываться регулярно. Большой вклад в успешное проведение Парижского антропологического конгресса 1877 г. внесли выдающиеся русские ученые А. П. Богданов и Д. Н. Анучин. Не случайно следующий конгресс антропологов был проведен в Москве (1879 г.). Советские антропологи участвовали в работе Амстердамского антропологического конгресса (1927 г.).

Международные конгрессы антропологических и этнологических наук в их нынешнем статусе стали созываться начиная с 1934 г., когда в Лондоне состоялся I МКАЭН. До войны в Копенгагене собрался еще один конгресс (в 1938 г.). Прерванная второй мировой войной традиция была восстановлена в 1948 г. проведением III МКАЭН в Брюсселе, а в 1952 г. в Вене состоялся IV МКАЭН.

Начиная с 1956 г. возобновилось участие советских ученых в международных форумах антропологов и этнографов. На V МКАЭН, проходившем в Филадельфии, с докладами на пленарных и секционных заседаниях выступали И. И. Потехин (руководитель советской делегации), Г. Ф. Дебец, Д. А. Ольдерогге.

В работе VI МКАЭН (Париж, 1960 г.) принимала участие представительная делегация советских этнографов и антропологов, насчитывавшая 18 человек. Этот конгресс знаменателен тем, что во время состоявшегося заседания его Постоянного комитета в него вошли советские ученые — С. П. Толстов, Г. Ф. Дебец, Д. А. Ольдерогге, И. И. Потехин, Л. П. Потапов, В. П. Якимов. Вице-президентом Международного союза антропологических и этнографических наук и президентом очередного (VII) МКАЭН был избран С. П. Толстов.

В 1964 г. местом проведения очередного VII МКАЭН стала Москва. Благодаря большой и напряженной работе, проведенной Советским подготовительным комитетом под председательством С. П. Толстова, успешное проведение VII МКАЭН явилось крупным событием в истории международного сотрудничества антропологов и этнографов. Конгресс прошел под знаком борьбы прогрессивных ученых всего мира против расистских и националистических концепций. Центральными проблемами, привлечшими внимание участников VII МКАЭН, явилось изучение изме-

² Цит. по: Н. А. Халфин, Е. Ф. Рассадина. Н. В. Ханьков — востоковед и дипломат. М., 1978, с. 227.

нений, происходящих в культуре современных народов мира, и возможности применения результатов этнографических исследований в практике государственного и культурного строительства. Советские ученые, участвовавшие в работе всех секций и симпозиумов конгресса, в немалой степени способствовали объединению усилий его участников, стремившихся поставить антропологию и этнографию на службу делу прогресса человечества.

VIII МКАЭН (Токио — Киото, 1968 г.) в целом продолжил линию, наметившуюся на Московском конгрессе. Участие в нем советской делегации (она насчитывала 46 человек) позволило широко пропагандировать марксистско-ленинскую методологию этнографических исследований, популяризировать важнейшие теоретические достижения советских антропологов и этнографов. На VIII МКАЭН было решено впредь проводить международные конгрессы не через четыре года, как это было раньше, а через пять лет. Конгресс избрал в состав Исполкома Международного союза антропологических и этнографических наук Г. Ф. Дебеца (вице-президент) и Ю. В. Бромлей (член секретариата). В Постоянный совет Союза вошли С. П. Толстов (почетный член), Ю. В. Бромлей, Г. Ф. Дебеч, Д. А. Ольдерогге, С. А. Арутюнов, К. Г. Гуслистый, В. П. Якимов³.

Проходивший в Чикаго IX МКАЭН (1973 г.) привлек участников более чем из 100 стран. Естественно, что подавляющее большинство делегатов составляли ученые США и других стран Америки. Но вместе с тем на Чикагском конгрессе были впервые представлены и многие страны Азии и Африки. Советская делегация, насчитывавшая 33 человека, включала антропологов, этнографов, фольклористов, археологов, историков и философов из Москвы, Ленинграда и ряда других городов. Конгресс продемонстрировал рост общественно-политической активности передовых ученых, работающих в области антропологии и этнографии. Отличительной его чертой было участие этнографов, принадлежащих к тем народам, которые до недавнего времени были лишь объектом изучения со стороны западных ученых (в частности, индейцы США). Впервые конгресс проходил по новой организационной форме: доклады участников не зачитывались, а распространялись заранее и затем обсуждались. Вице-президентом Международного союза антропологов и этнографов был избран В. П. Якимов, а членом секретариата Союза — Ю. В. Бромлей. На конгрессе было принято решение о проведении X МКАЭН в 1978 г. в Дели⁴.

В настоящее время Подготовительный комитет X МКАЭН, возглавляемый профессором Л. П. Видьяртки, завершил разработку программы конгресса⁵. Предполагается, что в Дели с 10 по 16 декабря 1978 г. состоятся заседания симпозиумов и секций, на которых будет обсуждено большинство представленных докладов, а затем с 17 по 20 декабря в Ранчи, Лакнау, Бхубанешваре, Хайдерабаде, Калькутте, Чандигархе, Пуне и Майсоре будут проведены постпленарные заседания. Симпозиумы конгресса группируются по нескольким основным направлениям — антропология и проблемы развития человечества; биология и культура; физическая антропология; социальная антропология; этнолингвистика; палеоэтнография (доисторическая археология) и др. Постпленарные заседания планируется посвятить проблемам происхождения человека, структуре популяций и человеческой изменчивости, биометрическим методам в физической антропологии, проблемам истории первобытности, этнографическому изучению деревенского земледелия, фольклору, при-

³ См.: Ю. П. Аверкиева, С. А. Арутюнов, Ю. В. Бромлей. VIII Международный конгресс антропологических и этнологических наук. — «Сов. этнография», 1969, № 1.

⁴ Ю. П. Аверкиева, Ю. В. Бромлей. IX Международный конгресс антропологических и этнологических наук. — «Сов. этнография», 1974, № 1.

⁵ Информации о X МКАЭН см.: «Сов. этнография», 1975, № 6; 1977, № 5, № 6.

кладной этнографии и т. д. Куратором симпозиума «Процесс этнической интеграции: теоретические и методологические проблемы» будет Ю. В. Бромлей; руководить симпозиумом «Неоэволюционизм и марксизм» приглашена Ю. П. Петрова-Аверкиева.

Подготовка к участию советских ученых в Делийском конгрессе началась весной 1977 г., когда постановлением Бюро отделения истории АН СССР был создан Советский оргкомитет X МКАЭН в составе 20 человек (председатель — академик Ю. В. Бромлей, заместители председателя — С. И. Брук и М. В. Крюков, ученый секретарь — А. Н. Седловская). 16 октября 1977 г. Оргкомитет рассмотрел тезисы докладов, заявленных для участия в X МКАЭН. Для предварительной публикации было отобрано 90 докладов, которые будут изданы в переводе на английский язык в виде четырех сборников («Антропологические исследования в СССР», отв. ред. А. А. Зубов; «Советские исследования в области теоретической этнографии», отв. ред. М. В. Крюков и Л. Е. Куббель; «Общие проблемы этнографии», отв. ред. С. А. Арутюнов; «Проблемы антропологии и этнографии Южной Азии», отв. ред. Г. Г. Котовский и А. Н. Седловская). Кроме того, доклады Ю. В. Бромлея «Культурные аспекты этнического развития в СССР», К. Г. Каракеева «От номадизма к индустриальному прогрессу за полвека (исторический опыт развития республик Советского Востока)» и Ю. И. Семенова «Основные этапы эволюции первобытной экономики» будут опубликованы на ряде иностранных языков в одном из ближайших номеров журнала «Общественные науки и современность» (там же специально для участников конгресса будут помещены обзоры о развитии советской антропологии и этнографии за последние годы, а также рецензии на вышедшие в СССР новые работы по этнографии).

Показательно, что среди авторов представленных докладов — помимо сотрудников Института этнографии АН СССР и Научно-исследовательского института антропологии при МГУ — ученые ряда научных учреждений и вузов Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Казани, Киева, Минска, Тбилиси, Еревана, Риги, Таллина, Вильнюса, Алма-Аты, Фрунзе, Душанбе, Ташкента.

С чем же выступают советские ученые на юбилейном X МКАЭН? Вполне закономерно, что тематика советских докладов, представленных на конгресс, отражает прежде всего те важнейшие направления исследований и вузов Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Казани, Киева, Минска, Тбилиси, Еревана, Риги, Таллина, Вильнюса, Алма-Аты, Фрунзе, Душанбе, Ташкента.

С чем же выступают советские ученые на юбилейном X МКАЭН? Вполне закономерно, что тематика советских докладов, представленных на конгресс, отражает прежде всего те важнейшие направления исследований и вузов Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Казани, Киева, Минска, Тбилиси, Еревана, Риги, Таллина, Вильнюса, Алма-Аты, Фрунзе, Душанбе, Ташкента.

Результаты советских антропологических исследований, предложенные для обсуждения на X МКАЭН, являются свидетельством изменений, которые произошли в этой области науки. Возрос интерес к широким проблемам методологического характера, а также к малоразработанным вопросам, касающимся, в частности, древнейших этапов истории современных человеческих популяций. В ряде докладов рассматриваются возможности дальнейшего расширения и совершенствования арсенала конкретных методических приемов антропологических исследований.

Большая группа докладов советских антропологов посвящена изучению процессов адаптации человеческого организма к среде обитания, в том числе к условиям экстремальных зон. Значительное внимание исследователей привлекают вопросы антропогенеза; сюда относятся доклады, посвященные некоторым аспектам исследования мозга, анатомии мускулатуры и проблем систематики.

Одним из основных направлений советских этнографических исследований является изучение современных этнических процессов у народов мира. В докладах, представленных для обсуждения на X МКАЭН, рассматриваются проблемы, отчасти уже анализировавшиеся в вышедших за последние годы работах, а частично заново сформулированные и исследуемые в новых аспектах. Большинство этих докладов основывается

на обобщении конкретного регионального материала. Анализу подвергнуты, в частности, механизм действия этно-консолидационных процессов у народов советской Средней Азии и Казахстана, проблема влияния научно-технической революции на положение афроамериканцев в США, а также роль интегрирующих факторов в этнических процессах, соотношение билингвизма и бикультуризма и т. д.

Группа докладов посвящена конкретному применению разрабатываемой советскими этнографами концепции хозяйственно-культурных типов к изучению этнической специфики культуры народов мира. Анализируются преимущественно хозяйственно-культурные типы, связанные с кочевым образом жизни: поставлены проблемы взаимодействия кочевого и полукочевого скотоводства, с одной стороны, и оседлого земледелия, с другой; экологических и социокультурных факторов исторической динамики скотоводства; типологии форм скотоводческого хозяйства; особенностей возникновения и развития кочевого скотоводства в отдельных регионах; роли ремесла и городов в кочевом обществе.

Значительное внимание уделено в докладах анализу исторических форм социальной организации народов мира. Рассматриваются, например, теоретические аспекты проблемы соотношения соседства и родства в соседской общине; несколько докладов посвящено вопросам изучения систем терминов родства различных исторических типов (в том числе на материалах народов Сибири и Африки). К этой же группе докладов тесно примыкают представленные вниманию участников X МКАЭН результаты исследований советских этнографов и философов в области политических институтов, возникающих у народов мира на разных этапах их развития. Уделено внимание и проблемам реконструкции истории первобытности по данным этнографии (специфика первобытной экономики, развитие социальной структуры и т. д.).

Значительное место в проблематике докладов занимают вопросы изучения духовной культуры народов мира. Это — исследования мифологии, космогонии, отдельных исторических форм религии в их взаимосвязи с этническим развитием, а также использование такого рода данных в качестве этнографического источника.

На конгресс представлены также доклады, посвященные этнодемографическим проблемам (в частности, анализу этнических факторов рождаемости) и методике этнического картографирования.

За последние годы в советской этнографической науке заметно активизировалось изучение этнического самосознания как одной из важнейших характеристик этноса. В ряде докладов, рекомендованных Оргкомитетом для обсуждения на X МКАЭН, анализируются отдельные аспекты национального (этнического) самосознания, его исторической трансформации в ходе современных этнических процессов.

Поскольку X МКАЭН будет проходить в Индии, около двадцати подготовленных докладов посвящено антропологии и этнографии Южной Азии. Спектр затрагиваемых в них проблем этнической истории весьма широк: от характеристики степных племен Средней Азии II тысячелетия до н. э. (в свете индоиранской проблемы) до тенденций развития национальных отношений в Индии в условиях независимости. В нескольких докладах освещаются итоги антропологических исследований советских ученых в Индии во время проводившихся за последние годы совместных советско-индийских экспедиций, новые результаты осуществляемой в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР работы по дешифровке протоиндийских текстов, анализ некоторых аспектов материальной и духовной культуры народов Южной Азии, а также такие вопросы, как влияние экологических факторов на традиционное общество малых народов Индии, сущность деревенской экзогамии в сельском обществе Северной Индии, система джаджмани как социо-культурное и экономическое явление. Представлены и результаты изучения изменений

в традиционных социальных отношениях индийцев, проживающих за пределами своей страны.

При подведении итогов VIII МКАЭН в свое время отмечалось, что, готовясь к последующим Международным конгрессам антропологических и этнологических наук, необходимо учесть опыт участия советских ученых в этих научных форумах и, в частности, обратить большее внимание на представление докладов методологического, общетеоретического плана⁶. Советский оргкомитет по подготовке к X МКАЭН стремился учесть это обстоятельство и при отборе докладов советских участников отдавал предпочтение широким обобщающим темам, имеющим теоретическое значение. Представляется, что в этом отношении наши доклады, подготовленные для Делийского конгресса, в целом удовлетворяют предъявленным к ним повышенным требованиям. Однако нельзя не отметить, что, к сожалению, проблематика ряда симпозиумов оказалась не представленной в докладах советских ученых.

Работа по подготовке к X МКАЭН продолжается, и нет сомнения в том, что, как и на предыдущих конгрессах, советские ученые достойно представят нашу науку, будут способствовать повышению ее международного престижа и внесут свой вклад в дело расширения международного сотрудничества во имя общего прогресса всего человечества.

⁶ Ю. П. Аверкиева, С. А. Арутюнов, Ю. В. Бромлей. Указ. раб., с. 10.

Н. А. Томилов

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЮЖНОЙ И СРЕДНЕЙ ПОЛОСЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В эпоху развитого социализма в нашей стране неуклонно происходит сближение советских народов, «взаимное обогащение их духовной жизни»¹. Этот процесс сближения народов в нашем социалистическом государстве ярко проявляется в торжестве интернационализма в многообразных сферах советской действительности². Перед советскими учеными стоит задача развернуть широкие исследования разных аспектов современного образа жизни народов СССР³. Данной проблематике посвящены уже отдельные статьи⁴.

В свете решений XXV съезда КПСС представляется важным исследовать тенденции и перспективы развития этнических процессов в нашей стране⁵. Об актуальности постановки и решения таких научных задач этнографы не раз писали, результаты исследований обобщаются в разных работах⁶. Появилось много работ по конкретным регионам и этносам, в том числе и обобщающая монография о современных этнических процессах в СССР⁷.

Изучение направлений современных этнических процессов у народов Сибири заняло важное место в работах советских этнографов. В последние годы появились монографии, отдельные главы в монографиях и те-

¹ Л. И. Брежнев. О проекте Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик и итогах его всенародного обсуждения.— «Правда», 5 октября 1977 г.

² «Великая Октябрьская социалистическая революция и торжество пролетарского интернационализма».— «Сов. этнография» (далее — СЭ), 1977, № 5; Ю. В. Бромлей. Интернациональное и национальное в строительстве социализма.— СЭ, 1977, № 5.

³ Ю. В. Бромлей. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности.— СЭ, 1977, № 1, с. 9.

⁴ Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробизева. Советский образ жизни: общее и национально-особенное.— СЭ, 1976, № 3; Г. Е. Марков. Советский образ жизни и проблемы этнографии.— СЭ, 1976, № 2; *его же*. Этнос, этнические процессы и проблема образа жизни.— «Расы и народы», 7. М., 1977.

⁵ «XXV съезд КПСС и задачи советских этнографов».— СЭ, 1976, № 3, с. 7.

⁶ О разных аспектах изучения современных этнических процессов см.: Т. А. Жданко. Этнографическое изучение процессов развития и сближения социалистических наций в СССР.— СЭ, 1964, № 6; О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева. Исследование семьи в аспекте этнических процессов. М., 1970; Ю. В. Арутюнян. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР.— СЭ, 1972, № 3; К. В. Чистов. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры. Там же; И. С. Гурвич. Современные направления этнических процессов в СССР.— СЭ, 1972, № 4; «Социальное и национальное». М., 1973; Л. М. Дробизева. Об изучении социально-психологических аспектов национальных отношений (некоторые вопросы методологии).— СЭ, 1974, № 4; Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов. К изучению современных этнических процессов в сфере духовной культуры народов СССР.— СЭ, 1975, № 1; С. И. Брук, М. Н. Губогло. Факторы распространения двуязычия у народов СССР (по материалам этносоциологических исследований).— СЭ, 1975, № 5, и др.

⁷ «Современные этнические процессы в СССР». М., 1975 (II изд.— 1977 г.).

матические сборники по этой проблеме⁸. Немало появилось работ, посвященных исследованию языковых, культурно-бытовых и этнических процессов у народов Южной Сибири⁹. Тем не менее разные направления изучения современности требуют еще сбора комплексных данных.

Одной из главных задач Западносибирской историко-этнографической экспедиции Омского университета в 1975—1977 гг. и был сбор материалов для изучения современных этнических процессов у отдельных народов южной и центральной части Западной Сибири¹⁰. Эта работа была начата нами еще в 1969—1973 гг., когда обследовались широко расселенные по всей этой территории разные группы сибирских татар, а также проживающие как совместно с ними, так и обособленно группы поволжско-приуральских татар (в их числе казанские татары, крышени, мишари)¹¹. В 1969 г. были собраны материалы по этническим процессам у чулымских тюрков¹². К настоящему времени получены данные по казахам, шорцам, бочатским телеутам, связанным с сибирскими татарами территориально-соседскими или историческими узами, а также по украинцам юга Омской области.

В результате проведенных работ собраны значительные по объему статистические данные разного рода (выписки из похозяйственных книг сельсоветов, выписки о браках из архивов загсов Томской, Кемеровской, Тюменской и Новосибирской областей, выписки формы 1 в паспортных столах районных отделений милиции городов Томска и Колпашево и ряда сельских районов разных областей, данные почтовых отделений о подписке на различные издания с учетом языка публикаций, материалы сельских библиотек, клубов, школ, редакций газет и других учреждений и организаций), заполнено свыше 9,5 тыс. опросных листов¹³. Кроме того участники экспедиций и этнографических практик наблюдали и фиксировали явления материальной и духовной культуры обычными эт-

⁸ Ч. М. Таксами. Нивхи. Современное хозяйство, культура и быт. Л., 1967; «Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера». М., 1970; В. В. Леонтьев. Хозяйство и культура народов Чукотки (1958—1970 гг.). Новосибирск, 1973; А. В. Смоляк. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1975; Л. В. Хомич. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976, и др.

⁹ Л. П. Потапов. К вопросу о национальной консолидации алтайцев.— СЭ, 1952, № 1; Э. И. Матханова. Бытовые традиции в современных условиях (на материалах Бурятии). Улан-Удэ, 1965; С. М. Бичеоло. Новый быт в тувинской деревне.— «Уч. зап. Тувинского НИИ языка, литературы и истории», вып. 14, Кызыл, 1970; Н. И. Шатинова. Национально-смешанные браки в Горном Алтае (XVIII—XX вв.).— «Уч. зап. Горно-Алтайского НИИ истории, языка и литературы», вып. 11, Горно-Алтайск, 1970; Н. А. Сердобов. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971; М. И. Борбоjakов. Социолого-лингвистические исследования в Хакасии.— «Уч. зап. Хакасского НИИ языка, литературы и истории», вып. 16, Абакан, 1971; «Этнографический сборник», вып. 6. Улан-Удэ, 1974; А. Р. Бадмаев. Языковая ситуация у бурят.— «Вопросы языка и литературы народов Сибири». Новосибирск, 1974; К. Д. Басаева. Преобразования в семейно-брачных отношениях бурят. Улан-Удэ, 1974, и др.

¹⁰ Н. А. Томилов. Основные итоги работы Западносибирской историко-этнографической экспедиции Омского университета.— «Материалы второй научно-методической конференции Омского ун-та». Омск, 1976, с. 18, 19; *его же*. Основные итоги работы Западносибирской историко-этнографической экспедиции Омского университета в 1975—76 гг.— «Материалы третьей научно-методической конференции Омского ун-та». Омск, 1977, с. 190—192. См. также заметки в разделе «Коротко об экспедициях».— СЭ, 1976, № 1, с. 153; 1972, № 4, с. 153, 154.

¹¹ Н. В. Лукина, Н. А. Томилов. О работе проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета.— СЭ, 1971, № 6, с. 167—169; Н. А. Томилов. О работе этнографической экспедиции Томского университета среди сибирских татар.— СЭ, 1974, № 3, с. 154.

¹² Э. Л. Львова. Предварительный отчет по этнографической экспедиции на р. Чулым летом 1969 г.— «Полевые работы 1969 года». Томск, 1969, с. 150—161.

¹³ О содержании опросного листа см.: Н. А. Томилов. Современные этнические процессы у татар городов Западной Сибири.— СЭ, 1972, № 6, с. 88. Количество заполненных анкет составило: по сибирским татарам—4967, по городским татарам Западной Сибири—1523, по поволжско-приуральским татарам—653, по казахам—894, украинцам—820, шорцам—549. В дальнейших экспедициях предполагается продолжение заполнения опросных листов по казахам, шорцам и украинцам.

нографическими методами. Изучались разного рода хозяйственные занятия.

Перспективным представляется исследование семейных родословных (генеалогий) и записей семейных хроник, так как оно дает возможность выявить время начала межэтнических контактов разного уровня (от случайных встреч до брачных связей) и их интенсивность в разные периоды.

Этнографические коллекции, собранные во время полевых работ, помогают при анализе современных этнокультурных явлений. Свыше 1100 экспонатов по Западной Сибири сдано нашими экспедициями в музеи Омска и Томска в 1973—1977 гг. Значительная часть собранных предметов сделана в годы Советской власти. Результаты работы частично опубликованы¹⁴.

Современное население Западной Сибири складывалось на протяжении значительного времени; в него вошли как коренные жители и ранние насельники из Европейской части России, так и более поздние переселенцы из разных концов нашей страны. Подавляющее большинство населения Западной Сибири по переписи 1970 г. составляли русские — 10,5 млн. чел., или 86,9% всех жителей Западной Сибири. К коренному населению относятся алтайцы (55,8 тыс. чел., живут в Алтайском крае и частично в Кемеровской области), шорцы (16,5 тыс. чел., живут в Кемеровской области, частично в Горно-Алтайской и Хакасской автономных областях)¹⁵, сибирские татары (около 90 тыс. чел., проживают во всех областях Западной Сибири за исключением Алтайского края)¹⁶, чулымские тюрки (около тысячи человек, живут главным образом в пределах Томской области и частично в соседних районах Красноярского края)¹⁷. Казахи (93,4 тыс. чел., живут в южных районах Новосибирской, Омской, Тюменской областей и в Алтайском крае)¹⁸ стали появляться на этой территории в основном с XVIII в. Выходцами из Европейской части страны кроме русских являются немцы (395,2 тыс. чел.), украинцы (346,0 тыс. чел.), поволжско-приуральские татары (178,6 тыс. чел.), чуваша (73,1 тыс. чел.), белорусы (70,7 тыс. чел.), мордва (45,1 тыс. чел.)¹⁹ и другие народы — меньшие по численности.

Среди коренного населения Горно-Алтайской автономной области — у алтайцев и шорцев — наблюдается углубление внутренней консолидации²⁰. Из алтайцев мы обследовали бочатских телеутов (их около 2 тыс. чел.)²¹. Выяснилось, что некоторые из них указывают себя в хозяйственных книгах сельских советов татарами. На территории Хакасии обособленная группа шорцев сливается с хакасами. Этот процесс развивается, видимо, здесь издавна. По данным В. П. Кривоногова²², ассимилированных шорцев довольно много в составе сагайцев.

¹⁴ См.: Н. А. Томилов. Процессы сближения томских татар с русским населением. — «Материалы по этнографии Сибири». Томск, 1972; В. Б. Богомолов. Традиции и новации в орнаменте сибирских татар. — «Тезисы докладов Всесоюзной конференции, посвященной этнографическому изучению современности». Москва — Нальчик, 1975; Н. А. Томилов, В. Б. Богомолов, Ю. И. Курочка. Новые материалы по этнографии барабинских татар. — «Из истории Сибири», вып. 16. Томск, 1975; Н. А. Томилов. О некоторых современных этнических процессах у западносибирских татар. — «Проблемы археологии и этнографии», вып. 1, Л., 1977, и др.

¹⁵ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. IV. М., 1973.

¹⁶ Н. А. Томилов. Современные этнические, культурные и бытовые процессы среди сибирских татар. Автореферат канд. дис. М., 1972, с. 1.

¹⁷ Э. Л. Львова. Материалы по изучению шаманизма у коренного населения Среднего Чулыма. — «Некоторые вопросы истории Сибири». Томск, 1972, с. 160.

¹⁸ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. IV.

¹⁹ Там же.

²⁰ Л. П. Потапов. Указ. раб.; В. П. Соколова. Шорцы. — «Вопросы истории», 1974, № 12.

²¹ Численность телеутов Беловского района Кемеровской области подсчитана по хозяйственным книгам сельских советов в 1975 г.

²² Устное сообщение.

И сейчас шорцы, проживающие на западе Аскизского района Хакасской автономной области, часто вступают в смешанные браки с хакасами, а дети из таких семей, как правило, выбирают хакасскую национальность. В то же время у шорцев и бочатских телеутов активно протекают процессы сближения с русскими, но, с другой стороны, здесь, по нашим наблюдениям, растет и национальное самосознание. Это же отмечено нами и у казахов юга Западной Сибири.

Чулымские тюрки частично растворяются среди русских, частично сливаются с хакасами, хотя группа, «...проживающая в Томской области, сохраняет этническое самосознание, родной язык и достаточно выраженную эндогамию брачных связей»²³.

Сибирские татары состоят из нескольких разрозненных этнографических групп — томских, барабинских и тоболо-иртышских татар. Их консолидация в единый этнос не завершилась. В настоящее время сибирские татары образуют несколько отдельных территориально-этнических групп. Видимо, они, так же как и некоторые другие этнические образования в Сибири, представляют собой скорее всего не вполне сформировавшуюся этническую общность, возможно, близкую, но не адекватную народности. Процессы сближения и частичного смешения сибирских татар с поволжско-приуральскими, особенно интенсивно развивавшиеся в первые десятилетия Советской власти, способствовали тому, что в настоящее время сибирские татары входят в татарскую этническую общность видимо, как особая региональная этническая общность более дробного порядка. И все же сибирские татары в большинстве этнических компонентов сохраняют значительное своеобразие. На первое место постепенно выдвигаются процессы сближения их с русским населением²⁴.

Украинцы и белорусы в Западной Сибири наиболее активно интегрируются сейчас с русскими. Об этом свидетельствует и уменьшение их численности. Так, например, численность украинцев в этой части Сибири сократилась с 449,6 тыс. чел. в 1959 г. до 346,0 в 1970 г.²⁵ Сближение их и белорусов с русскими проходит, видимо, быстрыми темпами²⁶. Интересно, что этот процесс быстрее развивается в сельской местности, а не в городской. Так, в промежуток между двумя последними переписями населения в городах число украинцев сократилось на 5,6%, а в сельской местности — на 35%. Такая разница объясняется отчасти миграциями украинцев из сел в города, но также и растворением их среди русских именно в сельских районах.

Пришлые поволжско-приуральские татары и их потомки смешиваются с сибирскими татарами в районах их расселения. Наши полевые материалы, и в первую очередь генеалогии, показывают, что большая часть детей из таких смешанных семей считает себя коренными сибирскими татарами. Казанские татары и другие группы поволжских татар, как и многие другие выходцы из Европейской части страны и их потомки в Сибири, активно контактируют с русскими и частично сливаются с ними.

В целом для юга Западной Сибири характерно чересполосное расселение этнических групп и народов. Это в значительной степени определяет бурное развитие здесь этнических процессов. Наиболее компактно расселены шорцы и алтайцы, но и они проживают чересполосно с рус-

²³ Э. Л. Львова. Предварительный отчет по этнографической экспедиции на р. Чулым летом 1969 г., с. 160.

²⁴ Н. А. Томилов. О некоторых современных этнических процессах у западносибирских татар.

²⁵ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР». М., 1963; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. IV.

²⁶ См. об этом: А. Л. Колесников. О национальном составе населения Омской области.— «Материалы к третьему научному совещанию географов Сибири и Дальнего Востока». Омск, 1966; В. И. Переведенцев. Взаимосвязь миграции населения и этнического сближения народов в современных условиях.— «Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе». Новосибирск, 1967, и др.

скими. Такое расселение наблюдается и в районах прямых этнических контактов у сибирских и поволжско-приуральских татар, у казахов и барабинцев — одной из групп сибирских татар (в 1960-е годы смешанные браки между ними составили 8% всех браков барабинцев), у шорцев и хакасов. У шорцев с телеутами, у украинцев с татарами и казахами связи слабее. Барабинские и томские татары указывают на шорцев и бочатских телеутов как на родственные этносы, но регулярных связей с ними не поддерживают.

Миграции вызвали появление в советский период большого количества смешанных в этническом плане сельских населенных пунктов. Так, в Омской области много поселений, где совместно проживают русские с чувашами, татарами, немцами, эстонцами, финнами, украинцами, казаками и др., немцы с украинцами, казаками, эстонцами, латышами, чувашами с латышами, казахи с белорусами и т. д. В с. Хортицы Нижнеомского района проживают представители 15 народов СССР²⁷. Число таких селений растет год от года. Постепенно изменяется национальный состав прежде однопациональных деревень, что способствует развитию этнических контактов и в районах Кузбасса²⁸. А с усилением этих контактов исчезает и разделение поселений на «концы», в которых обособливались национальные группы. Так, например, теперь в сибирско-татарских деревнях нет «концов» коренных татар, пришлых татар и русских²⁹.

В целом в этой части Западной Сибири миграции населения резко увеличились, особенно среди южных групп сибирских татар, украинцев, казахов. Индивидуальные переселения в соседние и отдаленные села, в русские селения (а русских соответственно в инонациональные поселки), в города приняли регулярный характер. Увеличились связи сельских жителей с городскими, в частности контакты с городскими родственниками. Например, регулярные связи с родственниками, живущими в городской местности, поддерживают 35% томских татар и 15% шорцев. Все это приводит к более интенсивному развитию этнических процессов в настоящее время.

На современный этнический облик разных групп населения данной области оказывает влияние урбанизация. До революции, по данным переписи населения 1897 г., в Томской губернии горожане составляли 7,1%. Среди тюркоязычных народов насчитывалось в этой губернии 2,4%, а в Тобольской 2,8% городских жителей. При этом коренных сибирских татар в городах было ничтожно мало. Так, из барабинцев только один человек жил в городе, а в целом доля горожан коренных тюрков в двух губерниях составила 21,1% всех городских татар. Остальные были в основном переселенцами. В городах проживали 1,1% всей численности казахов, 1,7% — чувашей³⁰.

Доля городского населения в советский период возросла у всех народов и этнических групп. У татар она поднялась с 48,6% в 1959 г. до 53,3% в 1970 г., украинцев, соответственно с 48,2 до 59,2% и т. д. Среди всего населения Западной Сибири в 1970 г. она составила 61,4%. Более половины горожан у русских (63,6%), белорусов (68,8%), мордвы (54,6%) и др., менее половины у шорцев (48,1%), чувашей (40,7%), немцев (34,4%), менее 20% у казахов (19,2%), алтайцев (10,6%). В городах, как правило, этнические процессы протекают гораздо интенсивнее, чем в сельской местности. В Западной Сибири они исследованы

²⁷ О. Осипов. По пути сближения и расцвета.— Газ. «Омская правда», 13 октября 1976 г.

²⁸ А. А. Мытарев. Некоторые данные о национальном составе населения Кузбасса.— «Вопросы географии Кузбасса и Горного Алтая», вып. 2. Кемерово, 1968, с. 22—25.

²⁹ Н. А. Томилов. Процессы сближения томских татар с русским населением, с. 129.

³⁰ С. К. Патканов. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. 1. СПб., 1912.

лишь у городских татар, среди которых налицо прорыв эндогамности (по терминологии Ю. В. Бромлей³¹), выразившийся в низкой степени однонациональных браков (42% в 1956—1964 гг.)³².

Количество межэтнических браков увеличивается у всех народов и групп, хотя их процент у разных этносов разный. Так, тенденция к росту таких браков четко фиксируется у сибирских татар (табл. 1). Почти три четверти их составляют браки с русскими; довольно часто барабинские и тарские татары вступают в браки с казахами. Видимо, еще выше доля межнациональных браков стала у татар в 1970-х годах. Так, в Омской области в 1970—1973 гг. она составила 14,5% от всех браков. Немцы и украинцы в Западной Сибири имеют очень высокий процент национально-смешанных браков (в Омской области в 1970—1973 гг. соответственно 34,0 и 82,8%), украинцы в сельской местности практически растворяются среди русского населения. Применяя статистическую теорему умножения вероятностей³³ (по ряду районов Омской области), можно утверждать, что при выборе супруга для украинцев национальная принадлежность не имеет никакого значения. В вариантах браков с русскими фактическая частота их даже превышает теоретическую вероятность заключения. Украинцы активно вступают в браки также с немцами.

При довольно значительной численности казахов число национально-смешанных браков у них невелико. В 1970—1973 гг. в Омской области из всех вступивших в брак казахов лишь 3,7% заключили браки с лицами других национальностей. В основном в межнациональные браки они вступают с татарами, реже с русскими.

При рассмотрении браков шорцев Кемеровской области по двум сельским районам (Таштагольскому и Кузедеевскому, вошедшему в начале 1960-х годов в состав Новокузнецкого района) выяснилось, что процент национально-смешанных браков возрос с 23 в 1931 г. до 35,7 в 1950 г., а в последующее десятилетие снизился до 16,5, при этом само число межэтнических браков почти не изменилось (см. табл. 2). В 1971—1972 гг. доля межэтнических браков у шорцев составила 17,1%. Это явление в значительной степени может быть объяснено тем, что в послевоенный период среди шорцев получил признание гражданский брак (как это было и у других народов нашей страны)³⁴, до этого однонациональные браки ими часто не регистрировались. Среди смешанных браков у шорцев на первом месте стоят браки с русскими (10,8% от всех браков в 1956—1960 гг.). В последние годы увеличился процент браков шорцев с хакасами и алтайцами (с 1,4 в 1956—1960 гг. до 15,3 в 1971—1972 гг.).

Национально-смешанные браки алтайцев были изучены Н. И. Шатиновой в районах Горного Алтая³⁵. Что касается бочатских телеутов Кемеровской области, то доля межэтнических браков у них составила в 1971—1972 гг. 46,1% от всех браков, в то время как в 1950—1961 гг. она держалась на уровне 22—26%. Из межнациональных браков у телеутов на первом месте находятся браки с русскими. Кроме них встречаются браки с татарами, шорцами, чувашами, отдельно фиксируются и браки с алтайцами Горного Алтая.

Представляет интерес выбор национальности подростками из национально-смешанных семей. По данным похозяйственных книг сельсоветов Омской области 1976 г., в семьях, где один из супругов украинец, а дру-

³¹ Ю. В. Бромлей. Этнос и эндогамия.— СЭ, 1969, № 6.

³² Н. А. Томилов. Современные этнические процессы у татар городов Западной Сибири, с. 87—97.

³³ О. А. Ганцкая, Г. Ф. Дебец. О графическом изображении результатов статистического обследования межнациональных браков.— СЭ, 1966, № 3.

³⁴ Я. С. Смирнова. Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкессии.— СЭ, 1967, № 1, с. 138.

³⁵ Н. И. Шатинова. Указ. раб.

Число и состав браков у сибирских татар *

Годы	Всего браков	Смешанные браки							
		число	% от всех браков	муж татарин, жена русская		муж русский, жена татарка		прочие	
				число	% от смешан. браков	число	% от смешан. браков	число	% от смешан. браков
1927—1940	1683	56	3,3	26	46,4	3	5,4	27	48,2
1941—1950	1921	108	5,6	42	38,9	13	12,1	53	49,0
1951—1960	2835	174	6,1	76	32,8	41	23,6	57	43,6
1961—1963	746	63	8,4	23	36,5	23	36,5	17	27,0

* В подсчеты включены данные записей о браке Тюменского областного архива загса по Вагайскому, Нижнетавдинскому, Тобольскому, Тюменскому и Ялutorовскому районам; Новосибирского областного архива загса по Барабинскому, Каргатскому, Колыванскому, Куйбышевскому и Чановскому районам; Томского областного архива загса по Томскому району; Кемеровского областного архива загса по Юргинскому и Яшкинскому районам.

Таблица 2

Однонациональные и национально-смешанные браки у шорцев

Годы	Всего браков	Однонациональные		Национально-смешанные	
		число	%	число	%
1931—1935	161	124	77,0	37	23,0
1936—1940	221	160	72,4	61	27,6
1941—1945	92	63	65,2	29	34,8
1946—1950	249	160	64,3	89	35,7
1951—1955	402	320	79,8	82	20,2
1956—1960	515	430	83,5	85	16,5

Таблица 3

Национальные установки сельского населения Западной Сибири
(% опрошенных)

Национальные установки	Сибирские татары (4967*)	Казахи (894*)	Шорцы (549*)	Украинцы (820*)
Считают, что национальный состав коллектива не имеет никакого значения	86	78	89	93
Считают, что в разнонациональном коллективе работать сложнее	7	15	8	1
Положительно относятся к межэтническим бракам	62	32	80	78
Предпочитают брак с людьми своей национальности	32	65	14	14

* Абсолютное число опрошенных.

гой немец, белорус или представитель другой национальности (кроме русских), известное предпочтение при определении национальности отдается украинской, а в семьях, где один из супругов русский, дети чаще записывают себя русскими.

Более объективные данные об определении подростками из межэтнических семей своей национальной принадлежности, как известно, дают выписки формы 1 в паспортных столах районных отделений милиций³⁶. По этим данным, в пяти районах Кемеровской, Новосибирской, Том-

³⁶ Л. Н. Терентьева. Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях.— СЭ, 1969, № 3.

ской и Тюменской областей во второй половине 1960 — начале 1970-х годов 77,5% подростков из русско-татарских семей выбрали русскую национальность. Надо заметить, что и в тех случаях, когда один из родителей казах, узбек, украинец или немец, подростки чаще всего выбирают не татарскую национальность. Большинство же выходцев из татарско-чувашских и татарско-башкирских семей, наоборот, принимает татарскую национальность. В городах сближение татар с русскими происходит гораздо интенсивнее, так как там больший процент межэтнических семей. В 1961—1969 гг. русскую национальность избрали свыше 80% подростков из таких семей³⁷. Такого же уровня показатели у украинцев, белорусов, немцев.

Выписки формы 1 паспортного стола Таштагольского района Кемеровской области по шорцам показали, что в 1968—1975 гг. русскую национальность приняли 82,1% подростков из русско-шорских семей, а алтайскую и кумандинскую — 55,6% из шорско-алтайских и шорско-кумандинских семей.

Все эти данные свидетельствуют об активной смене этнического самосознания у некоторых групп разных народов. За годы Советской власти полностью растворились среди русских группа обских татар³⁸ и в их числе так называемые карагасы Томской области³⁹, группа чулымских тюрок, проживающих в Красноярском крае⁴⁰, значительная часть калмаков — потомков телеутов, входивших в состав томских татар.

О развитии положительных тенденций в отношениях между людьми разных национальностей, о возможном увеличении дальнейшего смешения населения в южных районах Западной Сибири свидетельствуют данные национальных установок (табл. 3)⁴¹. В целом национальные установки разных народов Западной Сибири свидетельствуют об интернационализации их мировоззрения.

Важным объективным показателем динамики современных этнических систем являются этноязыковые процессы. В советский период возникли алтайский и шорский литературные языки, углубляется языковая консолидация алтайцев⁴². У сибирских татар завершилось формирование томского диалекта, в целом происходило сближение диалектов между собой и с языком поволжско-приуральских татар⁴³. В районах прямых контактов казахов и татар происходит сближение их языков и образование своеобразных смешанных говоров. Гражданам разных национальностей обеспечены возможности для обучения детей на языке своей национальности. Так, например, в Омской области действуют сейчас 21 татарская, 19 немецких, 14 казахских национальных школ⁴⁴.

Важным направлением этноязыковых процессов является распространение среди народов и этнических групп Западной Сибири русского языка в качестве второго. Значительная часть нерусского населения считает русский язык родным. Высокие показатели здесь у белорусов, украинцев, мордвы, немцев, чувашей, шорцев, татар, более низкие — у ка-

³⁷ Н. А. Томилов. Современные этнические процессы у татар городов Западной Сибири, с. 95, 96.

³⁸ А. П. Дульзон. Диалекты татар-аборигенов Томи.— «Уч. зап. Томского гос. пед. ин-та», т. XV, 1956, с. 297, 306.

³⁹ Н. В. Лукина, Г. И. Пелих. К вопросу о «карагасах» Томской области.— «Сборник научных работ исторических кафедр». Томск, 1963, с. 162—173.

⁴⁰ Э. Л. Львова. Предварительный отчет по этнографической экспедиции на р. Чулым летом 1969 г., с. 160, 161.

⁴¹ О национальных установках см.: Л. М. Дробизева. Указ. раб.; *ее же*. Социально-культурные особенности личности и национальные установки.— СЭ, 1971, № 3, и др.

⁴² Л. П. Потапов. К вопросу о национальной консолидации алтайцев.

⁴³ С. М. Исхакова. К вопросу о взаимоотношении языка татар-аборигенов Сибири и казанских татар.— «Из истории Сибири», вып. 16. Томск, 1975; Д. Г. Тумашева. Язык сибирских татар, ч. II. Казань, 1968; Н. А. Томилов. О некоторых современных этнических процессах у западносибирских татар, и др. работы.

⁴⁴ О. Осипов. Указ. раб.

захов и алтайцев (см. табл. 4). Доля назвавших родным языком русский у горожан как правило, выше, чем у сельского населения. Обратная картина наблюдается лишь у украинцев. Фиксируется и увеличение числа людей, назвавших родным языком русский. Так, например, если в 1959 г. среди татар таких было 9,6%, то в 1970 г. этот показатель поднялся до 16,3%. Что касается степени свободного владения русским языком, то она довольно высока у всех народов (свыше 80%), за исключением алтайцев и казахов (табл. 4).

Таблица 4

Распределение населения Западной Сибири по языку (в %)

Народы	Считают родным языком						Свободно владеют русским языком		
	язык своей национальности			русский язык					
	городское и сельское	городское	сельское	городское и сельское	городское	сельское	городское и сельское	городское	сельское
Алтайцы	89,7	73,2	91,7	10,2	26,7	8,3	65,4	93,0	62,2
Белорусы	35,9	33,7	40,9	63,9	66,2	59,0	97,3	97,4	97,2
Казахи	93,7	86,4	95,5	6,2	13,4	4,5	73,2	89,7	69,3
Мордва	53,9	46,3	63,1	46,1	53,7	36,8	95,2	96,6	93,5
Немцы	61,8	48,8	68,6	38,1	51,1	31,4	93,1	96,8	91,2
Татары	83,6	75,0	93,5	16,3	25,0	6,3	83,9	91,0	73,3
Украинцы	37,7	40,2	34,8	62,0	59,7	65,2	94,8	95,8	93,4
Чуваши	62,0	49,2	69,6	37,9	48,8	30,3	92,9	95,6	90,9
Шорцы	76,6	62,3	74,2	23,4	37,6	10,2	85,9	93,3	79,0

Велика функциональная роль русского языка в жизни многих этнических групп Западной Сибири. Данные о соотношении использования его и языка своей национальности народами Сибири были собраны сотрудниками Сибирского отделения Академии наук СССР и частично опубликованы⁴⁵. Исследования показали, что у 85% алтайцев в семье в качестве основного разговорного языка используется алтайский, а в общении за пределами семьи «...алтайским языком пользуется 59% населения (46% мужчин и 67% женщин), алтайским и русским — 18% и только русским 23%»⁴⁶. 66% опрошенных алтайцев высказались за обучение в начальной школе на алтайском языке или на алтайском и русском⁴⁷.

У сибирских татар в быту однопациональных семей особенно широка сфера использования татарского языка, при общении же на производстве, с друзьями, при переписке значительную роль играет русский язык — в этих ситуациях его использует больше половины всех опрошенных татар⁴⁸. Ныне русский язык выполняет роль второго разговорного языка во время речевых контактов не только с русскими, но часто и между самими татарами. Такого рода языковые ситуации характерны в наши дни и для шорцев, и для бочатских телеутов. У казахов, особенно в сельской местности в условиях однопациональных сел, казахский язык господствует почти безраздельно, но и у них повышается степень использо-

⁴⁵ В. А. Аврорин. Опыт изучения функционального взаимодействия языков у народов Сибири. — «Вопросы языкознания», 1970, № 4; «Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе»; «Сбор и разработка материалов социолого-лингвистических исследований Сибири». Новосибирск, 1969; Ю. Б. Стракач, В. А. Туголуков. Социолого-лингвистические исследования в Сибири. — СЭ, 1969, № 3, и др.

⁴⁶ В. А. Аврорин. Социолого-лингвистическое изучение функционального взаимодействия языков народов Сибири. — «Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе», с. 38, 39.

⁴⁷ Там же, с. 40.

⁴⁸ Н. А. Томилов. Процессы сближения томских татар с русским населением, с. 131, 132.

вания русского языка, особенно в производственной сфере. У украинцев русский язык употребляется чрезвычайно активно и часто играет главную роль в общении как между собой, так и с русскими и представителями других национальностей. На вопрос, нужно ли детям преподавать украинский язык в школе, 59,3% украинцев ответили положительно, но ни один из информаторов не выразил желания учить своих детей в национальной школе как в начальной, так и в средней.

Этнокультурными процессами считают обычно изменения, которые происходят в материальной и духовной культуре. Видимо, к этнокультурным процессам (может быть, в узком смысле слова) следует отнести те из этих изменений, которые связаны в первую очередь с этнической спецификой, с этнокультурным обликом конкретных этнических общностей, т. е. изменения, происходящие прежде всего в традиционно-бытовой культуре. Вероятно, возможно и более расширительное толкование понятия «этнокультурные процессы», куда входят любые изменения в области культуры и этнической общности. И может быть, это имеет смысл, поскольку грань между традиционными и новыми явлениями в общем-то всегда исторична. То же можно сказать, наверное, и об этнодифференцирующих свойствах предметов и явлений культуры. Новации, как правило, в начальные моменты своего распространения и существования у какого-либо этноса не имеют этнических свойств. Но при более длительном бытовании они могут стать традициями и приобрести их свойства.

Следует заметить, что в целом благодаря монографическим исследованиям культуры коренных народов Южной Сибири можно выявить в ней традиционно-бытовой пласт. Но обнаруживается недостаточная изученность отдельных сторон или даже всей культуры некоторых этнических групп и народов Западной Сибири — казахов, белорусов, украинцев, немцев, мордвы, чувашей, латышей, эстонцев и многих других. Поэтому важным представляется собрать полевой этнографический материал по этим группам как можно скорее. Имея такого рода данные по всей группе этносов какой-то одной зоны, можно успешно изучать и судьбы традиционно-бытовой культуры на современном этапе. Примеров этому достаточно в нашей литературе⁴⁹.

В целом собранные нашими этнографическими экспедициями данные (они станут объектом специальной работы) свидетельствуют, что этническая специфика изученных народов Западной Сибири утрачивается прежде всего в некоторых сферах материальной культуры — орудиях труда, жилище, одежде (табл. 5). Стандартизованные фабрично-заводские изделия распространяются здесь, как и у других народов нашей страны⁵⁰, весьма интенсивно. В связи с укрупнением сельских поселений, с окончательным переходом алтайцев на оседлый образ жизни изменились типы поселений, распространился уличный линейный план.

Из табл. 5 видно, что традиционных черт больше в казахских жилищах, 30% опрошенных казахов отметили их прежде всего в интерьере. И в одежде более прочно этническая специфика удерживается у казахов. Почти совсем не сохранилось национальных черт в одежде, обуви и головных уборах у сибирских татар, украинцев, шорцев. У бочатских жетелеутов женщины, в том числе и молодые, часто носят национальные распашные халаты, кожаные сапоги на мягкой подошве, реже накосные украшения.

⁴⁹ См., например: Г. П. Васильева. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969; «Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани». М., 1967; Л. Ф. Моногарова. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972; А. В. Смоляк. Указ. раб.; Л. Н. Терентьева. Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском Севере СССР. — СЭ, 1972, № 5, и др.

⁵⁰ Ю. В. Бромлей. Интернациональное и национальное в строительстве социализма, с. 17.

Традиционные черты долгие сохраняются в хозяйственных постройках и пище. Отметим, что само по себе знание национальных блюд (табл. 5) не свидетельствует о том, что их готовят повседневно. Например, 98% из 1479 опрошенных томских татар знают блюда своей национальной кухни. Но в будни их готовят в 19% семей, в воскресные дни — в 28%, в праздничные — в 64% и лишь в дни семейных событий — в 80% семей опрошенных, а почти 18% татар совсем не готовят этих блюд. Таким образом, можно констатировать, что уровень народных знаний об этой стороне материальной культуры, впрочем, как и об остальных, выше, чем применение этих знаний на практике. Такой разрыв у шорцев, телеутов, украинцев выражен еще сильнее.

Некоторые черты, характеризующие материальную культуру, как бы переходят в наши дни в область духовной культуры. Сведения о них хранятся в народной памяти, в фольклорных сюжетах; они отображаются в народном изобразительном искусстве (особенно у казахов и татар), используются в национальных костюмах для художественной самодетальности; старинные вещи сберегаются в качестве реликвий.

Таблица 5

Отношение к традиционной культуре у народов Западной Сибири
(показатели опросных листов, % опрошенных)

Вопросы анкеты	Казахи (894*)	Сибирские татары (4967*)	Украинцы (820*)	Шорцы (649*)
Сохраняются традиционные черты в жилище	35	20	18	1
Сохраняются традиционные черты в одежде	37	6	5	5
Знают четыре и более национальных блюд	52	41	47	6
Не знают национальных блюд	7	10	13	22
Обычно читают газеты и журналы				
на языке своей национальности	43	22	27	—
на русском языке	61	65	88	70
Предпочитают смотреть самодеятельные спектакли				
на языке своей национальности	43	75	45	14
на русском языке	39	37	59	75

* Абсолютное число опрошенных.

Конкретные материалы фиксируют расцвет разных сторон духовной культуры всех народов Западной Сибири. Это особенно заметно в устном народном творчестве, в народном декоративном искусстве, в народной музыке, хореографии, в народных знаниях. И хотя здесь тоже налицо ослабление национальной специфики, именно в этих сферах традиционно-бытовой культуры этнический колорит выражен гораздо сильнее, чем, например, в материальной культуре, и даже семейной обрядности. Сохраняется целый ряд и религиозных пережитков, хотя в значительной степени религиозные верования фактически «перекочевали» в область народных знаний о них.

Любовь к национальным видам народного творчества выразилась и в отношении к старинным народным песням, к самодеятельным спектаклям и концертам. Так, почти половина опрошенных украинцев предпочитает их в исполнении на родном языке, у татар — 75%, а у казахов — 43% (табл. 5). Любят петь и слушать старинные национальные песни 69% томских татар.

Культурное взаимообогащение⁵¹ особенно заметно, например, с давних времен у казахов и сибирских татар⁵². К общим сходным элементам

⁵¹ Л. В. Хомич считает взаимообогащение основным и наиболее прогрессивным направлением в этнических процессах (Л. В. Хомич. О содержании понятия «этнические процессы». — СЭ, 1969, № 5, с. 85, 86).

⁵² Ф. Т. Валиев. К этнической истории тарских татар. — «Из истории Сибири», вып. 16, с. 217.

их традиционно-бытовой культуры относятся камзолы, ряд головных уборов (тюбетейки, зимние шапки — такыя, тумак и др.), сапоги на мягкой подошве, национальные блюда — баурсаки, парамечи, кумыс, айран, сыр курт и др., сходные фольклорные сюжеты о народных богатырях, криволинейные геометрические орнаменты, похожие способы лечения в народной медицине и др.

У шорцев, хакасов, телеутов и сейчас сохранилось немало общего в орудиях труда, жилищах, средствах передвижения, одежде, пище, музыкальных инструментах. Отдельные моменты культурного взаимовлияния отмечены нами у казахов и украинцев. Коренные сибирские татары заимствовали отдельные черты культуры у поволжско-приуральских татар и бухарцев, но многие из них считают эти черты своими национальными и ошибочно полагают, что эти черты — местные по происхождению и издавна существуют в их культуре.

Общие черты в культуре и быте народов Западной Сибири распространяются также благодаря процессам культурного влияния и взаимообогащения между ними и русскими. Степень инфильтрации комплекса культуры русских среди разных групп неодинакова. Так, украинцы юга Омской области в культурном отношении ассимилируются русскими. Аналогичные процессы активно развиваются среди татар, шорцев, телеутов. У казахов в целом сохраняется значительная часть национальных черт, но и у них активно проходит адаптация к формам культуры русских. Всюду наблюдается проникновение общих интегрированных черт общесоветской культуры, модернизация этнокультурного облика.

Районы южной и центральной полосы Западной Сибири, население которых и обследуется нами, являются фактически частью большой историко-этнографической области Южной Сибири. Здесь, как и в других историко-этнографических областях нашей страны, проходят более общие процессы складывания региональных культурных общностей⁵³, хотя они охватывают не все группы населения. Эта проблема должна стать предметом специального исследования, отметим пока лишь самые общие моменты. На юге Сибири можно выделить два региона тюркских культурных общностей: Саяно-Алтайское нагорье (алтайцы, шорцы, хакасы, тувинцы, тофалары) и, видимо, узкую полосу, вытянутую от Зауралья до бассейна Томи и Средней Оби (сибирские татары, бухарцы, северные казахи, пришлые поволжско-приуральские татары и их потомки). На этой же территории складывалась и общность славянских групп (русских, украинцев, белорусов).

В современных условиях в Западной и Южной Сибири процессы становления региональных культурных общностей не являются ведущими. В настоящее время превалирует распространение форм общесоветской культуры, оно и понижает значение этих процессов. Здесь, как и всюду в нашей стране, общая интегрирующая тенденция в развитии культуры преобладает, доминирующую роль играет общий фонд культуры советского народа.

⁵³ Ю. В. Бромлей. К вопросу об особенностях этнографического изучения современных общностей, с. 11; В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко. Основные направления этнических процессов у народов СССР.— СЭ, 1961, № 4, с. 20—22; И. С. Гурвич. Некоторые проблемы этнического развития народов СССР.— СЭ, 1967, № 5, с. 76, 77; его же. Современные направления этнических процессов в СССР.— СЭ, 1972, № 4, с. 28; его же. Этнокультурное сближение народов СССР.— СЭ, 1977, № 5, с. 26—36.

CONTEMPORARY ETHNIC PROCESSES AMONG PEOPLES INHABITING THE SOUTHERN AND MIDDLE ZONE OF WEST SIBERIA

In the southern and middle zone of West Siberia ethnic processes are at present taking place both among the area's indigenous peoples (Altayans, Shors, Khakass, Siberian Tatars, Chylum Turkis) and among the numerous Ukrainians, Belorussians, Kazakhs and other peoples whose, main ethnic territories lie outside this region. The main trends in contemporary ethnic processes among these peoples are: further consolidation of the Altayans and the Shors; consolidation of the Siberian Tatars with the Volga and Urals Tatars, assimilation of a certain part of the Shors by the Khakass, closer ties of all the peoples and groups of the zone with the Russians. These processes may be clearly traced through the patchy settlement of the various ethnic groups, more migration, increase in inter-ethnic marriages, a larger number of changes in ethnic self-awareness, in ethnic-national orientation, in ethnolinguistic and ethnocultural processes.

Б. М. Эккель

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ В УДМУРТСКОЙ АССР

Всесоюзная перепись населения 1970 г. еще раз подтвердила, что в СССР неуклонно продолжает расти число национально-смешанных семей. Это явление в известной степени отражает расширяющиеся сотрудничество и сближение народов СССР, представляет собой одно из свидетельств углубления развернувшихся этнических процессов. Межнациональные браки выступают в качестве индикатора этнических контактов и межнациональных отношений в этноконтактных зонах. Данные переписей населения, ряд форм отчетности статистических управлений, первичные материалы архивов загсов и паспортных столов милиции позволяют нарисовать примерную картину развития этнических контактов по отдельным этносам и всему населению как во временном, так и в пространственном аспектах. Несмотря на некоторые сложности в сборе и использовании такого материала, связанные с различной длиной динамических рядов межнациональных браков по территориально-административным единицам, сложностью учета изменений их границ, частой несопоставимостью численности населения и площади его расселения и с рядом других моментов, массовый характер статистических данных делает их незаменимым (хотя и косвенным) источником информации о ходе этнических контактов на обширных территориях.

В настоящее время накоплен значительный опыт изучения проблем, связанных с национально-смешанными браками (рождаемостью в национально-смешанных семьях, национальным самоопределением подростков по достижении совершеннолетия и др.). Разработаны теоретические основы анализа статистического материала (О. А. Ганцкая, Г. Ф. Дебец, Ю. И. Першиц, М. В. Птуха, Я. С. Смирнова, Л. Н. Терентьева, Л. Ф. Моногарова, А. В. Козенко и др.), имеется обширная литература, отражающая этнические аспекты семейно-брачных отношений по отдельным городам и районам нашей страны¹.

Особый интерес для исследователя этнических контактов представляют сравнительно густонаселенные территории чересполосного расселения этносов, обладающих давними традициями межнационального общения. Наиболее типичны в этом отношении автономные республики Поволжья и Приуралья². Мы проанализируем имеющиеся у нас статистические материалы, характеризующие ход этнических контактов в од-

¹ Результаты многолетних исследований в этой области в наиболее полном виде представлены в монографии Института этнографии АН СССР «Современные этнические процессы в СССР» (М., 1975) в главе «Семья — микросреда этнических процессов», написанной О. А. Ганцкой и Л. Н. Терентьевой, а также в работе: В. И. Козлов. Национальности СССР. М., 1975.

² Л. Н. Терентьева. Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском Севере СССР. — «Сов. этнография», 1972, № 6.

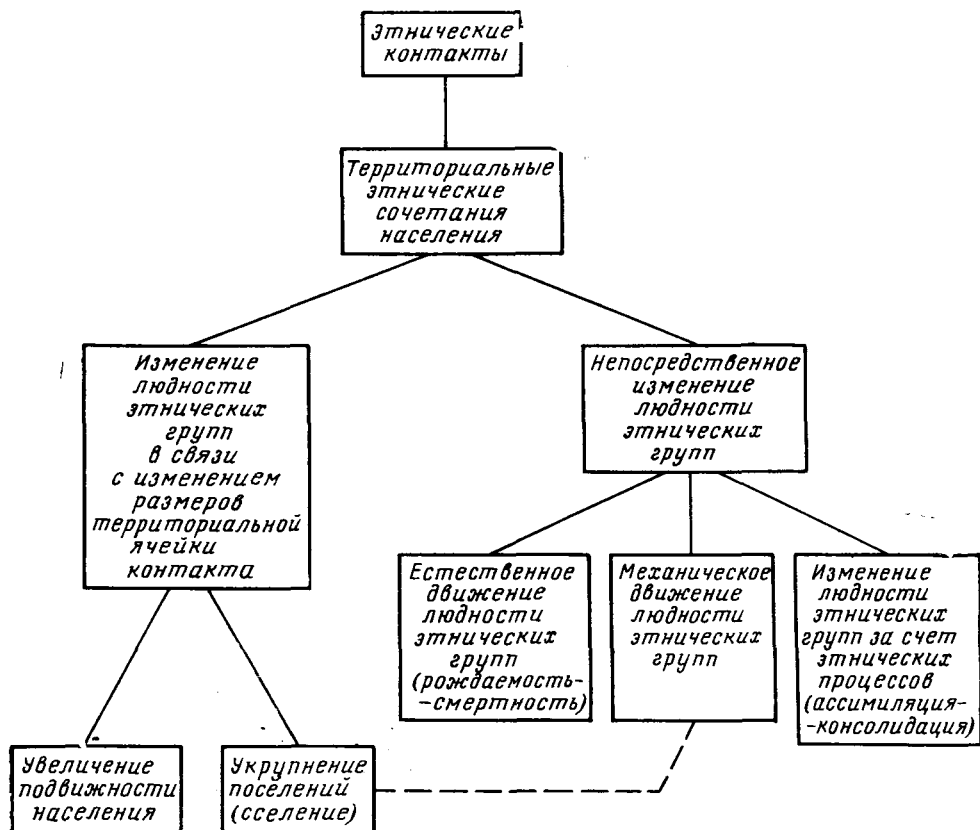

Рис. 1. Факторы, влияющие на изменение вероятности этнических контактов при их независимости от этнической принадлежности вступающих в контакт

ной из этих республик — Удмуртской АССР, сосредоточив основное внимание на динамике и пространственной дифференциации этнических контактов, влиянии на интенсивность этнических контактов особенностей расселения и количественного соотношения этнических групп (рис. 1).

Удмуртская АССР имеет довольно сложный этнический состав населения. Согласно материалам Всесоюзной переписи населения 1970 г., здесь проживало 484 тыс. удмуртов (34,1% всего населения Удмуртии), 810 тыс. русских (57,1%), 40 тыс. татар (6,1%), а также небольшие группы украинцев, марийцев, белорусов, немцев, чувашей и башкир (см. табл. 1). Пестрота этнического состава Удмуртии в совокупности с тем фактом, что коренная национальность составляет лишь чуть более 1/3 населения республики, во многом определяет особенности этнических контактов в этом районе. Индекс мозаичности этнического состава населения Удмуртской АССР в 1970 г., рассчитанный по методике автора³ для всего населения республики, был равен 0,5538. За период 1959—1970 гг. он увеличился на 0,0062. Это небольшое увеличение мозаичности в основном вызвано некоторым повышением доли татар в общей численности населения республики. Мозаичность национального состава

³ Б. М. Эккель. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР. — «Сов. этнография», 1976, № 2. Формула индекса мозаичности национального состава населения в иной математической форме под названием «социоэтнической плотности» предложена Э. Пясецким (E. Piasecky. Charakterystyka liczebności ludów świata i próba analizy zawartości etnicznej terytoriów. — «Czasopismo geograficzne», 1964, t. 35, z. 1, s. 73—85).

в Удмуртской АССР несколько меньше, чем в большинстве автономных республик Поволжья и Приуралья.

Как мы уже указывали⁴, в идеале первичной ячейкой статистического изучения этнических контактов должны выступать элементарные территориальные ячейки интенсивных контактов населения (ЭТЯ). ЭТЯ представляет собой реальный для населяющих его жителей, фактически сложившийся комплексный район, объединяющий в себе места их жительства, работы и (или) учебы, отдыха и обслуживания. При существующей тенденции концентрации различных видов деятельности в большинстве случаев ЭТЯ довольно хорошо разграничиваются. В пределах ЭТЯ

Таблица 1

Национальный состав Удмуртской АССР

Народы	1959 г.		1970 г.		1970 г., % к 1959 г
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	
Русские	759	56,7	810	57,1	106,7
Удмурты	476	35,6	484	34,1	101,7
Татары	72	5,4	87	6,1	121,2
Украинцы	7	0,6	10	0,7	136,5
Марийцы	6	0,5	8	0,7	122,5
Чуваши	2	0,2	3	0,2	116,4
Белорусы	2	0,2	3	0,2	130,5
Прочие	12	0,8	13	0,9	109,2
Всего	1337	100,0	1418	100,0	106,0

происходят наиболее интенсивные повседневные и еженедельные контакты населения. Однако в связи с существующей нерасчлененностью статистических данных в качестве первичной территориальной ячейки информации о ходе этнических контактов мы вынуждены были рассматривать административные районы и города Удмуртской АССР.

Нужно отметить, что правильный выбор территориальной ячейки статистической информации имеет большое влияние на итоговые результаты исследования. Так, предлагая индекс мозаичности национального состава населения, мы связывали его с теоретической вероятностью вступления представителей различных национальностей в межэтнические контакты. Но решающее большинство этнических контактов происходит в пределах ЭТЯ, и, следовательно, для определения направления и итогов этнических контактов большое значение имеет уровень многонациональности этнического состава населения именно в районе контактов, а не в каких-либо других территориальных ячейках.

Расчет индекса мозаичности национального состава по всей Удмуртской АССР сгладил имеющуюся реальную контрастность этнических сочетаний населения, региональные особенности расселения этнических групп. Поэтому гораздо более достоверным, нежели теоретически вычисленный для республики в целом, оказывается индекс мозаичности национального состава населения республики, рассчитанный как среднее арифметическое из индексов этнической мозаичности административных районов и городов Удмуртской АССР, взвешенных по численности их населения — 0,4307.

В связи с отмеченной территориальной неоднородностью этнических сочетаний известный интерес при сопоставлении этнической картины по различным регионам представляет коэффициент неоднородности этни-

⁴ Б. М. Эккель. К выделению элементарной территориальной ячейки интенсивных контактов населения. — «Вестник МГУ. Серия географическая» 1976, № 6.

ческих сочетаний населения:

$$K_{\text{ср}}^{\text{п}} = \frac{M_{\text{п}}}{M_{\text{ср}}},$$

где $M_{\text{п}}$ — преобладающая мозаичность этнического состава населения района (т. е. мозаичность, рассчитанная как средняя арифметическая, взвешенная по наиболее дробным из возможных территориальных ячеек района, в идеале ЭТЯ); $M_{\text{ср}}$ — средняя мозаичность этнического состава населения района (т. е. рассчитанная по всему населению района).

Близость коэффициента ($K_{\text{р-н}}^{\text{ЭТЯ}}$) к единице свидетельствовала бы о территориальной однородности этнических сочетаний населения по району и о равной теоретической вероятности этнических контактов во всех его территориальных ячейках. Значения коэффициента ($K_{\text{р-н}}^{\text{ЭТЯ}}$), близкие к нулю, отмечают резкую контрастность территориальных ячеек района по этническим сочетаниям населения; они показывают, что предпосылки для развития этнических контактов у различных территориальных групп населения несопоставимы. Для Удмуртской АССР $K_{\text{р-н}}^{\text{адм. р-н}} = 0,777$.

Народы, населяющие Удмуртию, размещены крайне неравномерно по ее территории. Этническая карта Удмуртской АССР похожа на мозаику, где полосы и локальные островки расселения этнических групп составляют причудливый калейдоскоп. Так, Алнашский, Воткинский, Малый Пургинский, Сарапульский и Камбарский районы почти полностью заселены русскими. Глазовский, Дебесский и Шарканский районы — в основном удмуртские. Большие группы татар проживают в Юкаменском районе, г. Можга и Ленинском районе г. Ижевска. Можно отметить довольно заметную долю марийцев и чувашей в Граховском районе. Однако следует принимать во внимание, что, во-первых, границы административных районов в ряде случаев могут расчленять территории довольно компактно расселенных этнических групп, а во-вторых, эти границы не препятствуют межэтническим контактам населения соседних районов.

В то же время во многих районах в тесном соседстве живут несколько народов. Нас особенно будут интересовать районы совместного проживания двух наиболее многочисленных народов Удмуртской АССР: русских и удмуртов. К таким районам, например, относятся Базезинский, Вавожский, Граховский. 9 районов из 25 обладают индексом мозаичности национального состава более 0,500. Такая же мозаичность национального состава в городах Можга, Сарапул и Ленинском районе Ижевска (см. рис. 2). Наивысшее значение индекса мозаичности в Граховском районе (0,665). Интересно отметить, что лишь в Граховском и Кизнеровском районах индекс мозаичности национального состава больше, чем индекс мозаичности, рассчитанный для всего населения республики.

Рассмотрим на уровне населенных пунктов насколько смешанно живут различные народы. Для этого мы, к сожалению, смогли воспользоваться лишь списком населенных пунктов Статистического управления Удмуртской АССР, который характеризовал поселения соответственно как русские, удмуртские, русско-удмуртские, русско-удмуртско-татарские и т. п. Судя по этим данным, например в Алнашском районе (17,6% русских, 75,6 удмуртов, 3,6 татар, 2,8 марийцев; индекс мозаичности 0,395) многонациональные населенные пункты составляют 28,9%. А в Базезинском районе (30,2% русских, 59,6 удмуртов, 9,1 татар; индекс мозаичности 0,545) многонациональные поселения составляют лишь 14,4%. Таким образом, доля многонациональных поселений в районе может не соответствовать уровню мозаичности этнического состава его населения. Это объясняется внутренней неоднородностью этнического состава жителей района и тем, что в число многонациональных входят наиболее крупные поселения.

В настоящее время в Удмуртской АССР в сельской местности преобладают малочисленные населенные пункты; на 15 января 1970 г. в республике было 72,4% сел и деревень с числом жителей менее 200 чел., в них проживало 22,2% сельского населения. По перспективному плану районной планировки предполагается преобразовать систему сельских поселений Удмуртии таким образом, чтобы к 2000 г. их стало в три раза меньше, чем сейчас. При этом предполагается повышение уровня благоустройства и улучшение обслуживания населения. Соответственно должна возрасти и доля многонациональных поселений. Необходимо отметить, что процесс укрупнения сельских поселений, в связи с курсом на

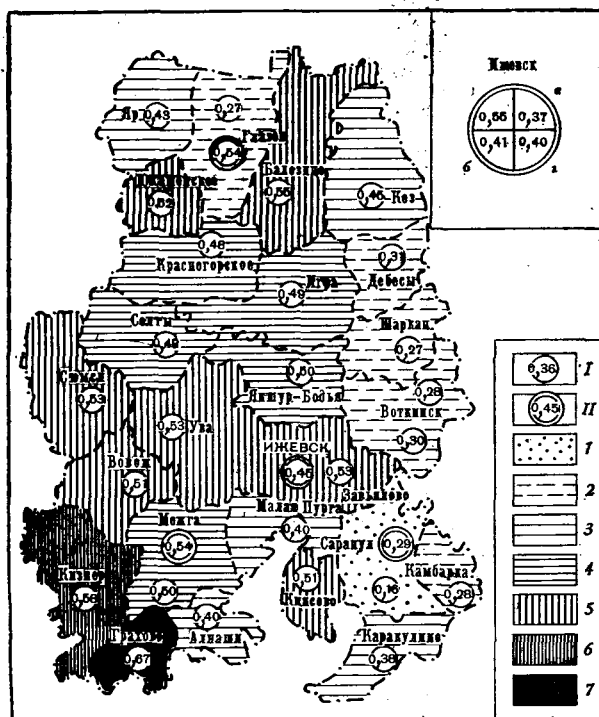

Рис. 2. Мозаичность этнического состава населения районов и крупных городов Удмуртской АССР в 1970 г.: I — Мозаичность этнического состава населения административных районов Удмуртской АССР (исключая крупные города, выделенные особо); II — мозаичность этнического состава населения крупных городов или городских районов; 1—7 — распределение индекса мозаичности этнического состава населения в пределах Удмуртской АССР: 1 — 0,15—0,25; 2 — 0,25—0,35; 3 — 0,35—0,45; 4 — 0,45—0,50; 5 — 0,50—0,55; 6 — 0,55—0,60; 7 — 0,60—0,70.

освоение Нечерноземья, может существенно увеличить предпосылки к интенсификации этнических контактов во всех автономных республиках Поволжья и Предуралья.

Но даже существование национальных поселений не ограничивает территориальную сферу этнических контактов. ЭТЯ на селе формируются в основном по производственно-селитебному принципу — основные контакты населения, в том числе и вступление в брачно-семейные отношения, приурочены к местам жительства и работы. Для выявления «брачного круга» в сельской местности мы провели небольшое исследование, воспользовавшись материалами архива загса. Были выбраны данные по 130 бракам, заключенным в 1970 г. в сельской местности в Базинском районе, что составляет приблизительно 40% браков, за-

ключенных в 1970 г. в этом районе, или 6% по всей республике. Определить место жительства жениха и невесты до вступления в брак по этим материалам оказалось невозможным, однако они дают сведения о месте рождения новобрачных. Таким образом, мы обладали нерасчлененными сведениями, объединяющими характеристики миграционной подвижности до брака и территориальных особенностей выбора партнера по браку.

При любом соотношении указанных объединенных факторов результаты весьма показательны: места рождения совпали лишь у 12,3% молодоженов, в то время как места работы (совхоз или колхоз, лесучасток и т. п.) — у 57,5%. Очевидно, что в условиях небольших поселений в сельской местности для вступления в брак большее значение имеет совместный труд будущих молодоженов, нежели соседские связи. Даже при условии, что выбор партнера по браку происходил в значительной степени в пределах одного поселения, высокая миграционная подвижность сельской молодежи существенно расширила бы круг брачных связей.

Если предыдущая часть работы во многом носила поисковый характер, связанный с уточнением территориальных границ этнических контактов, особенно в сельской местности, то сейчас мы перейдем к анализу конкретного статистического материала, отражающего ход этнических контактов в Удмуртской АССР.

Рассмотрим, с какой интенсивностью представители различных этносов и этнических групп Удмуртской АССР вступали в национально-смешанные браки; определим долю детей, родившихся в семьях, где родители разных национальностей, а также тенденцию изменения числа рождений в национально-смешанных семьях среди городского и сельского населения Удмуртской АССР в период с 1959 по 1970 г.

Для целей нашего анализа динамика рождений в национально-смешанных семьях оказалась значительно удобней, нежели динамика заключения национально-смешанных браков, так как текущий учет последних в республике налажен лишь с 1968 г. Мы воспользовались данными Статистического управления Удмуртской АССР о рождениях по национальностям за 1959—1971 гг. по всей Удмуртской АССР — в городских поселениях и в сельской местности. Национальность родившихся по этим материалам определялась по национальности матери; особо выделялись рождения в семьях, где муж имел иную национальность, чем жена. Условно мы относили детей, родившихся в национально-смешанных семьях, к национальности матери. Только таким образом мы получили возможность произвести подсчет по каждой национальности доли родившихся в национально-смешанных семьях за 13 лет (см. рис. 3). Так как национальный состав населения республики в 1959—1970 гг. практически не изменился (табл. 1), можно говорить о том, что динамика доли рождений в национально-смешанных семьях отражает происходящую интенсификацию этнических контактов.

Справедливым остается положение, что от качества исходного фактического материала во многом зависит качество проводимого исследования. Как видно из табл. 2, число мужчин и женщин, состоящих или вступающих в национально-смешанные браки, по некоторым национальностям существенно различается, что ограничивает анализ абсолютного числа рождений в таких семьях, определяемых на основании имеющихся данных. Поэтому особое значение приобретает анализ динамики доли рождений в национально-смешанных семьях у матерей каждой национальности, который возможен благодаря сопоставимости материалов.

Как видно из рис. 3, отражающего динамику рождений в национально-смешанных семьях, их доля в общем числе рождений довольно широко варьирует год от года при общей тенденции к увеличению.

По характеру динамики рождений в этих семьях этносы, проживающие в Удмуртской АССР, можно подразделить на две группы. В первую

войдут народы, этническая территория которых (или часть ее) входит в состав Удмуртской АССР (русские, удмурты, татары, марийцы). Эти этносы (кроме марийцев) образуют в Удмуртии достаточно представительные группы, отличаются значительной численностью и во многих районах республики проживают компактно. В связи с этим доля рождений в национально-смешанных семьях, где жены русские, удмуртки, татарки и марийки, относительно невелика, однако она непрерывно возрастает. Колебание кривой на графике, отражающей динамику рожде-

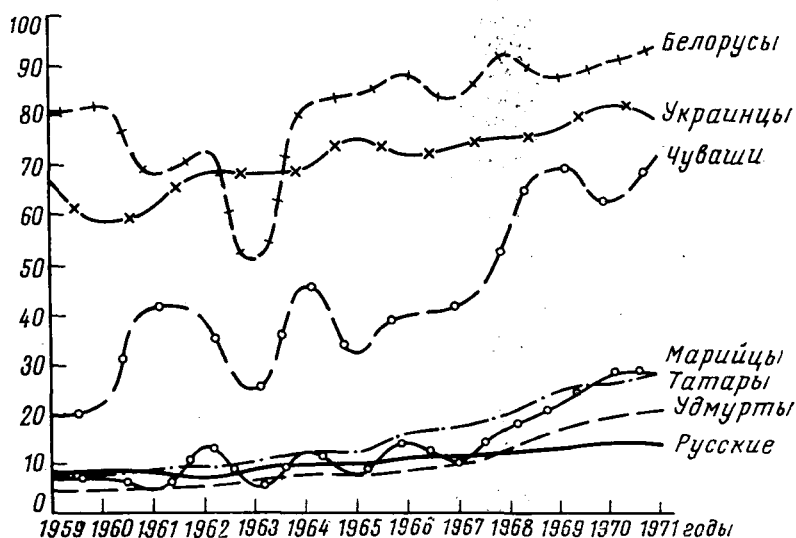

Рис. 3. Динамика доли рождений в национально-смешанных семьях Удмуртской АССР в 1959—1970 гг. (в %); на оси ординат — доля детей, родившихся у матерей данной национальности в национально-смешанных семьях

ний в семьях, где мать марийка, отчасти объясняется тем, что марийцы расселены преимущественно в южных пограничных районах Удмуртской АССР, в которых происходили локальные изменения границ республики в 1959—1970 гг. С этим связана известная несопоставимость отдельных статистических показателей.

Во вторую группу войдут этносы, численность которых в Удмуртской АССР определяется главным образом движением населения в наши дни. Сюда следует отнести украинцев, белорусов и чувашей. За счет постоянного увеличения численности этих национальностей извне доля рождений в национально-смешанных семьях в общем числе рождений у данной национальности (по матери) имеет довольно неровную динамику, но с

Таблица 2

Соотношение национальностей супругов в национально-смешанных семьях, созданных в 1970 г., с национальностями родителей у детей, родившихся в национально-смешанных семьях в 1970 г. (%)

Национальные сочетания	Городские поселения		Сельская местность	
	родилось детей	заключено браков	родилось детей	заключено браков
Русский — удмуртка	57,2	59,9	59,2	59,0
Удмурт — русская	42,8	40,1	40,8	41,0
Русский — татарка	47,3	47,8	35,0	58,3
Татарин — русская	52,7	52,2	65,0	41,7
Удмурт — татарка	44,0	52,7	42,1	19,4
Татарин — удмуртка	56,0	47,3	57,9	80,6

общей тенденцией к повышению. На частые колебания доли рождений в межнациональных семьях у этносов второй группы и марийцев оказывает влияние также их небольшая численность в республике (статистическая нерепрезентативность).

Необходимо отметить, что в Удмуртской АССР, как и в других районах нашей страны, этнические контакты в городе протекают более интенсивно, чем в сельской местности. Об этом отчасти свидетельствует тот факт, что в 1970 г. в городских поселениях республики 21,4% детей родилось в национально-смешанных семьях, тогда как в селе доля таких детей равнялась лишь 13,5%. Поэтому продолжавшийся в 1959—1970 гг. процесс урбанизации был мощным стимулом увеличения общего числа национально-смешанных браков и рождений в семьях такого типа. За этот период значительно увеличилась доля городских жителей среди народов Удмуртии: у русских их доля возросла (в %) с 58,0 до 71,2, у удмуртов — с 18,5 до 28,7, у татар — с 66,7 до 79,3.

Но основным фактором, способствующим увеличению числа национально-смешанных браков в этноконтактных ситуациях, а значит и увеличению численности детей, родившихся в национально-смешанных семьях, является рост доли людей, благоприятно настроенных по отношению к межнациональным бракам. С 1959 по 1970 гг. процент родившихся в национально-смешанных семьях возрос более чем вдвое (с 7,7 в 1959 г. до 18,1 в 1970 г.). Особенно быстрый рост доли родившихся в национально-смешанных семьях наблюдался у матерей-удмурток, татарок, мариек и чувашек (рис. 3). Для удмуртов и этнической группы татар, составляющих значительную часть населения республики, можно говорить об усилившемся в период между двумя переписями населения процессе снижения уровня эндогамности⁵. У удмурток процент детей, родившихся в национально-смешанных семьях, вырос с 5,0 в 1959 г. до 18,7 в 1970 г. (20,6 в 1971 г.), причем в городских поселениях этот рост был особенно впечатляющим (с 14,3% в 1959 г. до 35,8% в 1970 г.). В сельской местности, где удмурты в 1970 г. составляли 57,1% всего населения, доля детей, родившихся у удмурток в национально-смешанных семьях, равнялась лишь 11,9%. Таким образом, село, где в 1970 г. проживало 71,3% удмуртов республики, пока еще является хранителем национальных эндогамных традиций.

Значительно увеличилось число детей, родившихся в национально-смешанных семьях, у татарских матерей (в %) (в 1959 г. 7,7, в 1970 г. — 25,5). Для татарок не наблюдается особого различия по этому показателю между городом и селом.

Необходимо отметить, что на изменение доли детей, родившихся в национально-смешанных семьях, оказывают воздействие браки между представителями различных национальностей, заключенные главным образом в последние 10—15 лет. Это значит, что рождаемость в национально-смешанных семьях в какой-то мере отражает состояние этнических контактов в предыдущие годы. Поэтому, как и следовало ожидать, доля таких браков, заключенных в 1970 г. (рис. 4), превышает долю детей, родившихся в национально-смешанных семьях в это же время. Следовательно, доля таких рождений будет и дальше возрастать. Простая экстраполяция рядов динамики доли рождений в национально-смешанных семьях свидетельствует о том, что доля рождений отстает от уровня национально-смешанных браков на 3—4 года.

В 1970 г. почти четверть создаваемых в Удмуртии семей состояла из представителей различных национальностей. Нужно отметить, что, тем не менее, фактическая частота браков этого типа значительно меньше их теоретической вероятности.

⁵ В современных условиях этносы на 85—90% эндогамны (см. Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 115).

При сопоставлении национальностей женихов и невест, вступивших в межнациональные браки в 1970 г. (табл. 2), выяснилось, что на каждые три брака русских мужчин с удмуртками приходится лишь чуть более двух браков удмуртов с русскими женщинами. Браки татар с русскими женщинами несколько более часты, чем русских мужчин с татарками. Это связано с отживающим свой век обычаем, по которому татаркам запрещалось выходить замуж за иноверцев.

Попытаемся далее сопоставить теоретическую вероятность рождений детей в национально-смешанных семьях в 1970 г. с фактическим числом

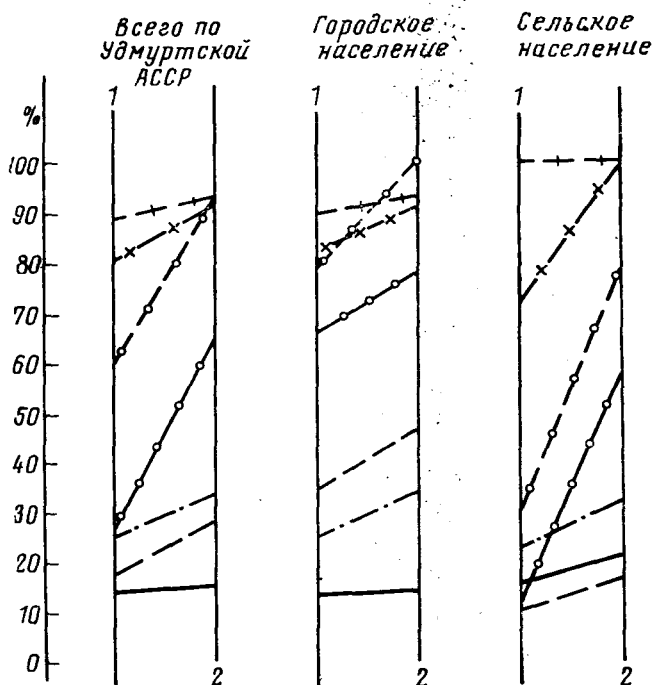

Рис. 4. Соотношение доли детей, родившихся у матерей данной национальности в национально-смешанных семьях (1), и доли невест этой же национальности, вступивших в национально-смешанные браки (2), в 1970 г. (в %)

рождений. Мы воспользовались методикой, сходной с применяемой для изучения национально-смешанных браков.

В работе О. А. Ганцкой и Г. Ф. Дебеца⁶ теоретическая вероятность вступления в национально-смешанный брак в том случае, когда выбор партнера по браку не зависит от этнической принадлежности, определялась по формуле:

$$y_{ij} = a_i \cdot b_j,$$

где y_{ij} — вероятность вступления в такой брак жениха, принадлежащего к этносу i , и невесты, относящейся к этносу j ; a_i — доля женихов этноса i среди всех женихов, вступающих в брак; b_j — доля невест этноса j среди всех невест, вступающих в брак.

Если межэтническое взаимодействие не касается семейно-брачных отношений, либо невозможно выявить национальную принадлежность вступающих в брак, можно воспользоваться следующей приближенной формулой:

$$y_{ij} = x_i \cdot x_j,$$

⁶ О. А. Ганцкая, Г. Ф. Дебеч. О графическом изображении результатов статистического обследования межнациональных браков. — «Сов. этнография», 1966, № 3.

где y_{ij} — вероятность вступления в межэтнические взаимодействия представителей этносов i и j при независимости этнических контактов от национальной принадлежности; x_i — доля этноса i в населении района; x_j — доля этноса j в населении района. Тогда, при условии, что вступление в семейно-брачные отношения не зависит от этнической принадлежности супругов, теоретическую вероятность частоты рождений детей в семьях, где один из родителей принадлежит к этносу А, а другой к инонациональному окружению, относительно ко всем рождениям у представителей этноса А, можно определить по формуле:

$$y_A = \frac{2 - 2x}{2 - x} \cdot 100,$$

где x — доля этноса А в населении района, в идеале ЭТЯ.

Рассмотрим конкретный пример. Доля этноса А в населении района равна 0,10. Тогда доля инонационального окружения этноса А равняется 0,90. По статистической теореме умножения вероятностей, теоретическая вероятность вступления представителей этноса А в национально-смешанные браки находится так: $0,10 \cdot 0,90 = 0,09$; в однонациональные браки: $0,10 - 0,09 = 0,01$. Но одно и то же количество представителей этноса А может создать в два раза больше национально-смешанных семей, чем однонациональных, поэтому теоретическая вероятность рождения детей в национально-смешанных семьях, где один из родителей относится к этносу А, в два раза больше теоретической вероятности вступления представителей этноса А в национально-смешанные браки: $0,09 \cdot 2 = 0,18$. Общая вероятность рождения детей в семьях, где хотя бы один из родителей относится к этносу А, от всех рождений детей в районе равняется: $0,18 + 0,01 = 0,19$. Теоретическая доля рождений в национально-смешанных семьях от всех рождений в семьях, где хотя бы один из родителей относится к этносу А:

$$y_A = \frac{0,18}{0,19} \cdot 100 = 94,7 \, \%.$$

Определяем подобную теоретическую долю рождений в национально-смешанных семьях по формуле:

$$y_A = \frac{2 - 2 \cdot 0,10}{2 - 0,10} \cdot 100 = \frac{0,18}{0,19} \cdot 100 = 94,7 \, \%.$$

Безусловно, наши расчеты достаточно приблизительны, ибо они не учитывают особенности половозрастного состава народов (соотношение фертильных групп населения по национальному составу может значительно отличаться от общего соотношения численности народов), этнические различия в уровне рождаемости и ряд других существенных моментов.

На примере русских, проживающих в Удмуртской АССР, рассмотрим, какова доля детей, родившихся в национально-смешанных семьях, в которых один из супругов русский (рис. 5). Фактические данные по городам и административным районам Удмуртии были получены нами в результате обработки материалов первичной отчетности республиканского архива загса. Несмотря на имеющийся разброс точек на графике, можно отметить, что фактическая зависимость доли родившихся в национально-смешанных семьях, где один из родителей русский, от доли русских в населении района довольно удачно выражается параболой второго порядка: наиболее близко к теоретическим значениям фактическое число рождений в национально-смешанных семьях в городах⁷.

⁷ Некоторое выпадение из «ансамбля» г. Можги и Ленинского района Ижевска, вероятно, связано с проживанием здесь более многочисленной, в сравнении с другими городами республики, группы татар.

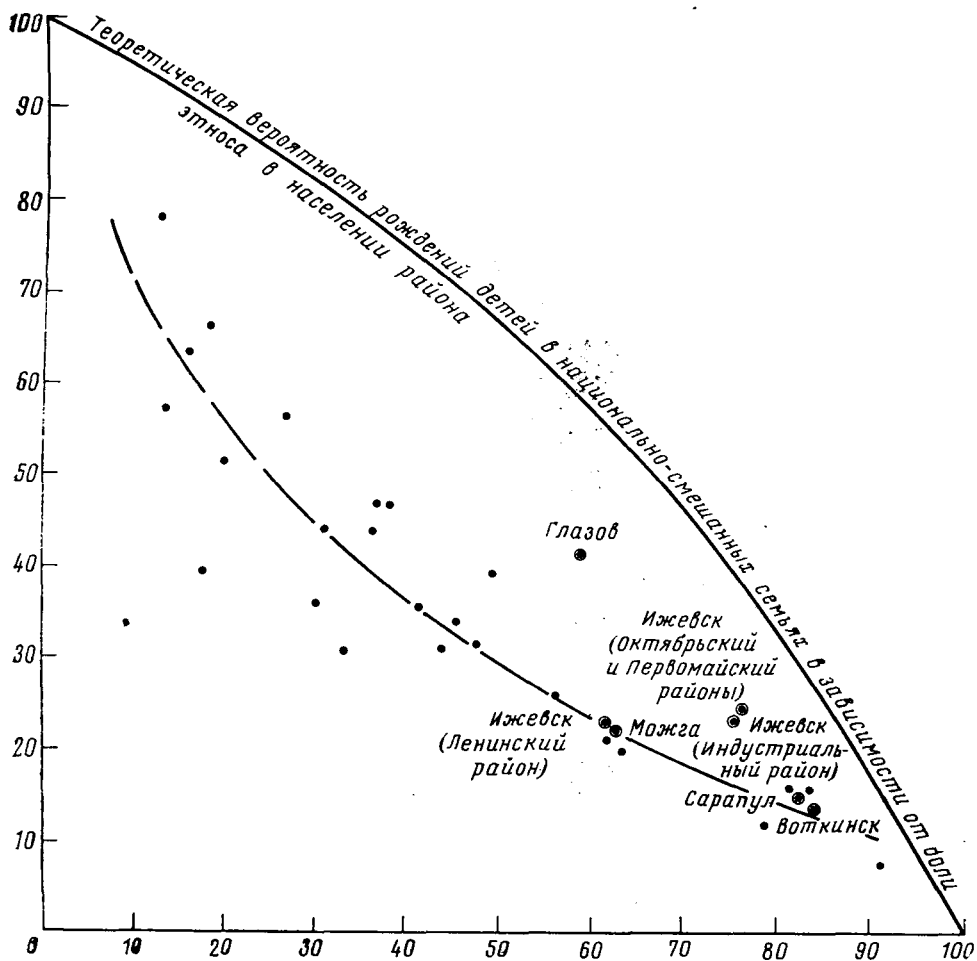

Рис. 5. Доля детей, родившихся в национально-смешанных семьях, где один из родителей русский, в 1970 г. (в %); на оси абсцисс — доля русских в населении города или района, на оси ординат — доля детей

На величину отклонения фактической частоты рождений в национально-смешанных семьях от ее теоретической вероятности в основном влияют особенности расселения этносов и характер инонационального окружения. Возможность построения подобного графика на основании ЭТЯ позволит нам применить более строгие методы анализа. Так, мы полагаем, что график фактической зависимости, построенный по более дробным территориальным единицам, наиболее удачно будет описываться гиперболой, симметричной оси $y=x$.

В заключение нам бы хотелось остановиться на миграции населения — одним из важнейших факторов этнических процессов. Миграционная подвижность является одной из существенных характеристик этносов, отражающей потенциальную возможность их вступления в межэтнические контакты. Миграции приводят к размыванию этнических территорий и пространственному перемешиванию этносов, что увеличивает фронт их соприкосновения и интенсифицирует процессы этнического сближения. Необходимо отметить существенную роль миграции в распространении интернациональных черт общественной жизни, влияние ее на национальные установки и ориентации как самих мигрантов, так и в какой-то мере на население районов их «входа» и «выхода». Для большинства народов СССР некоторые национальные моменты, например,

знание языка межнационального общения являются факторами, влияющими на пространственную подвижность⁸.

В 1959 г. 76,2% удмуртов проживало в Удмуртии, а в 1970 г. лишь 68,7%. Концентрация удмуртов в Удмуртской АССР за период 1959—1970 гг. уменьшилась на 7,5% от их общей численности. Это наиболее крупное уменьшение концентрации народа в своем национально-административном образовании среди народов СССР за этот период. С 1959 по 1970 гг. численность удмуртов в республике возросла лишь на 1,7% (в СССР за это время она увеличилась на 12,7%). Значительна децентрация удмуртов и за пределами Удмуртской АССР. В 1959 г. 61,9% удмуртов, проживавших вне своей республики, концентрировались в пограничных с Удмуртией Башкирской и Татарской АССР, Кировской и Пермской областях. В 1970 г. на этой же территории зафиксировано лишь 48,6% удмуртов, проживающих за пределами Удмуртии. Это свидетельствует о том, что число миграций удмуртов на большие расстояния увеличилось, и что они стали активнее участвовать в хозяйственной жизни страны. В связи с увеличением дисперсности расселения удмуртов возросла вероятность их вступления в межэтнические контакты.

* * *

Увеличение мозаичности национального состава, рост числа многонациональных поселений, продолжающийся процесс интенсивной урбанизации, все более частые случаи заключения межнациональных браков, активное участие коренной национальности в миграционных процессах являются как факторами, так и проявлениями энергично развивающихся в Удмуртии этнических процессов. В нашей работе были рассмотрены лишь некоторые аспекты этнических контактов в Удмуртской АССР, составляющих часть более общего процесса сближения народов СССР. Сложность и многоплановость изучаемых явлений еще раз подтверждает важность работ в этом направлении.

CERTAIN ASPECTS OF ETHNIC CONTACTS IN THE UDMURT AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC

Statistics for inter-ethnic marriages and births in ethnically mixed families are analysed; the trend towards more intensive ethnic contacts in the Udmurt ASSR are examined on the basis of this analysis. The author introduces some simple mathematical regularities for the purpose of comparing the theoretical and the actually observed intensity of ethnic contacts and develops the concept of territorial cells of ethnic contacts. He examines the set of factors that influence theoretically probable ethnic contacts regarding them as an integrated whole.

⁸ В. И. Переведенцев. Взаимосвязь миграций населения и этнического сближения народов в современных условиях.— «Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе». Новосибирск, 1967, с. 78—86.

Н. А. Дубова

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПАМИРО-ФЕРГАНСКОЙ РАСЫ

Проблеме происхождения памиро-ферганской расы, или расы Среднеазиатского междуречья, уже много лет уделяется большое внимание.

Л. В. Ошанин, предложивший термин «раса Среднеазиатского междуречья», характеризует ее носителей как брахи- и гипербрахикранов, со среднешироким и средневысоким лицом, темными и в некотором проценте случаев смешанного цвета глазами, среднеразвитым третичным волосным покровом на лице и теле¹. В наиболее чистом виде, по его мнению, эта комбинация признаков встречается у народностей Памира и горных таджиков. В равнинных районах наблюдается усиление монголоидных особенностей (равнинные таджики, узбеки), наиболее резко выраженное у узбеков, связанных по своему происхождению с кочевыми степными племенами, переселившимися в Среднеазиатское междуречье. Эту характеристику повторяет и А. И. Ярхо, предложивший термин «памиро-ферганская» раса², и принимает большинство исследователей.

Мнения о происхождении памиро-ферганской расы значительно расходятся. Л. В. Ошанин неоднократно высказывался в пользу ее автохтонности и древности, восходящей к неолиту. В. В. Гинзбург первоначально высказывал мнение, что памиро-ферганская раса является результатом грацилизации андроновского населения³, однако в этом случае трудно объяснить широкое ныне распространение темнопигментированного населения в пределах ареала вместо предположительно более светлых андроновцев.

Т. А. Трофимова выдвинула гипотезу метисного происхождения памиро-ферганской расы, образовавшейся, по ее мнению, в процессе смешения андроновского (относимого обычно к северной ветви европеоидов) и восточносредиземноморского типов⁴. Однако впоследствии оба автора пришли к выводу, что памиро-ферганская раса появилась в результате смешения грацилизированного андроновского типа с брахицефализированным восточносредиземноморским⁵.

¹ Л. В. Ошанин. Данные к географическому распространению главнейших антропологических признаков населения Средней Азии и опыт выявления основных расовых типов Средней Азии.— «Труды IV Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов», Киев, 1931; *его же*. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, т. I—III. Ереван, 1957—1959.

² А. И. Ярхо. Антропологический состав турецких народностей Средней Азии.— «Антропологический журнал», 1933, № 3.

³ В. В. Гинзбург. Антропологические данные к истории народов Средней Азии.— «Труды XXV Международного конгресса востоковедов в Москве», М., 1960.

⁴ Т. А. Трофимова. Расовые типы населения Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы.— «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее — КСИЭ), вып. 36, 1961.

⁵ Т. А. Трофимова. К вопросу об антропологическом типе населения южного и восточного Узбекистана в эпоху неолита и бронзы.— «Труды Ташкентского гос. ун-та», вып. 235, Ташкент, 1964; В. В. Гинзбург. Раса Среднеазиатского междуречья и ее происхождение.— «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 3. М., 1968; В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.

И. Швидетцкая вслед за Л. В. Ошаниным поддерживает гипотезу автохтонности памиро-ферганской расы, но называет ее, как и И. Деникер, туранской⁶. Немецкая исследовательница полагает также, что узбеки отличаются от таджиков большей монголоидностью и поэтому занимают промежуточное положение между туранской (европеоидной) и тунгидной (монголоидной) расами.

В последнее время В. П. Алексеев⁷ высказался также в пользу неоднородности памиро-ферганской расы в пределах ареала. Принимая ее автохтонность, он обратил внимание на проявление более матуризованного антропологического компонента в составе узбеков.

Наиболее полно памиро-ферганская раса рассмотрена в работе Ю. Г. Рычкова⁸. Он выводит ее из брахикефального населения Памиро-Алая эпохи бронзы. В доказательство этого положения им приводится зафиксированное Г. Ф. Дебецом⁹ и В. П. Алексеевым¹⁰ с карасукской эпохи и продолжавшееся на всех стадиях тагарской эпохи проникновение в этот район типа, который может быть в значительной степени отождествлен с памиро-ферганским.

Учитывая сложность проблемы, рассмотрим еще раз распределение основных расовых характеристик на всей территории распространения памиро-ферганской расы. Так, из вышеуказанной работы Л. В. Ошанина, где сведены воедино все предшествующие исследования народов Средней Азии, можно получить следующие пределы вариации некоторых признаков: процент наличия эпикантуса в узбекских и таджикских группах варьирует от 0 до 25,6%; средний балл роста бороды — от 1,83 до 3,83; средний балл горизонтального профиля лица — от 1,43 до 2,88; средний балл высоты переносья — от 1,62 до 2,62; морфологическая высота лица (от нижнего края бровей) — от 117 до 133 мм; скуловой диаметр — от 134 до 143 мм; продольный диаметр головы — от 179 до 190 мм; поперечный диаметр — от 152 до 157 мм. Здесь приводятся средние по исследованным мужским группам, поскольку основной анализ базируется обычно именно на мужских выборках. Приведенные данные ясно указывают на то, что в памиро-ферганскую расу включаются группы населения, сильно между собой различающиеся.

Если мы перейдем к рассмотрению индивидуального уровня изменчивости, то увидим, что различия будут еще более значительными. Так, например, в среде таджиков Каратегина и Дарваза морфологическая высота лица от нижнего края бровей варьирует от 105 до 152 мм¹¹. Эти цифры в достаточной мере говорят сами за себя.

Необходимо указать еще на одно обстоятельство. Все выборки были сделаны без учета этнической истории народа. А народы Средней Азии, как известно, включают в себя много разных компонентов и отличаются исключительной сложностью происхождения. Если добавить к этому далеко не полную сравнимость данных, собранных разными исследователями, то с сожалением приходится отметить, что тот обширный, казалось бы, всеобъемлющий материал, характеризующий современные

⁶ I. Schwidetzky. Turaniden-Studien.— «Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der mathematisch-naturwissenschaftlichen Klasse», № 9, Wiesbaden, 1950.

⁷ В. П. Алексеев. Древнейшее европеоидное население Средней Азии и его потомки.— «Проблемы этнической антропологии и морфологии человека», М., 1974; *его же*. География человеческих рас. М., 1974.

⁸ Ю. Г. Рычков. Происхождение расы Среднеазиатского междуречья.— «Труды Ташкентского гос. ун-та», вып. 235; *его же*. Антропология и генетика изолированных популяций (древние изоляты Памира). М., 1969.

⁹ Г. Ф. Дебец. Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии.— «Сов. Азия», 1931, № 5—6.

¹⁰ В. П. Алексеев. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы.— «Антропологический сборник», III. («Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LXXI), М., 1961.

¹¹ В. В. Гинзбург. Горные таджики. М.— Л., 1937.

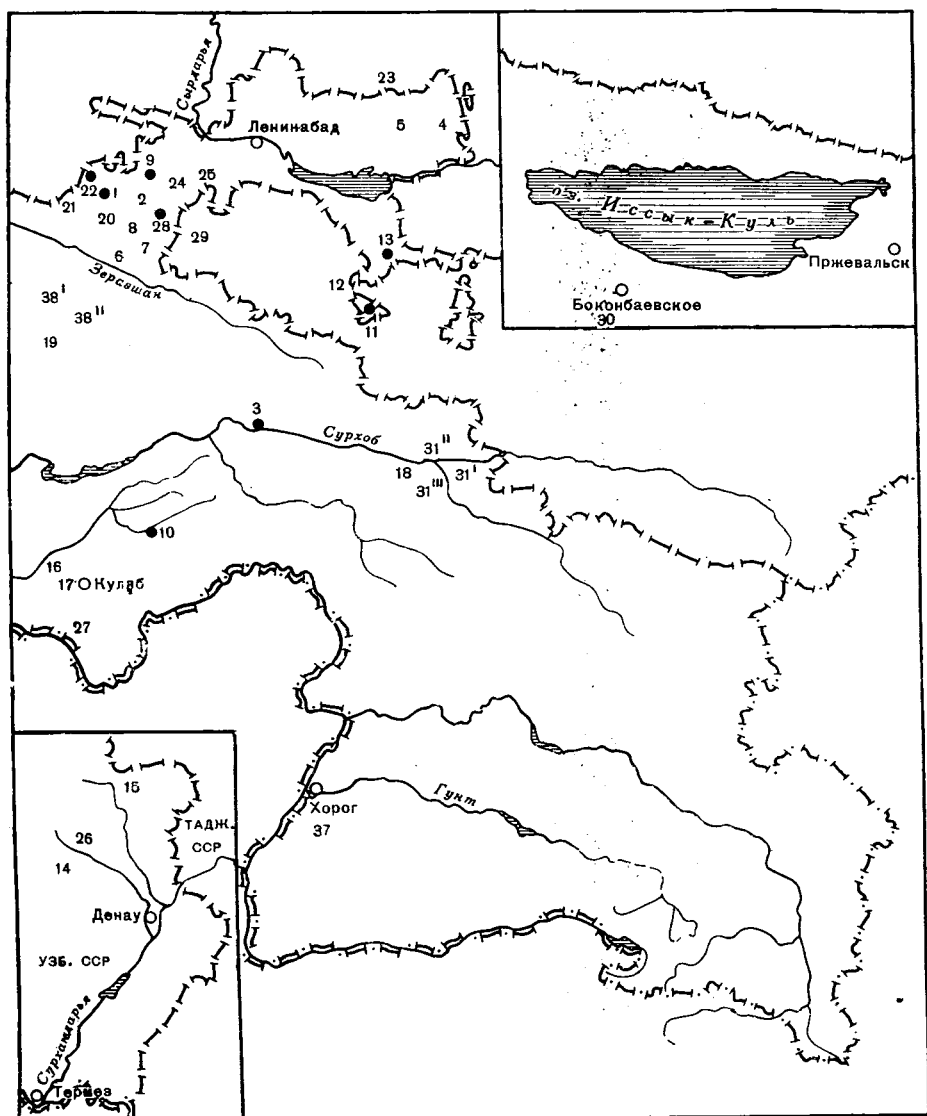

Рис. 1. Распределение обследованных групп на территории Средней Азии (по данным А. П. Пестрякова, А. И. Дубова и автора статьи). Таджики: 1 — пос. Шахристан, 2 — пос. Ганчи, 3 — кишлаки Навды и Кочон, 4 — кишлак Ашт, 5 — кишлак Пангаз, 6 — кишлак Метк, 7 — кишлак Расравут, 8 — кишлак Дахкат, 9 — кишлак Ругунд, 10 — кишлак Ховалинг, 11 — кишлак Ворух, 12 — кишлаки Чорку и Сурх, 13 — кишлак Чор, Зумрадшо и Калачи-Духчи, 14 — кишлаки в долине р. Сангардак, 15 — кишлаки в долине р. Туполанг, 16 — кишлаки в долине р. Яхсу, 17 — кишлаки Муминабадской котловины, 18 — кишлак Пильдон, 19 — кишлак Такоб. Узбеки: 20 — турки — кишлаки Джер-Кутан, Куль-Кутан и Янги-Курган, 21 — пос. Шахристан, 22 — кипчаки — кишлаки Халдар-Кипчак и Янги-Курган, 23 — кишлак Кюль-ата, 24 — кишлак Яхтан, 25 — кишлак Тагояк, 26 — тагчи — кишлаки в долине р. Сангардак, 27 — локайцы — Советский район, 28 — пос. Ганчи. Киргизы: 29 — г. Сулюкта, 30 — аилы Тогуз-Булак и Куль-Тур, 31' — кишлаки Кара-Кенже и Сары-Кенже, 31'' — пос. Джайлган, 31''' — кишлак Кашат. Шуганцы: 37 — долина р. Гунт. Ягнобцы: 38' — кишлак Зуманд, 38'' — кишлак Софи-дорак. (Цифрами 32—36 обозначены туркменские поселки, не указанные на карте, но использованные в рис. 2. Штрихи у цифр указывают, что в данном регионе одонтологическая выборка взята в каждом населенном пункте).

антропологические типы узбеков и таджиков, представленных в работах Л. В. Ошанина, В. Я. Зезенковой, В. В. Гинзбурга, К. Д. Наджимова и др., не дает полной характеристики этих народов.

В 1970—1975 гг. автором, а также А. П. Пестряковым, А. И. Дубовым, Г. В. Рыкушиной и Е. Ф. Губенко было проведено экспедиционное обследование населения Таджикской и Узбекской ССР. Обследованные группы представлены на карте (рис. 1).

Маршруты составлялись по возможности с максимальным учетом этнической истории района обследования. В первую очередь изучались районы, издревне заселенные таджиками, — в основном горные (Аштский, Ганчинский, Исфаринский), затем предгорные и равнинные территории. Наряду с таджиками, обследовались узбеки, живущие в одних поселках с ними или близко к ним. Для получения более четкого масштаба изменчивости антропометрических признаков на территории Северного Таджикистана были исследованы киргизы нескольких районов Киргизской ССР и туркмены Туркменской ССР (см. карту)¹².

Полученные данные позволяют предположить определенные различия антропологических особенностей населения северных и южных районов Таджикистана¹³. А. П. Пестряков показал увеличение морфологической высоты лица, развития надбровья, угла наклона лба, развития складки верхнего века, а также некоторое повышение головного указателя и посветление цвета глаз у северных групп таджиков¹⁴. На юге отмечается усиление пигментации, более слабое развитие кожного рельефа, а также увеличение волосного покрова на лице и теле (рис. 2). Очень важно, что этот антропологический вывод совпадает с этнографическими данными, которые говорят, что северные таджики могут быть противопоставлены южным по языку, ряду элементов материальной и духовной культуры¹⁵.

А. П. Пестряков считает также (и в этом с ним можно согласиться), что выделенные им два варианта расы Среднеазиатского междуречья

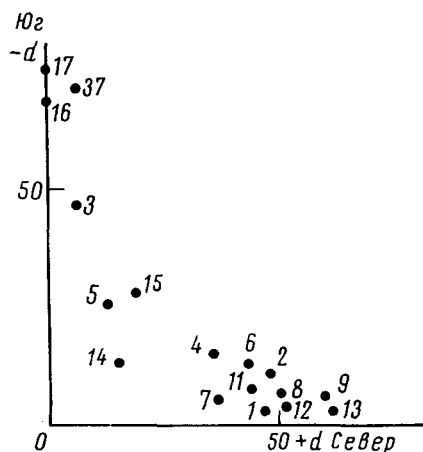

Рис. 2. График сопоставления групп по следующим признакам, выраженным в радианах: частота сильного развития надбровья (балл 3), частота сильного наклона лба (балл 1), частота невыпуклых профилей спинки носа (баллы 1, 2 и 4), частота неопущенных кончиков носа (баллы 1 и 2), частота сильного развития складки верхнего века (баллы 2 и 3). На абсциссе отложена сумма положительных отклонений каждой группы от условной средней, на ординате — отрицательных. Обозначения групп те же, что и на карте.

¹² Г. В. Рыкушина. Одонтологическая характеристика некоторых групп Северного Таджикистана. (МГУ, кафедра антропологии). М., 1971; Н. А. Платонова. Антропологические исследования в Таджикистане. М. 1974; Н. А. Дубова, А. П. Пестряков, Антропологическая характеристика таджиков Исфаринской долины. — «Полевые исследования Ин-та этнографии 1974». М., 1975; Н. А. Дубова. Антропологическая характеристика некоторых групп населения Северного Таджикистана. — «Вопросы антропологии», вып. 52, М., 1976; А. И. Дубов. Антропологические исследования в Таджикистане в 1975 г. — «Полевые исследования Ин-та этнографии АН СССР 1975». М., 1977.

¹³ Н. А. Платонова (Н. А. Дубова). Антропологические исследования в Таджикистане. — «Новое в этнографических и антропологических исследованиях», М., 1974.

¹⁴ А. П. Пестряков. Антропологические исследования некоторых групп населения Таджикистана и Узбекистана. — «Сов. этнография», 1975, № 1.

¹⁵ См., в частности: Н. А. Кисляков. Некоторые материалы к вопросу об этногенезе таджиков. КСИЭ, вып. 30, 1958; «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I—II. М., 1961.

«в настоящее время перекрыты более поздними напластованиями и выявляются лишь как реликты (в горных районах отчетливее, чем на равнине)»¹⁶.

Второй вывод, который можно сделать, заключается в констатации своеобразия равнинных узбекских и таджикских групп¹⁷ и их противопоставления таджикам Гармского района (Каратегин). У населения равнинных районов можно отметить уже установившийся смешанный тип со среднешироким и средневысоким лицом, довольно темнопигментированный, но при присутствии значительного процента светлых и смешанных оттенков глаз, встречается эпикантус, скулы выступают средние на среднепрофилированном в горизонтальной плоскости лице. Но кроме такого «среднего» типа, можно встретить как типично европеоидных, так и монголоидных индивидуумов в одном и том же кишлаке, причем как в таджикском, так и узбекском.

Среди населения Гарма не встретишь аналогичного «усредненного» антропологического варианта, и монголоидная примесь здесь также весьма незначительна. Однако мы встречаем большое разнообразие европеоидных типов. Визуально создается то же впечатление, которое описывали авторы первых антропологических исследований в этом районе¹⁸, т. е. действительно встречаются светлопигментированные, матуризованные, высокорослые люди наряду с низкими, грацильными, индивидуумами, с обильным волосным покровом, узковолнистыми волосами, темнопигментированными.

Кроме того, результаты анализа географического распределения антропометрических признаков в Северном Таджикистане показывают, что на этой территории выделяется три варианта, которые условно можно назвать западным, центральным и восточным¹⁹. Последний вариант является как раз наиболее ярким выражением северотаджикского антропологического типа, выделенного А. П. Пестряковым. Западный вариант имеет много общих черт с южным (бактрийским) антропологическим типом. Центральный вариант — результат длительного, продолжающегося до настоящего времени смешения. Его можно сблизить с равнинным вариантом расы Среднеазиатского междуречья.

Любопытны результаты одонтологических наблюдений. При сопоставлении таджиков, ягнобцев, узбеков, киргизов и туркмен между собой можно выделить два резко различающихся варианта, представленных на территории Средней Азии: своеобразный одонтологический тип, ярко выраженный у ягнобцев: слабо выраженная редукция нижних моляров, низкая частота лопатообразной формы I¹ и коленчатой складки метаконида, повышенная (по среднеазиатскому масштабу) частота дистального гребня тригонида, что сближается с характеристикой древнего одонтологического варианта, прослеживаемого у населения Средней Азии и Кавказа²⁰. У киргизов представлен несколько смешанный восточный тип (см. таблицы 1, 2).

Южные таджики близки ягнобцам по ряду признаков, но имеют большую частоту лопатообразной формы I¹ и коленчатой складки, понижен-

¹⁶ А. П. Пестряков. Указ. раб.

¹⁷ Н. А. Платонова (Н. А. Дубова). Антропологические исследования в Таджикистане; *её же*. Антропологическая характеристика некоторых групп населения Северного Таджикистана. (дипломная работа), МГУ, каф. антропологии, М., 1971.

¹⁸ Н. В. Богоявленский. В верховьях Амударьи. — «Землеведение», т. 8, кн. 1—2, 1901; С. Д. Масловский, Гальча. — Русский антропологический журнал, 1901, № 2; полная библиография на эту тему дана в работе: В. В. Гинзбург. Горные таджики.

¹⁹ Н. А. Дубова. Распределение антропометрических признаков в Северном Таджикистане. — «Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира», М., 1976.

²⁰ Н. А. Дубова, Г. В. Рыкушина, Н. И. Халдеева. Антропологические параллели в древнем и современном населении Средней Азии и Кавказа по данным одонтологии. — «Тезисы докладов на Всесоюзной сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977 гг.». Ереван, 1976.

Таблица 1

Некоторые антропологические признаки в обследованных группах

Населенные пункты, группы	N	Продольный диаметр	Поперечный диаметр	Головной указатель	Морфологическая высота лица (бр)	Скуловой диаметр	Высота носа (бр)	Ширина носа	Цвет глаз (светлые и смешанные оттенки) %	Сильно развитое надбровье %	Сильный наклон лба %
Т а д ж и к и											
Навды	44	186,0	156,8	84,3	127,4	141,8	58,1	39,0	62,0	15,9	0,0
Ашт	100	186,2	160,4	86,2	132,3	146,4	58,3	37,0	70,5	34,0	13,0
Пангаз	105	184,2	157,1	85,3	130,5	142,1	56,3	36,8	76,2	22,9	2,9
Метк	99	185,5	158,2	85,2	128,1	145,8	56,0	37,7	52,5	14,1	0,0
Расравут	54	185,0	162,2	87,6	129,7	144,7	57,4	36,7	61,1	5,6	5,6
Дахкат	53	181,5	157,1	86,5	125,3	144,9	54,6	36,2	54,7	13,2	0,0
Ругунд	96	182,3	155,8	85,5	129,0	143,6	55,6	36,2	45,8	14,6	1,0
Ховалинг	100	183,4	155,8	84,9	126,1	143,2	55,2	36,6	61,0	11,0	0,0
У з б е к и											
Кюль-Ата	47	182,8	158,5	86,7	132,4	144,4	58,6	38,0	46,8	19,1	4,2
Яхтан	96	181,4	155,2	85,5	126,2	143,5	54,5	36,5	42,3	5,2	4,1
Тагояк	101	183,2	155,3	84,7	128,6	144,5	56,6	36,9	48,5	11,9	2,0
К и р г и з ы											
Тогуз-Булак	91	188,6	161,3	85,9	130,7	149,7	58,5	38,3	55,1	15,4	8,8
Т у р к м е н ы											
теке	77	191,9	147,8	77,0	129,8	141,4	54,1	35,5	48,9	18,2	11,7
номуд	97	193,9	149,8	77,6	127,7	141,5	55,9	36,6	41,2	13,4	10,3
олам	80	188,4	151,1	80,2	126,8	142,7	54,1	37,3	41,6	8,7	3,7
элеч	57	192,6	153,0	79,4	131,2	146,2	55,8	38,3	33,3	29,8	7,0
нохурли	103	191,9	147,5	76,9	128,4	138,7	56,5	35,3	42,7	15,6	2,9

Таблица 2

Частоты одонтологических признаков в обследованных группах

Признаки	Таджики						Ягнобцы		Узбеки		Киргизы		Туркмены	
	северные		южные		суммарно		%	N	%	N	%	N	%	N
	%	N	%	N	%	N								
Лопатообразность I ¹ (2, 3)	19,2	767	11,5	820	13,6	1769	7,0	100	24,9	430	22,9	520	36,7	567
Коленчатая складка	15,4	573	12,8	788	13,9	1361	7,8	77	18,8	303	19,8	288	12,9	487
Дистальный гребень	2,4	590	3,9	855	3,3	1445	7,9	76	4,3	327	7,6	289	4,6	474
M ₁ (6)	4,2	621	2,7	862	3,3	1483	3,7	82	10,9	348	15,1	358	8,6	511
M ₂ (6)	1,4	440	0,7	749	0,9	1189	0,0	53	1,8	335	5,7	350	0,0	132
tami	4,6	586	6,6	941	5,8	1527	2,6	77	3,7	321	3,8	237	6,8	493
Бугорок Карабелли (2—5)	38,7	738	25,0	970	31,0	1708	26,3	99	39,5	413	27,2	482	45,1	565
M ² (3,3+)	66,2	400	76,1	717	72,6	1117	42,3	52	62,7	327	58,1	339	70,7	116
M ₁ (4)	11,7	621	9,9	862	10,6	1483	9,8	52	5,7	383	5,3	358	6,1	511
M ₂ (4)	70,2	440	68,6	749	69,2	1189	50,9	53	67,0	330	41,4	350	61,4	132
2 med П	20,3	542	24,4	680	22,6	1222	21,5	79	23,6	297	19,7	304	23,1	493
Краудинг I ²	11,6	764	10,9	1002	11,3	1766	15,0	100	10,5	436	15,1	511	11,0	538
Диастема I ¹ — I ¹	8,5	764	8,5	1002	8,5	1766	7,0	100	8,9	426	8,8	512	15,7	562
Редукция I ² (2, 3)	3,9	750	5,7	731	4,8	1481	5,3	94	3,5	423	5,9	492	1,7	538

ную — дистальный гребня и очень высокий процент варианта II второй борозды метаконида, что можно трактовать как примесь, с одной стороны, восточного одонтологического типа, а с другой — уралонидного²¹.

Северные таджики имеют несколько повышенные, по сравнению с южными, частоты всех «восточных» особенностей и в то же время сильно редуцированный M_1 и сильно развитый бугорок Карабелли. Причем значительное повышение коленчатой складки в совокупности с сильной редукцией M_1 , высокой частотой бугорка Карабелли и очень слабой выраженностью дистального гребня можно связать с определенной долей участия в их сложении уралонидного одонтологического комплекса.

У узбеков «восточные» особенности выражены еще сильнее, но отмечается довольно высокая частота бугорка Карабелли и повышение частоты варианта II второй борозды метаконида. Этот факт в связи со слабой грацилизацией первого нижнего моляра может говорить о примеси в составе узбеков средневропейского одонтологического типа.

При сопоставлении выраженности признаков западного и восточного одонтологических комплексов в исследованных группах выявляются следующие закономерности: обследованные выборки можно разделить на три большие группы: 1) признаки восточного ствола выражены сильнее западных, 2) «западные» признаки выражены сильнее «восточных», 3) обе группы признаков выражены приблизительно в одинаковой степени (см. рис. 3).

Обращает на себя внимание близость некоторых этнических групп Северо-Западной Индии²² к обследованным среднеазиатским популяциям. Так, чамары близки таджикам Пангаза и Ховалинга и туркменам-олам, гуджары и джаты — таджикам Навды и Туполанга, ахиры — ягнобцам и узбекам Тагояка, а раджпуты — таджикам Ругунда.

Таким образом, материалы, полученные в последние годы, показывают, что даже на территории Таджикистана нет единого антропологического типа населения. На юге Таджикистана представлен вариант, характеризующийся низким, среднешироким лицом, более темной пигментацией, чем на севере, более сильным развитием волосяного покрова на лице, прямым лбом и слаборазвитым надбровьем. На севере же Таджикистана население сильнее матуризовано, морфологическая высота лица выше, значительно больше диаметры мозговой коробки.

Все равнинные группы и на севере и на юге отличаются от выделенных выше двух вариантов наличием монголоидной примеси, что хорошо было известно по литературным данным и ранее.

Чтобы окончательно представить себе распространение расовых типов на территории Таджикистана, необходимо привлечь также палеоантропологические и археологические данные. Наиболее древним на данной территории является восточносредиземноморский европеоидный антропологический тип. Он был распространен не только в Средней, но и во всей Передней Азии в нескольких вариантах. В непосредственной близости от земледельческих районов, у населения степей, был представлен андроновский европеоидный вариант²³. О древнем населении Памира до сих пор трудно сказать что-либо определенное. Мне кажется

²¹ Характеристика одонтологических типов приводилась А. А. Zubовым на заседании Отдела антропологии Ин-та этнографии АН СССР 20 ноября 1975 г.

²² А. А. Zubов. Первые итоги одонтологических исследований в Индии. — «Очерки этнической и социальной истории Индии», М., 1973. Использованы также некоторые неопубликованные материалы, за возможность использования которых, а также за большую помощь, оказанную при обработке данных и интерпретации результатов, автор приносит А. А. Zubову искреннюю благодарность.

²³ О. Исмаилов. Проблема формирования антропологического типа казахов по данным краниологии древнего и современного населения Казахстана. Алма-Ата, 1970; В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова. Палеоантропология Средней Азии.

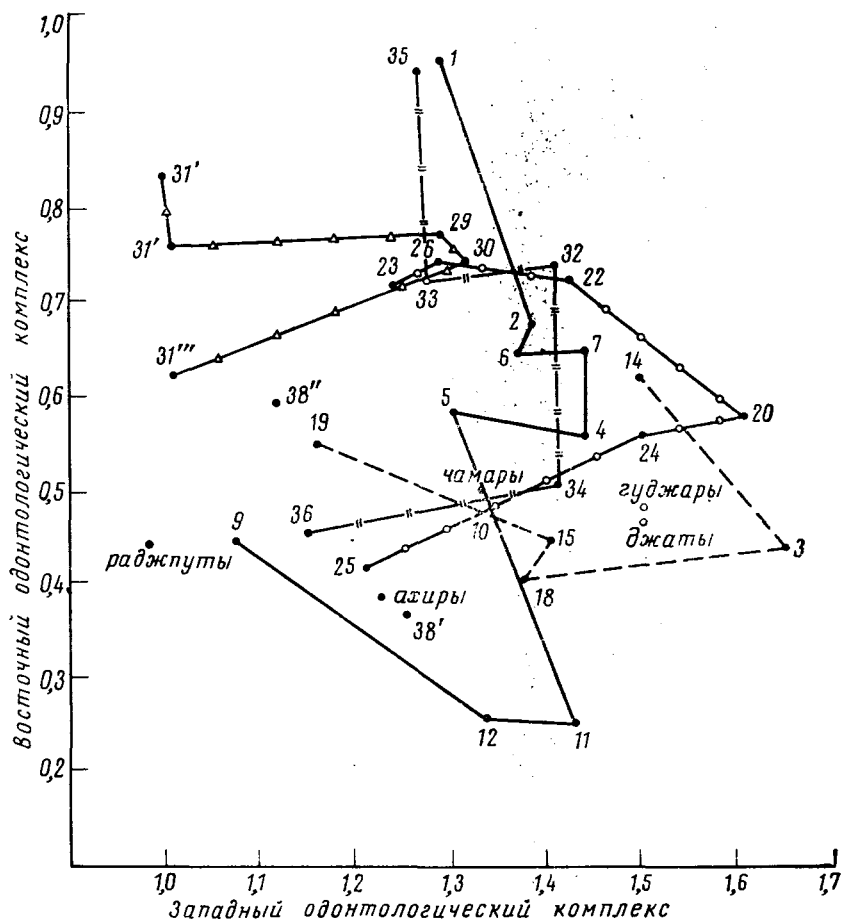

Рис. 3. График сопоставления групп по одонтологическим признакам. На абсциссе отложена сумма следующих признаков, выраженных в радианах, деленная на их число, т. е. 5; частота бугорка Карабелли на M^1 (баллы 2—5), частота четырехбугорковых форм M_1 и M_2 , частота варианта II второй борозды метаконида на M_1 , частота 3 и 4-форм M_2 (западный одонтологический комплекс); на ординате — частота лопатообразной формы I^1 (баллы 2 и 3), частота коленчатой складки метаконида и дистального гребня тригонида на M_1 , частота шестибугорковой формы M_1 , частота внутреннего среднего дополнительного бугорка на M_1 (там) (восточный одонтологический комплекс). Обозначения групп те же, что и на рис. 1, кроме: 32 — туркмены-теке Тедженского района, 33 — туркмены-номуды Казанджикского района, 34 — туркмены-олам и 35 — туркмены-элец Ходжамбасского района, 36 — туркмены-нохурли Бахарденского района.

ся, можно все же, учитывая новые материалы²⁴ и, кроме того, данные археологии о довольно значительном отличии памирского неолита (гиссарская культура) от южнотуркменского (джейтунская)²⁵, предполагать, что на всей территории Памиро-Алая был распространен некий своеобразный антропологический вариант, и в этой части согласиться с Ю. Г. Рычковым²⁶, но, видимо, этот антропологический тип не вошел как «базовый» в современное население междуречья.

В конце IV — начале III тысячелетия до н. э. в различных районах Передней Азии, Индии и Средней Азии фиксируются брахикранные

²⁴ В. П. Алексеев. Древнейшее европеоидное население Средней Азии...; Т. П. Кияткина, В. А. Ранов. Первые антропологические находки каменного века в Таджикистане (неолитические черепа из Туткаула). — «Вопросы антропологии», вып. 37, 1971.

²⁵ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964; «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», М. — Л., 1966.

²⁶ Ю. Г. Рычков. Антропология и генетика...

варианты²⁷. Большинство западноевропейских исследователей связывают их происхождение с так называемым альпийским типом и считают пришельцами из Европы. Правда, А. Валлуа, а также М. Каппиери полагают, что брахикефализация местного населения произошла под влиянием занятия земледелием. Это последнее положение становится более убедительным в свете работ Т. И. Алексеевой²⁸.

Уже в эпоху бронзы все исследователи отмечают значительное разнообразие антропологических типов на описываемой территории, которое все более усиливается со временем за счет притока разных групп населения. Для территории Среднеазиатского междуречья важно, во-первых, наличие на юге относительно более низко- и среднешироколицего грацильного варианта (Сапаллитеп²⁹, в частности), параллели которому можно видеть только в Северо-Восточном Иране (Хорасан) и еще южнее в Индии.

Во-вторых, в эту же эпоху на севере Таджикистана и на востоке Узбекистана начинается смешение восточносредиземноморского типа с андроновским. Кроме того, продолжают идти процессы брахикефализации и грацилизации, начавшиеся раньше. Грацилизация, видимо, именно в эпоху бронзы и сакское время проявилась достаточно резко³⁰.

На рубеже нашей эры у населения Средней Азии появляются первые монголоидные особенности, со временем их количество все увеличивается. Древние группы оттесняются высоко в горы, усиливаются метисационные процессы³¹. Особенно интенсивное смешение происходит на равнине, но пришлые элементы проникают и в горные районы.

Таким образом, учитывая все сказанное и принимая во внимание исследования современного населения, можно утверждать, что на территории Среднеазиатского междуречья складывается несколько европеоидных типов, прослеживаемых у современного населения. Так, по нашим данным, на территории Таджикистана можно выделить тип, характеризующийся промежуточным положением между большими европеоидной и монголоидной расами. Для него характерны: темная пигментация с небольшим количеством смешанных оттенков глаз, 10—15% наличия эпикантуса, средние диаметры лица, среднеразвитый волосяной покров, средняя горизонтальная профилировка лица со средневыступающими скулами и носом. Этот тип можно связать с равнинным вариантом расы Среднеазиатского междуречья. Он представлен у узбеков, не имевших в прошлом родо-племенного деления, и у таджиков равнины (Ура-Тюбинский район). Он формировался на базе восточносредиземноморского со значительной монголоидной примесью; не исключена в нем примесь и других европеоидных типов Средней Азии (древних и современных). Он распространен главным образом в районах, наиболее доступных пришельцам, т. е. на равнинах.

К сожалению, наши экспедиции пока не обследовали узбеков, отсидевшихся в прошлом к различным родо-племенным подразделениям. Эта работа будет проведена позднее. Анализ же опубликованных материалов (Л. В. Ошанин, В. В. Гинзбург, К. Д. Наджимов и др.) показывает еще большую их неоднородность по сравнению с таджиками. Видимо, некоторые из родовых подразделений узбеков, имеющие наи-

²⁷ J. L. Angel. Skeletal material from Attica.— «Hesperia», v. 14, 1945; E. Pittard. Les relations anthropologiques entre d'Asie mineure et l'Europe à la période néolithique.— «Türk Tarih Kurumu. Belleten», t. 2, № 5—6, 1938; H. Vallois. Les ossements humains de Sialk.— В кн.: R. Ghirshman. Fouilles de Sialk près de Kashan, t. II. Paris, 1939.

²⁸ T. Alekseeva. Morpho-functional population studies in some biogeochemical USSR provinces as viewed in the light of the adaptation problem.— «Proceedings of VIII International Congress of Anthrop. and Ethnograf. Sciences», v. 1, Tokyo — Kyoto, 1968.

²⁹ Т. К. Ходжайов. Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитеп. Ташкент, 1977.

³⁰ В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова. Палеоантропология Средней Азии...

³¹ Там же.

более позднее происхождение (например, кунграт, мангыт и др.), надо включить в южносибирскую расу из-за значительно более сильного проявления в их антропологическом типе монголоидных характеристик, другие — в равнинный вариант расы Среднеазиатского междуречья. Однако для подтверждения этого тезиса потребуется проделать большую работу с литературными источниками, а также собрать новые материалы на территории Узбекистана.

Второй и третий варианты, по предложению А. П. Пестрякова³², можно назвать соответственно по географическому принципу — южно-таджикский и северотаджикский. Южнотаджикский вариант характеризуется низким и среднешироким лицом, прямым лбом, грациозностью, темной пигментацией, повышением третичного волосяного покрова на лице и теле.

Косвенным свидетельством индийских связей этого варианта может служить сходство таджикских и некоторых узбекских групп (более грациальных по морфологии) с индийскими по одонтологическим характеристикам. Представители северотаджикского типа в противоположность ему имеют высокое и среднеширокое лицо (несколько шире, чем на юге), более покатый лоб с сильно развитым надбровьем, большой процент светлых и смешанных глаз, сильнее развитую складку верхнего века.

Южнотаджикский тип существовал в Передней Азии еще с шумерского времени³³. Возможно, его проникновение на описываемую территорию началось очень давно, так как черепа такого типа фиксируются в Таджикистане еще в эпоху бронзы (Тигровая балка I—IV). С рубежа нашей эры этот тип мог смешаться с монголоидами. Он близок персам Ирана³⁴.

Северотаджикский тип, как показано ранее, формируется на основе восточномедиземноморского при включении значительного количества андроновского. Его древним прототипом мог быть указанный ранее матуризованный высокошироколицый тип (ранний Тулхар), к которому, вероятно, принадлежали ранние кочевники. Кроме того, надо указать на возможное своеобразие антропологического типа населения Памиро-Алая, которое, к сожалению, пока может быть проиллюстрировано очень малым количеством данных.

Одонтологические данные подтверждают именно такой путь формирования антропологических вариантов: у узбеков и таджиков равнины явно присутствуют среднеевропейский (который можно соотнести со степным) и восточный компоненты. У южных таджиков прослеживается своеобразный одонтологический тип, свойственный ягнобцам, восточный компонент также присутствует. Роль и связи уралонидного одонтологического компонента пока еще не совсем ясны.

Итак, наши исследования последних лет свидетельствуют, что в настоящее время на обширной территории Среднеазиатского междуречья, в горных районах Таджикистана и на Памире существуют различные расовые типы, и, нужно рассматривать каждый из них в отдельности. Для комплекса признаков, распространенного собственно в Среднеазиатском междуречье верна гипотеза Т. А. Трофимовой и В. В. Гинзбурга, но мы должны добавить к ней, что определенную роль сыграл и бактрийский тип, а также монголоидные элементы. Для северотаджикского типа справедлива гипотеза Т. А. Трофимовой. Новым является вывод о южно-таджикском варианте и его сложении.

³² А. П. Пестряков. Антропологические исследования...

³³ C. S. Coon. Races of Europe. London, 1966.

³⁴ H. Field. Ancient and modern man in South-Western Asia. Florida, v. I, 1956; v. II, 1961.

TOWARDS THE PROBLEM OF THE ORIGINS OF THE PAMIR- FERGANA RACE

The author examines a problem that has been much discussed but has not as yet been definitively solved: that of the rise of the Pamir-Fergana race (i. e. the Central Asian Interfluvial race). In the course of a number of expeditions carried out by the Anthropology Sector of the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences, new data has been accumulated on the anthropological type and the odontological characteristics of the Tajiks. Analysis of this data as well as of craniological material both from the Interfluvial area and from adjacent regions gives rise to the concept that several anthropological variants may be distinguished in the Tajikistan area the North Tajik and the South Tajik variants, a third prevailing in the plains of the Interfluvial area as such, and the fourth characteristic of the Pamir-Alay population. The first three variants stem from the early East Mediterranean type; in the evolution of the first of them (the North Tajik type) a great part was also played by the early population of Kazakhstan, the Andronovo peoples. An important component in the South Tajik variant was a peculiar, comparatively low-faced, extremely gracile, dark-pigmented type stemming from the population of the adjacent southern regions of Khorasan and, possibly, of India. The fourth variant, that of the Pamir-Alay area appears to be an independent type to which it is up to the present time difficult to ascribe definite characteristics.

From the above we may conclude that the question of how the Interfluvial race was formed is not to be answered in a simple formula. Thus, the North Tajik variant evolved as a result of the mixing of the Andronovo and the East Mediterranean types (according to a hypothesis of T. A. Trofimova), the plains population evolved through the mixing of a gracilized Andronovo type with a brachicephalized East Mediterranean one (a hypothesis of T. A. Trofimova and V. V. Ginsburg), a certain part being played also by the South Tajik variant and Mongoloid types. The South Tajik variant itself is connected in its origins with areas lying further to the south, notably with East Khorasan.

В. Г. Осинов

ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ ТОНГАНЦЕВ С ЕВРОПЕЙЦАМИ В XVII—XVIII вв.

Архипелаг Тонга, состоящий из 160 островов, общей площадью 697 км², расположен в юго-западной части Тихого океана.

Тонганцы по языку, культуре и антропологическому типу относятся к полинезийцам, которые в свою очередь являются потомками азиатских мигрантов. Радиоуглеродная дата заселения архипелага — конец II тысячелетия до н. э.

К середине нынешнего тысячелетия тонганцы создали своеобразную цивилизацию, главными элементами которой были интенсивное земледелие, достигшее высокого уровня развития, ремесла (среди которых особенно выделялось искусство судостроения) и уникальная духовная культура. В обществе островитян наблюдалась весьма сложная социальная иерархия¹.

Проникновение европейцев в бассейн Тихого океана началось в XVI в., после того как испанский конкистадор Бальбоа, перейдя в 1513 г. Панамский перешеек, вышел на побережье неизвестного дотоле «Южного моря». Спустя 8 лет Фернан Магеллан совершил первый в истории человечества транстихоокеанский переход от Огненной Земли через Марианские острова к Филиппинам. Этот маршрут был повторен испанцем Лойсой в 1525 г. Затем последовали плавания его соотечественников — Сааведры (1527), Вильялобоса (1542), Легаспы и Урданеты (1564), Менданы (1567 и 1595), Кироса и Торреса (1605). В результате этих путешествий к началу XVII в. в Тихоокеанском бассейне был открыт ряд архипелагов Микронезии и Меланезии, а также отдельные острова Восточной Полинезии. Как и в Вест-Индии, в Тихом океане испанцы проводили кровавую политику конкисты.

В XVII в. лидером в освоении заморских земель становится Голландия. Именно голландцы — Якоб Лемер и Виллем Схаутен — открыли в апреле 1616 г. два самых северных острова, входящих ныне в состав королевства Тонга, — Тафахи и Ниуатобутану, осуществив тем самым первый контакт европейцев с тонганцами². Вот как Лемер описывает эту встречу: «К нам подошла небольшая парусная лодка. Мы бросили им канат... Они... привязали к нему 2 кокосовых ореха и 3—4 летучих рыбы, крича нам что-то все время; ... еще 9 или 10 каноэ приближались к нам... в каждом было по 3—4 человека... и когда они подошли к кораблю, то

¹ Подробнее о тонганском обществе см.: С. А. Токарев. Происхождение общественных классов на островах Тонга. — «Сов. этнография», 1958, № 1; E. W. Gifford. Tongan society. — «B. P. Bishop Museum Bulletin», № 161, Honolulu, 1929. См. также: И. М. Меликсетова. Основные тенденции социально-экономической эволюции Тонга. — «Новое в изучении Австралии и Океании», М., 1972.

² Я. М. Свет. История открытия и исследования Австралии и Океании. М., 1966, с. 124.

многие из них попрыгали в воду и поплыли к борту корабля, держа в руках кокосовые орехи и толстые корни, и меняли их на гвозди и бисер, которые были предметами их вожделения»³.

По прочтении этого отрывка из повествования Лемера возникает некоторое недоумение: неужели первое знакомство представителей двух различных цивилизаций выглядело столь прозаично? По логике вещей, островитяне должны были если не проявить большую осмотрительность, вполне естественную в данной ситуации, то хотя бы выяснить сначала, какого рода отношения они могли бы завязать с чужеземцами и чем те могут быть им полезны. Но тонганцы, видимо, не ломали себе головы над подобной альтернативой, они повели себя так, как если бы голландское судно было не первым судном, зашедшим в их воды, а совершало очередной рейс с заведомо известными коммерческими целями.

Пожалуй, можно предположить, что аборигены Тонга, при их развитой системе морских коммуникаций, уже знали от своих океанийских соседей (сведения из первых, вторых или третьих рук) о том, что Тихий океан с некоторых пор стали бороздить диковинные парусные суда, управляемые не менее диковинными людьми, с которыми можно вести взаимовыгодный обмен.

Однако апрельские события 1616 г. развивались не гладко.

На поиски более удобной стоянки голландцы направили шлюпку. Но «как только она отчалила от судна и пошла вдоль берега, ее окружили 12—13 каноэ..., — пишет Лемер, — туземцы, находившиеся в них, казалось, сошли с ума... Они, плывя рядом с нашей шлюпкой, стремились завладеть ею... Но наши люди, решив защитить ее, сделали три выстрела из мушкетов; после первых двух выстрелов туземцы сначала развеселились, думая, что это была детская игра, но третьим выстрелом один из них был поражен в грудь... Его товарищи... обнаружив, что он таким образом был ранен, сразу же оставили шлюпку в покое...»⁴.

Трудно поверить, что островитяне замыслили захват шлюпки в то время, как их знатный соплеменник гостил на корабле. Наверное, тонганцы слишком назойливо проявляли любопытство к европейской лодке, и матросы приняли «превентивные» меры. Впрочем, этот инцидент внешне не повлиял на их отношения, и торговля шла полным ходом. На следующий день «туземный король» прислал на корабль в качестве подарка свинью, а «в полдень сам приплыл на большой парусной лодке, похожей на салазки (двойное каноэ. — В. О.), в сопровождении 35 каноэ. Этого короля или вождя его люди называли Латоу. Мы приняли его, — пишет Лемер, — под звуки труб и барабанов, чему они крайне изумились... Они выказали нам почтение и дружелюбие...»⁵. Но эти же люди вдруг вскоре повели себя иным образом.

«Утром 23 апреля, — сообщает Лемер, — подошло 45 каноэ... в сопровождении 35 небольших парусных лодок, напоминающих салазки; каждая из них имела на борту по 25 человек... Они знаками призывали нас отправиться на соседний остров... Мы снялись с якоря... Парусные лодки и каноэ тесным кольцом окружили наш корабль, и король пересел из парусной лодки в каноэ. Они ударили в барабаны... и начали кричать, что, как нам показалось, означало общий сигнал к атаке... Действительно, лодка, в которой раньше находился король, набрала скорость... и врезалась в наше судно с такой силой, что оба носа ее разлетелись в щепки, а люди, бывшие в ней, попрыгали в воду... Другие стали бросать в нас камнями... но мы открыли по ним огонь из мушкетов и пушек (последние были заряжены картечью и ржавыми гвоздями)... Некоторые из них навсегда забыли дорогу домой, а другие были

³ [J. Le Maire.] Australian navigations discovered by J. Le Maire in the years 1615—1617.—J. A. J. de Villiers. The East and West Indian mirror... London, 1906, p. 199, 200.

⁴ Там же, с. 201.

⁵ Там же, с. 202.

серьезно ранены, и они ретировались... Мы продолжили наше путешествие...»⁶. На этом закончилось первое знакомство тонганцев с европейской культурой и ее техническими достижениями.

Сейчас, конечно, невозможно установить истину: действительно ли островитяне не смогли устоять перед соблазном завладеть кораблем — объектом, разжигавшим профессиональное любопытство потомственных мореходов, или нападение было каким-то образом спровоцировано голландцами. Новозеландский ученый У. Пирсон предположительно мотивирует действия аборигенов тем, что Лемер дважды (последний раз в день нападения) отказался от перчаточного корня, который ему преподносил «король». Корень же этот, точнее, приготавливавшийся из него напиток (кава), играл важную ритуальную роль в жизни островитян⁷.

До 1643 г. острова Тафахи и Ниуатубуту, о которых шла речь, были единственными тонганскими островами, известными европейцам. Архипелаг Тонга ждал своего первооткрывателя. Им оказался соотечественник Лемера и Схаутена — Абель Янсзон Тасман.

19 января 1643 г. его корабли стали на рейде вблизи крупнейшего острова архипелага — Тонгатапу. Как и в случае с Лемером, к кораблю сначала подошло одно каноэ с тремя аборигенами на борту. «Они окликнули нас несколько раз, — пишет Тасман, — и мы обернулись к ним, но не могли понять друг друга; ...когда они подошли к кораблю совсем близко, мы бросили им кусок дерева, к которому привязали два больших гвоздя, а на длинном шесте подали им китайское зеркальце и нитку китайского бисера; они же к шесту привязали рыболовный крючок, сделанный из жемчужной ракушки...»⁸. Надо заметить, что рыболовные крючки представляли для тонганцев значительную материальную ценность, и поэтому состоявшийся обмен можно считать эквивалентным.

Тасман и его спутники нуждались в пресной воде и свежем мясе. Используя словарь, составленный Лемером, они попытались выяснить у гробцов каноэ, можно ли все это раздобыть на их острове, но языковый барьер так и не удалось преодолеть. «Островитяне же, — продолжает Тасман, — все время показывали нам в сторону земли... наконец они пустились в обратный путь... После полудня небольшое каноэ, в котором было 4 человека... подошло к кораблю; они привезли маленький белый флаг и материю из древесных волокон»⁹. Голландцы, надо полагать, из лучших побуждений, предложили аборигенам стакан вина. Те взяли стакан, благоразумно выплеснули из него содержимое, и увезли его с собой на берег.

Вскоре корабль окружили многочисленные каноэ, и завязалась оживленная торговля.

К вечеру на судно пожаловал «человек преклонного возраста... это был, видимо, один из их вождей; мы провели его в каюту, — пишет Тасман, — он низко нам поклонился... мы также почтили его, согласно нашему обычаю... Мы подарили ему нож, зеркальце и кусок холста»¹⁰.

На следующее утро этот вождь прибыл на корабль с ответными подарками. Голландцы показали ему и его свите корабль и «произвели выстрел из большой пушки, что их сильно напугало, и они бросились бежать... но, убедившись, что никто из них от этого не пострадал, быстро успокоились»¹¹. Не преминув продемонстрировать мощь европейского оружия, Тасман, тем не менее, познакомил островитян с европейской музыкой, собрав для этого с обоих кораблей всех матросов, умевших иг-

⁶ J. Le Maire. Указ. паб., с. 203, 204.

⁷ W. H. Pearson. The reception of European voyagers on Polynesian Islands 1568—1797. — «Journal de la Société des Océanistes», Paris, 1970, t. XXVI, № 27, p. 152.

⁸ A. J. Tasman. The journal of the voyage of 1642—43. — A. Sharp. The voyages of Abel Janszoon Tasman. Oxford, 1968, p. 153.

⁹ Там же, с. 154.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 155.

рать на каком-либо музыкальном инструменте. Оркестр, состоявший из скрипки, флейты, трубы, сыграл несколько народных мелодий, вызвав «удивление туземцев».

«Мы не видели, — сообщает Тасман, — никакого оружия у этих людей, везде царили мир и дружба... Они оказывали нам великие почести и выражали дружеские чувства и спрашивали нас, откуда мы пришли и куда хотим пойти дальше»¹².

Сам Абель Тасман вполне доброжелательно относился к тонганцам, но все же, ограниченный предрассудками своего времени и своей среды, не мог видеть в них равных себе людей. Он восхищается их каноэ, с восторгом описывает сады и поля, возделанные тонганцами, и тут же делает вывод: «У этого народа (чье обличье — человеческое, но нравы и обычаи — не присущие человеку) также проявляется искусство, свойственное людям»¹³.

1 февраля 1643 г. голландские корабли покинули гостеприимные острова, и после них в течение 130 лет европейские суда не заходили в воды архипелага Тонга (если не считать однодневного визита С. Уоллиса в 1767 г. на острова Тафахи и Ниуатобутапу).

До сих пор мы имели дело со свидетельствами голландских моряков, которые в общем-то мало вникали в сущность тонганской цивилизации, стесненные как недостатком времени, так и, возможно, поставленными перед ними задачами. В XVIII же веке в тихоокеанском бассейне начинают доминировать английские и французские навигаторы, которые, будучи проводниками новой, более утонченной колониальной политики, уделяли гораздо больше внимания изучению жизненного уклада встречавшихся на их пути народов.

Одним из таких капитанов-исследователей был знаменитый английский мореплаватель Джеймс Кук. Экспедиции, возглавлявшиеся им, преследовали цели как географические, так и политические. Кроме того, участникам экспедиций (в частности, научным специалистам) вменялось в обязанность вести астрономические, зоологические, ботанические и этнографические наблюдения.

Джеймс Кук дважды, в 1773 и 1777 гг., посетил архипелаг Тонга. Записки Кука и его спутников и поныне служат ценнейшим источником по истории и этнографии этих островов. В один ряд с материалами экспедиций Кука можно поставить, пожалуй, лишь мемуары английского моряка Уильяма Маринера, прожившего на Тонга 4 года (1806—1810).

Итак, 2 октября 1773 г. корабли Кука «Резолюшн» и «Адвенчер» стали на якорь у о. Эуа. Тонганцы повели себя так, как будто не было 130-летнего перерыва в сношениях с европейцами: «2 каноэ... подошли к самому кораблю, и некоторые из островитян без малейших кблебаний поднялись на борт. Это проявление доверия, — пишет Кук, — внушило мне доброе мнение об островитянах... Нас окружило множество каноэ, переполненных людьми... они привезли с собой материю и разные диковинки, обменивая все это на гвозди и другие товары»¹⁴.

Совершенно очевидно, что тонганцы были рады возобновлению контакта с европейцами. И конечно же, далеко не на последнем плане у островитян был «потребительский» интерес к заморским гостям.

Историк Т. А. Рикард, опираясь на свидетельства европейских мореплавателей Я. Лемера, А. Тасмана, С. Уоллиса и других, доказывает, что полинезийцы, в частности тонганцы, еще до прихода европейцев имели представление о железе и умели им пользоваться. Рикард считает, что полинезийцы познакомились с металлом (в виде гвоздей, скоб

¹² А. J. *Tasman*. Указ. раб., с. 156, 157.

¹³ Там же, с. 170.

¹⁴ Дж. Кук. Второе кругосветное плавание капитана Джеймса Кука. Плавание к Южному полюсу и вокруг света в 1772—1775 гг. М., 1964, с. 223.

и т. д.), встречая в океане дрейфовавшие обломки кораблей¹⁵. В самом деле, чем объяснить активный спрос на железо, возникший в первые же минуты общения с голландцами? Не подлежит сомнению тот факт, что островитяне приобретали у европейцев железные изделия не просто как абстрактные, экзотические для них безделушки, но имея в виду их прикладные свойства. Георг Форстер, 18-летний спутник Кука, а в будущем выдающийся немецкий мыслитель, отмечал в своем дневнике: «...У туземцев имеются гвозди, которые завезены на остров во времена Тасмана. Мы приобрели один из таких гвоздей, очень маленький, почти съеденный ржавчиной; гвоздь этот, однако, заботливо сохранялся и был прикреплен к деревянной рукоятке и, вероятно, его применяли как сверло или буравчик...»¹⁶.

Замечательно, что с каждой новой встречей тонганцев с европейцами изменялась котировка различных видов железных инструментов. Так, в 1773 г., по свидетельству ученого-астронома У. Уолса, «ножи и топоры ценились очень низко, возможно, из-за недостаточного знакомства с их назначением; гвозди же, как большие, так и мелкие, были очень хорошим товаром»¹⁷. По подсчетам Кука, гвоздей было тогда закуплено тонганцами 300—400 фунтов, т. е. 140—180 кг. Спустя 4 года Кук записал в своем дневнике: «Лучшие объекты для менового торга — мотыги, топоры... Большой спрос был также на крупные гвозди, рашпили, пилы и ножи»¹⁸. Быстрый рост умения островитян обращаться с разнообразными железными орудиями был налицо. Но не меньше чем железо их привлекали мануфактурные изделия и всякие безделушки — «льняные ткани — белые и цветные, увеличительные стекла и бусы...»¹⁹.

Пока торговля шла своим чередом, Кук и его товарищи по экспедиции посетили дом вождя о. Эуа. Языковой барьер, бесспорно, мешал общению гостей и хозяев, и Кук предложил оригинальный обмен «визитными карточками». Он «велел морякам сыграть на волынках, которые были с ними; в ответ вождь приказал трем девушкам спеть, что они и выполнили с очень большой грацией...»²⁰. Неизвестно, понравилась ли тонганцам игра на волынках, но Кук нашел, что песни островитян «очень музыкальны и гармоничны». Уолс, более эмоциональный по натуре, нежели Кук, писал, по этому поводу: «Не могу сдержаться, чтобы не выразить своего восхищения сладкозвучием, мягкостью и мелодичностью их пения и игры на флейтах и свирелях»²¹. После этого небольшого импровизированного концерта, убедившего англичан в том, что они имеют дело с высококультурным народом, гостям было предложено отведать традиционный полинезийский напиток «каву». Кава приготовлялась путем пережевывания перечного корня и, разумеется, не каждый европеец отважился бы попробовать ее. Спутники Кука наотрез отказались от угощения, но сам Кук пригубил этот пикантный напиток.

На другой день англичане отправились к главному острову архипелага — Тонгатапу. Там встретили их с таким же энтузиазмом, как и на о. Эуа. Кук попросил, чтобы ему показали остров.

«Мне казалось, — пишет Кук, — что я путешествую по самым плодородным равнинам Европы. Тут не было ни дюйма пустующей земли; дороги занимали ровно столько места, сколько было необходимо, изгороди отстояли всего лишь на 4 дюйма от обочин, и даже пространство между

¹⁵ T. A. Rickard. The knowledge and use of iron among the South Sea Islanders.— *Journal of the Royal Anthropological Institute*, v. LXII, 1932.

¹⁶ Дж. Кук. Второе кругосветное плавание..., с. 592, прим. 113.

¹⁷ J. Cook. The voyage of the Resolution and Adventure, 1772—1775. Ed. by J. C. Beaglehole. Cambridge, 1961, p. 812.

¹⁸ Дж. Кук. Третье плавание капитана Джеймса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг. М., 1971, с. 168.

¹⁹ Там же.

²⁰ Дж. Кук. Второе кругосветное плавание..., с. 225.

²¹ J. Cook. The voyage..., 1772—75, p. 846.

ними и полотном дороги не терялось даром: плодовые деревья и кокосовые пальмы насаждались и здесь, они поддерживали изгороди. Так было везде; перемена мест не меняла картину»²².

Кук был изумлен мастерством тонганских судостроителей: «Ничто в такой степени не свидетельствует об изобретательности островитян, как способ постройки их каноэ... Дома, — добавляет он, — островитяне строят не менее изящно...»²³.

Чем глубже вникал Кук в жизненный уклад тонганцев, тем чаще он, может быть безотчетно, проводил аналогии с обычаями родной ему страны. Когда обитатели Тонгатапу, прежде чем взойти на корабль, вручили морякам перечный корень для приготовления кавы, он прокомментировал этот жест следующим образом: «Видимо, это был самый дружественный знак — да ведь и мы сами не могли лучше продемонстрировать другу свое хорошее отношение, чем послать ему приятный напиток»²⁴. Описывая местный способ выражения благодарности, Кук опять не удерживается от сравнения: «Когда я давал что-нибудь детям, матери заставляли их поднимать руки к голове точно так же, как мы в Англии учим ребенка благодарить за что-либо, целуя руку»²⁵.

И даже в общественном строе тонганцев Кук хочет увидеть нечто общее с социальными порядками Англии: «Здесь правит король или вождь... страной управляют также другие подвластные этому королю вожди, которые являются лордами и, возможно, собственниками земли в определенных округах; народ им, видимо, полностью покорен... Я также держусь мнения, что все земли на островах, особенно на Тонгатапу, находятся в частной собственности...»²⁶.

В действительности все обстояло в те времена много сложнее. Духовная власть, а также номинально все земли Тонга принадлежали туи-тонга, который был окружен ореолом божественности, светской же властью обладал туи-канокуполу, причем оба титула были наследственными. Само население делилось на четыре основных социальных слоя: вожди (эги); их свита — воины и советники (матабуле); старшие сыновья матабуле (муа) и общинники (туа)²⁷. Кроме того, существовала очень сложная система субординации в отношениях между родственными группами, внутри этих групп и внутри семьи — результат синтеза отживавшего материнского права с утверждавшимся патриархатом. Большая часть земель находилась во владении вождей; общинники — туа — должны были платить им дань и, кроме того, делать подношения туи-тонга, туи-канокуполу и жрецам. В целом же тонганское общество того времени, по мнению С. А. Токарева, можно отнести к раннефеодальным²⁸. Во всяком случае, некоторые элементы феодализма там прослеживались.

Всего этого Кук, понятно, не мог узнать за 7 дней своего первого визита на Тонга, но все-таки то, что он зафиксировал в своих записях, в общих чертах, как мы видим, соответствовало реальности.

Куку, отнюдь не склонному к идеализации, решительно все нравилось на Тонгатапу. «Никто здесь не лишен благ бытия, радость и довольство написаны на всех лицах, и поведение островитян по отношению к нам было мягким и благосклонным... и оценивая все особенности их поведения по отношению к нам и их навыки в ремесле, я должен признать, что они находятся на высшем уровне цивилизации»²⁹.

²² Дж. Кук. Второе кругосветное плавание..., с. 229, 230.

²³ Там же, с. 238, 240.

²⁴ Там же, с. 242.

²⁵ Там же, с. 243.

²⁶ Там же, с. 243.

²⁷ E. W. Gifford. Указ. раб., с. 108.

²⁸ См. С. А. Токарев. Указ. раб.

²⁹ Дж. Кук. Второе кругосветное плавание..., с. 244.

Это заявление вносило существенную поправку в распространенные в XVIII в. теории о «добрых» и «злых» дикарях. Кук, безусловно, не ставил знака равенства (хотя иногда проводил параллели) между европейской и тонганской цивилизациями. Но, отдавая должное высокому уровню развития тонганского народа в данных географических и исторических условиях, он считал естественным употребить термин «цивилизация», что для того времени было довольно радикальным шагом.

В ходе второго визита Кука на Тонга, на островах Хаапаи состоялась интереснейшая демонстрация достижений обеих цивилизаций, вылившаяся в подлинное состязание. Причем европейцы делали ставку на свое техническое превосходство, тонганцы же использовали свои «козыри» в области художественной культуры. Все началось с того, что местный военный вождь Финоу (Финау) «выразил желание посмотреть на экзерциции морской пехоты. После того как они провели разные маневры и дали несколько залпов, — повествует Кук, — вождь в свою очередь развел нас совершенно новым зрелищем. Это было нечто подобное пляске, исполненной юношами и именитыми мужами, но это зрелище было так не похоже на все то, что доводилось мне видеть в любой из частей света, что я даже не в силах описать то, что увидел здесь. В этом представлении может участвовать любое количество танцоров, в данном же случае в нем принимало участие 105 человек... Главную роль играла песня, которая исполнялась так, что создавалось впечатление, будто поет один голос. Песня была музыкальной и гармоничной, и все движения были настолько точны, что вся масса танцоров действовала, словно один человек. По нашему единодушному мнению, это представление было бы встречено в любом европейском театре с всеобщим одобрением, и так велико было наше наслаждение этим зрелищем, что мы пришли к убеждению: островитяне превосходили нас»³⁰.

Признание в том, что островитяне превосходили европейцев, Кук вряд ли сделал во всеуслышание. Самолюбие англичан требовало реванша, и Кук («чтобы оставить у островитян лучшее представление о наших зрелищах») распорядился устроить с наступлением темноты фейерверк. Он, судя по всему, был впечатляющим. Особенно удался запуск ракет. «Они, — пишет с нескрываемым удовлетворением Кук, — поразили всех сверх меры и решительно склонили чашу весов в нашу пользу»³¹. Лейтенант Дж. Кинг вторит своему командиру: «Нас весьма удовлетворило то, что мы одержали полную победу над их разумом»³².

Несколькими днями позже тонганцы и европейцы померялись силами в другого рода состязаниях: борьбе и боксе. Англичане «всякий раз были побеждены, — констатирует У. Андерсон, руководитель научной части экспедиции, — за исключением 2—3 случаев, когда было очевидно, что боязнь туземцев обидеть нас способствовала их поражению гораздо больше, нежели превосходство европейских соперников»³³.

Островитяне, действительно, относились к гостям весьма предупредительно и дружелюбно, что неоднократно подчеркивали и Кук, и большинство его спутников. Недаром Кук называл архипелаг Тонга островами Дружбы. Но со стороны европейцев отношение к островитянам было, мягко говоря, неровным. Не раз за время обоих визитов случались кровавые инциденты, причем кровь проливалась всегда тонганская. Причи-

³⁰ Дж. Кук. Третье плавание..., с. 125, 126. Танец этот называется «меетуупаки»; обычно он исполнялся перед туи-тонга на церемониях, посвященных празднику «первого плода» — «иначи». — См.: A. L. Kaeppler. Preservation and evolution of form and function in two types of Tongan dance. — «Polynesian culture history». Honolulu, 1967, p. 511.

³¹ Дж. Кук. Третье плавание..., с. 126.

³² J. Cook. The voyage of Resolution and Discovery, 1776—1780, pt. II. Cambridge, 1967, p. 1361.

³³ Там же, p. 901.

ной этих столкновений, как правило, служила пресловутая склонность островитян к воровству, отмечавшаяся всеми европейскими мореплавателями.

Дело в том, что представления аборигенов о собственности, в значительной мере еще первобытнообщинные, никак не регламентировали их отношение к имуществу европейцев. На это имущество не распространялись ни табуации, ни обычное право островитян. Практически все вещи, принадлежавшие европейцам, могли привлечь внимание местных жителей как нечто невиданное, экзотическое, и они прихватывали с собой буквально все, что «плохо лежало на месте», зачастую совершенно не представляя себе назначение предмета (например, такелажные приспособления, книги и пр.). Яркую иллюстрацию этому явлению дает сам Кук в своем дневнике. Когда экспедиция прибыла на Гавайские острова, «первый человек, поднявшийся на борт, при всем его удивлении не забыл и о собственной выгоде: первой движимой вещью, которая оказалась на его пути, был лот с линем, и он, ничего ни у кого не спрашивая, схватил его, чтобы бросить в свое каноэ, а когда мы остановили этого человека, он сказал: „Я ведь только хотел положить это в свою лодку“»³⁴. Этот отрывок из дневника иллюстрирует к тому же явное недопонимание Куком психологической подоплеки несостоявшейся «кражи». Именно из-за этого взаимонепонимания, «из-за несоответствия, — как справедливо считает С. А. Токарев, — между первобытнообщинными и буржуазными понятиями о собственности возникала длительная вражда, переходившая в кровавые столкновения островитян с европейцами»³⁵. Между тем все эти «кражи» с лихвой окупались безвозмездными подношениями островитян в виде съестных припасов.

Кук знал, что некоторые члены его экипажа готовы на крайнюю жестокость по отношению к тонганцам, и он на первых порах старался сглаживать трения, возникавшие между моряками и островитянами, а если это не удавалось сделать, то в дневнике вскользь упоминал о произошедшем инциденте или вообще не касался его. Но не он один вел дневник, и кровавые подробности пребывания англичан на Тонга впоследствии все же стали достоянием гласности. Так, например, в дневнике Кука за 5 октября 1773 г. нет упоминаний об инциденте, связанном с похищением книг из штурманской рубки. За аборигеном, присвоившим книги, была организована погоня на шлюпке (сам абориген уже бросил злосчастные фолианты и вплавь направлялся к берегу). Г. Форстер описал эту погоню: «Один из матросов ударил его багром; к несчастью, крюк вонзился в тело меж ребер, и матросу не составило труда подтянуть индейца к шлюпке и заставить его поползти на борт. Однако индеец улучил момент, вскочил, и прежде, чем все опомнились, прыгнул обратно в море и уплыл, несмотря на большую потерю крови...»³⁶.

Надо сказать, что лично Куку тоже не было чуждо проявление жестокости, особенно в пятинедельный период второго визита на Тонга.

По приказанию Кука за любую кражу, крупную или пустяковую, аборигенов поролы, вырезали кресты на их руках, выбривали им головы, что считалось для них позором, наконец, по ним открывали огонь. Мало того, однажды Кук продержал под арестом в течение нескольких часов группу вождей во главе с туи-тонга Паулахо и Финау. Поводом для этого послужило исчезновение козленка и двух индюков.

Тонганцы нередко открыто выражали свое недовольство жестокими и унижающими их человеческое достоинство поступками английских моряков. Но до прямых выступлений против европейцев, как это случилось 14 февраля 1779 г. на Гавайях, в день гибели Кука, дело не доходило.

³⁴ Дж. Кук. Третье плавание..., с. 256.

³⁵ С. А. Токарев. Указ. раб., с. 128.

³⁶ G. Forster. Reise um die Welt. Die zweite Weltumsegelung von James Cook. Berlin, 1960, S. 254, 255.

Правда, некоторые зарубежные авторы полагают, что в 1777 г. Куку угрожал заговор³⁷, ссылаясь при этом на известное сообщение У. Маринера: «Островитяне планировали против него заговор, который неминуемо был бы приведен в действие, если бы вожди, участники заговора, не стали спорить о точном способе и времени совершения нападения»³⁸. Но утверждение это не подкреплено пока другими доказательствами. И что бы там ни было на самом деле, 17 июля 1777 г. англичане благополучно покинули архипелаг Тонга, оставив аборигенам десятки килограммов железных инструментов, многочисленные текстильные изделия и безделушки, семена огородных культур, несколько пар крупного и мелкого рогатого скота, индюшат, собак и, сверх всего этого — шрамы, увечья и венерические болезни.

После Кука первым зашел в тонганские воды испанский капитан Антонио Маурелье. В феврале 1781 г. он открыл группу островов Вавау в архипелаге Тонга. «Индейцы, — пишет Маурелье, — с полным доверием к нам поднялись на борт; тот, кто ими руководил, продемонстрировал к нам самую нежную дружбу: он танцевал на палубе и пел песни... Островитяне, в обмен на свои продукты... желали получить топоры, тесла и другие инструменты, но я запретил под угрозой самых суровых наказаний уступать им, и я заставил их повиноваться. Они должны были довольствоваться кусками холста или другой ткани»³⁹.

Через 8 лет после визита Маурелье к тонганскому острову Тофуа пристал баркас, в котором находились печально знаменитый капитан Блай и его 18 спутников, «списанные» с корабля взбунтовавшейся командой. Но островитяне по невыясненным причинам дали возможность англичанам пробыть на острове только сутки, а затем «они атаковали нас, бросая камни, — рассказывает Блай, — один из наших людей был еще на суше; несчастному пробили голову камнем... и всякая надежда спасти его была оставлена»⁴⁰. Возможно, что участок побережья, на который высадился Блай, был табуирован.

В марте 1793 г. французский адмирал А. д'Антркасто, посланный на поиски пропавшей экспедиции Лаперуза, стал на рейде вблизи о. Эуа. 17-дневный визит французов протекал довольно спокойно. Д'Антркасто был даже вручен почетный дар — диадема, изготовленная из перьев фиджийских попугаев⁴¹. Ранее такой чести из европейцев удостоивались лишь капитан Кук и капитан Клерк — командир корабля «Дискавери» в последнем путешествии Кука.

В 1796 г. к о. Намука ненадолго подходило американское торговое судно «Оттер»⁴². С отплытием этого корабля, собственно, и кончается период первых контактов тонганцев с европейцами, период, отнюдь не условно, а исторически ограниченный XVII и XVIII вв., ибо в 1797 г. к островам Дружбы подошло английское судно «Дафф», привезя первую партию миссионеров⁴³, которые имели перед собой перспективную цель установить постоянный контакт между Великобританией и ее потенциальной колонией.

Итак, опираясь на изложенные выше факты, можно сделать вывод, что знакомство европейцев и тонганцев происходило в трех основных ас-

³⁷ См., например: J. C. Beaglehole. The exploration of the Pacific. Stanford, 1966, p. 293; W. P. Morell. Britain in the Pacific Islands. Oxford, 1960, p. 23.

³⁸ W. Mariner. An account of the natives of the Tonga Islands... (ed. J. Martin), v. II. London, 1817, p. 64, 65.

³⁹ A. Maurelle. Voyage de Manille à San Blas. — «Albert-Montémont, Bibliothèque universelle des voyages...», v. XIII. Paris, 1834, p. 232, 234.

⁴⁰ Bligh. Voyage à la mer du Sud. — «Albert-Montémont, Bibliothèque universelle des voyages...», v. XIII. Paris, 1834, p. 326.

⁴¹ Labillardière. Relation du voyage à la recherche de La Pérouse..., v. II Paris, 1799, p. 162.

⁴² G. P. Insh. The voyage of the Otter, 1795—97. — «Scottish Geographical Magazine», vol. 67, № 1, 1951.

⁴³ C. H. Grattan. The Southwest Pacific to 1900. Ann Arbor, 1963, p. 198.

пектах: через взаимное сопоставление их производственных достижений, художественных культур и общественных укладов. Что касается первого аспекта, то здесь наблюдалось, так сказать, относительное равноуважение друг к другу. Тонганцев восхищала европейская техника, они безусловно, признавали ее превосходство над своей. Но и европейцы воздавали должное туземным ремеслам, высокой культуре земледелия, мореходному искусству. Правда, европейцы никогда не забывали о своих технических преимуществах, и это, конечно, накладывало определенный отпечаток на их отношение к аборигенам. С другой стороны, проигрывая в технических атрибутах своей цивилизации, тонганцы изумляли европейцев своей художественной культурой. Действительно, ни Куку, ни его просвещенным современникам не пришло бы в голову предложить крестьянам выступить на театральной сцене со своими песнями и танцами, тогда как представление островитян, по признанию Кука, «было бы встречено в любом европейском театре со всеобщим одобрением».

И дело, пожалуй, не только в экзотике. В течение XVIII в. продолжалось открытие европейцами новых, неизвестных им дотоле народов. Художественная культура этих народов, бесспорно, вызывала у путешественников искренний интерес, но интерес скорее исследовательский, не подкрепленный эмоционально-психологическим сопереживанием. Полинезийское же искусство, в частности тонганское, нашло живейший отклик у европейцев. Оно доставило им (и доставляет) истинное эстетическое наслаждение. Когда Кук описывает художественное мастерство тонганцев, меняется даже стиль его повествования, всегда сдержанно-деловой: в каждом слове сквозит неподдельное восхищение увиденным и услышанным. То же самое можно сказать и о впечатлениях участников его экспедиций. Примечательно, что и другие европейские мореплаватели, побывавшие в XVIII в. в Полинезии (например, С. Уоллис, Л. Бугенвиль, А. д'Антраксто), также не остались равнодушными к искусству аборигенов, и, возможно, ни один из неевропейских народов не получил столь сочувственного признания своей художественной культуры, какое получили полинезийцы.

Все это наводит на мысль, что мы имеем дело с явлением, которое можно было бы назвать культурным, или эстетическим резонансом. Суть этого явления заключается в том, что разные по своей материальной основе общества, разделенные огромными расстояниями, видимо, могут иметь как менее, так и более сходные в чем-то структуры эстетического мировосприятия. Когда это сходство значительное, их художественные культуры, далеко не идентичные по формам и средствам выражения, передают, однако, чувства в равной степени понятно для членов обоих обществ. Образно говоря, эти культуры резонируют друг другу, как могут резонировать между собой вещественно различные камертоны: в нашем случае звучание полинезийского камертона вызвало ответное звучание камертона европейского. Рассматривая эту «резонирующую» пару — художественное сознание европейцев и полинезийцев, мы подразумеваем под первой составляющей эстетические критерии общеевропейской буржуазной культуры, унаследованные от древних греков, чьи эпос и искусство, по словам Маркса, «продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недостижимым образцом»⁴⁴. Понятно, что в средние века, когда духовное развитие человека деформировал догмат церкви, «культурный резонанс» вряд ли мог иметь место (пример тому — контакты испанцев с полинезийцами). Но в XVIII в., который, по выражению Энгельса, «был возрождением античного духа в противовес христианскому»⁴⁵, полинезийцы встретились с но-

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, с. 737.

⁴⁵ Там же, т. 1, с. 599.

сителями новой, прогрессивной тогда буржуазной культуры — и «резонанс» стал возможным. Именно он, «резонанс», в значительной степени способствовал, на наш взгляд, возникновению в ходе контактов более глубокого взаимодействия между европейцами и полинезийцами, чем скажем, между европейцами и меланезийцами, тоже островным народом.

Известный австралийский искусствовед Бернард Смит, анализируя восприятие европейцами полинезийского мира, пришел к заключению, что «музыка, поэзия, скульптура и социальные институты океанийских народов ассоциировались в умах многих европейских путешественников с обычаями их собственных предков»⁴⁶. Видимо, и здесь «резонанс» сыграл не последнюю роль.

Если принять гипотезу «культурного резонанса», то перед нами встанет проблема: случайным или не случайным оказалось созвучие некоторых сторон художественной культуры народов Европы и Полинезии, разьединенных полуокружностью планеты? Возможно, духовное развитие полинезийцев шло в течение какого-то времени путем, достаточно близким пути духовного развития европейцев, и в XVII—XVIII вв. стадияльно подходило к уровню предклассической Греции. Не исключены, конечно, и другие объяснения. Как бы то ни было, проблема эта требует самостоятельного исследования. Естественно, что и сама гипотеза «резонанса» нуждается в подтверждении. Разработка ее с привлечением широкого материала, вероятно, позволила бы выявить другие «резонирующие» пары или триады и, может статься, привела бы к выводу, что «культурный резонанс» не ограничивается только сходством структур эстетического мировосприятия. Кетати сказать, в психологии пользуются понятием «эмоциональный резонанс», имея в виду повышенное сочувствование между отдельными индивидами. Почему бы не проверить возможность «резонанса» между социальными организмами, в том числе этносоциальными, не экстраполируя, разумеется, биологические законы на общественные?

Вернемся к основной теме статьи. Сложнее складывалась ситуация в третьем аспекте контакта — взаимоотношениях представителей разных социальных систем. В Европе в те века феодальный период истории был уже на исходе, были пережиты первые буржуазные революции. На Тонга же только начинали проявляться некоторые черты, присущие феодализму — прежде всего выделение социального слоя землевладельцев, эксплуатировавшего массы земледельцев.

Именно потому, что общества эти разделяла целая эпоха, отличия в общественном сознании европейцев и тонганцев были разительными. В то время как европейцы имели устоявшиеся представления о частной собственности, тонганцы в этом плане еще не до конца отрешились от первобытнообщинных критериев. Разрыв в общественном сознании европейцев и тонганцев явился главной причиной конфликтов, возникавших между ними и сопровождавшихся нередко кровопролитием. К этому надо прибавить грубое, явно пренебрежительное отношение большинства европейских моряков ко всем, кто мог противопоставить огнестрельному оружию в лучшем случае лук и стрелы. Кроме того, следуя духу своего времени, мореплаватели с Запада, вольно или невольно, смотрели на островитян как на возможных своих колониальных «подопечных». Все это вместе взятое, естественно, препятствовало установлению между представителями обеих цивилизаций подлинно гуманных, равноправных отношений.

Первые контакты тонганцев с европейцами, по определению видного западногерманского этнографа Г. Коха, были как бы преддверием

⁴⁶ B. Smith. *European vision and South Pacific, 1768—1850*. Oxford, 1969, p. 95.

«культурного столкновения»⁴⁷. Собственно «культурное столкновение», а точнее, прямое влияние «западной цивилизации» на тонганскую, началось в XIX в. и продолжается по сей день. Некоторые предварительные итоги данного процесса подвел этнолог-океанист Р. Крокомб: «Грустно смотреть на тонганцев, исторически представляющих собой одну из величайших и великолепнейших культур Океании, а сегодня едва сводящих концы с концами за счет продажи своего труда, главным образом неквалифицированного, хозяйствам Ниуэ, Науру, Гавайев, Американского Самоа, Новых Гебрид и т. п.... Огромная разница существует между их прежним положением, когда они были величайшими мореходами Океании, и нынешним, когда они стали просто палубными матросами, каких бесчисленное множество»⁴⁸.

EARLY CONTACTS BETWEEN TONGANS AND EUROPEANS (17th AND 18th CENTURIES)

An attempt is made in the paper to define and describe the relations between the representatives of two different civilizations, the European and the Tongan, in their 17th and 18th centuries contacts.

The author analyses the appropriate materials on the expeditions of J. Le Maire and W. Schauten, of J. Cook and others; he comes to the conclusion that there may be distinguished three aspects in which the Europeans and the Tongans came to a better knowledge of one another, namely a comparison of their technological achievements, their artistic cultures and their social structures.

While giving their due to the Tongans' native crafts, the high level of their agriculture, their navigational skill, the Europeans nevertheless always stressed their own technological superiority; many of their actions were impregnated with a colonialist spirit. Besides this, the social consciousness of the Europeans and the Tongans differed seriously in many ways (e. g. in their respective ideas of private property, etc.). All this, taken together, naturally posed an obstacle to the establishment of genuinely humane relations based upon equal rights.

Still, the artistic culture of the Tongans (and of the Polynesians in general) found a keen response on the part of European navigators. The author advances the hypothesis of «cultural resonance» according to which societies having different material bases may yet be somewhat similarly structured in their aesthetic apperception of reality. Their artistic cultures, without being identical as to form and means of expression resound as it were against one another and succeed in conveying feelings in a way to a certain degree comprehensible to members of both societies.

⁴⁷ G. Koch. Das gegenwärtige Ergebnis des Kulturwandels bei den Tonganern und die Ursachen dieser Entwicklung.—«Zeitschrift für Ethnologie», Bd. 79, Hft. 2, 1954, S. 168.

⁴⁸ R. G. Crocombe. The new South Pacific. Christchurch, 1973, p. 106.

Ю. И. Семенов

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ЭКОНОМИКИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА *

Вокруг моей статьи «О специфике первобытных производственных (социально-экономических) отношений»¹ развернулась дискуссия, в ходе которой были высказаны различного рода взгляды. Среди опубликованных материалов самой большой является статья Д. В. Гурьева «О специфике производственных отношений первобытного общества (в связи с обсуждением концепции Ю. И. Семенова)»².

Д. В. Гурьев начинает с заявления, что «в обсуждаемой статье отчетливо прослеживается давняя тенденция Ю. И. Семенова анализировать прежде всего отношения распределения предметов потребления, их генезис и развитие, оставляя в стороне рассмотрение главного — возникновение и развитие процесса производства и отношений в нем его участников» (стр. 72). Такой подход он считает ошибочным. «Не случайно поэтому, — добавляет он, — и в этой статье фактически игнорируется процесс производства» (стр. 72).

Прежде всего не совсем понятно, что имеет в виду Д. В. Гурьев, говоря об отношениях участников производства. Если он подразумевает производственные отношения, то как можно противопоставлять их исследование анализу отношений распределения? Ведь, как хорошо известно, отношения распределения относятся к производственным отношениям. И, кстати сказать, в моей статье рассматриваются не только отношения распределения, но вся вообще система первобытных производственных отношений в целом, хотя отношениям распределения уделяется особое внимание. Что же касается возникновения и развития процесса производства, то оно в статье действительно не рассматривается, но только не в силу, а скорее вопреки «давней тенденции». Ведь возникновению и развитию процесса производства была целиком посвящена моя работа «Возникновение и основные этапы развития труда»³ и четыре главы (стр. 115—141) монографии «Как возникло человечество» (М., 1966). Считая, что этот вопрос был мною в свое время детально рассмотрен, в данной статье я остановился лишь на социально-экономических отношениях первобытного общества. Это достаточно четко выражено в ее названии. Статья целиком посвящена проблемам этноэкономики, т. е. политической экономики первобытного общества. А как известно, предмет политэкономии «вовсе не „производство материальных ценностей“, как

* Учитывая важность предмета дискуссии и наличие ряда дискуссионных положений в концепции Ю. И. Семенова, редакция предполагает продолжить обсуждение этой проблемы (Ред.).

¹ «Сов. этнография», 1976, № 4. В дальнейшем все ссылки на данную статью даются в тексте.

² «Сов. этнография», 1977, № 1. В дальнейшем все ссылки на статью Д. В. Гурьева даются в тексте.

³ «Уч. зап. Красноярского гос. пед. ин-та», т. 4. 1956, с. 115—224.

часто говорят (это — предмет технологии), а общественные отношения людей по производству»⁴.

Говоря об общей порочности моего подхода к анализу первобытной экономики, Д. В. Гурьев далее делает вывод, что именно он и обусловил такое, с его точки зрения, печальное обстоятельство, что «центральное место в статье занимает не анализ самих производственных отношений первобытности, а специфика их связи с надстроечными отношениями, в которой Ю. И. Семенов и видит главное отличие первобытного производства от капиталистического» (стр. 74). Последний упрек Д. В. Гурьев повторяет неоднократно. «Главное отличие производственных отношений первобытности от производственных отношений в буржуазном обществе, — пишет он в другом месте (стр. 73, 74), — Ю. И. Семенов усматривает поэтому не в том, что первые являются отношениями коллективизма, взаимопомощи, а вторые — отношениями эксплуатации, а в отсутствии или наличии вещных товарно-денежных отношений распределения и соответствующих им меркантильных интересов (последние оказываются одинаковыми и у капиталистов и у рабочих)» (стр. 73, 74).

Не будем уделять много внимания попытке Д. В. Гурьева приписать мне положение об общности интересов капиталистов и рабочих. Это, по-видимому, сделано в пылу полемики и в достаточной степени опровергается содержанием статьи. «Людям, лишенным средств производства, — говорится в ней, — не остается ничего другого, как продавать рабочую силу собственникам средств производства... Капиталиста же эти производственные отношения заставляют стремиться к прибавочной стоимости» (стр. 102).

Но не более основателен, на наш взгляд, и основной упрек. В статье действительно рассматривается в основном лишь проблема специфики взаимосвязи социально-экономических и прочих общественных отношений в первобытном обществе. Но рассматривается она не в силу особой моей приверженности к тому или иному подходу при анализе первобытной экономики, а просто потому, что такая проблема существует. Каждому, кто хотя бы немного знаком с современным состоянием этноэкономики, бросается в глаза, что без решения этой проблемы невозможно дальнейшее движение вперед в этой области. Это в достаточной степени обстоятельно показано в моей статье (стр. 94—98). И вполне понятно, что концентрация внимания на решении той или иной реальной научной проблемы не таит в себе ничего порочного. Иное дело — предлагаемое решение проблемы. Оно может быть как верным, так и ошибочным.

Так как статья посвящена одной определенной проблеме, что нашло отражение и в ее заглавии, то вполне понятно, что все остальные вопросы, относящиеся как к первобытной, так и к капиталистической экономике, рассматриваются в ней лишь постольку, поскольку это необходимо для решения основной проблемы. Для каждого марксиста очевидно, что главное различие между первобытными и капиталистическими производственными отношениями состоит в том, что первые являются коллективистическими, а вторые — отношениями эксплуатации. Я и исходил в статье из этого положения как само собой разумеющегося, не считая нужным его специально доказывать. В соответствии с поставленной задачей я остановился лишь несколько подробнее на обосновании коллективистического характера первобытных производственных отношений (стр. 103, 107—109).

Не сумев разобраться в том, какая именно проблема рассматривается в моей статье, Д. В. Гурьев не смог, на мой взгляд, понять и предложенного в ней решения этой проблемы. И, хотя он написал много, его позиция по важнейшим вопросам, обсуждаемым в моей статье, остается не

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 195.

ясной. Я утверждаю, что в любом обществе производственные отношения существуют, только проявляясь в волевых. Непонятно, согласен ли с этим Д. В. Гурьев. А между тем это коренной вопрос. Я подразделяю волевые отношения между людьми на такие, которые имеют экономическую функцию (я их назвал имущественными), и такие, которые ее не имеют, и как на характерную особенность имущественных отношений при капитализме указываю на наличие у них одной лишь экономической функции. Такая специфика связана с тем, что здесь имущественные отношения определяются производственными отношениями прямо, непосредственно.

Не разбирая моей аргументации, Д. В. Гурьев просто заявляет, что «центральной идеей статьи Ю. И. Семенова о существовании особых надстроечных отношений и действий с экономической функцией не полностью адекватна марксистско-ленинскому учению о сущности общественного производства, соотношении его с надстройкой...» (стр. 77, 78). И еще: «В целом имущественные отношения людей, по Ю. И. Семенову, представляют собой нечто вроде гибрида экономического, объективного содержания и субъективной формы с приматом последней. Такое понимание отнюдь не случайно. Оно продолжает известную идею о первобытном стаде как промежуточном гибридном состоянии между стадом людей и родовой коммуной» (стр. 73).

Прежде всего следует сказать, что волевые отношения людей с экономической функцией существуют не только в качестве идеи в моей статье, но и в реальной действительности. Можно спорить о том, насколько удачен предложенный термин «имущественные отношения», но их бытие — неоспоримый факт. Любой, например, акт товарообмена является волевым отношением и выполняет экономическую функцию, имеет экономическое содержание. Об этом достаточно ясно говорит К. Маркс: «Это юридическое отношение, формой которого является договор, — писал он, характеризуя акт товарообмена, — все равно, закреплен он законом или нет, — есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением»⁵.

Как видно из сказанного, не существует никакой связи между характеристикой волевого отношения с экономической функцией как субъективного по форме и объективного по содержанию и концепцией первобытного человеческого стада. К. Маркс, как известно, ничего о первобытном стаде не говорил, что отнюдь не мешало ему писать о наличии у волевого отношения экономического содержания. Что же касается утверждения Д. В. Гурьева о том, что я отстаиваю тезис о примате субъективной формы над объективным, экономическим содержанием, то оно совершенно не обосновано. В статье отстаивается прямо противоположная точка зрения (см. стр. 98—101).

Таким образом, существование волевых отношений с экономической функцией является не проблемой, а фактом. Проблемой является их соотношение с производственными, социально-экономическими связями. Точка зрения, подробно изложенная в моей статье, состоит в том, что производственные отношения, качественно отличаясь от волевых отношений с экономической функцией (т. е. имущественных), в то же время существуют, только проявляясь в последних. Как отмечается в статье, «отношение первых и вторых в какой-то степени есть отношение общего и отдельного» (стр. 100). Как известно, общее, отличаясь от отдельного, являясь противоположностью отдельного, в то же время существует только в отдельном и через отдельное⁶.

Все сказанное Д. В. Гурьевым по этому вопросу недостаточно ясно. Например, его взгляды на соотношение общего и отдельного. С одной

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 94.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

стороны, он пишет, ссылаясь на «Философские тетради» В. И. Ленина, что «для нас очень важна мысль В. И. Ленина о том, что общее определяет природу отдельного» (стр. 76). Заметим сразу же, что не только на указанной странице «Философских тетрадей», но вообще ни в одном из произведений В. И. Ленина ничего похожего на данное положение не содержится. Эта мысль принадлежит объективному идеалисту Платону. С другой же стороны, Д. В. Гурьев характеризует «общее» как «следствие и дополнение отдельного» (стр. 76), что также ошибочно.

Но вот от общего Д. В. Гурьев переходит к более конкретному. «В свете всего сказанного,— пишет он,— становится ясной еще одна методологическая неточность Ю. И. Семенова: отрыв общего и отдельного и противопоставление их друг другу, что находит свое выражение в исключении из общественного производства актов производственного поведения людей и включений их в чуждую им область надстройки» (стр. 76). Первое утверждение находится в столь разительном противоречии с тем, что сказано в моей статье, что не заслуживает опровержения. На втором стоит задержаться, тем более, что подобного рода обвинение повторяется Д. В. Гурьевым и в другом месте. «Нетрудно заметить,— пишет он (стр. 77), — что центральная идея статьи с ее включением актов производственной деятельности людей в надстройку не вполне соответствует основным положениям марксистско-ленинского положения о базисе и надстройке...».

Но ничего подобного в моей статье нет. Я не включал и не мог включить «акты производственной деятельности людей» в надстройку, так же как не включал и не мог включить их в базис. Все дело в том, что, вопреки мнению Д. В. Гурьева, базис общества не включает в себя производственную деятельность людей. Согласно материалистическому пониманию истории, базис общества образует не общественное производство в целом, как полагает Д. В. Гурьев, а систему материальных производственных отношений⁷. Соответственно и надстройку общества образуют не политические, правовые и прочие подобные действия людей, а политические, правовые, религиозные взгляды людей и соответствующие им отношения, которые в отличие от производственных являются не материальными, а идеологическими.

Исторический материализм делит, таким образом, на базисные и надстроечные не акты человеческой деятельности, а общественные отношения людей. Понятия базиса и надстройки к характеристике человеческой деятельности неприменимы. И в соответствии с этим в статье я характеризовал как базисные и надстроечные только отношения, но не действия людей. Конечно, любое человеческое действие есть одновременно и волевое отношение. Но отсюда отнюдь не вытекает вывод о полном тождестве действий и отношений. Не всякое, например, отношение даже между людьми является одновременно и действием, хотя оно всегда проявляется в действиях. Поэтому и классификация человеческих действий далеко не совпадает с классификацией человеческих отношений.

Как уже указывалось, только отношения людей, но не их действия делятся на базисные и надстроечные. Но это отнюдь не значит, что все отношения людей относятся либо к той, либо к другой категории. На базисные и надстроечные делятся только отношения между людьми, да и то не все. Но, кроме отношений между людьми, существуют и отношения людей к природе. И последние не относятся ни к базисным, ни к надстроечным. Таким образом, даже если бы Д. В. Гурьев, обвиняя меня во включении «актов производственной деятельности» в надстройку, имел в виду не собственно действия, а волевые отношения, то и в таком случае он был бы неправ. Волевые отношения к природе я в надстроечные не включаю.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 6, 7; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 134, 148, 149, 429, 532; т. 12, с. 259; т. 23, с. 44, 45.

Под волевыми отношениями с экономической функцией (т. е. имущественными) я понимаю только определенные связи между людьми. В классовом обществе, в частности буржуазном, эти связи одновременно являются и правовыми. А, как хорошо известно, правовые отношения в марксистской литературе всегда относились к надстроечным. И вполне понятно, что характеристика этих отношений как надстроечных не имеет ничего общего с приписываемым мне Д. В. Гурьевым включением производства в чуждую ему сферу надстройки.

Наряду с подобного рода обвинением Д. В. Гурьев упрекает меня в «субъективизации производственной деятельности» (стр. 80). При этом непонятно, что он, собственно, имеет в виду. Моя статья не дает основания сомневаться в том, что производственная деятельность происходит, по моему мнению, не в сознании людей, а в реальной действительности. Я специально подчеркиваю, что в производственной деятельности проявляются материальные производственные отношения (стр. 99). Остается единственное — я считаю, что производственная деятельность является сознательной, волевой, причем не в меньшей степени, чем политическая и т. п. Но это непреложный факт. Правда, такой факт по понятным причинам не может принять Д. В. Гурьев. Ведь производственную деятельность он включает в базис общества, а, согласно материалистическому пониманию истории, базис не зависит от воли и сознания людей.

В моей статье указывается, что при капитализме волевые отношения с экономической функцией (имущественные) отличаются от волевых отношений без экономической функции не только по содержанию, но и по способу детерминации. Первые определяются производственными отношениями прямо, непосредственно, а вторые — через посредствующие звенья. Принимая за надстроечные только вторые, Д. В. Гурьев обвиняет меня в фактическом отрицании «непосредственной определяющей роли базиса по отношению к тому, что принято именовать надстройкой» (стр. 77). И это обвинение он повторяет в другом месте (стр. 79). По существу он приписывает мне мысль о существовании каких-то особых, промежуточных между базисными и надстроечными явлений, через посредство которых базис воздействует на надстройку.

Говоря о звеньях, через посредство которых производственные связи определяют волевые отношения без экономических функций, я тут же поясняю, что речь идет о праве, морали и тому подобных явлениях (стр. 103). Но, как хорошо известно, и мораль и право относятся к надстройке. И эти надстроечные явления, согласно моей точке зрения, прямо, непосредственно детерминируются базисом. Таким образом, я ни в малейшей степени не отрицаю, что базис прямо, непосредственно определяет надстройку. Другое дело, что отдельные надстроечные явления детерминируются базисом не прямо, а через посредство других надстроечных явлений. Об этом, как известно, неоднократно писал Ф. Энгельс⁸.

Но Д. В. Гурьев не ограничивается общим обвинением в отрыве надстройки от базиса. Он идет и дальше. «Конкретным и притом весьма четким выражением указанных недостатков, — пишет он, — является понимание Ю. И. Семеновым права и политики. Отождествление правовых отношений с имущественными, экономическими фактически приводит к ликвидации главного в них — их классового характера...» (стр. 77). Обращаясь на данному месту статьи Д. В. Гурьева, отметим, прежде всего, что под имущественными отношениями я понимаю волевые отношения с экономической функцией, а вовсе не экономические, производственные отношения, как утверждает автор. Кстати сказать, на предшествующих страницах он прямо признавал, что имущественные отношения, как я их понимаю, не есть производственные (стр. 73). Здесь он об этом не упоминает. Не принял он во внимание и то, что характеристика волевых отно-

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 312; т. 37, с. 419, 420.

шений с экономической функцией как правовых вовсе не равнозначна утверждению, что все правовые отношения есть волевые отношения с экономической функцией. Существование самых разнообразных правовых отношений есть факт, который никто не собирается отрицать. Но вот что совершенно понять нельзя: каким образом из характеристики волевых отношений с экономической функцией как правовых вытекает отрицание классового характера права. Д. В. Гурьев это никак не объясняет. Нельзя не вспомнить, что К. Маркс, как явствует из приведенного выше его высказывания, характеризовал волевые отношения, имеющие экономическое содержание, как правовые, юридические. Может быть, он тоже отрицал классовый характер права? И наконец, неужели Д. В. Гурьев не заметил содержащегося в моей статье совершенно недвусмысленного утверждения о том, что «в классовом обществе право есть воля господствующего класса, возведенная в закон» (стр. 106).

И совсем непонятно, когда Д. В. Гурьев обрушивается на содержащиеся в моей статье (стр. 105) положение о том, что «капиталистическая экономика, взятая сама по себе, не только не нуждается, но, наоборот, исключает внеэкономическое принуждение». «Наоборот,— пишет мой оппонент,— классики марксизма-ленинизма всегда подчеркивали активную роль права и надстройки вообще по отношению к производству доказывали, что без внеэкономического, по своей природе политического, правового, религиозного и пр. принуждения капиталист не может осуществлять эксплуатацию, получать прибавочную стоимость» (стр. 77). Здесь смешаны разные вещи. Бесспорно, капиталистический способ производства нуждается для своего существования в государстве и праве и что надстройка при капитализме воздвигается на базис. Но все это ни в малейшей степени не отменяет того несомненного факта, что капиталистическое производство в отличие от рабовладельческого и феодального не нуждается во внеэкономическом принуждении. Пролетария заставляют работать на капиталиста не государство и закон, а экономическая необходимость. Об этом писали не только классики марксизма. Нет ни одного учебного пособия по политэкономии и философии, где бы эта азбучная истина не разъяснялась.

В полном соответствии со всеми приведенными выше общими рассуждениями Д. В. Гурьев строит свою критику предлагаемого мною решения проблемы взаимосвязи социально-экономических и прочих общественных отношений в первобытном обществе. «Субъективизация производственной деятельности людей вместе с преувеличением роли морали в жизни первобытных индивидов вынудили Ю. И. Семенова присоединиться к мнению буржуазных ученых о том, что „имущественные отношения в первобытном обществе непосредственно определяются моралью“ (стр. 106), а не производственными отношениями (там же)» (стр. 79).

Прежде всего мнение буржуазных ученых состоит вовсе не в том, что имущественные отношения непосредственно определяются не производственными отношениями, а моралью. Одни из них считают, что в первобытном обществе экономических отношений вообще не существует, а их функцию выполняют моральные. Другие, признавая существование экономических отношений, рассматривают их как производные от моральных. Таким образом, все они рассматривают моральные отношения как первичные и соответственно не допускают мысли о существовании в первобытном обществе объективных, материальных производственных отношений. Об этом достаточно четко сказано в моей статье. «Суть взглядов всех субстантивистов,— писал я,— заключается в том, что все отношения в первобытном обществе являются волевыми, производными от сознания» (стр. 106).

Моя точка зрения диаметрально противоположна. «Производственные отношения первобытного общества,— говорится в статье (стр. 109),— как и социально-экономические отношения капиталистического

общества, были объективными, материальными». И будучи материальными, объективными, они определяли волю и сознание людей и соответственно все прочие их отношения. Но специфика их состояла в том, что они определяли волю людей, даже в чисто экономической сфере, не говоря уже об остальных, не прямо, а через посредство морали. Мораль, таким образом, выступает у меня не как первичное, а как вторичное, производное, как фактор, через посредство которого материальные производственные отношения определяют поведение людей и тем самым все их волевые отношения, включая и волевые отношения с экономической функцией, т. е. имущественные (стр. 109, 110).

Критикуя мою точку зрения, Д. В. Гурьев пишет, что «отрицание прямой детерминирующей роли общественного производства по отношению к надстройке применительно к первобытному обществу является, на наш взгляд, уступкой буржуазным ученым в этом важном теоретическом вопросе» (стр. 79). Не будем задерживаться на том, что базисом общества является не общественное производство в целом, как это считает Д. В. Гурьев, а система материальных производственных отношений. Но о каком отрицании прямой детерминирующей роли базиса по отношению к надстройке может идти речь, когда, согласно моей точке зрения, социально-экономические отношения прямо, непосредственно определяют мораль, которая, как известно, является неотъемлемой частью надстройки.

Кстати сказать, тот факт, что экономическое поведение людей в первобытном обществе непосредственно определяется моралью, столь неоспорим, что его в какой-то степени вынужден признать и Д. В. Гурьев. Он, например, пишет о том, что влияние моральных связей «на акты производственного поведения первобытных людей было очень большим» (стр. 79). Однако тут же настаивает, что производственные отношения первобытного общества детерминировали волю людей и прямо, непосредственно. Но никаких доказательств в пользу этого положения он не приводит. Читатель остается в полном неведении относительно того, каким же был механизм прямого определения воли отдельных людей производственными отношениями первобытного общества.

На наш взгляд, Д. В. Гурьев не смог внести ясность и в вопрос о производственных отношениях вообще, производственных отношениях первобытности в частности. «Хорошо известно, — пишет он, обращаясь к социально-экономическим отношениям, — что К. Маркс выделял четыре вида производственных отношений: в процессе производства, обмена распределения и потребления» (стр. 74). Однако на тех страницах работы К. Маркса, на которые ссылается автор, ни слова не говорится о четырех видах производственных отношений. Речь там идет о производстве, распределении, обмене и потреблении как неразрывно связанных частях, моментах производства в широком смысле слова⁹. О потреблении как моменте производства К. Маркс писал неоднократно. Но об отношениях потребления как особом виде производственных отношений в его работах нет ни единой строчки. И понятно почему — таких отношений не существует. И недаром сам Д. В. Гурьев об этих отношениях ничего сказать не может. Иное дело отношения собственно производства, отношения распределения и отношения обмена. К. Маркс их действительно выделял.

Упрекая меня в преувеличении значения отношений распределения, Д. В. Гурьев не раз повторяет, что основное внимание исследования должно быть сконцентрировано на анализе «основного производственного отношения», «главного производственного отношения» (стр. 78, 80 и др.). Но, на наш взгляд, понять, что собой представляет это «главное производственное отношение», из статьи Д. В. Гурьева совершенно невозможно. Мы узнаем лишь, что основное производственное отношение вообще

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. 1, с. 36.

есть отношение «в непосредственном процессе производства» (стр. 75, 80), а главным производственным отношением первобытного общества являются «отношения сотрудничества и взаимопомощи» (стр. 75).

Определение социально-экономических отношений первобытного общества как связей сотрудничества и взаимопомощи широко распространено в литературе. Но во всех трудах оно выступает как самая общая характеристика первобытных производственных отношений в целом. Что же представляют собой отношения сотрудничества и взаимопомощи, когда они понимаются пусть как самая важная, но тем не менее лишь как часть системы первобытных социально-экономических отношений? Об этом можно только догадываться.

Мало что дают для понимания взглядов Д. В. Гурьева на основное производственное отношение и рассуждения о первобытной кооперации. А последнему понятию он придает огромное значение. Ведь «именно кооперативный характер производства в масштабах всего коллектива» определяет, по мнению Д. В. Гурьева, и коллективный характер собственности, и отношения взаимопомощи (стр. 78). Одновременно он упрекает меня в отрицании не только кооперативного, но вообще общественного характера первобытного производства. «Прежде всего,— пишет он,— вызывает возражение общая характеристика Ю. И. Семеновым первобытного производства как совокупности разрозненных индивидуальных действий его участников. Как явствует из статьи, совокупный продукт создается каждым индивидом в одиночку, ибо он прекрасно различал продукт «добытый им», от продукта, «добытого ими», т. е. другими членами коллектива» (стр. 78). При этом, кроме обсуждаемой статьи, Д. В. Гурьев ссылается на мою работу «Проблема начального этапа первобытного общества»¹⁰. Сразу же следует подчеркнуть, что ни в одной из названных работ ничего похожего на приписываемую мне «общую характеристику первобытного производства» не содержится. И разумеется, я нигде и никогда не утверждал, что в первобытном обществе каждый человек создавал свой продукт в одиночку. Существование кооперации в первобытном обществе — несомненный факт, который я нигде и никогда не ставил под сомнение.

Однако необходимо четко представить себе, что мы имеем в виду, когда говорим о кооперации. Термин «кооперация» и соответственно производные от него имеют не одно, а несколько значений. Я буду исходить прежде всего из того смысла, который вкладывал в него К. Маркс в главе XI первого тома «Капитала». Это тем более необходимо, что сам Д. В. Гурьев в работе «Становление материального производства» неоднократно заверяет, что он использует термин «кооперация» лишь в том смысле, в котором определяет его К. Маркс в данной главе названного труда¹¹.

К. Маркс определяет кооперацию как такую форму труда, при которой много лиц планомерно работают рядом, во взаимодействии друг с другом в одном и том же процессе производства, или в разных, но связанных между собой процессах производства¹². Так как кооперация предполагает непосредственное сотрудничество работников, то естественно, что она возможна лишь тогда, когда они находятся вместе, сосредоточены в определенном пункте¹³.

Нетрудно понять, что кооперация есть определенное отношение между работниками в непосредственном процессе производства, и в этом смысле она может быть названа производственным отношением. Но она не принадлежит к числу тех отношений, которые именуются производственными в историческом материализме и политической экономии и кото-

¹⁰ «Проблемы истории докапиталистических обществ», т. I, М., 1968.

¹¹ Д. В. Гурьев. Становление общественного производства. М., 1973, с. 170.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 337.

¹³ Там же, с. 341.

рые образуют базис общества, общественное бытие. Последние являются отношениями собственности, социально-экономическими, общественными, производственными. А кооперация есть технико-производственное, организационно-трудовое отношение. И собственно это организационно-трудовое отношение и имел в виду Д. В. Гурьев, когда писал «о сотрудничестве и взаимопомощи» непосредственно в производстве.

Будучи организационно-трудовым отношением, кооперация не связана жестко с определенными социально-экономическими отношениями. Как хорошо известно, кооперация существовала не только в первобытном и социалистическом обществах, но и в рабовладельческом, феодальном и буржуазном. Таким образом, наличие кооперации вовсе не предполагает необходимость существования в обществе коллективистических отношений. Коллективизм и кооперация отнюдь не одно и то же. С одной стороны, возможна кооперация без коллективизма, а с другой — коллективизм не предполагает с необходимостью кооперации труда всех членов коллектива.

Кооперация труда существовала в первобытном обществе. Но объединенный совместный труд всех работоспособных членов коллектива был редким, sporadическим явлением, никогда не игравшим существенной роли. Чаще всего совместно действовало лишь то или иное число членов коллектива. Охота, например, в большинстве случаев была чисто мужским делом, причем совершенно не обязательно все мужчины коллектива должны были охотиться совместно. Они часто разбивались на несколько групп, каждая из которых действовала самостоятельно. Даже при совместной охоте каждый ее участник нередко знал, что добыл он сам, а что его товарищи. Но люди в первобытном обществе могли охотиться и охотились и в одиночку. Что же касается орудий труда и вообще вещей, то они чаще всего изготовлялись самостоятельно тем или иным членом коллектива. Все сказанное выше легко подтвердить ссылками на этнографическую литературу. Все это не концепция Ю. И. Семенова, но факты. И тот факт, что труд по изготовлению орудий носил в первобытном обществе индивидуальный характер, не отрицает и Д. В. Гурьев. Он лишь упрекает меня в том, что я абсолютизирую «индивидуальный характер изготовления орудий труда» (стр. 78).

Но о какой абсолютизации индивидуального характера труда в первобытном обществе может идти речь, когда во всех своих работах я подчеркиваю, что в этом обществе всякий труд, в том числе не только совместный, но и одиночный, всегда представлял собой непосредственно общественный труд. Он являлся непосредственно общественным, ибо совершался в рамках хозяйственного организма, в котором безраздельно господствовала общественная собственность, ибо весь без исключения продукт этого труда, в том числе и одиночного, являлся собственностью коллектива. И об этом достаточно четко было сказано в обсуждаемой статье. «... В этих условиях, — писал я, подводя итоги всему сказанному о первобытном производстве, — и труд членов коллектива носил непосредственно общественный характер, совершенно независимо от того, трудились ли члены коллектива совместно или в одиночку» (стр. 108).

Таким образом, необходимо строго отличать социально-экономический аспект труда от организационного. В социально-экономическом отношении весь труд в первобытном обществе был непосредственно общественным и в этом смысле коллективным, совместным. Он был коллективным, ибо был трудом на коллектив. Но в организационном отношении труд в первобытном обществе не был, как правило, совместным трудом всего коллектива в целом. А термин «кооперация» в том смысле, в котором употреблял его К. Маркс на указанных страницах «Капитала», относится только к организационному, но не социально-экономическому аспекту труда. Поэтому можно и должно говорить о существовании кооперации в первобытном обществе. Но характеризовать первобыт-

ное производство в целом как кооперативное в указанном смысле этого слова нельзя.

И если Д. В. Гурьев говорит о том, что первобытное производство в целом есть кооперация, то он вкладывает в указанный термин иной смысл, чем тот, который вкладывал в него К. Маркс в упоминаемой выше главе «Капитала». И в соответствии с такой трактовкой видит кооперативный характер первобытного производства в том, что последнее представляет собой «неразрывное единство взаимодополняющих друг друга отраслей производства — изготовления средств труда, охоты, собирательства, позднее скотоводства, земледелия и др., а следовательно, единство групп производственного коллектива, распределяющихся по этим отраслям, работам в соответствии со своими возрастными, половыми и другими данными» (стр. 78).

Картина первобытного производства, нарисованная Д. В. Гурьевым, имеет, на мой взгляд, мало общего с действительностью. Бесспорно, что в первобытном обществе существовали различные виды хозяйственной деятельности, различные работы, которые были моментами единой производственной деятельности коллектива. Однако, вопреки утверждениям Д. В. Гурьева, первобытная община не была разделена на группы людей, каждая из которых была бы занята одним определенным видом деятельности. Она не состояла из групп охотников, собирателей, земледельцев, скотоводов. Не было в ней и группы производителей орудий труда, выделение которой Д. В. Гурьев ошибочно относит еще ко времени первобытного человеческого стада¹⁴.

В первобытном обществе существовали разные виды деятельности, но не было отраслей производства. Единственной формой разделения труда внутри первобытного социального организма было разделение труда между полами. Но ни женщины, ни мужчины не представляли собой группы, которая занималась бы только одним определенным видом деятельности. В каждом первобытном организме несколькими видами деятельности занимались исключительно лишь мужчины, несколькими — только женщины и, наконец, несколькими — в равной степени как мужчины, так и женщины. Земледелие, заметим кстати, в подавляющем большинстве земледельческих первобытных обществ было делом как мужчин, так и женщин. Можно заметить также, что деление видов деятельности на мужские и женские не всегда было связано с «половыми данными». Виды труда, которые в одном первобытном обществе были исключительно лишь мужскими, в других могли быть исключительно лишь женскими.

Каждый взрослый член первобытного коллектива поочередно занимался разными видами труда. Мужчина, например, сам изготовлял орудия охоты и сам же ими пользовался. Конечно, можно попытаться охарактеризовать взаимоотношение между его деятельностью по изготовлению орудия охоты и его охотничьей деятельностью как кооперацию между двумя отраслями производства. Но в таком случае и термин «отрасль производства», и термин «кооперация» теряют всякий смысл.

Как утверждает Д. В. Гурьев, приведенный выше взгляд на первобытное производство полностью согласуется с «марксовой его трактовкой, согласно которой в первобытной кооперации (как и в семье) различные работы ее членов „являются общественными функциями в своей натуральной форме... так как индивидуальные рабочие силы с самого начала функционируют здесь как органы совокупной рабочей силы“» (стр. 78). Однако в данном случае мы имеем дело с натяжкой. К. Маркс в том месте его работы, на которое ссылается Д. В. Гурьев, во-первых, рассматривает характер отношений в патриархальной крестьянской семье, а не в первобытной общине, во-вторых, говорит о существовании

¹⁴ Д. В. Гурьев. Указ. раб., с. 175.

внутри семейного хозяйства не разных отраслей, а разных работ, т. е. видов хозяйственной деятельности, в-третьих, не употребляет для обозначения отношений внутри семьи термина «кооперация». Имеющиеся в цитате слова «первобытная кооперация» принадлежат не К. Марксу, а самому Д. В. Гурьеву¹⁵.

Следует отметить, что приведенные Д. В. Гурьевым слова К. Маркса о непосредственно общественном характере труда внутри семьи справедливы и по отношению к первобытной общине. Весь труд всех членов общины является непосредственно общественным, но не в силу существования в ней групп людей, занятых одним определенным видом деятельности, чего, кстати, не было и в крестьянской семье, а вследствие безраздельного господства в ней коллективной собственности.

Но как бы ни были противоречивы взгляды Д. В. Гурьева на «первобытную кооперацию», ясно, что сам он не считает ее «главным производственным отношением». В результате ничего конкретного об этом отношении из работы Д. В. Гурьева мы не узнаем. Категорически заявив, что основной порок моей статьи заключается в отсутствии в нем главного — характеристики производственных отношений первобытного общества в целом и прежде всего анализа основного производственного отношения и соответственно в концентрации внимания на отношениях распределения, Д. В. Гурьев в обсуждаемой работе твердо идет по столь сурово осужденному им порочному пути. Он нигде в своей обширной статье не дает ни анализа «главного производственного отношения», ни характеристики системы первобытных производственных отношений в целом. Он ни слова не говорит ни о существующих, по его мнению, в первобытном обществе отношениях потребления, ни об отношениях обмена. Единственные отношения, на которых он концентрирует внимание, — это отношения распределения. Им он уделяет в общей сложности две страницы (стр. 75, 79).

Нельзя не отметить, что взгляды Д. В. Гурьева на место отношений распределения среди производственных связей не отличаются последовательностью. С одной стороны, мы узнаем, что отношения распределения зависят от «основного производственного отношения», определяют последним (стр. 81), а с другой — что они составляют функциональную базу «процесса производства и его основного производственного отношения» (стр. 75).

Все сказанное Д. В. Гурьевым об отношениях распределения первобытного общества крайне абстрактно. Любимый его прием — бесконечное повторение слов «равнообязательный» и «равнообеспечивающий», причем чаще всего они употребляются, на наш взгляд, совсем не к месту.

Совершенно, например, непонятно, что имеет в виду автор, говоря о «равнообязательном характере отношений распределения» (стр. 81). Ненамного понятнее и характеристика распределения средств существования, как равнообязательного. Хотел ли сказать автор о том, что каждый член первобытной общины был обязан получать долю продукта независимо от желания, или же о том, что общество обязано было выделять долю каждому своему члену? В трудах о первобытности все сказано проще и яснее: каждый член первобытной общины имел право на долю созданного в ней продукта. Или вот еще фраза из статьи Д. В. Гурьева: «Распределение рабочей силы тоже являлось всеобщим, *равнообязательным* в том смысле, что все трудоспособные члены коллектива должны были выполнять те или иные работы, и *равнообеспечивающим* по отношению к последним. Оно было также и *неуравнительным* в плане учета индивидуальных, половых и возрастных особенностей рабочей силы» (стр. 81). По существу все это сводится к констатации той простой истины, что все члены первобытного коллектива должны были трудиться по

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 88.

способностям и выполнять все те работы, которые в данный момент были нужны.

Тот факт, что Д. В. Гурьев в прямом противоречии со своими исходными установками, обращаясь к первобытным производственным отношениям, уделяет внимание исключительно лишь отношениям распределения, не является случайным. Отношения распределения занимают в системе первобытных производственных отношений не совсем то самое место, что в прочих системах производственных отношений. И на этом вопросе стоит остановиться.

Обычно при анализе системы производственных отношений, взятой вообще, в ней выделяют три основных момента: отношения к средствам производства, отношения распределения и отношения обмена. Отношения к средствам производства все авторы единодушно характеризуют как отношения собственности. С этим и связан взгляд некоторых исследователей на отношения собственности как на одну из разновидностей производственных отношений, существующую наряду с другими. В действительности все общественные производственные отношения являются отношениями собственности. Отношениями собственности являются и отношения распределения, и отношения обмена.

Но не только отношения распределения являются отношениями собственности. Как неоднократно указывал К. Маркс, отношения собственности на средства производства представляют собой не что иное, как отношения распределения средств производства. «Но это распределение, писал он,— совершенно отлично от того, что понимают под отношениями распределения, когда этим последним, в противоположность производственным отношениям, приписывают исторический характер. При этом имеют в виду различные права на долю продукта, предназначенную для индивидуального потребления. Напротив, эти отношения распределения являются основой особых общественных функций, выпадающих в пределах самого производственного отношения на долю определенных его агентов в противоположность непосредственным производителям. Они придают самим условиям производства и их представителям специфическое общественное качество. Они определяют весь характер и все движение производства»¹⁶.

В любой системе антагонистических производственных связей отношения собственности на средства производства или, что то же самое, отношения распределения средств производства являются основными, ведущими. Они представляют собой главное производственное отношение, собственно производственное отношение. Именно поэтому, когда К. Маркс употреблял термин «производственные отношения» в узком, а не в широком смысле слова, он имел в виду одни лишь эти отношения.

Ведущий характер отношений распределения средств производства в системе антагонистических производственных отношений проявляется прежде всего в том, что они всецело определяют отношения по распределению продукта, созданного при помощи этих средств. В самом распределении продукта можно выделить две фазы. На первой фазе распределение продукта совпадает с процессом его производства. Ведь каждый продукт труда является всегда не только потребительной стоимостью, но и чьей-то собственностью. И процесс производства является поэтому всегда процессом создания вещи не только как потребительской стоимости, но и чьей-то собственности, т. е. процессом распределения.

И то, в качестве чьей собственности создается продукт, зависит от того, в чьей собственности находятся средства производства. В рабовладельческой латифундии продукт создается как собственность рабовладельца, на капиталистическом предприятии — как собственность капи-

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. 2, с. 451.

талиста. И при рабстве, и при капитализме распределение вновь созданных средств производства на этом заканчивается. Иначе обстоит дело со средствами потребления. Часть их обязательно должна быть распределена и среди непосредственных производителей материальных благ. Это вторая фаза распределения. Здесь мы сталкиваемся с распределением в узком смысле слова. И характер этого собственно распределения тоже всецело определяется спецификой собственности на средства производства, важнейшим моментом которой является способ соединения рабочей силы со средствами производства. При рабстве производитель получает свою долю в форме корма, содержания, при капитализме — в форме заработной платы. Положение о том, что характер отношений распределения всецело определяется природой собственности на средства производства, верно и в применении к феодализму. Сложнее обстоит дело с неантагонистическими способами производства.

При коммунистическом способе производства (в широком смысле) средства производства являются собственностью общества. Соответственно весь продукт, включая и средства производства и средства потребления, создается как собственность общества. На этом распределение созданных средств производства завершается. Что же касается средств потребления, то они теперь должны быть распределены между отдельными членами общества. И характер распределения созданных в качестве общественной собственности средств потребления между членами общества определяется уже не общественным характером собственности на средства производства, а иным фактором. Если бы дело обстояло иначе, то в систему коммунистических производственных отношений всегда входили бы одни и те же отношения распределения. А между тем хорошо известно, что на первой фазе коммунизма существуют отношения распределения, отличные от тех, что характеризуют его вторую фазу. И еще Ф. Энгельс указал на тот фактор, которым обуславливается характер собственно распределения при наличии общественной собственности на средства производства. Этим фактором является количество продукта, производимого обществом. «Вот также в „Volks-Tribüne“ происходила дискуссия о распределении продуктов в будущем обществе — будет ли оно происходить соответственно количеству труда или иначе, — писал Ф. Энгельс. — ...Но, как ни странно, никому не пришло в голову, что ведь способ распределения существенным образом зависит от того, *какое количество* продукта подлежит распределению, и что это количество, конечно, меняется в зависимости от прогресса производства и организации общества, а следовательно, должен меняться и способ распределения»¹⁷. Но объем продукта, производимого обществом, является показателем уровня развития его производительных сил.

Таким образом, при коммунистическом способе производства производительные силы определяют характер отношений распределения средств потребления несколько по-иному, чем при классических антагонистических способах производства. При рабстве, феодализме и капитализме производительные силы непосредственно определяют характер отношения распределения лишь средств производства, но не средств потребления. Природа отношения распределения средств потребления определяется производительными силами лишь опосредствованно — через характер отношения распределения средств производства. При коммунизме (в широком смысле) производительные силы определяют характер отношения распределения средств потребления двояким способом. С одной стороны, они определяют его опосредствованно — через детерминирующую природу отношений распределения средств производства. Порожденная определенным уровнем развития производительных сил,

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, с. 370.

общественная собственность на средства производства делает весь созданный продукт собственностью общества. С другой стороны, уровень развития производительных сил определяет характер отношений распределения средств потребления прямо, непосредственно. Непосредственно от уровня их развития зависит, будут ли эти связи отношениями распределения по труду или отношениями распределения по потребностям.

Еще сложнее обстоит дело с первобытнообщинным способом производства. Можно считать совершенно твердо установленным, что на первой фазе эволюции этого способа основное средство потребления — пища — находилось в полной собственности общества. Это наглядно проявлялось в безраздельном господстве на этой фазе уравнительного или коммуналистического распределения продуктов питания, сущность которого заключалась в том, что каждый член коллектива имел право на долю созданного в нем продукта исключительно лишь в силу принадлежности к этому коллективу¹⁸. Общественный характер собственности на прочие средства потребления не был столь же наглядным, однако тщательный анализ показывает, что и их распределение носило коммуналистический характер¹⁹.

Итак, на первой фазе первобытности все средства потребления создавались как общественная собственность. И естественным кажется, по аналогии с другими способами производства, вывести это из общественного характера собственности на средства производства. Именно так и поступали все советские исследователи первобытности. Однако анализ отношений по распределению орудий производства, взятых сами по себе, чаще всего приводил их к выводу, что подавляющее большинство этих средств находилось в собственности отдельных членов общества²⁰.

В результате все они обращались к собственности на землю. Земля и ее ресурсы, утверждали они, являются главным и основным средством производства. А это основное средство производства находилось в собственности коллектива в целом. И это обстоятельство с неизбежностью определяло общественный характер собственности на средства потребления. Общественная собственность на землю была основой первобытного коллективизма.

Однако мы не имеем здесь дела с подлинным объяснением. Как хорошо известно, собственниками земли и ее ресурсов были не только первобытные общины, но нередко также и крестьянские общины, особенно на ранних стадиях своего развития. Однако это ни в малейшей степени не мешало тому, что в любой крестьянской общине продукт создавался как обособленная собственность отдельных дворов, но не всей общины в целом. Таким образом, общественная собственность на землю, сама по себе взятая, не может породить и не порождает общественной собственности на продукт вообще, на средства потребления в частности. В основе общественной собственности на продукт в первобытном обществе лежит вовсе не собственность на средства производства, а нечто иное. И на эту основу в свое время указал еще К. Маркс.

Но прежде чем обратиться к соответствующему месту из работы великого мыслителя, необходимо сделать одно уточнение. Привычным в марксистской литературе является положение об общественном характере производства. При этом, однако, нередко не учитывают, что под

¹⁸ Подробнее об этом см.: Ю. И. Семенов. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община.— «Становление классов и государства». М., 1976; *его же*. Об изначальной форме первобытных производственных отношений.— «Сов. этнография», 1977, № 2.

¹⁹ Там же.

²⁰ См., например: В. Р. Кабо. Каменные орудия австралийцев.— «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (ТИЭ), т. 80, М.—Л., 1962, с. 74.; А. И. Першиц. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории.— ТИЭ, т. 54, М.—Л., 1960, с. 159.

общественным характером производства можно подразумевать далеко не одно и то же. Прежде всего имеется в виду тот простой факт, что производство всегда происходит в обществе. В этом смысле производство повсеместно имело общественный характер. Далее, под общественным характером производства можно понимать наличие у него такой общественной формы, при которой весь продукт создается как собственность общества. Общественным в этом смысле является не всякое производство, а только первобытное и коммунистическое.

И наконец, еще один смысл вкладывается в это словосочетание, когда говорится о том, что характерным для капитализма является противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения. Здесь имеется в виду возникновение при капитализме особой структуры производительных сил, при которой их функционирование невозможно без непрерывной циркуляции средств производства в масштабах всего общества. При наличии данной структуры каждая вещь является продуктом труда не отдельного рабочего, а множества работников, занятых в различных отраслях производства. Процесс создания такой структуры производительных сил обычно характеризуется как обобществление производительных сил или просто производства. Именно это обобществление производительных сил делает возможным, а затем и необходимым переход средств производства в собственность общества. Последний процесс тоже нередко характеризуется как обобществление. Таким образом, если словосочетание «общественный характер производства» имеет три значения, то слово «обобществление» — два, связанных с двумя последними значениями словосочетания «общественный характер производства».

Теперь можно обратиться к К. Марксу. «Этот первобытный тип кооперативного или коллективного производства, — писал он, характеризуя первобытнообщинный способ производства, — был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства»²¹. Что имел в виду К. Маркс, говоря об отсутствии обобществления средств производства в первобытном обществе? Отсутствие в нем общественной собственности на средства производства? Такое предположение находится в резком противоречии со всем содержанием «Набросков ответа на письмо В. И. Засулич», откуда приведена данная цитата. Здесь К. Маркс прямо говорит о наличии в первобытном обществе «общей собственности»²². Мысль К. Маркса можно понять, если учесть, что в «Набросках» он говорит не только о «первобытном типе» коллективного производства, но и о том новом его типе, который с неизбежностью придет на смену капитализму²³. И ему важно подчеркнуть различие между объективными предпосылками той или другой форм коллективного производства. Появление новой формы коллективного производства было подготовлено происходящим в недрах капитализма обобществлением производства. Возникшая при капитализме структура производительных сил с необходимостью требовала появления общественной собственности на средства производства.

В первобытную эпоху производство не было обобществлено в том смысле, как оно было обобществлено при капитализме (и соответственно коммунизме): не существовало структуры производительных сил, которая требовала бы общественной собственности на средства производства. Коллективистический характер первобытного производства был обусловлен совсем иной причиной, чем коллективистический характер коммунистического производства. И эту причину К. Маркс видит в «слабости отдельной личности». Речь, разумеется, идет не о физической сла-

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 404.

²² Там же.

²³ Там же, с. 402.

бости, а о недостаточной вооруженности человека в борьбе с природой, иначе — в низком уровне развития производительных сил.

Современные материалы этнографии, полностью подтверждающие данное положение К. Маркса, позволяют его конкретизировать. Попытка такой конкретизации была предпринята мною в обсуждаемой статье (стр. 107—109). Не повторяя сказанного в ней, отмечу лишь, что низкий уровень развития производительных сил проявлял себя прежде всего в том, что весь созданный продукт был полностью или почти полностью жизнеобеспечивающим, избыточный продукт либо отсутствовал, либо был сравнительно мал. И в этих условиях единственным способом обеспечения существования людей было утверждение общественной собственности на все средства потребления и прежде всего пищу. Без распределения добытой пищи, причем совершенно независимо от того, была ли она добыта в одиночку или совместно, между всеми членами коллектива, причем независимо от того, принимали ли они участие в добыче пищи или не принимали, общество существовать не могло.

Вся суть орудий производства заключается в том, чтобы прямо или косвенно участвовать в создании средств потребления. И если все средства потребления создаются как общественная собственность, то это с неизбежностью означает, что и все орудия производства тоже являются собственностью общества. Таким образом, на первой фазе эволюции первобытного общества как средства потребления, так и средства производства находились в общественной собственности и создавались как общественная собственность. Но в отличие от других способов производства общественность на средства потребления в эту эпоху не определялась собственностью на средства производства. Характер собственности на средства потребления прямо, непосредственно определялся уровнем развития производительных сил, выразившимся в объеме произведенного продукта. Производительные силы прямо, непосредственно детерминировали как общественный характер собственности на средства потребления, так и способ распределения этих, принадлежавших обществу, средств потребления между членами коллектива. И поэтому в первобытном обществе отношения собственности на средства потребления играли по меньшей мере столь же важную роль в системе первобытных производственных отношений, что и отношения собственности на средства производства.

И только в процессе дальнейшего развития, по мере становления классов, отношения по распределению средств производства обособляются и вклиниваются между производительными силами, с одной стороны, и отношениями распределения средств потребления — с другой. Теперь отношения собственности на средства потребления начинают определяться не производительными силами непосредственно, а отношениями собственности на средства производства, которые становятся главными, ведущими, определяющими.

Возвращаясь к статье Д. В. Гурьева, можно отметить, что критику содержащихся в ней положений можно было бы продолжить. Но в таком случае пришлось бы оставить без ответа другие отклики на мою статью. А хотя бы кратко задержаться на них необходимо.

Прежде всего рассмотрим замечания, содержащиеся в реплике И. И. Козодоева «О необходимом и прибавочном продукте в первобытной экономике»²⁴. Автор настаивает на применимости понятий необходимого и прибавочного продукта в отношении первобытной экономики и возражает против предлагаемого в моей статье деления общественного продукта в первобытном обществе на жизнеобеспечивающий и прибавочный.

²⁴ «Сов. этнография», 1977, № 3.

Но всякий исследователь, поставивший целью доказать правомерность деления первобытного общественного продукта на необходимый и прибавочный, должен, разумеется, начать прежде всего с самого общего определения необходимого и прибавочного продукта. И дав это общее определение, он должен далее доказать, что это определение в равной степени пригодно в применении и к классовому, и к коммунистическому, и к первобытному обществу. Если такого общего определения дать нельзя, если, говоря о необходимом и прибавочном продукте в первобытном обществе, мы вкладываем в эти слова иной смысл, чем тот, когда говорим о необходимом и прибавочном продукте в других обществах, то мы имеем дело не с одними и теми же, а с разными понятиями, которые во избежание путаницы мы и должны обозначать разными терминами.

И. И. Козодоев в своей реплике никакого общего определения необходимого и прибавочного продукта не дает. И это, кстати, совершенно не случайно. Такого общего определения мы не найдем нигде в марксистской экономической литературе.

В отличие от двух упоминавшихся выше работ статья Н. А. Бутинова «О специфике производственных отношений общиннородовой формации»²⁵ носит конкретный характер. В ней предпринята попытка дать описание производственных отношений в обществе папуасов Новой Гвинеи. На мой взгляд, эта попытка не может быть признана вполне удачной. Вопреки намерениям автора, даже описания, не говоря уже об анализе, подлинной социально-экономической структуры папуасского общества в ней не дано.

Н. А. Бутинов ничего не говорит ни об отношениях распределения, ни об отношениях обмена, игравших в обществе папуасов немаловажную роль. В результате все сказанное им (а сказано очень немного) о собственности носит крайне абстрактный характер. По существу собственность как социально-экономическое, производственное отношение в статье отсутствует. Ничего не говорит автор и об имущественном неравенстве, которое имело место во многих папуасских общинах.

Как и в работе «Папуасы Новой Гвинеи» (М., 1968), большое внимание Н. А. Бутинов уделяет «совместному труду». Однако имеется и различие. В упомянутой выше книге Н. А. Бутинов, во-первых, под совместным трудом понимал любую совместную производственную деятельность людей, во-вторых, характеризовал эту деятельность как производственное отношение. В критическом разборе его монографии было показано, что кооперация труда есть не социально-экономическое, а организационное отношение, которое может сочетаться с разными производственными отношениями²⁶. В настоящей статье Н. А. Бутинов, во-первых, не всякую совместную производственную деятельность соглашается признать «совместным трудом», во-вторых, нигде прямо не характеризует «совместный труд» как производственное отношение (стр. 51, 58).

Не имея возможности заняться детальным анализом положений, содержащихся в статье Н. А. Бутинова, остановимся лишь на одном моменте. Н. А. Бутинов большое внимание в статье уделяет родству, которое он разделяет на генеалогическое (семейное) и клановое. При этом изложение ведется им так, что у неискушенного читателя может возникнуть впечатление, что именно Н. А. Бутинов первый открыл существование родства, которое в принципе не является генеалогическим (стр. 55, 56). А между тем это совсем не так. Положение о существовании двух принципиально отличных видов родства — родства индиви-

²⁵ «Сов. этнография», 1977, № 3. Все дальнейшие ссылки на статью даются в тексте.

²⁶ «Сов. этнография», 1969, № 3, с. 164—166.

дуального и родства группового — давно уже достаточно четко сформулировано и достаточно убедительно обосновано в этнографической литературе²⁷.

Несостоятельна, на наш взгляд, попытка Н. А. Бутинова объяснить классификационную систему родства как результат «сочетания» кланового (группового) и семейного (индивидуального) родства. По существу он приходит к критикуемой им же самим теории «растяжения». Термины классификационного родства — это, по его мнению, термины семейного родства, но приобретшие, в силу существования наряду с семейным родством кланового, классификационное значение (стр. 57).

В основе этой концепции лежит мысль о том, что индивидуальный брак, малая семья и соответственно генеалогическое родство столь же древни, как род и групповое родство. В действительности же было время, когда ни индивидуального брака, ни малой семьи, ни индивидуального родства не существовало. Были лишь групповой брак и групповое родство. И классификационные системы родства возникли как отражение исключительно лишь группового родства. Об этом свидетельствуют все их особенности. Самые архаичные из классификационных систем родства вообще не знают отношений индивидов. Для них существуют отношения исключительно лишь групп людей.

ON CERTAIN THEORETICAL PROBLEMS CONCERNING THE ECONOMY OF PRIMITIVE SOCIETY

The fourth issue of the «Sovetskaya Etnografia» for 1976 contained Yu. I. Semenov's paper «On the specificity of relations of production (social-economic relations) in primitive society». This led to further discussion (see «Sovetskaya Etnografia» issues 1 and 3 for 1977).

In the present paper the author replies to his opponents and in doing so touches upon several problems of primitive economy. Specifically, he demonstrates that in primitive society relations arising out of the distribution of objects of consumption played a different role in the system of production relations from that they play in the system of socio-economic relations in class society.

In class society the way in which objects of consumption are owned and the method by which they are distributed among individuals are totally determined by the nature of property in the means of production. In primitive society both the way objects of consumption were owned and the method of their distribution among individuals were directly determined by the level that had been reached in the development of the productive forces (expressed in the volume of the social product).

Hence interrelations between group members as to the distribution of consumer's goods were at least as important in the system of primitive production relations as those concerning the distribution of means of production.

²⁷ Материалы и литературу по этому вопросу см.: Ю. И. Семенов. Происхождение брака и семьи. М., 1974, с. 34—43, 160—170.

Л. Н. Чижикова

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Значительный интерес для этнографов представляют особенности традиционно-бытовой культуры в полосе смежных этнических территорий, в частности юго-западных районов Курской области. Сложность колониционных процессов, разнообразие социально-экономических условий развития тех или иных сел в эпоху феодализма, разнородность этнического, а также сословного и социального состава населения явились определяющими факторами в сложном процессе формирования культуры и быта населения этих районов.

В 1976 г. сектором этнографии восточнославянских народов Института этнографии АН СССР была проведена экспедиция в Курскую область с целью изучения истории формирования традиционно-бытовой культуры и ее судеб в период развитого социализма¹.

На юго-западе Курской области обследованы села: Локоть Рыльского района, Званное и Будки Глушковского района (бывш. Рыльский уезд), Будище и Саморядово Суджанского района (бывш. Суджанский уезд), Долженково, Бегичево, Рыбинские Буды и Филатово Обоянского района (бывш. Обоянский уезд), а также украинское село Хорьковка Глуховского района Сумской области (бывш. Глуховский уезд Харьковской губ.).

Для изучения были выбраны села, различавшиеся в прошлом этническим составом населения, а также социально-экономическим положением крестьян. Наряду с селами, основанными русскими выходцами из разных районов России, были обследованы селения (Званное, Рыбинские Буды, Хорьковка), заселенные украинскими переселенцами. Села Будище, Саморядово, Долженково, Филатово, Бегичево заселялись в процессе освоения края в XVI—XVII вв. служилыми русскими людьми, позднее их называли крестьянами четвертных прав, поскольку за свою службу эти люди получали земли на правах служилого поместья (мера земли «четь» = 0,5 десятины). Села Локоть, Званное, Будки принадлежали помещикам. Село Званное в начале XX в. делилось на две части — «Фабричину» и «Трубощину», так как принадлежало двум владельцам.

¹ Южнорусский отряд работал в следующем составе: начальник отряда Л. Н. Чижикова, ст. научно-технический сотрудник Т. А. Листова, практиканты: Е. Д. Оразбеков (стажер-исследователь из Казахстана) и Н. В. Ушаков (студент ЛГУ), художник В. И. Агафонов, фотограф Б. И. Смехов, шофер М. Б. Ибрагимов. Кроме того, в работе отряда приняли участие научные сотрудники Курского областного краеведческого музея: Л. Я. Беляева, З. В. Золотарева, В. Ф. Печкарев. Они познакомились с методикой сбора этнографических материалов и приобрели для музея большое число предметов традиционной одежды, декоративного ткачества и вышивки. В Рыльском районе в отряде работал также научный сотрудник Рыльского краеведческого музея Р. С. Пилипенко.

Своеобразие этнического состава населения, существовавшие в эпоху феодализма различия в социально-экономическом положении крестьян отразились на культурно-бытовом развитии населения в последующие периоды. Многообразные локальных вариантов культурно-бытовых особенностей возникло и в результате того, что население приезжало в те или иные села из различных районов России; кроме этого, надо иметь в виду, что степень культурных заимствований в отдельные исторические периоды была различной. Большое влияние имели факторы социально-экономического и географического характера.

В период полевых обследований собраны материалы, характеризующие развитие различных аспектов материальной и духовной культуры населения с конца XIX в. до настоящего времени. В данной статье мы остановимся лишь на отдельных элементах культуры. В одних из них наиболее ярко проявились общие черты, характерные для всех обследованных групп населения, в других более четко определились специфические локальные особенности.

Черты общности особенно заметно прослеживаются в сельскохозяйственных орудиях и жилищах, элементах культуры, сравнительно более зависимых в рассматриваемый отрезок времени от действия природных и социально-экономических факторов.

Основным занятием населения обследованных сел издавна было земледелие, главным образом полеводство. Во второй половине XIX — начале XX в. в связи с возрастающим малоземельем значительное место в экономике крестьянской семьи занимали отхожие и местные промыслы. Почти во всех селах избыточная рабочая сила отправлялась на поденные сельскохозяйственные работы в помещичьи и кулацкие хозяйства ближайших районов, а также и в более отдаленные места — на юг Украины и на Кубань. С конца XIX в. возрастает отходничество на заработки в Донбасс. Многие крестьяне занимались местными промыслами — плетением корзин (с. Званное), плотничеством (села Званное, Долженково, Рыбинские Буды), бондарным и столярным промыслом (села Долженково и Рыбинские Буды).

В большинстве обследованных сел во второй половине XIX — начале XX в. бытовала общинная форма землевладения. В бывших помещичьих селах после отмены крепостного права крестьяне получили на ревизскую душу от 1,5 до 3 десятин. Жители сел Долженково, Бегичево, Филатово (потомки служилых людей) уже в XIX в. были причислены к разряду государственных крестьян с общинно-передельным землепользованием, на один надел здесь приходилось 1,5—2 десятины. В конце XIX — начале XX в. с развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве происходил активный процесс разложения сельской общины. В этот период распространенным явлением становится аренда земли и покупка ее в частную собственность.

Коренным образом отличалось землевладение потомков служилых людей, крестьян четвертного права в селах Будище и Саморядово. Здесь жители села владели землей подворно. Земля передавалась по наследству от отца к сыну, и уже в конце XIX — начале XX в. много семей оказалось малоземельными и безземельными. Поэтому в этих селах особенно большие размеры приобрели аренда земли и покупка ее в собственность, а также отход взрослых мужчин на заработки. В 1900 г. 100 малоземельных семей из с. Будище уехало в поисках лучшей жизни в Томскую губернию.

Малоземелье и чересполосица, характерные для всех обследованных деревень, были одним из факторов длительного сохранения большой неразделенной семьи. Старики-информаторы свидетельствуют, что вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции во многих дворах жили большие неразделенные семьи, численностью от 15 до 25 человек, с характерным для того времени патриархальным укладом.

Известно, что большая семья в XIX в. сохранялась в русских губерниях дольше, чем на Украине. Однако в обследованных районах в конце XIX и даже в начале XX в. она была распространена не только в русских, но и в украинских селах (Званное и Рыбинские Буды). Массовый раздел больших семей во всех селах происходил в первые годы после установления Советской власти и перераспределения земли по едокам.

В конце XIX — начале XX в. в обследованных селах, как и во многих других районах России, несмотря на быстрое развитие капиталистических отношений, техника сельского хозяйства и система земледелия были отсталыми.

Традиционные орудия земледелия, применявшиеся крестьянами, были однотипными во всех обследованных селах вне зависимости от их социальной и этнической характеристики. По мере развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве появлялись усовершенствованные орудия и машины, но применялись они главным образом в зажиточных крестьянских хозяйствах.

В XIX в. основным пахотным орудием была соха. В селах Будище, Долженково, Рыбинские Буды бытовала двузубая соха («двухсторонка») с перекладной полицей, наиболее широко распространенная в русских губерниях и называемая поэтому в литературе «великорусской»².

В селах Локоть, Будки, Званное была распространена двузубая соха «односторонка». В ней железная полица, служившая отвалом, крепилась неподвижно на левом сошнике.

В начале XX в. во всех селах распространяются и заменяют соху деревянные плуги с железным лемехом и отвалом, а перед 1917 г. — железные.

Для рыхления вспаханной почвы и заделывания семян в XIX в. употреблялись вязаные бороны, широко известные в это время в центральных губерниях России, в Полесье и Белоруссии. По воспоминаниям старожилов, в с. Локоть применялась и наиболее древняя борона — «волокуша», состоявшая из связанных веток с обрубленными сучьями. В начале XX в. вязаная борона сменяется рамной, сначала с деревянными, потом с железными зубьями. Сеяли крестьяне ручную из лубяного или соломенного лукошка, в селах Званное, Будище, Долженково — из мешка.

До конца XIX в. основным орудием уборки зерновых был серп, который в начале XX в. повсеместно заменяется косой с «грабками».

Во всех обследованных селах употреблялась конструкция цепа, типичная для украинцев: ручка («держальня», «цепильня») и «бич» соединялись двумя ременными петлями («капицами») с помощью третьей петли («увязи»). Конные жнейки, молотилки и веялки были единичными. Владельцы машин, наиболее зажиточные хозяева, за плату позволяли пользоваться ими односельчанам.

Описанный традиционный сельскохозяйственный инвентарь бытовал в обследованных селах и в послереволюционные годы вплоть до коллективизации сельского хозяйства, сохраняясь частично и в годы колхозного строительства.

Большинство обследованных населенных пунктов в прошлом считались селами. Будки, Будище, Саморядово, Хорьковка, не имевшие своего церковного прихода, именовались деревнями. В настоящее время почти все поселения называются селами. В одних из них (Локоть, Саморядово, Долженково, Званное, Рыбинские Буды) расположены центральная усадьба колхоза, сельсовет и основные культурно-бытовые и просветительные учреждения. В других (Будище, Бегичево, Будки, Хорьковка), являющихся центрами производственного участка (в прошлом бригады), имеются школа, детский сад, клуб, медпункт, магазин.

² «Русские. Историко-этнографический атлас». М., 1967, с. 34.

Обследованные селения до настоящего времени сохраняют многие черты планировки и размеры, исторически сложившиеся к концу XIX в. Большинство селений во второй половине XIX в. имело рядовую застройку, вторые порядки домов возникали в результате раздела семей и разрастания селений. В селах Будище, Долженково, Бегичево, Будки часть улиц до настоящего времени имеет одностороннюю застройку.

Село Локоть вытянуто в одну улицу вдоль р. Обесты. Более разбросанной застройкой отличаются села Будище, Долженково, Филатово, Бегичево. В связи с пересеченным холмисто-равнинным рельефом местности улицы с односторонней и двусторонней застройкой домов тянутся вдоль балок. Число дворов колеблется от 261 до 400. Самое крупное с. Званное (990 дворов), расположенное в низине на левом берегу Сейма, спланировано более компактно и состоит из нескольких больших и малых улиц и множества переулков.

Как в прошлом, так и в настоящее время, в данных районах распространен так называемый открытый тип двора. Хозяйственные постройки располагаются на некотором расстоянии от дома; один или два сарая в глубине двора, птичник, рубленый сарайчик («саж») — для поросенка, ближе к дому — летняя кухня («временка»), погреб (раньше амбар).

Дома стоят в углу усадьбы, перпендикулярно к улице, фасадная торцовая стена выходит непосредственно на улицу. Характерная для украинцев постройка дома во дворе на некотором расстоянии от забора частично была зафиксирована нами только в украинском с. Хорьковка Сумской области. Положение дома к улице длинной стеной, в которой прорублена дверь, распространенное в южнорусских губерниях, в обследованных селениях старожилы не отмечают.

Существующий жилой фонд складывался на протяжении длительного времени. Сравнительно небольшой процент составляют дома, построенные в конце XIX — начале XX в. Более половины всех построек возведено в послевоенные годы.

До настоящего времени преобладает срубное строительство, имевшее на данной территории древние традиции.

Особенности строительного материала — неровность бревен лиственного леса, возникновение при сборке сруба щелей между бревнами — способствовали развитию традиции, характерной для восточных районов Украины — обмазывать сруб снаружи и изнутри глиной и белить. Следует отметить, что тщательная обмазка и побелка хат характерна была в прошлом лишь для южных и юго-западных районов Курской губернии, расположенных в полосе этнической границы с украинцами³ (рис. 1).

В конце XIX — начале XX в. вместе с постепенным истреблением местных лесов и удорожанием привозимых лесоматериалов в некоторых селах растет число домов из камня песчаника, запасы которого были обнаружены вблизи Долженково и Филатова, а также из кирпича (в селах Будище, Саморядово).

В современном индивидуальном жилищном строительстве наблюдается интересное сочетание новейших прогрессивных методов со старыми традиционными навыками строительства. Продолжает преобладать постройка срубных домов. В с. Званное, как и во многих других селах юго-запада Курской области, в последнее время стали возводить дома при помощи столбовой техники с горизонтальной или вертикальной закладкой бревен. Сравнительно редко строятся дома из кирпича. В 1960—1970-е годы многие жители стали строить типовые сборные многоквартирные дома (так называемые «финские») из готовых заводских деталей (рис. 2).

³ О. А. Ганцкая и др. Материальная культура сельского населения южновеликорусских областей. — «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LVII, М., 1960, с. 189.

Рис. 1. Дом, построенный в конце XIX в. (с. Долженково Обоянского р-на). Все фотографии выполнены Б. И. Смеховым

В срубных домах под углы дома и под середину первого венца плотники ставили «стояны», «лежни» — обрубки бревен, пни или врытые в землю камни. Повсюду строилось низкое жилище без подклета с земляным плотно утрамбованным полом, смазанным сверху толстым слоем глины, смешанной с соломой («земь», «земля» в большинстве русских сел, «доливка» — в селах Званное, Рыбинские Буды, Хорьковка). Дощатые полы были только в домах наиболее зажиточных хозяев.

За годы Советской власти постепенно совершенствовались конструкция фундамента, потолка, крыши и материалы покрытия. В обследованных селах, как и повсюду, солома была заменена более прочными и легкими кровельными материалами — железом и шифером. Хотя, как и прежде, преобладает четырехскатная форма крыши, некоторые новые дома, особенно те, которые построены из сборных заводских деталей, кроют двускатными крышами.

В XIX в. в изучаемых селах преобладали двухкамерные постройки, состоящие из «хаты» и «сенец», сени нередко строили из плетня, они не имели потолка. В хозяйствах состоятельных и многосемейных крестьян кое-где строили и трехкамерные постройки (дома «связи»), но более распространенными они стали лишь в начале XX в. Тогда же начали строить «пятистенки» (с. Локоть) или дома с прирубом.

Усложнение плана трехкамерного дома в начале XX в. происходило за счет выделения кухни в задней половине сеней.

Появившаяся в начале XX в. планировка на базе усложнения и усовершенствования двухкамерного и трехкамерного дома становится господствующей в послереволюционные годы, широко бытует она и в 30—50-е годы XX в. Традиции этой планировки сохраняются и в современном жилищном строительстве. В настоящее время происходит дальнейшее изменение и улучшение внутреннего плана дома за счет увеличения его размеров, числа комнат, благоустройства жилых помещений.

Для традиционного жилища в обследованных селах, как и в соседних районах Украины, наиболее характерной была планировка внут-

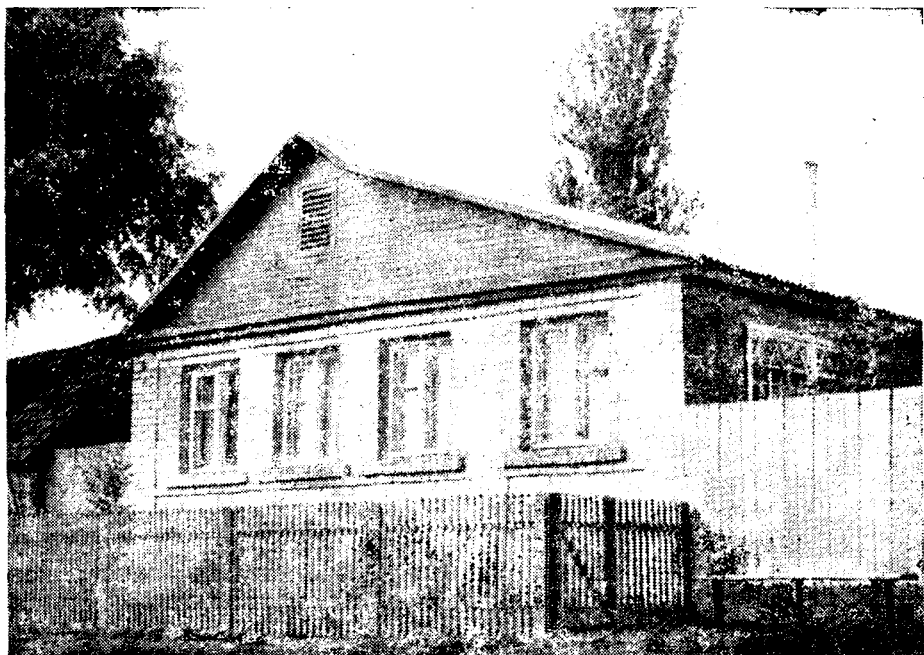

Рис. 2. Дом, построенный в 1975 г. из готовых заводских деталей (с. Долженково Обоянского района)

ренного помещения хаты, называемая в литературе «украинско-белорусской», «западнорусской»: русскую печь ставили налево, реже направо от входа в заднем углу хаты, причем устье ее было повернуто к боковой длинной стене дома. По диагонали от печи был расположен передний («святой») угол. Распространение украинско-белорусской планировки в юго-западных районах Курской области следует рассматривать как результат влияния украинской культуры. Вместе с тем в селах, основанных в прошлом русскими служилыми людьми: в Будище, Саморядово, Долженково, Филатово, Бегичево, до настоящего времени сохраняется традиция, широко бытовавшая здесь в XIX — начале XX в., — строить дома в «среднерусской» традиции, занесенной, по-видимому, в момент основания этих сел переселенцами из среднерусских губерний России. В отличие от белорусско-украинской планировки, устье печи, расположенной также при входе, в заднем углу хаты, здесь было направлено к передней торцовой стене дома, в результате чего перемещались места, где спали и готовили пищу. Интересно отметить, что во всех селах этих районов жилое помещение называлось и называется «хатой», в с. Бегичево старики помнят и характерный для средней России термин «изба».

В XIX в. во всех селах преобладали русские печи, по своему типу переходные от беструбной курной печи к белой печи с трубой. Дым из комина — глинобитного патрубка, возвышавшегося над сводом печи, выходил через отверстие и плетневую трубу, поставленную в сенях около стены хаты. Подобный тип отопления был распространен в это время по всей территории Украины и встречался в южнорусских губерниях. О существовании беструбных курных печей старожилы обследованных сел не помнят.

В 50—60-е годы XX в. заметно проявляется тенденция заменять громоздкую русскую печь более удобным и усовершенствованным отоплением. Еще во многих новых домах продолжают ставить русскую печь уменьшенного размера; к ней сбоку или спереди обычно пристроена

плита, а сзади или сбоку — стенка с дымоходом «груба». При этом русскую печь многие жители даже зимой топят редко. В последние годы все сильнее проявляется стремление заменить русскую печь в доме голландской, в которой устраивают плиту со встроенным духовым шкафом. Кроме того, русскую печь небольшого размера устраивают в летней кухне («временке»), которую в этих селах стали сооружать всего два-три года назад. Временку строят капитально и используют в зимнее время.

Изменение культурно-бытовых запросов сельского населения в советское время особенно сильно проявляется в благоустройстве и интерьере жилых помещений. Вместе с тем современная хорошая мебель фабричного производства нередко сочетается с предметами традиционного убранства комнат. Сохраняется старинный обычай украшения комнат узорными домоткаными полотенцами, скатертями, коврами, дорожками.

В Будище и Саморядово, отчасти в Локте вплоть до последнего времени сохранялась традиция подготовки невестой приданого. Еще несколько лет назад здесь каждая девушка задолго до свадьбы обязана была подготовить — вы ткать или вышить — более десятка узорных полотенец и скатертей, которыми ее родственники украшали к свадьбе дом новобрачного. Зародившееся в далеком прошлом ручное узорное ткачество нашло свое дальнейшее развитие в последние два десятилетия, обогатившись интересными цветовыми сочетаниями, большей колористической насыщенностью, смелым сочетанием контрастных звучных тонов.

Сбору материалов по традиционной одежде способствовала сравнительно хорошая сохранность старинной одежды во многих русских селах Курской области.

Традиционная одежда была одним из наиболее выразительных элементов материальной культуры. Именно в ней более стойко в условиях национальной чересполосицы сохранялась этническая специфика различных групп населения и отражались сложные напластования, свидетельствующие об этническом и социальном своеобразии населения в прошлом.

В Суджанском районе, в селах Будище и Саморядово, мы обнаружили своего рода заповедник русского национального костюма (рис. 3). Здесь и в настоящее время во многих семьях имеется полный комплекс русского традиционного костюма. Еще в 1920—1930-е годы этот костюм служил повседневной одеждой, в 1960-е годы его носили во время праздничных хороводов («карагодов» и «танков»), которые перестали здесь водить всего лет десять назад. В настоящее время национальную одежду надевают на свадьбу, в праздники, она широко используется в художественной самодеятельности. В Долженково, Филатово, Бегичево традиционный костюм был в ходу до начала 1920-х годов. В настоящее время он используется Долженковским и Бегичевским народными хорами, широко известными в стране.

В с. Локоть нам с трудом удалось приобрести лишь отдельные детали традиционного костюма, который подвергся значительной трансформации уже в начале XX в. Домашнее же прядение и ткачество здесь было распространено вплоть до коллективизации сельского хозяйства.

В русском с. Будки и в бывших украинских селах Званное и Рыбинские Буды уже в конце XIX в. самобытная одежда заменилась новыми формами, развившимися в значительной степени под влиянием города. Об отдельных элементах традиционного костюма здесь помнят лишь представители старшего поколения.

Процесс нивелирования одежды развивался по-разному в разных селах. Он определялся в значительной степени конкретным сочетанием в том или ином селении таких факторов, как состояние хозяйства, развитие отходничества, торговли и т. п. Так, например, в противоположность тому, чего, казалось бы, следовало ожидать, в селах Будище и

Рис. 3. Женская праздничная одежда конца XIX — начала XX в. (с. Будище Суджанского р-на).

Саморядово усилившийся в конце XIX в. отход на шахты в Донбасс не способствовал трансформации форм одежды. Поэтому вопрос о причинах устойчивости национальных традиций в одежде и других элементах быта в тех или иных селах требует тщательного исследования. Пока лишь можно высказать предположение о непосредственной связи национальной одежды с развивавшимися в этих селах многовековыми традициями уникальной хореографической и песенной народной культуры (оригинальная манера вождения танков и карагодов, богатство народных песен, ансамбли дударей, бытование редкого музыкального духового инструмента кугиклы)⁴. Сохранению традиционной одежды в годы социалистического строительства в селах Будище, Долженково, Филатово, Бегичево в известной мере способствовала организация здесь талантливых самодеятельных коллективов, широко использующих ценные традиции богатого музыкального фольклора.

Этнические особенности ярче проявлялись и дольше сохранялись в женской одежде. Во всех русских селах бытовал комплекс женской одежды с сарафаном, характерный для северных и центральных губерний России, позднее распространившийся во многие районы Урала, Сибири и южнорусские губернии. В обследованных украинских селах в конце XIX — начале XX в. широко был распространен комплекс женской одежды с юбкой.

⁴ См. А. В. Руднева. Курские танки и карагоды. М., 1975.

Основу старинного костюма в русских селах Суджанского и Обоянского районов составляла рубаша с прямыми поликами, пришитыми по утку, с прямыми разрезом ворота, собранным в сборку на узкую полоску ткани, заменявшую воротник. Рубаша состояла из двух частей: верхней («станок», «станочек»), сшитой из покудного материала или домашнего тонкого холста, сотканного из хлопчатобумажных ниток, и нижней («подставка»), которую чаще шили из грубого конопляного домашнего холста. Верхнюю часть рукава, манжеты, нередко и грудь около ворота украшали «тканками» — узорными полосками ткани, затканными красными нитками закладной техникой. Между поликом и рукавом часто шивали белые кружева с подложенными под них полосками «кумача», называемые «хворботками». Из кумача нередко шились и ластовицы. Помимо рубахи с прямыми поликами, в качестве праздничной здесь издавна бытовала рубаша с отложным воротником («передня») и с широкими цельнокроеными рукавами, собранными в сборку у ворота и у манжета.

Поверх рубахи надевали сарафан, который появился здесь, по-видимому, после прихода русских служилых людей. О бытовании в этих селах поневоле сведений нет.

В XIX — начале XX в. наиболее распространен был косоклинный сарафан на лямках («мышках») из черной домотканой тонкой шерсти («волосени»), так называемый «черный». Он шился из трех прямых (двух передних и одного заднего) полотнищ. К передним и к заднему полотнищам по бокам пришивались клинья и подклинки по прямой нитке. Затем полотнища с клиньями и подклинками на боках сшивались одним косым швом. Швы клиньев и подклинков на боковых швах образуют подобие елочки. Этот покрой сарафана известен в литературе под названием косоклинного сарафана со швом спереди⁵. По мнению Г. С. Масловой, центром распространения подобного типа сарафана были северо-восточные губернии: Московская, Ярославская, Владимирская, Костромская⁶. Заднее и боковые части передних полотнищ плиссировали в мелкую складку, оставляя гладкой переднюю часть, которая закрывалась передником. Праздничные и выходные сарафаны украшали по подолу полосами позумента, парчи, красного или зеленого бархата, реже золотым кружевом с бахромой. Широкий пояс, к которому пришивали полотнища и лямки, выкладывали позументом, бархатным кантом и шнуром, свитым из золоченых ниток («перевивкой»).

Зажиточные крестьяне шили праздничные сарафаны («шубки») из покупного красного атласа или штофа, под него подстрачивали тонкий холст, полотнища сшивали, отделяли позументом, бархатом, золотым шнуром, кружевом и плиссировали (рис. 4). Старинным типом сарафана в Будище и Саморядово были также косоклинные сарафаны из сукна — «сукни». Сукни кроились так же, как черные сарафаны и шубки, но они были значительно уже (за счет меньшего количества боковых клиньев) и не имели богатой нарядной отделки.

Более новым типом во всех обследованных селах был прямой сарафан на лямках, сшитый из нескольких прямых полотнищ, называемый здесь «саяном». В Долженково, Филатово, Бегичево саяны распространяются в начале XX в., постепенно вытесняя черные сарафаны из домотканой шерсти, в Будище и Саморядово они появляются лишь в после-революционные годы и первоначально служат будничной одеждой.

Сарафаны, шубки и саяны подвязывались по талии двумя или более широкими поясами. Поверх сарафана обязательно надевали длинный передник — «завеску», повязываемый высоко на груди.

⁵ Л. В. Тазикина. Русский сарафан. — «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXII, 1955, с. 22—26.

⁶ «Русские. Историко-этнографический атлас», с. 107.

Старинный праздничный головной убор состоял из кокошника, «позатыльника», «прилобника», перьев, цветов и платка.

Девушки покрывали голову прилобником, оставляя макушку открытой, и платком, завязываемым под подбородком. Платок в начале XX в. был наиболее распространенным головным убором и среди женщин.

Женский праздничный костюм в русских селах Суджанского и Обоянского районов шился из дорогих материалов: был чрезвычайно наряден. Красивые сарафаны, завески и пояса, кокошники и платки, блиставшие шелком, парчой и золотом, серьги и бусы из янтаря, жемчуга, бисера и стекла, перья и ленты — все это в комплексе поражало

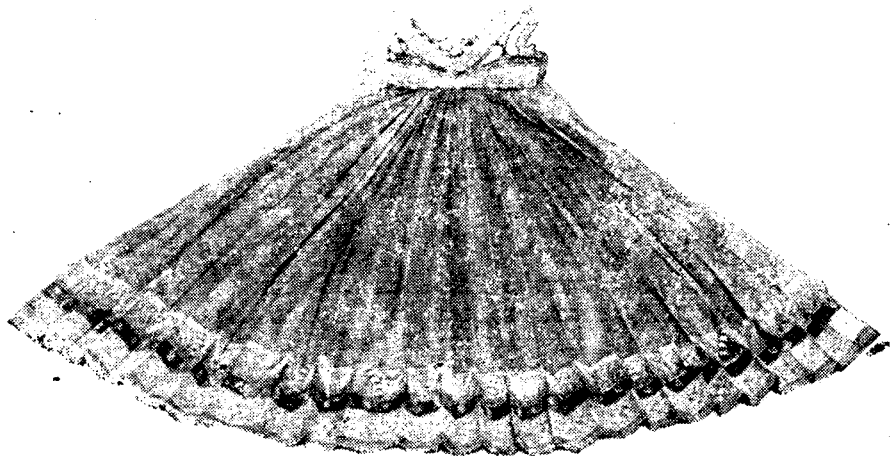

Рис. 4. Косоклиный праздничный плиссированный сарафан из атласа — «шубка», конец XIX в. (вид сзади); (с. Долженково Обоянского р-на)

яркостью красок и великолепием. Роскошь костюмов в праздничных курских карагодах и танках не раз подчеркивали исследователи прошлого и начала нынешнего веков⁷. Этот костюм, передаваемый из поколения в поколение, был необычайно устойчив и сравнительно мало изменился в последние 150 лет. Основные его детали отмечались очевидцами еще в начале XIX в.⁸

Женская одежда бывшего помещичьего с. Локоть отличалась рядом особенностей. Поверх рубахи с прямыми поликами, не имевшей украшений в виде узорного ткачества и вышивки, надевали косоклиный суконный сарафан («сукман») на лямках («ташках»). Сарафан состоял из двух сшитых прямых передних полотнищ и одного прямого заднего полотнища, которые соединялись по бокам двумя косыми клиньями. В конце XIX — начале XX в. сукманы постепенно заменяются прямыми сарафанами на лямках, называемыми здесь «азиаткой», «зяткой». Они кроились из 4—6 прямых полотнищ («полок»), присборенных на обшивке — поясе, шириной до 2 см. Заднее полотнище иногда кроилось короче переднего и пришивалось на кокетку («талейку»). Зятки шили преимущественно из покупных материалов (ситца, сатина, шелка, шерсти) и украшали по подолу мелкими складочками («выкладками») и полосками шелка и бархата. Сукман и азиатку подпоясывали широким

⁷ Я. Золотарев. Пригородная слобода Казацкая. — «Курский сборник», вып. II. 1902, с. 122.

⁸ См. А. Дмитриюков. Нравы, обычаи и образ жизни в Суджанском уезде Курской губернии. — «Московский телеграф», 1881, № 10, с. 255.

шерстяным поясом, а по талии повязывали короткий передник. В предреволюционные годы здесь распространяется комплекс городского костюма, состоящий из широкой, присборенной на поясе юбки и прямой или приталенной кофты, надеваемой поверх рубахи. Старинный сложный головной убор состоял из стеганой холщовой подковообразной кички, стягивающей волосы, кокошника на твердой основе, расшитого золотыми нитями, и позатыльника.

Традиционный женский костюм в селах Хорьковка, Званное, Рыбинские Буды, заселенных украинскими переселенцами, был представлен в конце XIX—начале XX в. поздними формами украинского национального костюма. Основу женского костюма составляла рубаха с прямыми поликами, пришитыми по утку; и с широкими рукавами, присборенными вверху у полика, внизу — у манжета («чехол»). Так же, как и у русских, рубаха состояла из двух частей: верхняя («станок») шилась из лучшего материала, нижняя («пидточка») — из конопляного холста. Украинские рубахи обильно украшались вышивкой на рукавах, поликах, манжетах.

В рассматриваемый период основной поясной одеждой у украинцев была юбка. Она шилась преимущественно из фабричной ткани, кроилась из нескольких (от 4 до 6) прямых полотнищ, присборенных сверху на узкой обшивке — «комире», подол украшали плиссированной оборкой, лентами, плисом и бархатом. На юбку надевали короткий передник, повязываемый на талии. В Рыбинских Будах его называли, как и в ближайших русских селах, «завеской». По рассказам жительниц, родившихся в 80—90-х годах, их матери и бабушки носили традиционную украинскую поясную одежду — плахту и запаску.

Поверх рубахи в украинских селах носили приталенную безрукавку («корсет», «козачек», «юбку»). В начале XX в. в качестве выходной и праздничной одежды служили кофты из ситца, сатина, атласа, шелка и шерсти, которые шились со множеством декоративных швов, складочек, оборок, с баской или фалдами.

Головным убором служили платок и надеваемая под него мягкая ситцевая овальная шапочка на вздержке, стягивающая волосы («сборник», «очипок»). В конце XIX и в первые годы XX в., по воспоминаниям старых жителей, носили праздничный «чепец» на твердой основе, украшенный парчой, бархатом, «монистами» и камнями.

Традиционный мужской костюм уже с конца XIX в. значительно больше, чем женский, подвергся изменениям под влиянием городской моды. Тем не менее во всех русских селах еще и в начале XX в. мужчины носили характерную для русских туникообразную рубаху-косоворотку с разрезом на левой стороне груди и со стоячим воротником, под рукава вставляли красные ластовки. В украинских селах наряду с косовороткой бытовала рубаха украинского покроя с разрезом посредине, характерная в XIX в. для украинцев. На подоле, рукавах, груди («манишка») делалась вышивка. Повсюду рубаху надевали «порусски», т. е. поверх штанов, а в праздник подпоясывали узкими плетеными и вязаными поясками.

Во всех русских селах носили штаны («порты») из домашнего холста, скроенные «порусски»: в каждую штанину («калошу»), суживающуюся книзу, вставлялось по два удлиненных трапециевидных клина. В начале XX в. в качестве праздничной одежды стали появляться и брюки из фабричных тканей.

Основной обувью русских в XIX и даже начале XX в. были лыковые лапти, подбитые снизу веревкой, с онучами и оборами. В летние праздничные дни с нарядными сарафанами женщины носили башмаки или туфли на железных подковках, зимой — валенки и сапоги. Последние служили также и праздничной мужской обувью. Отличительный признак костюма местных украинцев — отсутствие лаптей. В верхней одеж-

де у русских было много общего с одеждой окружающих их украинцев.

* * *

Этнографическое обследование населения юго-западных районов Курской области позволяет сделать некоторые предварительные выводы. Традиционно-бытовая культура, сложившаяся на этой территории ко второй половине XIX в., представляла собой сплав одновременно возникавших компонентов, формирование которых было обусловлено сложностью колонизационных процессов, различиями в социально-экономическом развитии сел, своеобразием сложившегося этнического и социального состава населения, непосредственным взаимодействием культур в районах смешанного расселения народов. В быту русских при преобладании культурно-бытовых черт, свойственных населению южнорусских районов, сохранились и традиции, перенесенные в процессе заселения края служилыми людьми из центральных губерний России (среднерусский план хаты, положение дома по отношению к улице, покрой косоклинного сарафана, сложный головной убор с кокошником и др.). Смешанное чересполосное русско-украинское расселение, а также более поздние культурные взаимосвязи двух восточнославянских народов проявились во взаимодействии русских и украинских черт в земледельческой технике, в жилище, пище, семейных обрядах и др.

Этническая специфика наиболее ярко проявлялась в таких более устойчивых компонентах культуры, как говор, одежда, обряды, народное искусство.

Вместе с тем обнаруживается большая культурно-бытовая общность на всей территории обследования. К однотипным формам культуры, характерным для населения всех этих сел, относятся сельскохозяйственные орудия обработки и рыхления почвы, уборки урожая, молотьбы и веяния, приемы строительной техники жилища, форма и покрытие крыши, план жилого дома, тип двора, покрой традиционной женской рубахи, верхней одежды, мужских головных уборов, многие элементы пищи, свадебных и календарных обрядов и др. Унификация затрагивала прежде всего менее устойчивые элементы культуры, формирование которых в значительно большей степени определялось географической средой и уровнем развития производительных сил.

Особое внимание члены экспедиции уделили исследованию соотношения традиций и инноваций в современном быту сельских жителей. Наиболее интересными с этой точки зрения оказались села Будище, Саморядово, Долженково, Филатово и Бегичево. Развитие социального быта и усиление в нем интернациональных особенностей не исключает сохранения местных традиционных черт культуры, сложившихся в предшествующие столетия. Наиболее ярко традиции проявляются здесь в одежде, в народном искусстве (декоративное ткачество, вышивка), в свадебных обрядах. Продолжают сохраняться и развиваться и многие общие для населения всех обследованных сел традиционные формы культуры (в отдельных элементах жилища, пищи, семейных обрядов и др.).

Собранные в этой экспедиции материалы, как и данные будущих полевых исследований в русско-украинском пограничье (Курская, Белгородская области), позволят в дальнейшем осветить процессы развития традиционно-бытовой культуры на протяжении последнего столетия, выявить сущность и закономерность изменений быта в советское время, исследовать сложные вопросы взаимовлияния русских и украинских черт в культуре.

Т. А. Гонтарь

ПОСУДА И ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ КАРПАТСКИХ УКРАИНЦЕВ В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

В материальной культуре народа важное место занимают пища, домашняя посуда и утварь. Пища и способы ее приготовления — существенный показатель социально-экономического развития, особенностей хозяйственных занятий населения, географической среды, уровня культурных и торговых связей с соседними народами.

В этнографической литературе досоветского периода о посуде и утвари украинцев Карпат имеются незначительные сведения¹. В исследованиях советского времени посуда рассматривается в большинстве случаев с искусствоведческой стороны². Цель настоящей статьи — проанализировать посуду и домашнюю утварь в тесной взаимосвязи с ее функционально-бытовым назначением.

Статья написана в основном на полевых материалах автора, собранных в горных районах Львовской, Ивано-Франковской и Закарпатской областей. Кроме того, использована коллекция деревянной и керамической посуды Музея этнографии и художественного промысла АН УССР во Львове (далее МЭХП) и Львовского музея народной архитектуры и быта (далее — ЛМНАБ).

По функциональному назначению у карпатских украинцев можно выделить следующие группы посуды и домашней утвари: 1) для приготовления и приема пищи, для выпечки хлеба; 2) для переработки и сохранения молока и молочных продуктов; 3) для напитков и воды; 4) для транспортировки пищи и напитков; 5) для заготовки продуктов впрок; 6) для собирания грибов, ягод.

Карпаты богаты древесиной, поэтому многие виды посуды изготовлялись из дерева. Посуду заказывали у местных мастеров, реже — покупали на ярмарках. Глиняная посуда в быту карпатских горцев употреблялась в ограниченном количестве, что объяснялось отсутствием в горах гончарных центров (за исключением Пистыня и Косова). Неудовлетворительное состояние горных дорог затрудняло транспортировку глиняных изделий, изготовлявшихся в Косове, Пистыне, Кутах, Болехове, Дрогобыче, Старой Соли, Пораже, Хусте, Ужгороде и продававшихся на базарах. В начале XX в. у зажиточных крестьян появилась металлическая посуда; в бедняцких и середняцких хозяйствах

¹ В. Шухевич. Гуцульщина, т. I, Львів, 1901, с. 250, 264; В. Кобільник. Матеріальна культура с. Жукотина Турчанського повіту. Самбір, 1937, с. 13—22, 26—31; І. Максимчук. Домашня й кухонна посудина в Старім Самборі.— «Літопис Бойківщини». Самбір, 1936, с. 30.

² М. З. Козакевич. Дерев'яний посуд та вироби з лози, рогами і соломі.— «Довідник по фондах українського державного музею етнографії та художнього промислу АН УРСР», Київ, 1956, с. 100—113; К. І. Матейко. Народна кераміка західних областей Української РСР. Київ, 1959; А. Ф. Будзан. Різьба по дереву в західних областях України. Київ, 1960.

металлическая посуда даже и в 40-годах XX в. не имела широкого распространения из-за дороговизны³.

1. Многочисленной была посуда, предназначенная для приготовления, принятия, сохранения пищи и для выпечки хлеба.

В карпатских селах, как и на всей Украине, пищу варили в глиняных горшках (рис. 1, 1, 2). Наиболее распространенное название горшка — «горнець», оно бытовало еще в древней Руси⁴. Кроме того, на

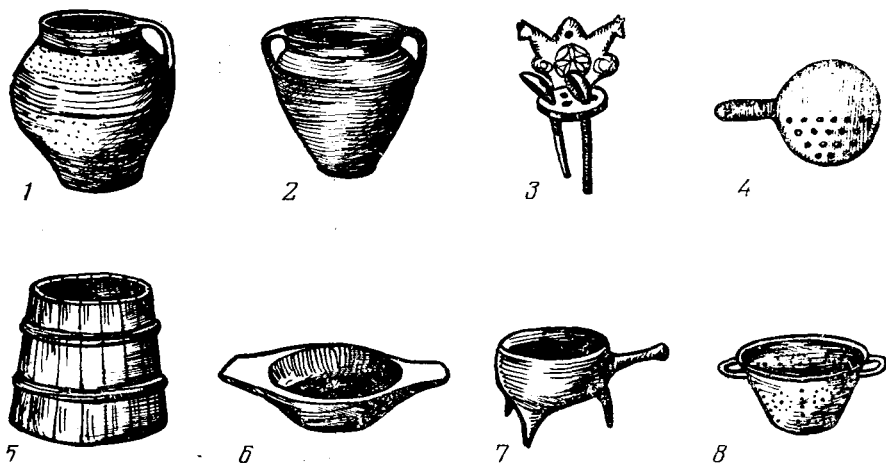

Рис. 1. Посуда и утварь для приготовления пищи, для выпекания хлеба: 1, 2 — «горнець»; 3 — «лижник»; 4 — «денце»; 5 — «дiжка»; 6 — «тялька»; 7 — «ринка»; 8 — «щидильник»

Гуцульщине горшки назывались «кулешенники»⁵ — для приготовления наиболее распространенного блюда — мамалыги («кулеші»). Локальные названия горшков, обусловленные размером, материалом и назначением — «варинче», «варінник» (Гуцульщина), «глиняник» (Бойковщина). В бойковских селах бытовал термин «саган» (от польского «sagan» — котел, казан). Поскольку с горшками имели дело только женщины, в ряде гуцульских сел они назывались «бабниці»⁶. В зависимости от назначения разными были и размеры посуды. Для приготовления праздничной (на свадьбу, крестины) и поминальной пищи служили большие горшки емкостью 1,5—2,5 ведра. Чтобы сделать новые глиняные горшки более крепкими, их закаляли («заварювали»): поливали горячим кипяченым молоком и на несколько минут ставили в печь. Лопнувшие, а иногда и целые горшки оплетали проволокой. Делали это бродячие мастера («горшкодраї», «дротарі»). Лопнувшие оплетенные горшки использовали для сохранения пищевых продуктов — муки, фасоли, зерна, соли.

Реже готовили пищу в чугунных эмалированных котлах — «банняках», «спіжових кітликах». Они в отличие от глиняных горшков были удлинённой формы с двумя ушками по бокам.

В карпатских селах для ссуживания жидкости с некоторых блюд пользовались деревянным кружком с короткой ручкой («денце», «кружок»). Кружок был целиком или частично в дырочках (рис. 1, 4).

³ В. Кобильник. Указ. раб., с. 14.

⁴ Н. Н. Воронин. Пища и утварь. — «История культуры древней Руси», т. I, М. — Л., 1948, с. 272.

⁵ В. Шухевич. Указ. раб., т. I, с. 96.

⁶ Архив Музея этнографии и художественных промыслов (далее — Архив МЭХП), ф. 1, оп. 2, ед. хр. 212, л. 16. Полевые материалы автора (далее — ПМА) (с. Верхний Березов Косовского р-на Ивано-Франковской обл.).

Для размешивания продуктов в процессе приготовления блюд и толчения картофеля во всех карпатских селах употреблялись «колотівки» — мутовки, сделанные из верхушки молодой ели или пихты⁷, с которой обрезали ветки, оставляя небольшие сучки («ріжки»). Аналогичные мутовки были распространены также у русских и белорусов⁸.

Ели из больших деревянных или глиняных мисок, покрытых глазурью и расписанных растительным или геометрическим орнаментом. Деревянные миски (долбленые или точеные) делали из мягкого дерева — вербы, ели. Они были круглой, реже — четырехгранной формы с немного разведенными стенками. Вся семья ела из одной или двух (если было много едоков) мисок. В семьях бедняков в конце XIX в. миски заменяли выдолбленные в крышке стола или в лавке углубления, в которые наливали пищу. Внизу этих своеобразных мисок было отверстие, через которое при мытье выливалась вода. Миски, сделанные в лавке, сверху накрывали крышкой⁹.

На Гуцульщине сваренную мамалыгу выкладывали на мелкую деревянную тарелку с ручкой — «кружок», «кулешник»¹⁰.

Ложки в горных селах были овальной и яйцевидной формы. Изготавливали их из липы, осины, бука и пр. На Гуцульщине на черенке ложки иногда вырезали или выжигали рисунок¹¹. Большие кухонные половники или «полонники» (на Гуцульщине), «варехи», «варішки» (на Лемковщине и Бойковщине) использовались для приготовления и наливания пищи. Они были круглой или овальной формы. Хранили ложки, половники в так называемом «лижнику», «залижнику», «лижкаї» (рис. 1, 3) — специальной полочке с несколькими рядами круглых отверстий, в которые черенком вниз вставлялись ложки; лижник вешали на стену.

Специальная посуда и утварь была для выпекания хлеба. Муку просеивали через волосяное сито. Тесто для пресного хлеба замешивали в деревянных долбленых корытах, изготовленных из вербы, березы, явора и осины. Размеры корыт зависели от назначения: для замешивания теста на праздничное печенье — большое (90—100 см), для повседневного теста — маленькое (50—60 см). В буковинских селах Карпат тесто замешивали в специальных больших долбленых мисках¹². Для замешивания теста употребляли также деревянную квашню из дощатых планок (рис. 1, 5), которая на Бойковщине и Гуцульщине называлась, как и у многих славянских народов, «діжа», «діжка», на Лемковщине — «фаска» (заимствование из польского языка — «faska» — кадка). Преобладала конусовидная форма квашни, характерная для

кадка. Преобладали конусовидная, борозчатая полочка и литовцев¹³.
всей Украины, а также для русских, белорусов, поляков и литовцев¹⁴.

⁷ МЭХП, фонд бондарства, инв. № ЕП 72380.

⁸ Г. С. Маслова, Т. В. Станюкович. Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья (XIX — начало XX в.). — «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР» («Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LVII, далее — ТИЭ). М., 1960, с. 145; Л. А. Молчанова. Материальная культура белорусов. Минск, 1968, с. 189.

⁹ А. Онищук. Народна пожива у Надвірнянським повіті. — «Матеріали до українсько-руської етнології», т. 18, Львів, 1918, с. 37, 38.

¹⁰ R. Harasymczuk, W. Tabor. Etnografia polonin huculskich. — «Lud», t. 35, Lwów, 1935, s. 24.

¹¹ МЭХП, фонд бондарства, инв. № ЕП 41207, 41212.

¹² ЛМЦАД, инв. № 3438.

¹³ О. А. Ганцкая, Н. И. Лебедева, А. С. Парникова. Материальная культура сельского населения южновеликорусских областей (XIX — начало XX в.). — «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР». (ТИЭ, т. LVII), с. 209; Л. А. Молчанова. Указ. раб., с. 147; Chętnik. Pożywienie kurlów, Kraków, 1936, s. 17; В. Милос. Пища и домашняя утварь литовских крестьян в XIX и начале XX в. — «Балтийский этнографический сборник» (ТИЭ, т. XXII), М., 1956, с. 135.

С квашней было связано много верований и обрядов, сохранившихся с глубокой древности. Ее наличие в доме свидетельствовало о достатке. Квашню редко одалживали друг другу, считая, что если ее унесут в другую семью, достаток покинет дом.

В конце XIX— начале XX в. повседневный хлеб и праздничные виды печенья выпекали без форм. В селах Закарпатской Бойковщины и Лемковщины хлеб повсюду формовали деревянной долбленной миской с двумя ручками «палачкой», «опалачкой», «тялькой» (рис. 1, 6). В 20—30-х годах XX в. в карпатских селах начинают появляться металлические невысокие круглые формы («бляхи») для выпекания куличей.

Хлеб и другие виды печенья, выпекаемые без форм, сажали в печь на деревянной лопате небольшого размера, круглой или овальной формы. Для сажания куличей, выпекаемых без форм, использовалась специальная круглая большая лопата (в бойковских селах она называлась «круг») ¹⁴. Ее имели не все хозяйки.

Лук, сало, яичницу жарили в глиняных «ринках» — низкой, круглой, цилиндрической или горшковидной посуде, часто на трех ножках (рис. 1, 7). «Ринки» имели трубчатую ручку или ушко, некоторые — носик, через которые можно было выливать содержимое. Ринки такой формы изготавливали в селах Среднего Приднестровья ¹⁵. В селах закарпатской Бойковщины в начале XX в. появляются металлические ринки на трех ножках с ручкой, так называемые «шерпінки». В них кипятили молоко, готовили молочную пищу ¹⁶.

Необходимым кухонным инвентарем в горных селах, как и на всей Украине, была скалка («качівка», «кашівка», «тачівка»), сделанная из твердого дерева. Ею раскатывали тесто на пироги, кныши, вареники. Готовые вареники вынимали большой ложкой («варіхою») или высыпали в глиняный дуршлаг («цідильник») — глубокую глиняную миску, покрытую отверстиями, с двумя ручками по бокам (рис. 1, 8). Глиняные дуршлагы покрывались глазурью. В 1930-х годах в зажиточных семьях стали появляться металлические дуршлаг, называвшиеся «дуршляк». В карпатских селах бытовали глиняные макитры ¹⁷. Они имели небольшое дно и отлогие стенки с расширяющимися кверху закругленными краями («вінцями»). В макитре деревянным пестом с круглым или цилиндрическим утолщением на конце растирали мак, творог на вареники, толкли картошку.

Для мытья посуды в горных селах употреблялись небольшие деревянные бондарные шайки («цебрики»). Две удлиненные доски по бокам с круглыми отверстиями для пальцев служили ручками.

II. Посуда для молока и молочных продуктов в основном была деревянная — долбленая, бондарная, реже выточенная. Глиняная посуда больше бытовала в низинных местах Карпат, а также в соседних с ними районах, расположенных вблизи гончарных центров.

При доении коров и овец использовали деревянные бондарные поддойки («скіпці»), сделанные из еловых, реже буковых досок. Нижняя часть их была уже верхней. Одна удлиненная доска, в которой делалось отверстие для пальцев, служила ручкой. Переднюю часть поддойки напротив ручки — «уха», как правило, делали немного выше, чтобы молоко не выплескивалось при переносе (рис. 2, 1). Емкость поддойников была разной: от 7 до 12 литров. В гуцульских селах (горные районы Ивано-Франковской обл. и Раховский район Закарпатской обл.) поддойки часто украшали геометрическими орнаментами.

¹⁴ ЛМНАБ, инв. № 416.

¹⁵ Л. Данченко. Народна кераміка середнього Придніпров'я. Київ, 1974, с. 69, 70.

¹⁶ Архив МЭХП, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 209, тетр. 3, л. 7; ПМА (с. Гусный Великоберезнянского р-на Закарпатской обл.).

¹⁷ МЭХП, фонд керамики, инв. № ЕП 46937.

ными мотивами, выполненными техникой выжигания. Подойники такой формы и с тем же названием («skories») были распространены по всей Польше¹⁸, а также в Белоруссии¹⁹. Там они назывались «даенка».

В некоторых селах западной части Карпатского региона (например, с. Жукотин Турковского р-на Львовской обл.) овец доили в подойники («дійниці») кадушкообразной формы. В ряде бойковских сел овечье молоко сливали в деревянную посуду («доїлницю»; «дійницю») эллипсовидной формы с наглухо закрепленной крышкой, в которой было небольшое отверстие для молока (рис. 2, 2).

Рис. 2. Посуда для молока, переработки и сохранения молочных продуктов: 1 — «скопечь»; 2 — «дійниця»; 3 — «коновка»; 4 — «гурчіл»; 5 — «лоханка»; 6 — «маслянка»; 7 — «раква»

Процеживали овечье и коровье молоко в деревянную посуду «коновку», «конов'я» и «гурчіл». Изготовленные бондарями коновки для молока имели форму усеченного конуса. На одной из клепок была сделана ручка. Высота коновок была разной — от 20 до 40 см. Коновки для молока и молочных продуктов накрывались крышкой (рис. 2, 3). Распространенные в селах центральной и западной Бойковщины (Сколевский, Турковский районы Львовской обл. и Межгорский р-н Закарпатской обл.) долбленные «гурчіли», цилиндрические или конусообразные сосуды с узкой шейкой, накрывались деревянной крышкой (рис. 2, 4). Свежее и кислое молоко сохраняли не только в коновках, но и в долбленной посуде — «гелетке», сделанной из вербы. Она была круглой или эллипсовидной формы, имела два небольших ушка, накрывалась крышкой. В селах Западной Бойковщины (Турковский р-н Львовской обл.) овечье молоко всегда сохраняли в деревянной цилиндрической посуде бондарного изготовления — «бодне», которая имела наглухо закрепленную крышку с двумя отверстиями. Емкость ее — 25—30 литров²⁰.

Молоко держали также в глиняных кувшинах, хотя в быту украинцев Карпатского региона они не имели такого распространения, как деревянная посуда. Форма кувшина была такой же, как и в центральных областях Украины, в России и Белоруссии²¹. Кувшины

¹⁸ Pożywanie ludności wiejskiej». Kraków, 1973, s. 194.

¹⁹ В. С. Титов. Народные деревообрабатывающие промыслы Белоруссии. Минск, 1976, с. 67.

²⁰ В. Кобильник. Указ. раб., с. 16.

²¹ Л. Данченко. Указ. раб., с. 68, 69; Г. С. Маслова, Т. В. Станюкович. Указ. раб., с. 167; Л. Молчанова, Указ. раб., с. 214.

для молока («глек», «довжа», «довжан», «довжанка») были разной емкости — от 1,5 до 3 литров. Название «довжа», «довжан», «довжанка», возникшее из-за продолговатой формы кувшина, бывало в закарпатской Бойковщине²², «глек» — на Гуцульщине²³. Другой вид глиняной посуды для молока в горах — «горня», «горнець», «лоханка», «лоханя», «маценя». Это был глазурованный сосуд с широким отверстием и одним или двумя ушками по бокам, покрытый иногда несложным геометрическим, реже — растительным орнаментом (рис. 2, 5). Емкость горнят, лоханок была разной — от 1 до 4 литров. В них было удобно снимать с кислого молока сметану. Различия в терминологии были обусловлены разной формой и размерами этого вида посуды.

Снимали сметану большой, почти плоской деревянной ложкой («полонником», «варешкою») круглой или треугольной формы с почти горизонтальным черенком²⁴.

В горных селах масло изготавливали в деревянных маслобойках («маслянках», «колотівках», «боденках», «збушках»), сделанных из сливы, липы, вербы или ели. В исследуемый период преобладали маслобойки из досок (рис. 2, 6). Реже употреблялись долбленные маслобойки цилиндрической формы. Маслобойка состояла из трех частей: деревянного бочонка («маснички», «боденки»), в который наливали сметану; крышки («навершника», «збушка», «верхняка») с отверстием и ручки для сбивания с прикрепленным к ней дырчатым кружком («колотівки», «веретена», «ботелева», «кружка»).

Масло сохраняли в небольших круглых кадках из досок с двумя ушками («гелетках»).

На Гуцульщине масло держали в так называемой «рахві», «ракві» — круглой деревянной посуде, которая плотно закрывалась крышкой (рис. 2, 7). Рахвы были разных размеров, долбленные и выточенные. Поверхность их часто украшали концентрическими кругами и маленькими кружочками, выполненными выжиганием.

Брынзу складывали в деревянную посуду — «бербениці», «гелетки», «діжки». На Гуцульщине были распространены «бербениці» — высокие (до 80 см) узкие бондарные бочонки, изготовленные из ели, реже из бука. Бойки и лемки сохраняли овечий сыр в деревянных кадках — гелетках, діжках, долбленных или бондарных. Долбленные гелетки были круглой, цилиндрической формы с двумя маленькими ушками; бондарные имели форму усеченного конуса²⁵. Термин «гелятэ», обозначающий посуду для молока, был распространен и среди молдавских пастухов²⁶.

III. Отдельную группу составляет посуда для хмельных напитков (водки, вина, пива), для пресной и соленой воды. В карпатских селах наиболее распространенной посудой для переноски и сохранения воды была деревянная «коновка» («конва», «коновця», «кондайка»), на Гуцульщине ее называли также «водоніска»²⁷ (это название подчеркивало функциональное назначение — носить воду); «підручка»²⁸ — небольшая коновка, которую носили не на коромысле, а в руках. Коновки для воды были почти той же формы,

²² Архив МЭХП, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 230, л. 31; ПМА (с. Тишев Воловецкого р-на Закарпатской обл.).

²³ В. Шухевич. Указ. раб., с. 264.

²⁴ Архив МЭХП, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 212, л. 40; ПМА (с. Криворивня Верховинского р-на Ивано-Франковской обл.).

²⁵ Архив МЭХП, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 209, л. 77; ПМА (с. Карпатское Турковского р-на Львовской обл.).

²⁶ «Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения». Кишинев, 1977, с. 97.

²⁷ А. Онищук. Указ. раб., с. 38.

²⁸ Архив МЭХП, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 213, л. 15; ПМА (с. Верхний Березов Косовского р-на Ивано-Франковской обл.).

Рис. 3. Посуда для напитков: 1 — «коновка»; 2 — «путня»; 3 — «черпак»; 4 — «горнятка»; 5 — «бокля»; 6 — «боклага»; 7 — «барилочка»; 8 — «барівка»; 9 — «боклага-плескач»; 10 — «боклаг»

что и для молока, но больших размеров. Очень часто передняя часть их (против ручки) делалась немного выше (табл. 3, 1). Иногда их изготовляли из одного куска дерева техникой долбления. Коновки были распространены в Прикарпатье, Покутье, куда бондари с Гуцульщины возили продавать свой товар. Коновки такой же формы и с таким же названием («копew», «копewка») бытовали в начале XX в. также в Польше²⁹. В конце XIX—начале XX в. на Бойковщине воду носили и в «путне»³⁰ — деревянной посуде бондарной работы, эллипсоидной у основания, с постепенно расширяющимися кверху стенками. Одна удлиненная клепка, имевшая отверстие для пальцев, служила ручкой (рис. 3, 2).

Наиболее древней посудой для питья воды в карпатских селах были долбленные ковши («черпаки») с ручкой³¹ (рис. 3, 3) или большие ложки — «варіхи»³². Однако в начале XX в. уже больше употреблялись бондарные деревянные кружки («кухлі»). Воду пили также из глиняных кружек («квартя») или небольших кувшинчиков («водопійки»³⁴, «горнятка») (рис. 3, 4). В 30-х годах XX в. в зажиточных семьях стали появляться металлические кружки цилиндрической формы.

Карпатские горы богаты соляными источниками, из которых население окрестных сел брало для пищевых нужд соленую воду («ропу», «соровицю»). Носили и хранили ее в так называемой «боклі» — двухдонном цилиндрическом бочонке, сделанном из досок. В одной доске было отверстие для наливания и выливания воды (рис. 3, 5). Наливали соленую воду долбленной деревянной кружкой («роплянкою») через деревянную лейку.

Алкогольные напитки, в основном водку, в горных селах хранили в посуде, сделанной из дерева, глины, реже стекла. Деревянная посуда

²⁹ А. Chętnik. Указ. раб., с. 15, 19.

³⁰ В. Кобільник. Указ. раб., с. 17, 27.

³¹ МЭХП, фонд бондарства, инв. № ЕП 41623.

³² Архив МЭХП, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 222, л. 85, 86; ПМА (с. Люта Великоберезнянского р-на Закарпатской обл.).

³³ Архив МЭХП, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 214, л. 15; ПМА (с. Лихобора Турковского р-на Львовской обл.).

³⁴ А. Онищук. Указ. раб., с. 38.

для водки (долбленая или бондарная) была цилиндрической или бочкообразной формы. Общей чертой всей этой посуды, называвшейся «боклага», «барівка», «чубелів», «барило», было то, что она была двухдонной (рис. 3, 6, 7). Наливали жидкость в отверстие, которое закрывалось затычкой. Барила аналогичной формы и такого же функционального назначения были распространены и в центральных областях Украины.

В бойковских селах водку держали в так называемых «барівках», «берівках», «боденках» — деревянной посуде бондарной работы в форме усеченного конуса с наглухо закрепленной крышкой. В крышке «берівки» было отверстие для наливания водки и доступа воздуха при ее выливании, ручка-дуга и носик, через который содержимое выливалось (рис. 3, 8). «Барівки» были разных размеров. Посуда такой формы на Гуцульщине применялась также для пива («чубелів на пиво») ³⁵.

В гуцульских селах была распространена «боклага» — плоский круглый сосуд с узким горлышком (рис. 3, 9). Старые боклаги были долбленые, но с развитием и усовершенствованием токарной техники появились выточенные ³⁶. Их брали с собой на летние пастбища пастухи и лесорубы.

В селах Западной Бойковщины (Старосамборский р-н Львовской обл.) в конце XIX в. водку сохраняли и подавали на стол в так называемом «куршілі» ³⁷ — круглом плоском глиняном сосуде с узким горлышком, к которому была приделана закругленная ручка. Стоял «куршіль» на четырех ножках. Емкость куршилей — от 2 до 5 литров. Для прочности их оплетали проволокой. Изготавливали куршили гончары из Глинска или Потелича. В куршилях, как правило, подавали горячую водку.

Красотой форм и изысканностью декора отличались гуцульские глиняные «калаци» и «плесканки». «Калач» — кольцообразный сосуд с коротким горлышком, на четырех низких ножках. Посуда похожей формы была распространена на Полтавщине («куманці») ³⁸, а также в Румынии и Венгрии ³⁹. Глиняная плесканка имела ту же форму, что и деревянная боклага. Калачи и плесканки всегда покрывали глазурью и расписывали орнаментом с растительным или анималистическим сюжетом.

В лемковских селах изготавливали керамический шарообразный сосуд с узким горлышком — «боклаг», по бокам которого была одна или две пары ушек (рис. 3, 10).

Менее распространенными в быту карпатских украинцев были стеклянные бутылки с узким горлышком. Их, как и глиняную посуду, для прочности оплетали проволокой. Стеклянная посуда употреблялась преимущественно зажиточными крестьянами.

Во время праздников алкогольные напитки пили из деревянных, а с начала XX в. и из стеклянных рюмок, называвшихся «порції» ⁴⁰, «пугарі» ⁴¹. Деревянные цилиндрической формы пугарі были на ножке. На Гуцульщине они часто украшались резьбой.

Емкость рюмок — 25 г, реже употреблялись 50-граммовые и стограммовые пугарі. Все присутствующие на празднике пили из одной рюмки,

³⁵ МЭХП, фонд бондарства, инв. № ЕП 41502.

³⁶ М. З. Козакевич. Указ. раб., с. 107.

³⁷ І. Максимчук. Указ. раб., с. 30.

³⁸ МЭХП, фонд керамики, инв. № ЕП 47428.

³⁹ М. Smiszko. Naczynia pierścieniowate. — «Lud», t. 35, Lwów, 1936, s. 115, 119.

⁴⁰ Архив МЭХП, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 213, л. 61; ПМА (с. Сопот Сколевского р-на Львовской обл.).

⁴¹ В. Шухевич. Указ. раб., т. I, с. 307.

что часто являлось причиной распространения инфекционных заболеваний⁴².

IV. Особую группу составляла посуда для транспортировки пищи и напитков во время полевых работ и сенокоса. Наиболее распространенным видом посуды в этой группе были деревянные или глиняные двойные горшочки или кадочки («близнята», «двійнята», «дзвінята») (рис. 4, 1), реже изготавливали «трійнята» или «чвїрнята»⁴³ (рис. 4, 2). Глиняные горшочки были соединены глиняными же полосками («штабками») и большим круглым ушком. Их, как правило, покрывали глазурью, на внешней стороне наносился растительный (на Гуцульщине) или несложный геометрический орнамент. В карпатских селах

Рис. 4. Посуда для транспортировки пищи и напитков: 1 — «близнята»; 2 — «трійнята»; 3 — «збанок»; 4 — «банька»; 5 — «пасківник»

также были распространены черные «двійнята». Глиняные спаренные горшочки бытовали также у белорусов («спарышы», «блізнята») ⁴⁴, поляков («dwojaki») ⁴⁵ и словаков («dvojačky») ⁴⁶.

В деревянных бондарных «близнятах» отдельные кадочки соединялись общей ручкой. Гуцульские деревянные близнята украшались несложным геометрическим орнаментом, состоящим из точек и ромбов, выполненных техникой выжигания. Деревянные двійнята накрывались крышками с вырезами для ручки, глиняные — одной деревянной крышкой, общей для двух горшочков. На Гуцульщине крышки для близнят иногда украшали резьбой или выжиганием.

В глиняных крынках с ручкой («гладунцях») носили в поле молоко, в глиняных кувшинах («збанках») и в шаровидных сосудах «баньках», «корчагах», «коршове» — воду. Збанок имел широкое и высокое горлышко, банька — узкое, обязательной в обоих сосудах была ручка (рис. 4, 3, 4). Збанки и баньки покрывали глазурью и расписывали растительным, геометрическим и анималистическим орнаментами. Баньки использовали также для хранения растительного масла. Баньки для масла отличались сдержанным декором — несложным геометрическим орнаментом.

⁴² Ивано-Франковский областной гос. архив, ф. 370, оп. 1, ед. хр. 44, л. 8.

⁴³ МЭХП, фонд керамики, инв. № ЕП 47216.

⁴⁴ Л. А. Молчанова. Указ. раб., с. 214.

⁴⁵ А. Chętnik. Указ. раб., с. 31.

⁴⁶ A. Chlupova. Príspevok k štúdiu ľudovej stravy v Dolných Orešanoch. — «Slovenský národopis», 1975, № 3, с. 457.

Несколько особняком стоит деревянная, бондарная или долбленая посуда, использовавшаяся для переноса освященного кулича («паски») и другой ритуальной пасхальной пищи. В соответствии со своим назначением она называлась «святільниця», «паскавча», «паскар», «паскосвіт», «пашене цибра», «пасківник», «пашеник». Наиболее распространенными в горных селах были пасківники круглой или эллипсовидной формы, сделанные из досок, более широких у основания. Пасківник накрывался деревянной крышкой, с ручкой-дугой. Крышка закрывалась задвижкой («замком»), концы которой проходили сквозь отверстия в «ушках» изделия (рис. 4, 6). У белорусов посуда аналогичной формы («кубельчик», «бельчик») применялась для транспортировки воды и пищи⁴⁷. Пасків-

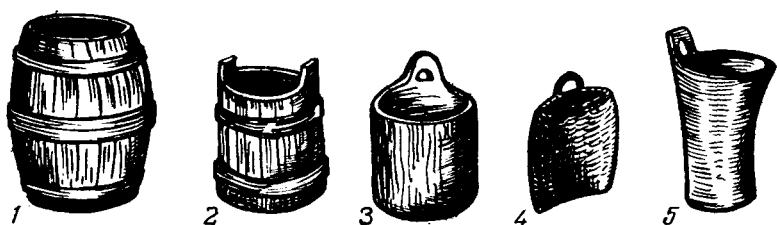

Рис. 5. Посуда и утварь для заготовки продуктов, для собирания ягод, грибов: 1 — «гордів»; 2 — «гелетка»; 3 — «сілля»; 4 — «кошіль»; 5 — «мірча»

ники изготовляли также в форме близнят, которые накрывались двумя крышками с вырезами для ручки. Часто бондарные пасківники из досок украшали выжиганием (на Гуцульщине), долбленые — резьбой (на Бойковщине).

В 20—30-х годах XX в. в гуцульских селах наряду с «пасківниками» стали употреблять плетеные из пареной лозы кошелки («кошар», «кобілчин») ⁴⁸. Они были овальной формы с дугобразной ручкой.

V. В каждом крестьянском хозяйстве была специальная посуда для заготовки продуктов впрок. Капусту квасили в деревянных бочках («станвах», «становцях», «кадовбах», «боднях», «кадах», «гордівах», «полибичках»). В бойковских селах преобладали бочки, сделанные в форме усеченного конуса высотой от 1 до 1,5 м.

На Гуцульщине и частично на закарпатской Бойковщине бытовали бочки, расширенные в средней части. Дощатые планки скреплялись тремя парами обручей (рис. 5, 1).

Для квашения свеклы на борщ, для засолки огурцов служили небольшие (60—70 см высотой) бондарные бочонки конусовидной формы с двумя ручками — «гелетки», «ділетки» (рис. 5, 2). Капусту для квашения шинковали ножом или на шинковке («шатківниці»). Ее изготовляли сами горцы из толстой доски, в которую наискось вставляли ножи, сделанные из старых кос. По доске двигался четырехугольный ящик, в который помещали головку капусты.

Зерно ссыпали в большую долбленную кадку («кадовб») или в прямоугольный ларь «сусік». Муку хранили также в больших ларях, разделенных деревянными перегородками (для разных сортов муки) ⁴⁹. Как правило, такие сусіки были у зажиточных крестьян. Бедняки, не имевшие больших запасов муки, хранили ее в долбленной посуде со вставленным

⁴⁷ В. С. Титов. Указ. раб., с. 54—56.

⁴⁸ Архив МЭХП, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 212, л. 32; ПМА (с. Нижний Березов Косовского р-на Ивано-Франковской обл.).

⁴⁹ Архив МЭХП, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 212, л. 119; ПМА (с. Хашоване Сколевского р-на Львовской обл.).

дном — «сільняцці», «сільні», «гелетці», в которой было одно ушко — ручка с отверстиями для пальцев (рис. 5, 3). Изготавливали их из вербы, а дно — из твердого дерева (ясеня, бука). В сільнячках, гелетках хранили также соль. Небольшие долбленые солонки «сольнички» вешали на стену вблизи печи, чтобы во время приготовления пищи соль была под рукой. На столе соль стояла в долбленной или точеной солонке («сольниці», «сільничці»). Наличие на столе соли и хлеба, по представлениям крестьян, должно было обеспечить благополучие крестьянской семьи.

Деревянные солонки были широко распространены и у других восточнославянских народов — русских, белорусов.

VI. Особая посуда и утварь была для сбора грибов и ягод. Это разнообразные корзинки, плетеные из лозы, корней ели, луба. Их изготавливали в каждой семье преимущественно дети-пастухи. Корзинки для грибов и ягод («опалки», «козубки») ⁵⁰ были полусферической формы с дугообразной ручкой. Специально для сбора ягод — черники, брусники, ежевики — плели кошёлки («кошілі») разных размеров с одной ручкой (рис. 5, 4). Кроме того, на Бойковщине ягоды собирали в небольшую долбленную мерку с ручкой («мірча») (рис. 5, 5). Облегчал и ускорял сбор черники специальный деревянный совок «гребінка», «гребінь», «решітка» (Гуцульщина, Бойковщина), «дзіргінець» (Лемковщина). Такие совки были распространены также у русских в Сибири и на Европейском Севере ⁵¹.

Заканчивая анализ домашней посуды и утвари украинцев Карпат конца XIX — первой четверти XX в., следует еще раз подчеркнуть, что в исследуемом регионе в основном была распространена деревянная посуда и утварь. Как и повсюду, количество и ассортимент посуды в хозяйстве зависел от степени зажиточности крестьян.

Посуда и утварь Карпатского региона отличалась богатством, целесообразностью и пропорциональностью форм. Народные мастера украшали посуду и утварь разными способами. Глиняную посуду — преимущественно покрывали глазурью и расписывали геометрическим орнаментом; деревянную — украшали резьбой или выжиганием.

Посуда и утварь карпатских горцев в конце XIX — начале XX в. имела много сходных черт с посудой и утварью украинцев центральных областей, восточных и западных славян, а также других соседних народов, что свидетельствует о тесных этнокультурных связях этих народов.

Некоторые виды традиционной посуды и утвари карпатских украинцев бытуют и в наше время. Это деревянная посуда для хранения и заготовки продуктов впрок (бочки, бочонки), корзинки для ягод и грибов, утварь и посуда для приготовления пищи (мутовки, скалки, деревянные ложки, макитры, корыта и т. п.), глиняная и деревянная посуда для молока и молочных продуктов (маслобойки, крынки, коновки).

В настоящее время народные мастера и профессиональные художники на основе лучших образцов традиционной деревянной и глиняной посуды карпатских украинцев создают сувениры и другие изделия декоративного и прикладного искусства.

⁵⁰ Ю. Кміт. Словник бойківського говору.— «Літопис Бойківщини». Самбір, 1939, с. 114.

⁵¹ А. А. Лебедева. Бутаковский этнографический музей.— «Сов. этнография», 1976, № 1, с. 150.

Ш. Ж. Мынжасарова

НАРОДНОЕ ЮВЕЛИРНОЕ ИСКУССТВО КАЗАХОВ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Ювелирное искусство — один из наиболее развитых видов казахского народного прикладного искусства. Работали ювелиры (*зергеры*) в одиночку. Изготавливали женские украшения, столовые приборы, туалетные принадлежности, декоративные бляхи для украшения музыкальных инструментов, предметов домашнего обихода, оружия и конского снаряжения. Особым своеобразием отличается ювелирное искусство Западного Казахстана. Коллекции ювелирных изделий данного региона, находящиеся в музейных собраниях Казахстана, состоят в основном из женских украшений. Значительное их число (около 600 единиц) имеется в Государственном музее искусств Казахской ССР. Большая часть коллекций собрана в течение 1972—1975 гг. в Мангышлакской, Гурьевской, Актюбинской, Алма-Атинской и Кызыл-Ординской областях (в двух последних — у потомков переселенцев, входивших в состав племен младшего жуза).

На основании сравнительного анализа коллекции Государственного музея искусств с уже датированными изделиями и литературных данных все представленные в ней ювелирные изделия можно отнести к XIX — началу XX в. Изделия выполнены из различных сплавов, в состав которых входит серебро. Авторство в большинстве случаев не установлено из-за отсутствия клейм на изделиях.

В коллекции собраны все виды украшений, составляющие ряд традиционных по составу комплексов. В комплекс входят подвески и бляхи к головному убору, нагрудное украшение, пара браслетов, перстень, височные подвески или серьги, украшения для кос. Эти изделия, изготовленные в едином стиле, составляют ансамбль, придающий женскому костюму художественную законченность. Следует отметить, что именно западноказахстанский комплекс женских украшений отличается наибольшей завершенностью, выдержанностью художественного стиля.

Главной декоративной деталью комплекса является нагрудное украшение (*өңіржиек*) (рис. 1). Оно состоит из трех — пяти крупных пластин, заполненных мастикой. Пластины квадратной, прямоугольной либо фасонной формы, подвижно соединены по вертикали кольцами или цепями четырехгранного плетения. Нижний фрагмент украшения, представляющий собой выступ или две волути с каплевидной фигурой в центре, отличается по форме от верхних и придает изделию композиционную законченность. Украшение по всей длине обрамляется цепями с подвесками в виде шара или металлической объемной фигуры (*каста*) со вставкой. Такие же цепи с подвесками в виде ромба, шара, овала, лепестка обязательно подвешиваются к нижней части украшения. Все пластины украшения, как правило, декорируются в центре одной — шестью, чаще двумя кастами, высотой в 0,4 см, в форме круга, полукруга, овала, лепестка. Касты иногда делают сплошь металлические, но

чаще со вставкой сердолика, смальты красного цвета, стекла с красной или черной подцветкой. Огранка вставок плоская, оправа гладкая. Поверх стекла из ложной зерни или пресс-ленты¹ накладывается узор в виде треугольника, ромба или другой геометрической фигуры, а сердолик едва покрывается узором из скани, зерни. Между кастами часто располагается выпуклый вертикальный овал с рифлеными горизонтальными или косыми линиями.

Касты и пластины обрамляются бордюрами из пресс-ленты и витой скани. Основные орнаментальные мотивы пресс-лент: *рубчик, веревочка, решетка*, окружности, ромбы, овалы, зигзаги, зернь, треугольник и др.

На свободной поверхности изделия равномерно размещается накладной геометрический узор из настоящей или чаще ложной зерни и штампованные рельефные фигуры в виде зигзага, солярного знака, геометризированного цветка ромбического или треугольного абриса.

Иное декоративное решение имеют нагрудные украшения, состоящие из пластин фигурной формы (рис. 2). Касты, контуры конструкции обрамляются рядами витой скани и пресс-лент с мелким орнаментом. Свободная поверхность заполняется филигранным орнаментом, сгустками зерни. Изделия, имеющие серебристый фон, частично покрываются позолотой.

По композиции нагрудные украшения делятся на три типа. Изделия первого и второго типов состоят из 4—5 частей. В первом случае вертикальный строй композиции расчленяется чередованием квадратных и вытянутых по горизонтали прямоугольных пластин, во втором — акцентируется расположением узких прямоугольных пластин без кастов по вертикали в два ряда. В обоих типах все части соединяются чаще всего подвижно с помощью колец. Украшения третьего типа состоят из трех частей, соединяющихся цепями. Здесь ритм конструкции основан на контрасте — чередовании больших плоскостей с цепями.

Нагрудные украшения типа өңіржиек, но более сложной формы бытуют и у других народов Средней Азии: таджиков, узбеков, киргизов².

Описанный выше принцип декоративного решения (касты, накладные узоры на вставках, скань, пресс-ленты, накладной геометрический узор из зерни и ее имитаций, позолота) является ведущим для всех украшений комплекса.

Эволюция стиля ювелирных изделий описываемого комплекса наиболее наглядно прослеживается на браслетах (*білезік*). Самые ранние (начало XIX в.) браслеты широкие, заполнены мастикой. Одни браслеты, сомкнутые, состоят из скобообразной и прямоугольной частей, соединяющихся шарнирным способом; другие — несомкнутые, с прямыми, суженными, фестончатыми концами. Декорированы браслеты в традиционном стиле: касты со вставками, накладной узор в виде треугольника, ромбов, пятиконечных звезд и других фигур из настоящей или ложной зерни.

Располагаются узоры горизонтальными рядами. Пресс-ленты, витая скань обрамляют браслет по краям, а иногда и по горизонтальной оси симметрии. Между кастами размещаются вертикальные фигуры разных форм. В браслетах начала XIX в. прослеживаются аналогии с туркменскими. Общими признаками являются массивность форм, наличие скани, пресс-лент, вставок из сердолика. Но туркменские браслеты гораздо шире казахских. Они состоят из 2—5 спаянных браслетов, декорируются гравировкой, позолотой. Поверхность вставок не украшается³.

¹ Пресс-лента — металлическая лента, орнаментированная при помощи литейного штампа.

² Н. Г. Борозна. Виды женских украшений народов Средней Азии и Казахстана. — «Сов. этнография», 1974, № 1, с. 41.

³ «Народы Средней Азии и Казахстана (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), т. II, 1963, с. 99, табл. «Женские серебряные украшения» № 1.

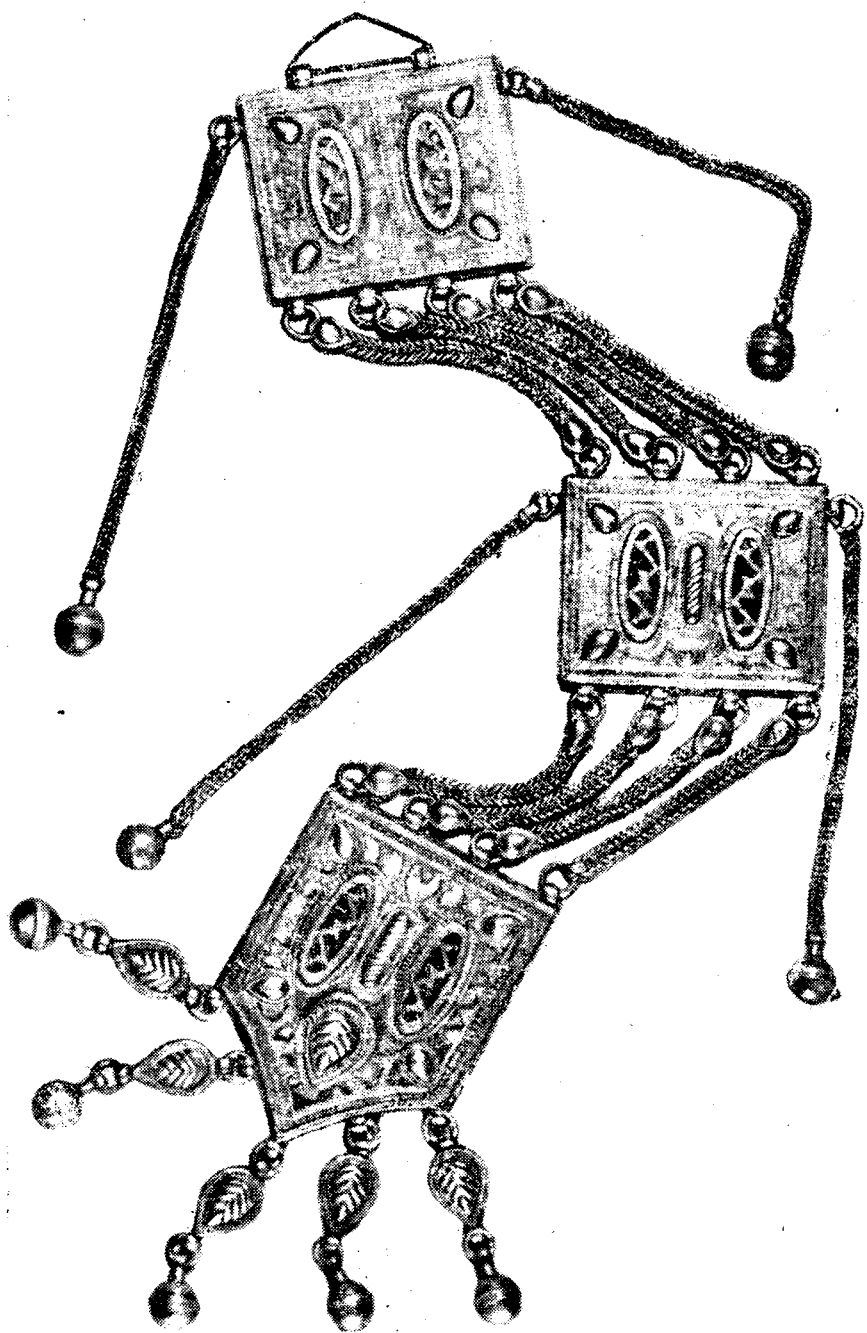

Рис. 1. Нагрудное украшение — *вѣірџиѣк* (серебро, стекло, штамповка, накладная скань, зернь), XIX в.

В браслетах второй половины XIX в. касты заменяются штампованными рельефными фигурами, часто в виде рифленого по кривой овала. Вместо напаянной штампованной ложной зерни применяется чеканка под зернь. Браслеты XX в. изготавливаются из тонкой серебряной пластины с фестончатыми концами. В основе декора — два горизонтальных ряда треугольников, выполненных чеканкой под зернь (рис. 3).

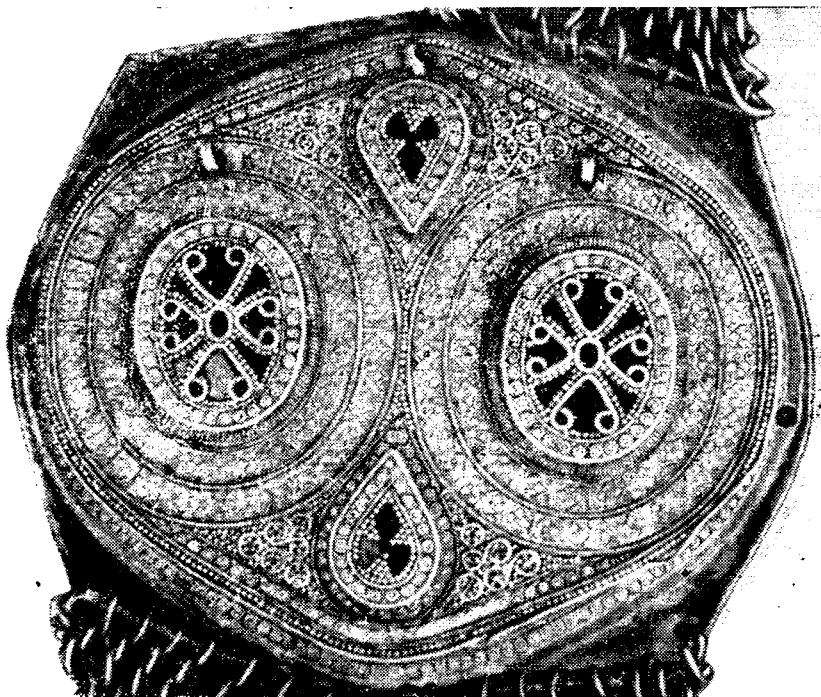

Рис. 2. Деталь нагрудного украшения — *өңіржиектің болшегі* (серебро, сердолик, штамповка, накладная скань, зернь, позолота), XIX в.

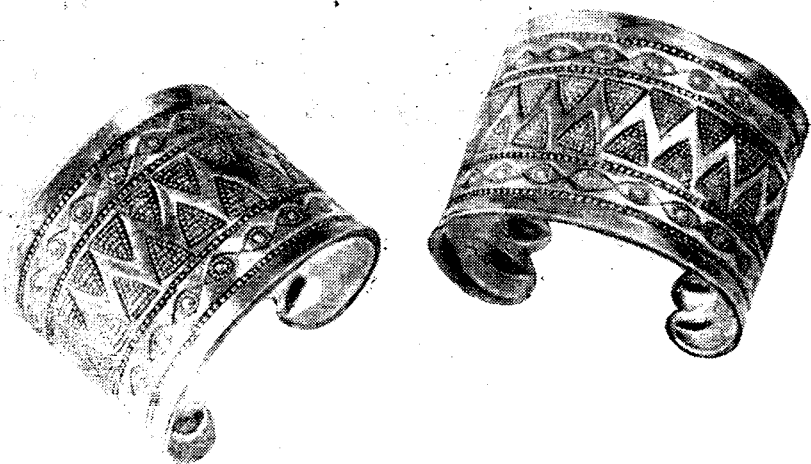

Рис. 3. Браслеты — *білезік* (серебро, чеканка под зернь), XX в.

Таким образом, за рассматриваемый период техника выполнения браслетов заметно упростилась. Декоративный канон в основном сохранен: фестончатые концы и рельефные края браслета, узор в виде треугольников, имитация зерни.

Особо следует сказать о «гарнитурном» браслете — оригинальном по художественному решению изделии. Необычность и эффект его достигнуты гармоничным соединением в одно целое браслета и двух-трех перстней или колец: к краю браслета петельно-кольцеобразным способом

прикрепляется фасонная пластина либо круглый в виде *бадама*⁴ каст со вставкой, к ним на цепочках четырехгранного плетения подвешиваются перстни. Вся поверхность изделия прорабатывается в традиционном стиле. Подобные браслеты зафиксированы в некоторых районах Дагестана⁵ и в Туркмении. Туркменский браслет в сравнении с казахским более массивен⁶.

Западноказахстанские перстни (*жузик*) отличаются большими размерами. Касты иногда покрывают почти всю кисть руки, некоторые перстни одеваются сразу на два пальца (рис. 4). Формы большинства перстней каноничны: двуступенчатый каст овальной или круглой формы с вышеописанными вставками. *Шинка* (обруч перстня) плоская, расширенная к касту. В отдельных перстнях расширенная шинка, образуя основание каста, составляет с ним единое целое.

В декоративном оформлении перстней наблюдается большое разнообразие, достигавшееся оригинальностью орнамента и концентрических пресс-лент, зерни и ее имитаций, штампованных рельефных фигур. Декоративной доминантой перстней являются эффектно оформленные центральные касты, располагающиеся, как правило, по две. Особую красочность изделию придает зернь, живописно размещенная в проволочном ободке.

Обращает на себя внимание серия так называемых «соляных» перстней с концентрическим ритмом декора. Центральная крупная вставка с накладной крестовиной обрамляется мелкими круглыми вставками либо сканью и ее имитацией, пресс-лентой, создающей лучевой узор, и треугольниками из ложной зерни вершинами наружу.

Описанный художественный стиль выдерживается и в остальных украшениях комплекса. Те же овалы, рифленые по косой, имитация зерни, узоры в виде треугольников входят в декоративный строй блях для головного убора, подвесок на косы (*шаш бау*), массивных височных украшений (*шекелік*), серег (*сырга*). Поэтому мы остановимся лишь на их формах.

Бляхи для головного убора обычно геометрической формы. Височные украшения с вытянутым стержнем, заканчивающимся ушком, в основной части лепестковидной, треугольной или трапециевидной формы с подвесками в виде ромба, шара, овала, лепестка (рис. 5).

Украшение для кос представляет собой цепь традиционного плетения (четырехгранного или круглого в сечении) с подвесками на концах в виде овальной или прямоугольной пластины (рис. 6).

Серьги треугольной или шлемовидной формы. Дополнительная деталь в декоре серег — штампованная фигурка в виде стилизованной головы змеи, которая напаивается на поверхность изделия и служит подвеской.

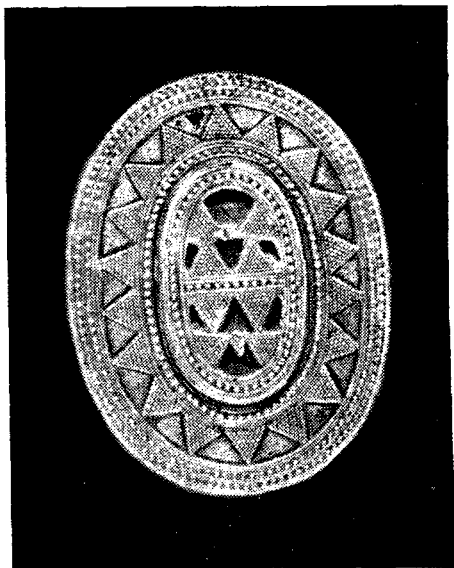

Рис. 4. Перстень — *жузик*. Серебро

⁴ *Бадам* — тюркское название миндаля.

⁵ «Ювелирное искусство народов России». Л., 1974, с. 158, 159.

⁶ Н. Г. Борозна. Указ. раб., с. 44.

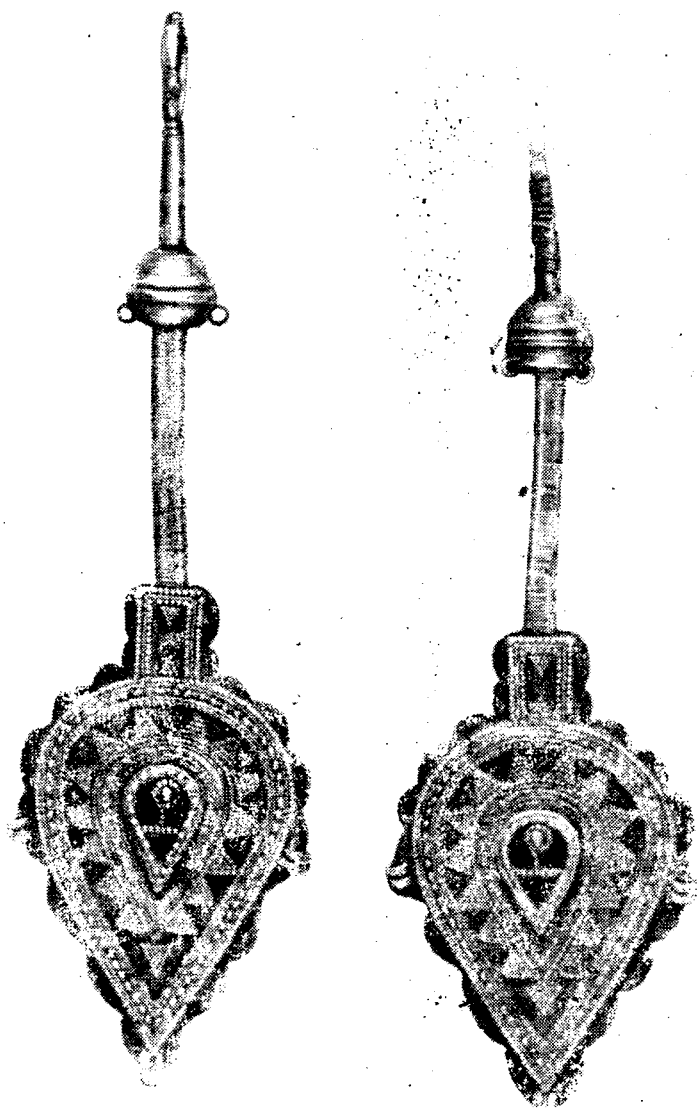

Рис. 5. Височные подвески — *шекелік* (серебро, стекло, штамповка, накладная скань, зернь)

Помимо проанализированного в данной статье парадного комплекса ювелирных изделий, в Западном Казахстане бытует еще будничный комплекс, куда входят массивная брошь (*бастырма*), с помощью которой застегивается разрез ворота платья, пояс (*белдік*), декорированный серебряными геометрической формы бляхами, или застежка (*капсырма*), соединяющая борта камзола, а также браслеты, кольца, серьги, перстни и украшения для кос. Но анализ этого комплекса не входит в задачу настоящей статьи.

На ювелирных украшениях парадного комплекса можно проследить несколько способов обработки металла: штамповка (ложная зернь, пресс-ленты, различные напайные фигуры), накладная скань, зернь, позолота. Художественно-техническое решение их сводится в основном к следующему. Плоскость изделий организуется высокими кастами, кото-

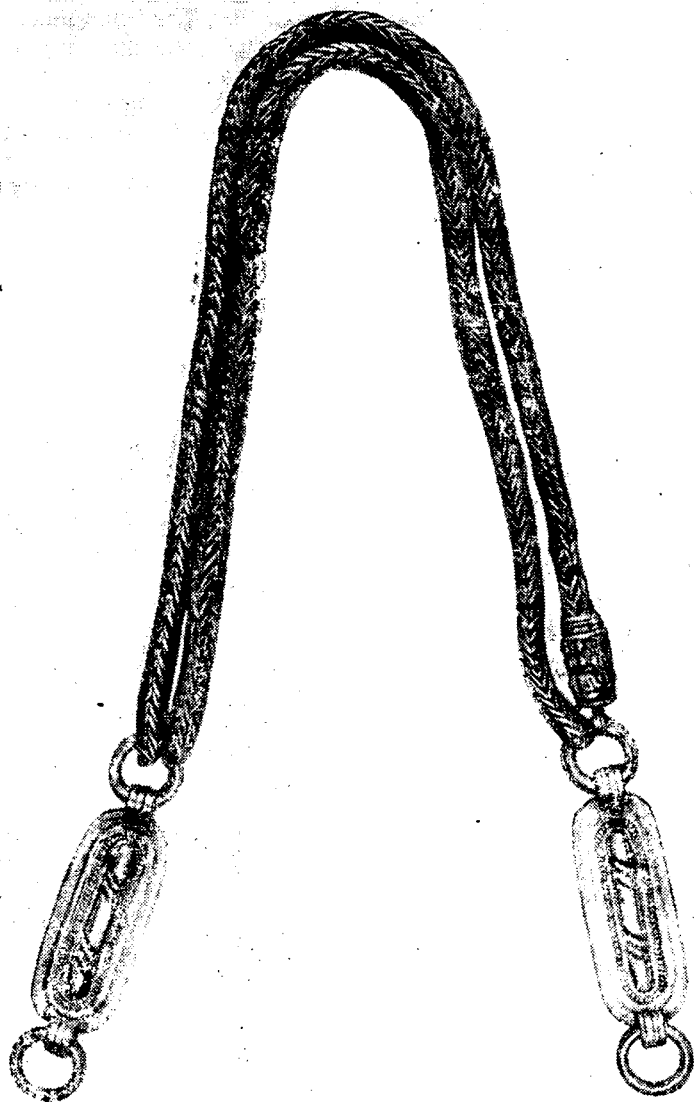

Рис. 6. Украшение для кос — *шаш бау* (серебро, штамповка, плетение)

рые украшаются узором из скани, настоящей или ложной зерни, пресс-лент. Контур конструкции изделия обрамляется бордюром из витой скани, пресс-ленты, усиливающими выразительность формы. Свободная поверхность, иногда золоченая, украшается зернью в проволоочном ободке, штампованными фигурами, геометрическим узором из ложной зерни. Ограниченность художественных средств компенсировалась вариативностью сочетаний формообразующих компонентов, введением в изделие дополнительного декоративного нюанса.

Орнаментальный декор в целом геометрического характера. Содержание узоров во многом, вероятно, обусловлено магико-религиозной функцией ювелирных изделий в прошлом. Почти на всех украшениях имеются символы солнца, плодородия, жизни и т. д. Лейтмотивом орнаментального строя является треугольник, символизирующий солнечный луч и, кроме того, осмысляющийся как оберег. Отдельные геометрические узоры: круг, крест, дуга являются родовыми тамгами племен

младшего жуза. Любопытно, что почти на всех украшениях есть характерная деталь: фигура в виде стилизованной головы змеи — древний магический оберег.

Примечателен цветовой отбор вставок. Используются лишь два цвета — красный и черный. Красный — символ огня, солнца, жизненной энергии, черный — земли, плодородия.

В художественном решении часто встречается прием бинарной оппозиции: одна из частей нагрудного украшения нередко составляется из двух пластин, касты располагаются обычно попарно, некоторые перстни имеют две шинки.

Анализ отдельных компонентов ансамбля позволяет определить стилистические особенности местного ювелирного искусства, развивавшегося в рамках традиции, что способствовало совершенствованию выразительности художественных средств.

К характерным признакам ювелирных изделий данного региона следует отнести крупные размеры, геометричность форм, ясность, лаконичность тектоники, сдержанность и обобщенность декора. В целом украшения отличаются целостностью, выразительностью и строгостью стиля. Массивные украшения, в основном серебристого тона, органично сочетаются с костюмом прямого силуэта преимущественно красного цвета.

Рассмотренные художественные приемы почти не встречаются в ювелирных изделиях других областей Казахстана⁷, что наглядно подтверждается литературными данными и музейными материалами республики. Отдельные декоративные решения — накладной геометрический узор из ложной зерни, украшение поверхностей вставок — не характерны для ювелирного искусства народов Средней Азии и, по-видимому, типичны именно для Западного Казахстана.

В технологии и декоре западноказахстанских украшений прослеживаются аналогии с ювелирными изделиями гунинской эпохи. Отдельные параллели были установлены Н. А. Оразбаевой⁸ при сопоставлении археологического материала с 28 украшениями из собраний Центрального государственного музея Казахстана.

Нами проведен сравнительный анализ 600 украшений из Западного Казахстана с материалами, опубликованными И. П. Засецкой⁹ и обнаруженными при раскопках¹⁰. В результате выявлены сходные признаки в технике (зернь, витая скань) и декоре (украшение вставками сердолика, треугольниками и ромбами из зерни, витой сканью по краю изделия). Рассмотренные изделия дают возможность проследить развитие художественно-технических приемов. Прежде всего сменяется материал: золото и сердолик в гуннских изделиях — позолота и стекло с красной подцветкой в казахских. Огранка сердолика в гуннских украшениях чаще «кабошон», в казахских — плоская. Древняя форма оправы-вставки — лента, припаянная на ребро, — преобразуется в казахских в каст. Если в гуннских изделиях треугольный и ромбический узоры делались из зерни, то в казахских украшениях они выполняются штамповкой под зернь.

Итак, мы видим, что изменяется материал, упрощается технология, усложняются отдельные декоративные элементы. В целом же художественный стиль сохранен, но в более совершенном виде.

Таким образом, приведенный материал свидетельствует о древности художественной традиции и ярко выраженном локальном стиле ювелирного искусства казахов Западного Казахстана.

⁷ Н. А. Оразбаева. Народное декоративно-прикладное искусство казахов. Л., 1970, с. 52, 53.

⁸ Н. А. Оразбаева. Комплекс женских украшений работы мастеров Западного Казахстана в собраниях Центрального государственного музея КазССР. — Изв. АН КазССР. Сер. общественных наук, 1968, № 6, с. 76—86.

⁹ И. П. Засецкая. Золотые украшения гунинской эпохи. Л., 1975.

¹⁰ Салтовский, Гнездовский, Томниковский могильники и курганы Кара-Агашский, Канатасский близ озера Борового.

Н. В. Кочешков

НАРОДНОЕ ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО АГИНСКИХ БУРЯТ

(по материалам этнографической экспедиции 1973 г.)

Зимой 1973 г. автор статьи участвовал в полевых этнографических работах в Агинском бурятском национальном округе Читинской обл. Работы проводились в окружном центре — пос. Агинское, в селениях Саган-Челутай, Могойтуй и Судунтуй. Поездка по округу была организована директором Агинского окружного краеведческого музея, заслуженным работником культуры РСФСР Ж. Д. Доржиевым¹. В пос. Агинское основная работа проводилась в окружном краеведческом музее и в мастерских народных мастеров, а во время поездки по округу автор ознакомился с жизнью и бытом агинских бурят, с их декоративным искусством².

В настоящей статье ставится задача рассмотреть основные виды декоративного искусства агинских бурят, показать его национальное своеобразие и наметить некоторые проблемы его дальнейшего развития и исследования.

Как известно, декоративное искусство бурят, живущих на территории Бурятской АССР, изучено в наши дни довольно основательно³. Искусство же агинских бурят почему-то оказалось почти совсем не изученным и незаслуженно забытым. Можно назвать несколько работ, в которых эта тема лишь затрагивается⁴. Между тем агинские буряты, несмотря на относительную малочисленность⁵, создали неповторимое по своему своеобразию народное декоративное искусство.

Агинские буряты гораздо лучше, чем буряты, живущие на территории Бурятской АССР и в Усть-Ордынском бурятском национальном округе Иркутской обл., сохранили свой язык и многие черты материальной

¹ Автор выражает благодарность директору Агинского окружного краеведческого музея Ж. Д. Доржиеву и сотруднику этого музея Б. Гомбожапову за ценную помощь в работе.

² Автор благодарит Д. Нимаева, Б. Анандаева, Д. Лобанову, Х. Ойдопову и других мастеров, ознакомивших его со своим творчеством и с технико-художественными приемами.

³ Назовем только специальные работы, посвященные бурятскому декоративному искусству: А. В. Тумахани. Бурятское народное искусство. Улан-Удэ, 1970; К. М. Герасимова, И. И. Соктоева. Бурятская деревянная скульптура. Улан-Удэ, 1971; И. И. Соктоева, Р. Д. Бадмаева. Бурятский художественный металл. Улан-Удэ, 1971; «Бурятский бытовой орнамент». (составитель Е. Б. Батоцыренова). Улан-Удэ, 1974; «Художественная обработка металла в Бурятии. Сборник статей». Улан-Удэ, 1974.

⁴ Некоторые сведения о народном искусстве агинских бурят содержатся в работах: Б. Ш. Шагдаров, Ж. Д. Доржиев. Ага степная. Улан-Удэ, 1971, с. 103—106; Л. Линховоин. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. Улан-Удэ, 1972, с. 27—38.

⁵ По данным переписи 1970 г., в Агинском бурятском национальном округе проживало 65 768 чел., из них бурят — 33 117 чел. (см. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. IV — «Национальный состав населения СССР». М., 1973, с. 128).

культуры⁶. И в пос. Агинское, и в других селениях округа — всюду, где нам удалось побывать, в семьях бурят говорят на родном языке, дети владеют бурятским языком, как правило, гораздо лучше, чем русским. В сельской местности кое-где сохраняется еще национальное жилище *гэр* (войлочная юрта монгольского типа)⁷.

Молодежь в наши дни полностью отказалась от национальной одежды, но старики, а особенно пожилые женщины, сохранили еще немало элементов старинной бурятской одежды, головных уборов, обуви.

Все это можно, по-видимому, объяснить тем, что агинские буряты жили в течение веков довольно компактной группой в малодоступных районах Восточного Забайкалья, вдали от больших дорог и трактов. В то же время агинские буряты имели значительные культурные контакты с монголами, так как долгое время обитали по соседству с ними. В результате у них появились общие черты в хозяйстве и быту. Ламаизм, придя в Агинскую степь из далекого Тибета через монгольские степи, привнес в культуру и искусство агинских бурят немало чужеродных декоративных элементов, которые местные мастера восприняли не механически, а творчески, умело приспособив их к потребностям кочевого быта.

Агинские буряты издавна славилась как прекрасные мастера-ювелиры. В Агинском окружном краеведческом музее (АОКМ) хранятся художественные изделия XIX в. из металла, среди которых наибольший интерес представляют налучник с колчаном (*наадаг*), уздечка (*хазаар*), подхвостник (*нахва*), огнива (*хэтэ*), серебряные цепочки (*улсуур*), коробки для иголок (*эунэй гэр*), ладанки-талисманы (*гуу*), браслеты (*бугаабиша*, *бугааг*), серьги (*ниихэ*), кольца, перстни, подвески, пуговицы и т. д.

Своеобразие искусства агинских ювелиров нашло наиболее полное выражение в украшении ножей (*мунгэн хутага*). Декоративная проработка ножен и рукоятки ножа обычно отражает индивидуальную исполнительскую манеру мастера-дархана. Одни мастера предпочитали простые геометрические узоры в виде плетенки или двух пересекающихся окружностей, другие — сплошное рельефное изображение сложных сюжетов.

В 20—30-х годах нашего столетия оригинальные ножи, украшенные резным и чеканным серебром, изготовлял известный в то время мастер-дархан О. Зориктоев (1886—1946), уроженец степного селения Зуткулей. Он покрывал металлом, как правило, края ножен и конец рукоятки ножа. Костяной футляр посредине перехватывался одним или двумя обручами, прикрепленными с тыльной стороны к стержню, соединяющему нож с подвеской. Свои изделия Зориктоев украшал советской эмблематикой (звездой, серпом и молотом и т. д.). Интересно, что новые элементы декора мастер удачно сочетал со старинным бурятским орнаментом. При полном сохранении традиционной формы ножи его работы отличались всегда оригинальной художественной отделкой⁸.

Работающий в настоящее время мастер Нимаев (селение Саган-Челутай Могойтуйского р-на) создает ножи строго традиционной формы, которые вместе с тем несколько отличаются от ножей, создаваемых мастерами Бурятии. Он украшает свои произведения кораллами, вставленными в ажурные шестилепестковые серебряные розетки. В орнаментике ножей и ножен преобладают геометрические мотивы, многие из которых близки монгольским, например узоры *алханы-хээ* (меандр) и *елзий* (знак-плетенка).

⁶ Так, из 33 117 бурят считают родным языком бурятский 33 021 чел. («Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. IV, с. 128), в то время, как из 48 302 бурят Усть-Ордынского национального округа считают родным бурятский язык 46 278 чел. (там же, с. 87).

⁷ Эта юрта имеет войлочные части — *туурга*, *дээбрэн*, *урхэ*, *хаяабиша*, деревянные части — *уудэн*, *хана*, *уняа*, *тооно* и веревки.

⁸ Несколько работ О. Зориктоева хранится в Агинском окружном краеведческом музее, остальные находятся в частных собраниях.

Агинские мастера издавна отличались умением изготавливать женские серебряные украшения (зуудхэл). Из этих украшений наибольшую художественную ценность имели поясные подвески *шимхургэ*, *һиихэ* и ладанки *гуу*. *Гуу* — это оригинальной формы серебряная коробочка, в которой хранился листок с молитвой. Она, как правило, богато украшалась филигранью и вставками из горного хрусталя. Декоративная композиция гуу строилась на основе переплетающихся завитков любимого бурятами-скотоводами орнамента *эбэр угалза* («роговой» узор).

Женский национальный костюм украшают также *һиихэ* и *шимхургэ* — длинные серебряные цепочки, соединяемые литыми фигурками зверей или круглыми дисками с камнями в центре. «Звериный» мотив бурятской орнаментики, так характерный для *һиихэ*, *шимхургэ* и особенно для браслетов *бугааг*, перекликается со скифским звериным стилем, характерным для вещей из курганов Алтая и Причерноморья. Агинские браслеты имеют также сходство в декоре с монгольскими⁹, что является свидетельством давних культурных связей агинских бурят с их ближайшими соседями — монголами.

Интересно, что в творчестве мастеров Бурятии зооморфные мотивы почти отсутствуют¹⁰.

Таким образом, отмеченные выше некоторые особенности изделий из металла позволяют говорить о наличии в культуре агинских бурят своеобразного художественного стиля, отличающегося от стиля мастеров Бурятии и близкого монгольскому.

Необходимо отметить также некоторые технические приемы, характерные для агинских мастеров. В мастерской Д. Нимаева мы видели следующие инструменты: наковальню — *душэ*, инструменты для чеканки — *ушилуурэй зэмсэг*, пятигранное шило — *шубгэ*, молоточек для мелких работ — *бишыхан алха*, приспособление для протягивания серебряной проволоки с 19 отверстиями постепенно уменьшающегося диаметра — *сахюур шава*, инструмент для шлифовки серебра — *сахюур шулуун*, чеканки для холодной обработки металла — *дурһэ*, паяльную трубочку — *гагнуур*, щипчики для протягивания серебряной проволоки — *хабшуур*, тиски — *хабшуурга*, ножницы для вырезывания из жести — *тумэр хайша*. Почти все эти инструменты встречаются и у монгольских мастеров-ювелиров¹¹.

Мы наблюдали в мастерской Д. Нимаева также и процессы изготовления *тобч* — декоративной серебряной пуговицы шаровидной формы со вставленным внутрь красным шариком из коралла. Для получения ше-

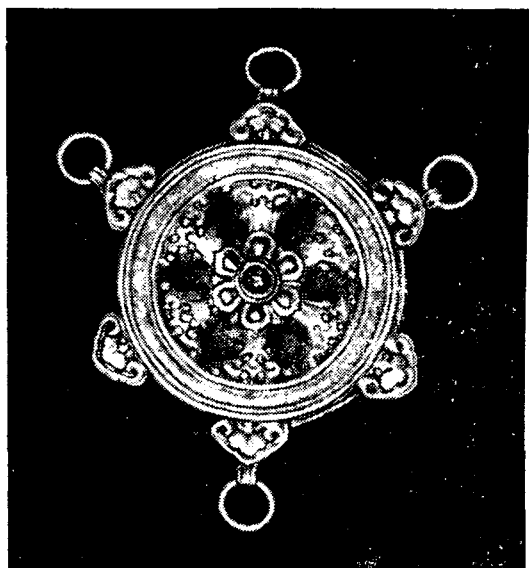

Рис. 1. Женское серебряное украшение, начало XX в., пос. Агинское. (все фото и рисунки автора)

⁹ Н. В. Кочешков. Народное искусство монголов. М., 1973, с. 47.

¹⁰ А. В. Тумахани. Указ. раб., с. 77—78.

¹¹ Н. В. Кочешков. Художественная обработка металлов у монголов. — «Материалы по истории и филологии Центральной Азии», вып. 3. Улан-Удэ, 1968, с. 163.

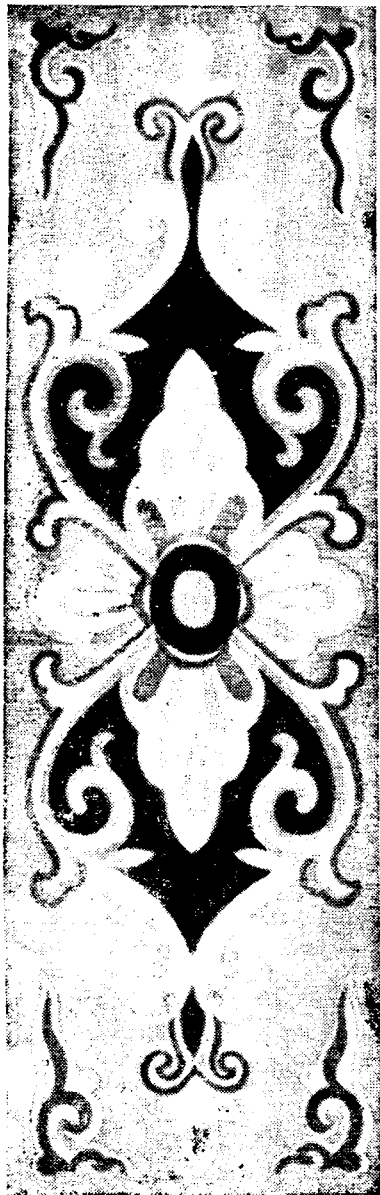

Рис. 2. Фрагмент росписи на двери юрты (гэр), сел. Могойтуй

рукавля футляр и рукоять ножа заранее заготовленными серебряными пластинками, украшенными чеканным и гравированным узором. К сожалению, сам процесс изготовления ножа увидеть и записать нам не удалось.

Большое место в искусстве агинских бурят всегда занимала и продолжает занимать резьба по дереву. Раньше из дерева изготовлялись многие предметы быта — луки для седел, деревянные части юрт (дверь, решетчатые стены, палки для стен, верхний круг), сундуки и кровати, ступки для толчения так называемого кирпичного чая¹³, пиалы, тарелки,

стилепестковой ажурной розетки из серебра (в которую затем монтируется отшлифованный коралл) Д. Нимаев использует специальное приспособление *бадма* (дословно — «цветок»). Берется кусочек серебряной пластинки, чеканом отрезается нужная форма, затем она вставляется в бадма. В результате сильного удара по чекану шестиугольный отрезок серебряной пластинки приобретает выпуклую полусферическую поверхность. Между двумя такими полусферическими шестилепестковыми розетками закрепляется коралловый шарик. После этого к одному из полушарий припаивается маленькое ушко-колечко, и красивая пуговица готова.

По нашей просьбе Д. Нимаев показал технику паяния серебряного женского кольца — *бэһэлиг*. Сначала мастер зачистил поверхность кольца шкуркой, затем припой (то же серебро с добавлением 35—40% чистой меди) вставил в щель кольца, «бурой» (специальная жидкость, приготовленная из скисшего молока) смазал место припоя. После этого мастер взял в руки кусочек древесного угля, положил воск в формочку, а кольцо — на уголь, зажег марлю в воске, пламя от паяльной трубки направил на уголь. Кольцо сразу же покраснело, и отверстие в нем запалялось. Затем мастер охладил кольцо в воде, отшлифовал мелким напильником. Кольцо чуть потемнело, для очистки мастер опустил его в серную кислоту. Интересно, что почти такой же прием паяния у монгольских мастеров подробно описан В. П. Дарбаковой¹².

Для изготовления рукояти ножа Д. Нимаев около месяца мочит в воде коровий рог, затем сушит его и придает ему нужную форму. Потом оп-

равляет футляр и рукоять ножа заранее заготовленными серебряными пластинками, украшенными чеканным и гравированным узором. К сожалению, сам процесс изготовления ножа увидеть и записать нам не удалось.

Большое место в искусстве агинских бурят всегда занимала и продолжает занимать резьба по дереву. Раньше из дерева изготовлялись многие предметы быта — луки для седел, деревянные части юрт (дверь, решетчатые стены, палки для стен, верхний круг), сундуки и кровати, ступки для толчения так называемого кирпичного чая¹³, пиалы, тарелки,

¹² В. П. Дарбакова. Традиционная обработка металлов у монголов. — В кн.: «Этнографические вести». Калм. НИИЯЛИ, вып. 1. Элиста, 1968, с. 11—12.

¹³ Кирпичным чаем буряты называют специально высушенный и спрессованный в брикеты китайский чай.

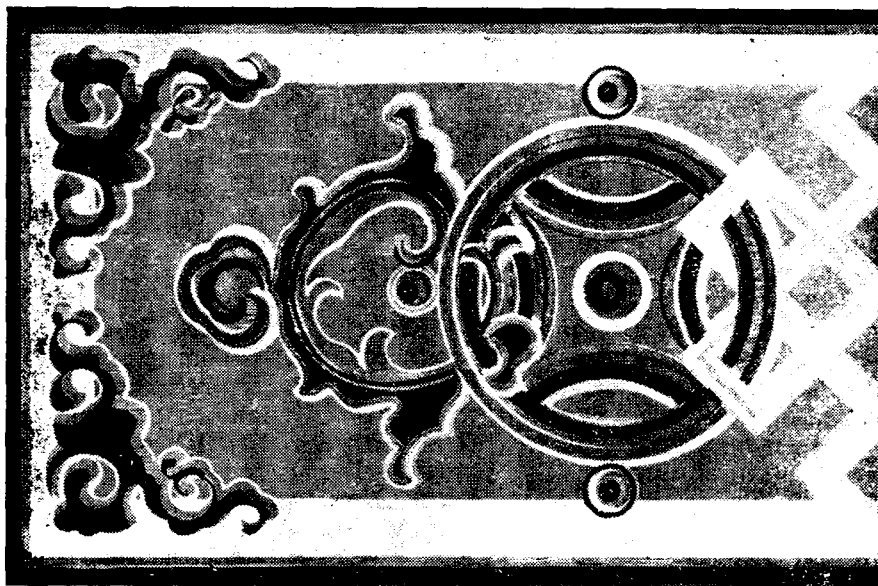

Рис. 3. Фрагмент росписи на бурятском сундуке, сел. Могойтуй, 1973 г.

жбаны, табакерки, музыкальные инструменты, фигуры национальных шахмат, а также декоративная скульптура малых форм. Секреты мастерства передавались от отца к сыну. И все их изделия отличались неповторимым своеобразием.

Так, в отличие от известных монгольских и бурятских ступок для толчения чая, украшавшихся, как правило, лotosовым узором, агинские ступки почти не украшаются орнаментом. Но зато они имеют гладко отполированную поверхность, на которой хорошо видна текстура дерева, и изящные точеные ножки, придающие вещи выразительный силуэт.

Сундуки *абдар* имели в длину около 1 м, в ширину и высоту — до 50 см. Их лицевая сторона расписывалась красной или коричневой краской. По краям сундуки украшались многоцветной рамкой, напоминающей цвета радуги. Орнаментальный рисунок на красную или коричневую поверхность наносился при помощи бумажного трафарета (*сагбар*). Это были в основном геометрические узоры — *бугуу утаһан* («бесконечный узел») или узоры, напоминающие меандр. По данным Л. Линховойна, таких сундуков в юрте бывало 2—3, а у богачей — 4¹⁴.

Каждый сундук ставился на *ухэг* — особый ящик на четырех ножках. Этот ящик расписывался так же, как и абдар. В ящиках хранили обувь, чулки, выделанные шкуры овец и коз и т. п. В юртах агинских бурят кое-где и сейчас еще сохранились *эмээлэй ухэг* — специальные ящики для хранения седел. Такие ящики ставились обычно на женской половине юрты, так как помимо седел женщины хранили в них свои шаровары, унты, чулки. *Эмээлэй ухэг* по размеру вдвое меньше абдара, но украшался он более ярко и изысканно — темно-зеленый и темно-синий орнамент оттенялся с одной стороны белой краской, что создавало эффект объемного узорного рисунка. Подобные приемы характерны и для монгольской росписи¹⁵.

При изготовлении традиционных бурятских музыкальных инструментов *хуур* и *шанза* агинские мастера, полностью сохранив их традицион-

¹⁴ Л. Линховойн. Указ. раб., с. 26.

¹⁵ О монгольской росписи по дереву подробно рассказывается в нашей работе «Народное искусство монголов», с. 55—57.

ную форму, придали им оригинальный декор. Здесь отсутствует барельефное изображение головы коня (как в монгольском *моринхуре*) и нет обилия растительного орнамента, присущего росписи мастеров Бурятии. Произведения агинских мастеров характеризуют скромность геометрического орнамента и сдержанность колорита.¹⁶

Современные агинские мастера резьбы и росписи по дереву, продолжая традиции своих отцов и дедов, создают немало талантливых произведений, отмеченных печатью высокого искусства. Рассмотрим некоторые из них.

Шедевром народного декоративного искусства агинских бурят следует считать берестяную табакерку (*доосхо*) работы мастера Ч. Дарбажалсана, скотовода из колхоза «Мир» Агинского р-на. Прямоугольная по форме, с закругленными боковыми стенками табакерка приятного светло-охристого цвета украшена тонко вырезанным геометрическим орнаментом со знаком бесконечного узла в центре. Контуры орнамента окрашены в светло-зеленый цвет. Дно и крышка табакерки оттеняются коричневыми деревянными пластинками. На крышке весьма простое украшение — два рельефных треугольника с кругом ярко-белого цвета посередине. Но эта кажущаяся простота — свидетельство тонкого художественного вкуса и высокого мастерства резчика, сумевшего обычный бытовой предмет превратить в произведение большого искусства.

Рис. 4. Деревянная фигурка священного быка Абарга Сэсэн, мастер Д. Жамсоев, сел. Судунтуй

Как известно, монголоязычные народы создали оригинальные шахматы, при этом каждый народ нашел свои выразительные приемы и художественные средства выражения¹⁷. Судя по комплектам шахмат, виденным нами в Агинской степи, немало своеобразия внесли в создание шахматных фигур и местные резчики.

Каждая из фигур, созданных в 1968 г. резчиком Н. Хусаевым, — творческая находка мастера. Здесь и король в виде сердитого старика-бурята, одетого в национальный халат и стоящего в горделивой позе с руками, заложенными за спину, и ферзь — дракон со страшным оскалом зубов, и слон — двугорбый верблюд, и ладья — сочетание цилиндра с параллелепипедом, и пешки — зайчата, поросята, ягнята. Дерево не терпит переделок. Один неверный нажим ножа — и работа испорчена. Заслуга старого мастера в том, что он в крошечных шахматных фигурках¹⁸ сумел отразить целый мир окружающей действительности и проявил при этом богатейшую фантазию.

Резчик по дереву Д. Жамсоев из селения Судунтуй нередко обращается к фольклорным мотивам. В созданной им скульптуре священного

¹⁶ В качестве примера можно привести музыкальные инструменты, созданные резчиком Д. Дугаровым (пос. Агинское) и хранящиеся ныне в Агинском окружном краеведческом музее. На этих инструментах играли участники Всероссийского смотра художественной самодеятельности в Кремлевском дворце съездов в 1965 и 1967 гг.

¹⁷ Н. В. Кочешков. Шахматы у монголоязычных народов XIX—XX вв. — «Сов. этнография», 1972, № 1, с. 132—138.

¹⁸ Размеры фигур: король — 6×2,5×1 см, ферзь — 5×2×2 см, слон — 3,2×3,2×1,2 см, конь — 5×1,5×1,5 см, ладья — 2,7×4×1 см, пешка — 1,8×2,2×0,8 см.

быка Абарга Сэсэна из бурятского героического эпоса «Гэсэр» поражает прекрасная пластика головы быка-чудовища; интересен декор скульптуры: все детали орнаментированы, даже брови, ноздри и пасть животного словно повторяют очертания старинного «рогового» узора, на лбу — пять изящно вырезанных человеческих черепов, символизирующих пять грехов, на шее — спиральные завитки. Резчику удалось создать надолго запоминающийся выразительный образ. Рельефная резьба дает глубокую светотень, придающую скульптуре мягкость и живописность.

Многие агинские резчики — Д. Абидуев (пос. Агинское), Д. Хорлоев (сел. Могойтуй), уже упоминавшийся Д. Жамсоев и многие другие, — верные традициям старых мастеров, значительное внимание уделяют изображению животных. Замечательны по моделировке и экспрессии изображения верблюдов, баранов, лошадей, коз, собак.

Рис. 5. Деревянная фигурка верблюда, мастер Д. Жамсоев, 1970 г., АОКМ, инв. № 324

В советское время в Агинской степи возникли новые виды художественной обработки дерева — тематические и декоративные панно, портретная скульптура.

Интересно решена композиция панно «Встреча» работы резчика Бато Анандаева (пос. Агинское)¹⁹. Тема панно — нерушимая дружба бурятского и русского народов. Резчик показывает три сюжета, три эпизода из истории бурятско-русских отношений в XVII—XVIII вв. Слева изображены бурят и русский, готовящие у костра пищу в одном котелке. Центральная часть панно повествует о братстве по оружию бурят и русских, братстве, скрепленном рукопожатием бурятского воина в полном походном снаряжении и казаков с ружьями. Справа художник рисует сценку передачи русской армии лучших бурятских коней. Каждая из трех сенок ясно по замыслу и выразительна по своему решению. Некоторым недостатком этого интересного произведения следует считать все же слабую композиционную связь отдельных сцен.

Более удачна в композиционном отношении аллегорическая деревянная скульптурка работы мастера Д. Абидуева «Союз рабочих и кре-

¹⁹ Агинский окружной краеведческий музей (далее — АОКМ), инв. № 1178. Дерево, металл, размеры 21×0,5 см.

стьян»²⁰. Здесь отсутствует какое бы то ни было повествование, композиция предельно ясна и лаконична: резчик изображает серп и молот, охваченные двумя ладонями рук с пальцами, соединяющимися вверх. На серпе и молоте начертано: «СССР. 50 лет». Автор как бы подчеркивает свою мысль о том, что юбилей Союза Советских Социалистических Республик является в то же время и юбилеем союза рабочих и крестьян нашей многонациональной Родины.

Из скульптурных портретов последних лет обращает на себя внимание «Портрет буряты-чабана» работы мастера Д. Хорлоева²¹. В этом произведении хорошо передан характер пожилого буряты-скотовода,

Рис. 6. Портрет чабана, мастер Д. Хорлоев, 1972 г., АОКМ, инв. № 1165

резчику удалось передать внутреннюю энергию чабана при внешней сдержанности, тонко и тактично, скупыми средствами «вылепить» запоминающийся образ скромного труженика. Резчик умело использует здесь прием контрастов: гладкая поверхность лица сочетается с нависающей шапкой и со складками халата, дающими сильную светотень. И хотя этот портрет невелик по размеру, тем не менее он отличается мягкостью, живописностью моделировки и остротой характеристики.

Не все виденные нами в Агинской степи произведения резчиков исполнены на столь высоком художественном уровне, многие из них решены несколько натуралистично и слабы в композиционном отношении. Это объясняется недостаточным опытом

мастеров в отображении современной действительности, в их изолированности от мастеров Бурятии, в отсутствии квалифицированного руководства со стороны областных творческих и общественных организаций.

Перейдем теперь к рассмотрению произведений традиционного народного творчества агинских бурят, исполненных из мягких материалов (из кожи, войлока, ткани).

Агинские мастерицы, тонко чувствуя материал и в совершенстве владея искусством вышивки и аппликации, передававшимся в улусах от матери к дочери, изготавливали уникальные головные уборы, обувь, халаты, платья, кисеты, подголовники и другие предметы быта. Как правило, они украшались растительным орнаментом, а также стилизованными изображениями драконов, павлинов и других персонажей бурятского эпоса. Нередко для вышивок употреблялись такие дорогие материалы, как шелк и парча, золотые и серебряные нити. Даже самые простые, казалось бы, предметы быта превращались в искусных руках агинских мастериц в чудесные произведения народного декоративного творчества.

Своеобразной классикой этого творчества может служить *гутал* — кожаный сапог с заостренным и чуть загнутым кверху носком, находящийся ныне в собрании Агинского краеведческого музея²². Он шит из

²⁰ АОКМ, инв. № 1163. Дерево, размеры 20×10×6 см.

²¹ АОКМ, инв. № 1165. Дерево, размеры 10×14×10 см.

²² АОКМ, инв. № 936, сохранность хорошая. Размеры: длина 27 см, высота 34 см. 1950-е годы, сел. Саган-Челутай. Мастер неизвестен.

темно-коричневой тисненой кожи. Союзки и передняя часть сапога красиво подчеркиваются узким ярко-зеленым кантом (*зулаг*). Сами союзки украшены аппликацией: темно-коричневые ремешки в виде переплетающегося завитка роговидного узора с двумя квадратами в центре создают интересную декоративную композицию. Светло-коричневый низ голенища расшит крупным аппликативным узором. Все узоры нашиты на сапог ярко-желтой нитью. И причудливый орнамент, и контрастность узора и фона, и яркость цветовой палитры, в которой удачно и гармонично сочетаются светло-коричневый, темно-коричневый, ярко-зеленый и желтый цвета, — все это позволяет считать простой сапог подлинным художественным произведением.

Все агинские буряты до революции носили *дыгылы* — длиннополые шубы в виде халатов. Дыгылы были мужские, женские и девичьи. Зимние дыгылы шили из *нэхы* — овчины с длинной и густой шерстью, весенне-осенние (демисезонные) — из *хурбэдхэ* — овчины с шерстью длиной до 2 см и летние — из *харьмай* — кожи. Праздничные дыгылы шили из дорогих китайских шелков и парчи, а женщины из бедных семей носили дыгылы из синей далембы (хлопчатобумажной ткани).

У женских дыгылы перед делали из дорогого материала, а спинку — из материала попроще и подешевле. По данным Л. Линховойна, у агинских бурят была даже такая поговорка: «Гэрэй гоё арадаа, гэргэдэй гоё урдаа» («Дом красив сзади, а женщина — спереди») ²³. По своему покрою дыгылы напоминали длинный просторный халат с запахом слева направо. Левая пола называется *элюур хормой*, правая — *дотор хормой*. Поверх дыгылы женщины носили еще *уужы* — короткую безрукавку до талии-или длинную. Одежда агинских бурят украшалась только нашитыми на нее яркими красочными полосками шелка или плиса. Эти полоски нашивались и на борта, и на рукава, и на воротник, и на подол. Необходимым элементом украшения одежды являлись также цветные шелковые шнурки, нашивавшиеся на воротник и на борта халатов в виде геометрических узоров. Такое украшение агинских халатов роднит их с монгольскими ²⁴. Покрой женских и мужских дыгылы был одинаков, различалась только их отделка. Мужчины носили, кроме того, яркие красные или синие широкие пояса. Замужние женщины-бурятки не имели права носить пояса ²⁵.

И летние, и зимние головные уборы агинских бурят — *малагай* — имели конусообразную тулью на вате или на верблюжьей шерсти с шелковым или суконным покрытием. К нижнему краю тульи летней шапки пришивали поля (*нарабши*) шириной около 10 см из черного плиса. Эти поля отворачивались вверх. Женские праздничные головные уборы отделывались дорогим собольим мехом, зимние шапки шились из меха выдры, рыси, лисицы. Мужские головные уборы шились в основном из белой мерлушки. И мужские, и женские головные уборы обязательно имели в верхней части красную кисточку (*залаа*). Выразительность головных уборов агинских бурят подчеркивалась красиво найденным силуэтом и контрастностью декоративного решения, а также фактурой различных материалов — ярких тканей, пушистого меха, пышных шелковых кистей.

Головные уборы и обувь агинских бурят составляли вместе с костюмом единый, хорошо продуманный ансамбль.

Необходимым дополнением к национальному костюму являлись уже отмеченные выше яркие широкие пояса, а также кисеты (*аршуул*), фут-

²³ Л. Линховойн. Указ. раб., с. 28.

²⁴ У. Ядамсурэн. БНМАУсын ардын хувцас (Народный костюм монголов МНР. Альбом). Улан-Батор, 1968.

²⁵ В настоящее время это правило стало необязательным. Мы встречали в агинской степи нередко и замужних женщин, халаты у которых были подпоясаны яркими кушаками. То же самое наблюдается и в МНР.

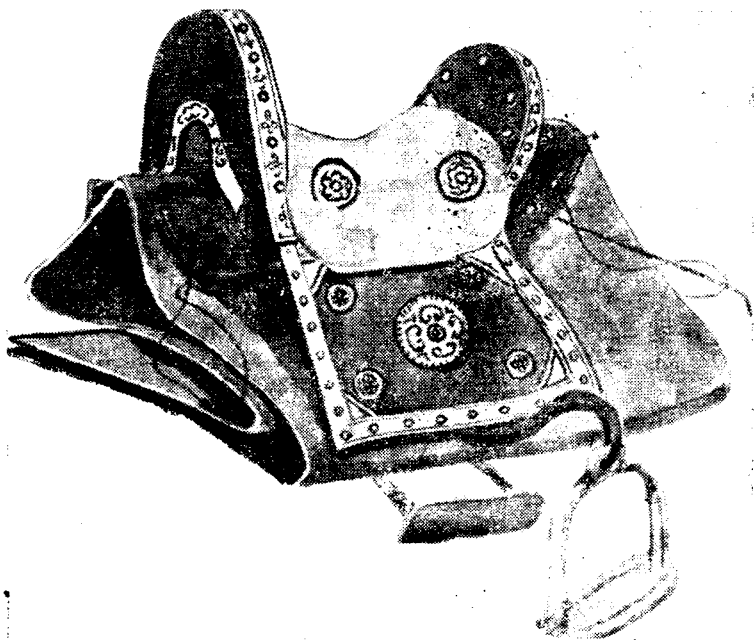

Рис. 7. Эмээл — современное бурятское седло, сел. Саган-Челутай, дерево, кожа, сталь, серебро

ляры для чашечек (*аягын аришуул*), рукавицы (*бээлэй*) и другие предметы, которые прикрепляли к поясу.

Очень красивы и выразительны агинские кисеты из ярко-голубого узорчатого монгольского шелка. Вверху и внизу пришивается широкая серебряная полоска, окаймляемая ярко-красной шелковой рамкой. На этих полосках весьма искусно вышиваются шелком стилизованные цветы и листья, а красную каемку украшают позолота и ярко-зеленая тонкая нить²⁶.

Очень изящны женские рукавички (*бээлэй*). В 1973 г. в сел. Саган-Челутай нами были зарисованы женские рукавички, сшитые из овчины мехом внутрь и обшитые сверху серым сукном. Эти рукавички с втачным пальцем имеют широкий раструб. Оформление рукавиц очень красочное, нарядное. Орнаментом украшена только тыльная часть. По контуру и у запястья рукавицы — отделка синей шелковой окантовкой. Посредине раструба и в центре тыльной части ярко-желтой шелковой нитью вышит символический знак *улзы* в виде решетчатого переплетения прямых линий. Сочетание стального цвета рукавиц с синей каймой и ярко-желтой вышивкой придает им очень нарядный вид.

Большой интерес представляют также агинские седла, чепраки и тебеньки. В их орнаментации имеется немало черт, общих с монгольским и тувинским искусством.

Находящийся в АОКМ чепрак агинских бурят украшен тисненым орнаментом и металлическими бляшками (*агтабша*). По темно-коричневой коже чепрака расположились металлические бляшки-розетки, украшенные гравированным орнаментом. Посредине — крупная позолоченная розетка с серебряным ободком и семью маленькими серебряными шариками. Остальное пространство розетки покрыто тончайшими завитками чеканного и гравированного узора *хусин эбэр* (роговидный узор)²⁷.

²⁶ Примером может служить кисет из фондов АОКМ, инв. № 1172, размеры 14×27 см. Работа современная, мастер неизвестен, сохранность хорошая.

²⁷ АОКМ, инв. № 361, начало XX в. Сохранность хорошая.

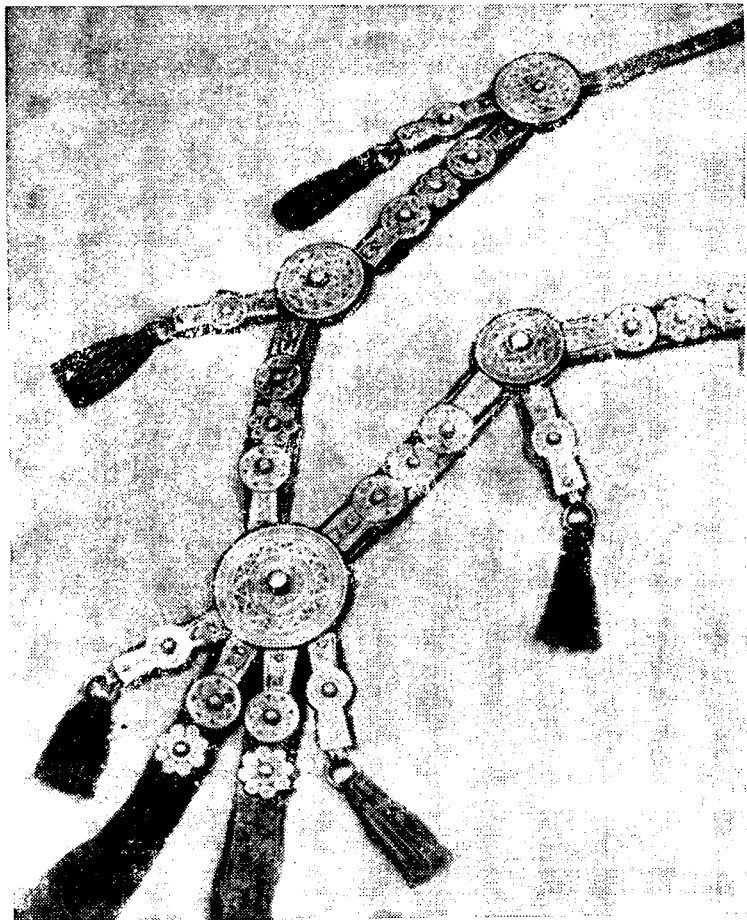

Рис. 8. *Мориной зэбсэг* — конская сбруя, 1950-е гг., АОКМ, инв. № 361

В целом седло (*эмээл*) агинских бурят близко по стилю исполнения монгольским и тувинским седлам. И не только седло, но и вся, пожалуй, конская сбруя (*мориной зэбсэг*) отражает давние связи агинских бурят с монголами и тувинцами-скотоводами²⁸.

Важным компонентом бурятского седла является тебене́к (*дэбһэн*). Это кожаная лопасть трапецевидной формы, нижняя, широкая часть которой скруглена по углам. В отделке тебеньков агинские буряты проявляли нередко высокое профессиональное мастерство и хороший художественный вкус. Тебене́к работы неизвестного агинского мастера 30-х годов сделан из кожи теплого, коричневого цвета, тисненной клетчатым узором. Нижняя сторона его и две трети высоты боковых сторон обрамлены узкой кожаной полоской ярко-зеленого цвета. В центре — сложная декоративная композиция, составленная из переплетающихся завитков «рогового» узора в сочетании с символическим знаком улзы. Узоры из ремешков темно-коричневого цвета пришиты к поверхности тебенька ярко-белой шерстяной нитью двойным тамбурным швом. Соразмерность пропорций, умелое сочетание разных технических приемов и выразительная декоративная композиция тебенька делают его уникальным художественным произведением²⁹.

²⁸ С. И. Вайнштейн. История народного искусства Тувы. М., 1974, с. 141.

²⁹ Рисунок этого тебенька находится в собрании автора.

Интересно, что при художественной отделке чепраков и тебеньков агинские буряты широко используют деревянные трафареты-матрицы (*хэб*). Этот прием известен не только бурятам, но и монголам³⁰, калмыкам³¹, тувинцам³², киргизам³³, башкирам³⁴ и другим скотоводческим народам, что свидетельствует о значительной древности этого приема художественной обработки кожи у тюрко-монгольских кочевников Евразии.

Высокими художественными достоинствами обладали подголовники (*дэрэ*), еще до недавнего времени, по данным Х. Ойдоповой, имевшиеся

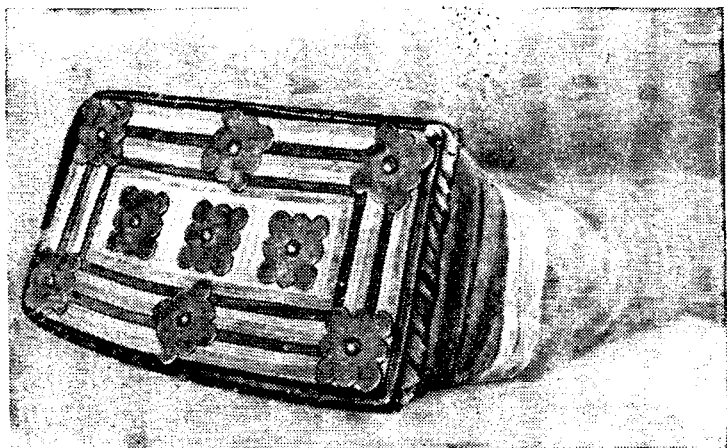

Рис. 9. *Дэрэ* — подголовник, 1950-е гг., АОКМ, инв. № 95

в каждой юрте агинских бурят. Они изготовлялись из тонкого сукна (*сэмбэ*), из войлока, обшитого далембой. Подголовники имели форму длинного валика, в них хранились различные мягкие вещи. Подголовники, всегда лежавшие в изголовье постели, были обращены украшенной лицевой стороной (*дэрын нюур*) к центру жилища и привлекали внимание яркостью декоративной отделки.

Подголовник из собрания АОКМ³⁵ сшит из сукна черного цвета, лицевая сторона представляет собой прямоугольник фиолетового цвета со скругленными углами. По контуру лицевая сторона обшита черным шелковым шнуром (*унгын утаһан*). Прямоугольник лицевой стороны вышит золоченой нитью.

В настоящее время единственным учреждением в Агинском бурятском национальном округе, занимающимся сбором, учетом, хранением и пропагандой всего того, что создано народными мастерами, является Агинский окружной краеведческий музей. Уже теперь по коллекциям этого музея можно составить довольно полное представление о материальной и духовной культуре агинских бурят в прошлом и настоящем.

³⁰ К. В. Вяткина. Монголы Монгольской Народной Республики. — «Тр. Ин-та этнографии АН СССР», т. 60. М., 1960, с. 181, рис. 9.

³¹ И. И. Трошин. Очерки изобразительного искусства Калмыкии. Волгоград, 1970, с. 31—32.

³² С. И. Вайнштейн. Указ. раб., с. 129.

³³ К. И. Антипина. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962, с. 129.

³⁴ С. И. Руденко. Башкиры (Историко-этнографический очерк). М.—Л., 1955, с. 169.

³⁵ АОКМ, инв. № 95, размеры: лицевая сторона 32×18 см, длина 85 см. Агинская степь, 20-е годы XX в. Мастер неизвестен.

М. Шрамкова

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ ЧЕШСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ПРОЗЫ И ЛИТЕРАТУРЫ

Исследование проблемы влияния литературы на устную народную прозу прошло в чешской фольклористике несколько противоречивых этапов, которые в целом совпадают с развитием данной проблемы во всей европейской фольклористике. В период романтизма (первая половина XIX в.) собиратели и исследователи чешского фольклора исходили из так называемой продукционной теории: народ был для них «носителем чистой национальной пракультуры», а фольклорная проза — «остатком пранациональной традиции»¹, произраставшей стихийно из поэтической души народа, независимо от «искусственной», «высокой» литературы и музыки. Во второй половине прошлого века и в последующие десятилетия чешские фольклористы и литературоведы (Я. Махал, В. Тилле, Й. Поливка, А. Краус) пришли к убеждению, что фольклорная проза уже со времени средневековья обильно черпала свои сюжеты, образы и даже тексты из письменных источников (в XIV—XVI вв. — главным образом из притч и легенд, в XVII—XIX вв. — из так называемых книг для народного чтения, сборников ярмарочных песен, календарей и других печатных источников), и фольклорист обязан при исследовании произведений повествовательного фольклора учитывать, как и в какой мере они «перекликаются с печатной литературой»³. Подобная методологическая установка, подчеркивавшая общность источников и единство генезиса литературы и народной прозы и утверждавшая влияние чтения — особенно в сюжетной сфере — на фольклорную прозу, продолжала господствовать до недавнего времени. Изыскания большого числа авторов (А. Грунд, К. Горалек, Й. Колар) способствовали накоплению большого количества ценных данных для объяснения сюжетных взаимосвязей между литературной продукцией и народной традицией⁴.

Однако такого рода трактовка тоже оказалась односторонней; она не учитывала специфических закономерностей фольклорной традиции, возводила восприятие литературных явлений в народной среде к одному лишь соотношению подлинника с его воспроизведением, в недостаточной мере считаясь (а то и вовсе не считаясь) с внутренними процессами, не-

¹ V. Tille. *Soupis českých pohádek*, 11/2. Praha, 1937.

² J. Máchal. O některých knížkách lidového čtení. — «Národopisný sborník československý», № 3, 1898, s. 3—26; V. Tille. České pohádky a lidové knížky. — «Národopisný věstník československý», № 10, 1915, s. 81—101; «Kronika o Bruncvíkovi v ruské literatuře». — «Atheneum», № 10, 1893, s. 246—251; A. Kraus. Blaník. — «Národopisný věstník československý», № 12, 1917, s. 113—128; F. Menčík. Česká proroctví. Praha, 1918; V. B. Nebeský. — «Časopis Českého Musea», 1847, s. 337—368; M. Speranskij. Přehled knížek lidového čtení. — «Národopisný sborník československý», № 6, 1900, s. 144—166; A. Truhlář. O některých knihách prostonárodní četby české. — «Časopis Českého Musea», 1890, s. 46—65; 1891, s. 426—434.

³ V. Tille. *Soupis českých pohádek*, t. 11/2, s. 511.

⁴ A. Grund. *Kratochvilné rozprávky renesanční*. Praha, 1952; K. Horálek. *Lidové dramatizace pohádek*. — «Slovanské pohádky», Praha, 1964, s. 159—179; «Pohádkoslovné studie». Praha, 1964; J. Kolár. *Česká zábavná próza 16. století a tzv. knížky lidového čtení*. Praha, 1960; B. Václavěk. *Historie utěšené a kratochvilné*. Praha, 1950.

избежно развивающимися при заимствовании устной традицией литературного явления.

Новая и более глубокая концепция складывалась в чешской фольклористике постепенно — отчасти на почве функционально-структурных исследований в фольклористике (П. Богатырев)⁵, отчасти на почве детального монографического изучения деятельности отдельных рассказчиков и носителей фольклорной традиции. Она шаг за шагом привела к выводу: суть восприятия устной традицией литературных явлений вовсе не в простом подражании подлиннику или имитации его; устное творчество «никогда не представляет собой пассивного воспроизведения печатного оригинала»⁶. Процесс этот стал пониматься как сложное творческое взаимодействие между системами культуры. «Тот факт, что в сказке встречаются заимствованные из литературы сюжеты, несомненно, однако он сам по себе никак еще не объясняет подлинную сущность сказки, ее форму, ее функцию», — писал П. Богатырев⁷. Этот вывод можно было бы распространить на все другие жанры народной прозы, хотя литературные влияния по-разному отражались в отдельных жанрах.

В интересующем нас процессе взаимодействует большое количество факторов. На первое место следует поставить, разумеется, сами литературные произведения — особенности их содержания, их идейную ориентацию и выразительные средства. Далее — особенности каналов, которыми они попадают в народную среду, и интенсивность этого процесса. В общих чертах можно сказать, что с древнейших времен в устное бытование проникали в первую очередь сочинения популярного характера и так называемого увеселительного чтения (фацеции и шванки эпохи Ренессанса, летописи, ярмарочные песни, рассказы из календарей, различные рассказы, предназначенные для широкого круга читателей, так называемые «народные книги»), и т. д. Подобные литературные произведения находили живейший отклик у читателей, поскольку их сюжеты и формы были близки вкусам народа и характеру фольклора. Количество и разнообразие этой литературы, а также ее воздействие на народные слои и на фольклорное повествование с течением времени возрастали. Так происходило и в других европейских странах. Путь этой литературы к читателю из народа облегчался по мере роста образования демократических слоев народа, притом даже в захолустье; к концу XIX в. в чешских землях почти все умели читать и писать. Начиная со второй половины XIX в., в распоряжении исследователя имеется уже столько данных, что он в состоянии подробно проследить рост роли чтения в народном быту и его возрастающее влияние на устное рассказывание.

Следующий важный фактор — пути и формы, по которым литература попадала в народные слои. В первой половине XIX в. в чешских деревнях, главным образом небольших и отдаленных, журналы и книги были редким исключением, несмотря на то, что сельские жители весьма ценили печатное слово. В то время люди из народа знакомились с литературными сочинениями преимущественно посредством совместных чтений вслух, на которые собирались соседи или члены семьи. Некоторые сочинения того времени уже в заголовке или в подзаголовке содержат пометку, из которой следует, что они предназначены для чтения вслух на супрядках или щипке перьев в зимние вечера. В некоторых областях такие «сборища» соседей, знакомых и родственников так и назывались «читательскими», так как на них преимущественно читали вслух⁸. Кое-где «читателями» называли таких людей в деревне, которые знали всякие беллетристические, исторические и другие популярные сочинения и

⁵ P. Bogatyrev. Pohádka a kniha. — «Souvislosti tvorby». Praha, 1971, s. 76—84.

⁶ K. D. Kadłubiec. Gawędziarz cieszyński Józef Jeżowicz. Ostrava, 1973, s. 50.

⁷ P. Bogatyrev. Několik poznámek o vztazích mezi folklórem a vysokým uměním. — «Souvislosti tvorby». Praha, 1971, s. 95.

⁸ J. F. Hruška. Náši pod Cerchovem. Rada chodských postav a povah. I. Plzeň 1921, s. 105.

рассказывали прочитанное своим соседям⁹. Лишь позднее стало распространяться и индивидуальное чтение «про себя». Импульсы к распространению и чтению книг, к основанию публичных библиотек и т. д. исходили главным образом из городской среды. Инициативную роль в этом процессе сыграла прежде всего местная интеллигенция (учителя, священники, чиновники), но в неменьшей мере также и отдельные лица из народа, отличавшиеся любовью к книге и к печатному слову. Они охотно собирали слушателей и читали книги и журналы, печатавшиеся в то время, распространяли их в своей среде. Самоучки, образованные люди, выходцы из народных слоев, в XIX веке заняли прочное место в культурной жизни чешской деревни и сыграли в ней знаменательную роль.

На протяжении XX в. положение дел коренным образом изменилось. Объем и разнообразие чтения непрерывно возрастали, но вместе с тем появились и находили все большее применение новые массовые технические средства коммуникации (кино, радиовещание, а с середины нынешнего века — и телевидение). Их культурное влияние существенным образом превзошло воздействие литературы и чтения. Через их посредство в самые широкие слои населения стали проникать и проникают литературные по своему происхождению явления, оказывая прочное и сильное влияние также и на устное бытовое рассказывание. Поэтому внешние («экстрафольклорные») влияния на фольклорную прозу уже нельзя трактовать только лишь как узколитературное влияние. Теперь необходимо учитывать отношение устной прозы ко всей системе технических средств коммуникации, причем литература в этой многогранной системе выступает в роли лишь одного из ее компонентов.

В процессе проникновения литературы в фольклорную прозу и в процессе фольклоризации литературных явлений, бесспорно, центральное место занимает рассказчик, исполнитель. От него прежде всего зависит, какие литературные явления проникнут в устную традицию и в каком виде они упрочатся в ней. В зависимости от отношения современных рассказчиков к литературе среди них можно выделить несколько типов.

1. Встречаются рассказчики, которые читают мало или практически вовсе не читают. Поэтому нельзя говорить о непосредственном, прямом влиянии чтения на их репертуар и способ интерпретации. «Он очень любит рассказывать, но не читать», — охарактеризовал одного такого рассказчика собиратель¹⁰. Это не значит, что подобные рассказчики совсем не располагают рассказами внефольклорного происхождения; однако они заимствуют их не прямо из литературы, а «из вторых рук», т. е. от другого рассказчика.

2. Другие рассказчики, наоборот, любят много читать, но не рассказывают прочитанного или не любят рассказывать. Они как бы размежевывают чтение и свой повествовательный репертуар, избегая сюжетов литературного происхождения в собственном живом повествовании. Таким был, например, замечательный рассказчик из Валахии, от которого много записывал В. Тилле, отметивший: «Он читает много, но прочитанное рассказывает плохо»¹¹. К той же категории следует отнести выдающегося рассказчика Йозефа Смолка, о котором А. Сатке в своей известной и обширной монографии писал: «Он никогда ничего не воспроизводит из прочитанных книг»¹².

3. Специфическое и привилегированное положение в процессе освоения литературы занимают рассказчики, которые много читают и любят пересказывать прочитанное; они-то, собственно, больше всего и способ-

⁹ V. Tille. *Ceské pohádky do roku 1848*. Praha, 1909, s. 57.

¹⁰ V. Tille. *Povídky sebrané na Valašsku r. 1888*. — «*Národopisný sborník československý*», № 7, 1901, s. 51.

¹¹ Там же.

¹² A. Satke. *Hlučínský pohádkář Josef Smolka*. Ostrava, 1958, s. 18.

ствуют расширению взаимосвязей между литературой и устной традицией, действуя в качестве прямого связующего звена между ними.

Все отмеченные типы рассказчиков широко представлены в самом раннем слое современной чешской устной повествовательной традиции.

Детальный анализ вскрыл значительную долю сочинений литературного происхождения в репертуаре отдельных рассказчиков или в устном репертуаре целых местностей. Одновременно обнаружилось, что восприятие литературных явлений устным творчеством не может толковаться как механический пересказ или подражание литературному образцу. Напротив, здесь всегда в той или иной степени отражаются активность и специфические свойства народного рассказывания и закономерности устного типа коммуникации. Процесс фольклоризации развивается на нескольких уровнях.

1. Он реализуется прежде всего в отборе определенных литературных явлений; рассказчики отбирают из своего чтения только некоторые темы, сюжеты, интриги, мотивы, персонажи, выразительные стиливые и языковые средства. Таким образом, попадающая в бытовую устную стихию литература как бы проходит через цензуру вкуса и норм народного рассказывания.

2. Нередко имеют место видоизменения и транспозиции общей концепции, идейного содержания и эмоциональной окраски рассказа, в силу чего происшествя, ситуация и персонажи получают иные акценты и смысл.

3. Сдвиги в композиции и изменения мотивировок направлены обычно на редукцию фабулы, с сохранением основной эпической оси и ключевых ситуаций и конфликтов (пропускаются, в частности, описательные и побочные мотивы, размышления, иногда вставляются новые мотивы, меняются последовательность действий и т. д.).

4. Личные, временные и пространственные реалии и колорит происшествий, о которых рассказывается, адаптируются, сближаются с опытом рассказчика и слушателей; место действия и персонажи рассказа переносятся из отдаленной и чуждой среды в домашнюю, свою, хорошо известную.

5. Языковая и стилистическая сторона рассказа приспосабливаются к устной речи и местному диалекту. Это касается прежде всего синтаксиса (простые и паратактические сложные предложения вместо сложных гипотактических), но также и других компонентов (словарь, повышение эмоциональности и актуализация текста и др.). К текстовым элементам в живом исполнении присоединяются ярко выраженные внетекстовые средства (голосовые, мимические, кинетические), создавая вместе общий план выражения и интерпретации рассказываемой истории.

6. Заимствованный и адаптированный литературный рассказ включается в широкий контекст народной бытовой культуры, в привычные жанровые рамки, в систему традиционных повествовательных ситуаций и во всю совокупность функций народного повествования¹³.

Названные тенденции в различной степени находят свое выражение у разных рассказчиков, и это приводит к возникновению неодинаковых форм и степени фольклоризации литературных рассказов в устном бытовании. Результатом этого является обычно как бы «компромисс» между литературным фактом и фольклорной адаптацией. В устное бытование включаются не только темы и сюжеты литературных произведений, но также многочисленные иные стиливые знаки, образные и другие элементы. Поэтому есть основание говорить о том, что процесс фольклоризации является одним из путей сближения фольклора с литературой. Сближение это взаимно.

Перевод К. Мразека

¹³ M. Sramková. K otázce folklorizace. Literární povídka v ústním podání.— «Slavica slovaca (Literatúra a folklór)», 1976, № 11, s. 378—384.

А. Г. Лундин

ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЕ В КАТАБАНЕ

Принципы и правила престолонаследия в древней Южной Аравии никогда специально не изучались. Все исследователи молчаливо исходили из того, что власть передавалась обычным порядком, от отца к сыну или от брата к брату. Реконструкции генеалогической последовательности правителей были (и во многом остаются и до сих пор) излюбленным средством для установления хронологии надписей¹. Хотя при всех многочисленных попытках даже для лучше всего известных и документированных периодов не удалось установить надежные генеалогии царских династий больше чем на три-четыре поколения², это не поколебало убеждения последователей генеалогического принципа в его правильности.

Эпиграфический материал, на котором основывается изучение древней Южной Аравии, содержит только частные случаи применения правил престолонаследия, по которым весьма трудно выяснить общую закономерность. Кроме того, надписи не выделяют ни случаев законного наследования, ни случаев нарушения правил. В большинстве своем надписи позволяют установить, что правитель был сыном правителя, однако выяснить, являлось ли это общим правилом или просто одним из возможных случаев наследования, очень сложно.

В подобной ситуации очень важны нарративные источники, которые, напротив, руководствуются общими правилами, и даже в тех случаях, когда в реальной жизни правило нарушается, пытаются придать этому нарушению форму законности. Правда, такие источники по истории древнего Йемена очень малочисленны и ненадежны, но интересующий нас вопрос является счастливым исключением. Страбон, излагая Эратосфена, дает весьма подробное и интересное описание правил наследия престола в Южной Аравии³: «Царство у них наследует не сын от отца, но сын какого-нибудь знатного человека, первым родившийся после поставления царя. Поэтому вместе с поставлением кого-нибудь на царство составляют список беременных жен знатных людей и приставляют к ним стражу для наблюдения, которая из них родит первой. По закону сына этой женщины забирают и воспитывают его по-царски как будущего преемника» (Strabo, XVI, IV, p. 768).

Как всегда для нарративного источника, встают вопросы о датировке сообщения и о его достоверности. Известие Страбона восходит к Эратосфену, т. е. к концу III в. до н. э. В истории Южной Аравии это соответствует времени существования традиционных форм сабейской государственности⁴ и расцвету Ма'ина и Катабана. Однако то, что известно о

¹ См., например: *H. von Wissmann. Zur Archäologie und Antiken Geographie von Südarabien. Istanbul, 1968, S. 1—11.*

² *J. Ryckmans. La chronologie des rois de Saba et du-Raydan. Istanbul, 1964, tabl. I, II.*

³ Указанием на это место я обязан Г. М. Бауэру и рад случаю принести ему свою глубокую благодарность. Я весьма признателен также И. Ш. Шифману за ценные консультации по переводу отрывка.

⁴ См. *А. Г. Лундин. Государство мукаррибов Саба. М., 1971, 245—251.*

верховных правителей Сабейского государства, явно не соответствует данным Страбона — Эратосфена.

Ономастика правителей позволяет установить закономерности престолонаследия в Сабейском государстве I тысячелетия до н. э. Известно, что мукаррибы и ранние цари Саба⁷ примерно до рубежа нашей эры могли носить только шесть имен и четыре прозвища, табуированные для других лиц⁵. Это позволяет считать ономастику сабейских правителей подчиняющейся определенным правилам. Имена и прозвища, которые получали правители в соответствии с этими правилами, мы назовем характерными, а имена, не соответствующие правилам, но встречающиеся у правителей или предполагаемых правителей (их отцов, сыновей и т. д.) — нехарактерными. Возможно, правда, что эти имена следует рассматривать как «тронные», т. е. как имена, получаемые при вступлении на престол. Однако во всех известных случаях упоминаний отцы правителей носят те же самые имена. Это значит, что отцы правителей, даже известные только по надписям сыновей, также были правителями. Следовательно, в Саба⁷ пост правителя (царя и мукарриба) передавался от отца к сыну, что противоречит данным Страбона.

К раннему периоду истории Южной Аравии относится также начальный этап существования Катабанского государства. Но катабанских надписей известно много меньше, чем сабейских, да и исследованы они значительно хуже, так что отделить тексты раннего периода от более поздних можно только по палеографии, которая далеко не всегда известна. Поэтому для многих надписей датировка остается неясной.

Характер власти правителей в Катабана очень напоминает характер власти сабейских правителей⁶; это позволяет предположить аналогии и в ономастике правителей, в первую очередь — закономерный характер имен мукаррибов и царей. Действительно, анализ надписей, упоминающих правителей Катабана, показывает, что достоверно правившие цари и мукаррибы (если исключить имена отцов правителей и их сыновей) носили очень ограниченное число имен: šhr Шахр, yd^{ab} Йада^{ab}, wrw^l Варав^{ил}, smhwtr Сумхуватар, hwf^m Хавф^{амм}, nbtm Набатум, dmr^{ly} Замар^{алай} и smh^{ly} Сумху^{алай}. Два последних имени — dmr^{ly} и smh^{ly} — совпадают с характерными именами сабейских правителей; их вероятно, можно рассматривать как сабейские заимствования⁷. Во всяком случае, мы можем не учитывать их, рассматривая систему имен правителей Катабана. Собственно катабанскую ономастику (хотя, может быть, и не в полной мере) представляют остальные шесть имен. Это число совпадает с числом характерных имен сабейских правителей.

Два имени правителей Катабана — Йада^{ab} и Варав^{ил} — полностью совпадают с сабейскими и по особенностям употребления: это характерные имена, табуированные для других лиц; их носят только правители. Несколько сложнее обстоит дело с другими именами.

Имя Сумхуватар известно как имя царя Катабана только по сабейской надписи RES 3943,1. В катабанских текстах оно встречается лишь как имя отца правителя, Хавф^{амм} Йухан^{има} сына Сумхуватара (RES 3668, 3669, 3673, 3675, Ja 2361 = Ry 479), что можно объяснить неполнотой катабанского эпиграфического материала, особенно для ранних периодов. Это имя, по-видимому, также было характерным и табуированным для других лиц: только один раз такое имя встречается для частного лица — Сумхуватар из (рода) Мадрарам⁸.

⁵ См. J. Ryckmans. L'institution monarchique en Arabie Méridionale avant l'Islam. — «Bibliothèque du Muséon», № 28. Louvain, 1951, p. 56.

⁶ А. Г. Лундин. Указ. раб., с. 201—203.

⁷ Оба имени содержатся в одной надписи HI 53+54 и принадлежат отцу и сыну. См.: A. Jamme. Inscriptions from Hajar bin Humeid. — «Hajar bin Humeid: investigations at a pre-islamic site in South Arabia». Baltimore, 1969, p. 345.

⁸ Он известен как один из свидетелей декрета RES 3566,22 и по надгробной надписи TC 897.

Одно из самых частых имен правителей Катабана — Шахр, как обычно считается, могли носить и правители, и частные лица⁹. Однако проверка всех упоминаний показывает, что это обычное мнение неверно и основывается на смешении личного имени Шахр с названием рода šhr Шахар¹⁰ или с другим личным именем šhgm Шахрум¹¹. Остается лишь четыре надписи, в которых имя šhr может относиться к частному лицу: RES 311,1; 3858,3; 3967,7 и Ja 119,7. Остановимся на них подробнее.

Наиболее ясен контекст в RES 3967,7: wṛw'l/fyln/vhn'm/mlk/qtbn/ /wfr'krb/yhwd' /bnw/šhr — «Варав'ил Гайлан Йухан'им, царь Катабана, и Фара'кариб Йухавди°, два сына¹² Шахра». Здесь Шахр, отец Фара'кариба и Варав'ила, несомненно идентичен с царем Катабана Шахром Йагулом Йухаргибом, отцом Варав'ила (см. RES 3551, 4329). Аналогичную ситуацию содержит и надпись Ja 119,5—7: bšhr/ygl/yhr gb/ /bn/hwf'm/vhn'm/wb/fr'krb/ddrhn/dd/whwl/šhr — «Во (имя) Шахра Йагула Йухаргиба сына Хавф'амма Йухан'има и во (имя) Фара'кариба зу-Зархана, дяди и управляющего Шахра». Здесь Шахр, племянник Фара'кариба — то же лицо, что упомянутый выше царь Шахр Йагул Йухаргиб. Соответственно и в двух оставшихся случаях, RES 311,1: [fr'krb/ddrhn/bn/šhr — «Фара'кариб зу-Зархан, сын Шахра» и RES 3858,3: ydmrmlk/ddr'n/bn/šhr — «Иазмармалик зу-Зар'ан, сын Шахра» можно предположить, что отцы авторов были правителями Катабана, но названы они без титула и эпитетов, так как их сыновья выступают как частные лица. Таким образом, и имя šhr можно считать характерным именем правителя, табуированным для других лиц.

Отличается по употреблению лишь имя hwf'm — Хавф'амм. Частое у правителей (RES 3537, 3688 и т. д.; Ja 119, 2361, 2473 и т. д.), оно столь же часто встречается и у частных лиц (Ja 118,1; 294,1; 339,2; Ry 521,2; 583 и т. д.), однажды даже с эпитетом правителя: TC 1535— hwf'm/yhn'm/bn'ndm — «Хавф'амм Йухан'им из (рода) 'Андам»¹³. Это имя, хотя несомненно является именем правителей, однако не запрещено и для других лиц и вообще часто встречается в Катабана.

Наконец, последнее из известных сейчас имен правителей Катабана — nbtm — Набатум отмечено в катабанских надписях лишь дважды: как имя царя Катабана Набатума Йухан'има сына Шахра Хилала (H2c) и как имя частного лица в надгробии Ja 132 (nbtm/ /ddr'n — «Набатум зу-Зар'ан»). Впрочем, «Набатум, царь Катабана» упомянут также в сабейской надписи Ja 629,11. Он, несомненно, идентичен с Набатумом Йухан'имом. Имеющийся материал не позволяет сделать каких-либо выводов. Отметим только, что царь Набатум Йухан'им, как современник сабейского царя Са'дшамсума 'Асра°, автора Ja 629, жил в начале II в н. э.¹⁴, т. е. в то время, когда в Сабейском государстве закономерная ономастика правителей уже не существовала. Поэтому и в системе имен катабанских правителей в этот период возможны всякие нарушения.

⁹ См., например: G. L. Harding. An index and concordance of pre-islamic Arabian names and inscriptions. Toronto, 1971, p. 360.

¹⁰ См. Ja 346, Ry 384. Ср. также RES 3566,28; 3878,15 и т. д.

¹¹ В надписи RES 3553 имена šhr и šhgm, кажется, употребляются безразлично: ср. строку 3 yd'°b/dbyn/bn/šhgm и строку 6: yd'°b/dbyn/bn/šhr. Однако в первом случае чтение конечного знака m сомнительно. Во всех других надписях отец Иада'аба Зубйана носит имя šhr: RES 3550, 3878, 4328, Ja 2362, 2363. Это позволяет и в RES 3553, 3 читать имя šhr.

¹² bnw — катабанская форма двойственного числа. См.: Г. М. Байэр. Язык южно-аравийской письменности. М., 1966, с. 55; A. F. L. Beeston. A descriptive grammar of epigraphic South Arabian. London, 1962, 29: 5.

¹³ Впрочем, это упоминание может относиться и к правителю, выступающему в данном случае (в надгробной надписи) в роли частного лица.

¹⁴ А. Г. Лундин. Указ. раб., с. 122.

Проведенный анализ имен царей и мукаррибов Катабана показывает, что ономастика правителей несомненно носила закономерный характер и, вероятно, подчинялась тем же правилам, что и ономастика мукаррибов и ранних царей Саба'. Она состояла из ограниченного числа характерных имен, запретных для других лиц. Видимо, таких имен в Катабана было шесть, как и в Саба', хотя точный список их дать пока нельзя¹⁵. В Катабана закономерности выдерживались не так строго, как в Сабейском государстве, и в результате нарушения правил правители могли иногда носить и имена, заимствованные у сабейцев (Сумху'алай, Замар'алай) или катабанские имена, не запретные для других лиц (Хавф'амм, Набатум). При этом возможны нарушения закономерного характера имен, и не связанные с нарушением правил престолонаследия или узурпацией престола: царь Набатум Йухан'им был сыном явно законного правителя Шахра Хилала (см. Н2с).

Совершенно иная картина вырисовывается при анализе имен, которые носят отцы правителей или их сыновья. Наряду с характерными именами правителей среди них в значительном количестве встречаются и нехарактерные. Так, среди имен отцов встречаются все характерные имена (кроме имени Варав'ил; см. однако RES 3665,1), заимствованное сабейское Замар'алай и четыре нехарактерных, не засвидетельствованных у правителей:

'bšbm — «Абшибам, отец Шахра Гайлана»: RES 3552, 3688, 4162 и т. д.

dr'krb — «Зара'кариб, отец Шахра Хилала»: RES 3854 и Шахра Хилала Йухакбида.

ydmrmlik — «Иазмармалик, отец Шахра Хилала»: TC 652¹⁶.

fr'krb — «Фара'кариб, отец Йада'аба Гайлана»: Ja 118, TC 1014¹⁷.

Все эти имена отличаются близкими характеристиками употребления: это довольно редкие имена¹⁸, встречающиеся преимущественно в среде катабанской знати: у свидетелей декретов¹⁹, эпонимов²⁰, родственников правителей²¹ или просто лиц, занимавших высокое социальное положение²².

Сыновья правителей также часто носят, наряду с характерными, и нехарактерные имена, не засвидетельствованные у правителей. Известен целый ряд таких имен:

b'm — «Би'амм, сын Шахра Гайлана сына 'Абшибама» (RES 3552,8).

šhrm — «Шахрум, сын Йада'аба Зубйана» (RES 311,8; 4094,3).

mrt_udm — «Марсадум, сын Набатума Йухан'има сына Шахра Хилала» (Н 2с).

hwf'tt — «Хавф'асат, сын Йада'аба Зубйана Йухаргиба» (неизданная надпись Л 42).

nbt'm — «Набат'амм, сын Шахра Хилала» (RES 4330,5) и, вероятно,

whb'm — «Вахаб'амм, сын Шахра Йагула» (RES 4335²³).

¹⁵ Из известных нам шести имен Набатум — явно нехарактерное и, скорее всего, просто случайное. Может быть, нехарактерно и имя Хавф'амм, хотя оно встречается у ранних правителей. Напротив, к числу характерных, пожалуй, можно отнести заимствованное сабейское — Замар'алай, известное и как имя царя (Н1 53+54), и как имя отца царя Йада'аба Йагула (RES 3858,2; Ja 2361).

¹⁶ Надпись TC 652 не издана; о ней см. А. Jamme. *La paléographie sud-arabe de J. Pirenne*. Washington, 1957, p. 170.

¹⁷ Ср. также «Замар'алай, отец Йада'аба Йагула» (RES 3858,2; Ja 2361).

¹⁸ См. G. L. Harding. Указ. раб., с. 12, 251, 466, 665.

¹⁹ 'Абшибам (RES 3878,17) и Зара'кариб (RES 3566,30, 32; 3878,15).

²⁰ Иазмармалик — в неизданной надписи Л 37.

²¹ Иазмармалик (RES 3858) и Фара'кариб (RES 311, Ja 119).

²² См. титул 'bd/dr'krb — «раб Зара'кариба» (AM 60.756: A. Jamme. *Miscellanees d'ancien arabe*, v. II. Washington, 1971, p. 127).

²³ Такое чтение предлагает А. Жамм, видя, основываясь на собственной неизданной копии текста: А. Jamme. *Paléographie sud-arabe de J. Pirenne*, p. 170.

Все эти упоминания следуют единой схеме, образцом которой может служить надпись RES 4094,3: $yd^o/b[db]yn/wb\bar{n}hw/\bar{s}hgm/mlkw/qtbn$ — «Иада^ааб Зубйан и его сын Шахрум, два царя Катабана». Таким образом, царский титул дается здесь и сыну царя²⁴. Тем более удивительно, что ни одно из этих имен ни разу не встречается как имя единоличного правителя, царя или мукарриба, и даже ни разу не сопровождается эпитетом правителя.

Сыновьями правителей следует считать также Фара^акариба зу-Зархана сына Шахра (RES 311,1) и Иазмармалика зу-Зар^аана сына Шахра (RES 3858,3), о которых уже говорилось выше²⁵.

Все эти имена по характеру употребления очень схожи с именами отцов правителей, хотя можно обнаружить и некоторые незначительные отличия. Это обычно редкие для катанской эпиграфики имена²⁶; лишь $\bar{s}hgm$ и pbt^m довольно часто встречаются в Катабанах²⁷. Их носят, как правило, представители знати: свидетели декретов²⁸, эпонимы²⁹ и иные высокопоставленные лица³⁰. Два имени, Фара^акариб и Иазмармалик, уже встречались нам как имена отцов правителей³¹.

Другие родственники правителей упоминаются реже: один раз — дядя (dd), «Фара^акариб зу-Зархан» (Ja 119) и несколько раз — братья: $fr^k\bar{r}b$ — «Фара^акариб (Йухавди^а)», брат Варав^аила Гайлана Йухан^аима» (RES 3965 и, вероятно, Ry 497,5).

$smhgm$ — «Сумхурам, брат Замар^аалайа Зубйана Йухаргиба» (HI 53+54). Вероятно, также

hwf^m Хавф^аамм: hs/hwf^m — «брат его Хавф^аамм» (RES 4973,3),

видимо, был братом Варав^аила Гайлана, названного в той же

надписи строкой выше. Возможно,

$dmrkr[b]$ — «Замаркариб», упомянутый во фрагменте TC 1108,3,

также был братом или сыном упомянутого в предыдущей строке Иада^ааба Зубйана.

И эти имена отличаются теми же особенностями употребления: опять мы имеем дело с редкими именами, встречающимися преимущественно среди знати³²; частично они совпадают с разобранными выше. Наиболее интересно имя Хавф^аамм, известное как характерное, но нетабуированное имя правителя. Выше было сделано предположение, что такие имена проникали в ономастику правителей в какой-то мере случайно, в результате нарушений или искажений существовавших закономерностей (преждевременной смерти будущего правителя, узурпации власти и т. п.). При этом заимствовались имена, встречавшиеся в непосредственном окружении правителей, или у их родственников.

²⁴ Лишь в Л 42 титул не относится к сыну: $wb/yd^o/b[db]yn/yhrgb/mlk/qtbn/wb/bnhw/hwf^t$ — «И во (имя) Иада^ааба Зубйана Йухаргиба, царя Катабана, и во (имя) его сына Хавф^аасата».

²⁵ Как показывает надпись RES 3566,27, Зархан — ветвь племени Зар^аан.

²⁶ Имена b^m и whb^m вообще встречаются в катанских надписях единственный раз. См. G. L. Harding. Указ. раб., с. 112, 652.

²⁷ См. G. L. Harding. Указ. раб., с. 361, 579.

²⁸ Марсадам (RES 3566,35), Набат^аамм (RES 3878,20, 21) и Хавф^аасат (RES 3878,16).

²⁹ Шахрум (RES 3691,8) и Хавф^аасат (RES 4931,6).

³⁰ Таков Набат^аамм сын Йисам^а, высекавший известные «тексты Лабаха» (RES 3688, 3689) или автор RES 4330 Набат^аамм сын Йакахмалика, которого автор соседней надписи Ry 387 называет титулом mr^a — «господин». Отметим также сочетание двух таких имен у автора надписи RES 313: Набат^аамм сын Хавф^аасата.

³¹ Имя царя Катабана — Набатум, может быть, следует рассматривать как сокращение теофорного имени Набат^аамм.

³² Так, Сумхурам — отец эпонима в неизданной надписи Л 30.

Имя Хавф'амм, как имя брата правителя, кажется, подтверждает это предположение.

В связи с этим следует остановиться на сообщении А. Жамма, что при раскопках в Тимна³³ была найдена «посвятительная надпись, разбитая на много кусков, высеченная Фарй'к [арйбом...], царем Катабана»³⁴. Если это сообщение правильно, оно свидетельствует еще об одном случае проникновения в ономастику правителей нехарактерного имени из ономастики их непосредственного окружения. Однако интерпретация А. Жамма вызывает сомнения.

Прежде всего отметим, что нам неизвестны посвятительные надписи правителей Катабана³⁵, как они неизвестны и для сабейских правителей раннего периода, т. е. именно того периода, когда еще сохранялся закономерный характер имен³⁶. По-видимому, правители этого времени вообще не ставили посвятительных надписей. Поэтому можно предположить, что при соединении фрагментов был ошибочно определен размер лакуны между именем Фара'ка[риб] и титулом, и автор был не царем Катабана, а сыном или братом царя.

Анализ всех известных надписей, проведенный выше, показывает, что имена родственников царей и мукаррибов Катабана — сыновей, отцов, братьев — отличаются одинаковыми особенностями употребления и частично перекрываются, переходя из одной группы в другую. Все они повторяются в близких контекстах как имена высших должностных лиц Катабанского государства (свидетели декретов, эпонимы, исполнители важных общественных работ) или как имена представителей знати (авторы крупных надписей, носители титула *mr'* — «господин» и т. п.). В целом эти имена можно охарактеризовать как родовую ономастику царского рода (племени) или нескольких знатных родов.

Резкая разница между этой ономастикой и именами правителей показывает, что передача власти от отца к сыну не была в Катабане правилом наследования. Это были лишь частные случаи, хотя и довольно часто встречавшиеся на практике. Они показывают, что сыновья правителей несомненно входили в круг возможных наследников, но ими этот круг далеко не ограничивался. По-видимому, правилом наследования была передача власти в пределах узкого круга знати, вероятно, в пределах царского рода Зархан или племени Зар'ан.

Такой вывод полностью совпадает с данными, сообщаемыми Эратосфеном, что подтверждает достоверность его сообщения. Эпиграфический материал позволяет приурочить эти данные к Катабанскому государству, хотя сам Эратосфен говорит о Южной Аравии вообще. В какой мере эти данные верны для других государств древнего Йемена (Ма'ина и Хадрамаута), остается неясным. В Сабейском государстве, как мы уже отмечали, власть передавалась от отца к сыну в строгом генеалогическом порядке.

Однако Эратосфен, подробно описывая механизм наследования власти в Катабане, не раскрывает его значения. Сама процедура надзора за рождением с применением стражи кажется весьма странной и непонятной. Очень заманчиво сравнить этот обычай с поисками далай-ламы в Тибете или возрождающегося бога-быка Аписа в древнем Египте, т. е. с обычаями, выражавшими понятия «перевоплощения» или

³³ А. Jamme. Some Qatabanian inscriptions dedicating «Daughters of God». — «BASOR», № 138, 1955, с. 39. А. Жамм не указывает ни полевых номеров находок, ни своего номера надписи.

³⁴ См. лишь RES 3688,1: šhr/gyln/bn/'bšbm/mlk/qtbn/whb/wsqn — «Шахр Гайлан сын 'Абшибама, царь Катабана, даровал и посвятил». Но и эта надпись, несмотря на употребление глагола *squ*, и по форме и по содержанию является не посвятительным, а юридическим текстом.

³⁵ См. А. Г. Лундин. Социально-экономические данные сабейских посвятительных надписей периода мукаррибов Саба'. — «Вестник древней истории», 1962, № 3, с. 102, 103; ср. его же. Государство мукаррибов, с. 190, 191.

переселения душ. Однако Эратосфен связывает поиск преемника не со смертью правителя, а с его вступлением в должность. Таким образом, пост правителя занимает не его «перевоплощение», а совсем другое лицо. Напротив, «возродившийся» правитель оказывается на неопределенный срок отстраненным от власти, что противоречит самой идее перевоплощения. Кроме того, Эратосфен не упоминает ни о каких признаках новорожденного, позволяющих установить его тождество с предыдущим «перевоплощением». Однако в известных нам случаях, связанных с идеей перевоплощения, такие знаки играли весьма важную роль. Это показывает, что сходство процедуры лишь скрывает серьезные различия в существе обычаев, и приведенные поверхностные аналогии не могут объяснить значение катанских правил престолонаследия. Выяснить идейные представления, скрытые за этой процедурой, позволяют катанские эпиграфические источники. Среди титулов, которые носят правители Катабана, встречается титул *bkr/nby/whwkm* — «первенец (богов) 'Анбайа и Хавкам» (RES 3880, 3540, Ja 2436 и т. д.). Он и показывает определяющий принцип престолонаследия в Катабана: право «первородства».

Принцип первородства, общий для всех семитских народов, был широко распространен в древней Южной Аравии. В Саба', например, право первородства играло значительную роль в наследовании государственных должностей разного ранга. Так, сабейские эпонимы племени Халил именовались *bkr/hll/wkbrhmw* — «первенец (племени) Халил и кабир их»³⁶.

Однако установить право первородства в племени, особенно если первенец считается сыном богов, совсем не просто. При этом могли применяться разные «способы отсчета», как это и было, видимо, в разных государствах древней Южной Аравии. В Саба' использовали своеобразный «майоратный» принцип определения первенца племени: им считался старший представитель старшего рода племени или ветви племени. Соответственно первородство и связанные с ним посты (например, пост эпонима) передавались в строго генеалогическом порядке, от отца к сыну, и каждая государственная должность закреплялась в определенном племени или его ветви.

В Катабана, судя по описанию Эратосфена, этот же принцип осуществлялся иным порядком, путем выделения первенца в каждом поколении или возрастном классе. При этом первенцем теоретически мог оказаться любой член общества, хотя на практике круг полноправных граждан был ограничен узкой сферой знати.

Процедура, о которой рассказывает Эратосфен, и представляет собой механизм установления первородства, выделения «первенца 'Анбайа и Хавкам». Моментом, определяющим смену поколений, являлось восшествие на престол очередного правителя. Все члены правящего рода или племени, появившиеся на свет после этого момента, относились к следующему поколению, и отсчет старшинства начинался заново. О том, насколько узок был круг возможных претендентов в эпоху, отраженную надписями, говорит частое наследование власти сыном предыдущего правителя. Однако первоначально такой порядок отсчета первородства давал равные возможности всем членам общества.

Аналогичный порядок престолонаследия, от поколения к поколению, существовал значительно позднее на восточноафриканском берегу, близком к Южной Аравии, в суахильском государстве Пате³⁷, где он сохранился до XIX в. Этот порядок заключался в том, что власть пере-

³⁶ См. Gl 1679, 1687, 1773; ср. А. Г. Лундин. Государство мукаррибов, с. 66—68.

³⁷ В. М. Мисюгин. Правила наследования престола царями Пате. — «Труды VII МКАЭН», т. 9. М., 1970, с. 183—187; *его же*, Суахильская хроника средневекового государства Пате. — «Africaana», VI («Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 90), 1966, с. 52—83.

давалась от группы братьев по турано-ганованскому счету родства — *ndugu* (практически — сыновья братьев, т. е. родные и двоюродные братья) — к следующей группе *ndugu*. Внутри группы титул правителя также передавался по старшинству, но когда группа (поколение) была исчерпана, он переходил к старшему представителю следующей группы *ndugu*. В. М. Мисюгин отмечает, что ввиду немногочисленности царствующего рода случаи наследования титула сыном не были редкостью.

В. М. Мисюгин возводит этот обычай непосредственно к доклассовому обществу, реконструируя его начальный этап следующим образом: в доклассовом обществе побережья Восточной Африки важнейшие социальные институты были связаны с делением общества на возрастные категории. Социальные должности отправлялись в течение строго установленного времени параллельно и мужчинами и женщинами — представителями одной возрастной категории. Группа родственников была, по мнению В. М. Мисюгина, экзогамной, и ее члены, избиравшиеся для отправления должности, в течение периода полномочий считались ритуальными мужем и женой. Сроки полномочий были краткими, так как каждая возрастная категория состояла из нескольких слоев.

Реконструируемая система в некоторых аспектах ближе к катанской, чем реально существовавшая в XII—XIX вв. Здесь следует отметить, прежде всего, ритуальные функции правителя и, может быть, ограниченность и предопределенность срока полномочий. С другой стороны, совпадает даже такой вторичный признак, характерный для периода разрушения системы, как частое наследование власти непосредственно сыном. Таким образом, и катанскую государственность также можно возводить к аналогичным институтам доклассового общества.

Однако возникает вопрос, насколько правомерно считать суахильские государственные институты непосредственными преемниками доклассового строя? Отметим, что вообще в классовом обществе сохранение возрастных классов — весьма редкое явление. Кроме того, весьма сомнительно, что побережье Восточной Африки до XII в. н. э. не знало хотя бы раннеклассовых отношений.

Следует отметить торговые связи Южной Аравии с Восточной Африкой, описанные в греческом сочинении конца II в. н. э. «Перипл Эритрейского моря»³⁸. Но африканские товары на своем пути в страны Средиземноморья, куда они попадали еще во II тысячелетии до н. э., несомненно проходили через Южную Аравию. Торговля с Восточной Африкой шла через гавани Катабана и в меньшей степени Хадрамаута. Активную роль в ней играли более развитые страны Южной Аравии.

Очень заманчиво предположить, что редкая особенность государственного строя, передача власти от поколения (возрастного класса) к поколению, объясняется не только типологической и стадийной близостью южноарабского общества начала I тыс. до н. э. и суахильского доколониального общества, а в какой-то мере и влиянием Южной Аравии на зарождавшуюся государственность Восточной Африки. Это позволило бы сделать вывод, что народы Восточной Африки, очень рано вовлеченные в систему международного обмена и торговли, создали первые раннеклассовые и раннегосударственные объединения уже в I тысячелетии до н. э.

Однако необычные (негенеалогические) принципы наследования власти засвидетельствованы во многих обществах Африки, как древних (например, Мерое), так и в более поздних, и в ряде стран древнего Востока (Элам, Хеттское государство и т. д.). В них видят то передачу власти по материнской линии, то «фратернитет». Представляется весьма перспективной задача поисков в этих обществах обычая передачи власти от поколения к поколению или по крайней мере пережитков такого порядка.

³⁸ Псевдоарриан. Плавание вокруг Эритрейского моря. — «Вестник древней истории», 1940, № 2, с. 264—281.

Б. Суанкей

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ИСКИ АБОРИГЕННЫХ НАРОДОВ КАНАДЫ

Вопрос о земле находится в настоящее время в центре внимания аборигенов Канады. Он приобрел особую актуальность, когда на канадском Севере, на территории, в течение столетий заселенной коренными жителями страны, были открыты огромные залежи нефти и природного газа. Проблема стала еще острее, когда канадское правительство позволило американским нефтяным и газовым компаниям построить газопровод через Юкон для перекачки газа из Аляски и Канады к американским рынкам сбыта, в то время как вопрос о правах аборигенов на земли в этом районе еще не был урегулирован.

Аборигенные народы Канады образуют три основные группы¹.

Индейцы. В Канаде насчитывается 282 тыс. зарегистрированных индейцев, т. е. лиц, официально признаваемых индейцами согласно законодательному Акту об индейцах. Около половины из них живет в индейских резервациях (таких резерваций 2200). Другая половина — это индейцы из общин, некогда подписавших договор с белыми. Кроме того, в стране имеется примерно столько же аборигенов, которых федеральное правительство не относит к числу индейцев.

Канадские метисы — лица смешанного европейско-индейского происхождения. Их численность оценивается в 400—600 тыс. чел.

Инуиты (эскимосы) составляют 19 тыс. чел. Около 15 тыс. из них живут в Северо-Западных территориях.

Таким образом, всего в Канаде около 1 млн. аборигенов, т. е. несколько менее пяти процентов 23 миллионного населения страны. В социально-экономической иерархии канадского общества аборигены стоят на самой низкой ступени. Они — жертвы многовековой расистской политики и в большинстве своем лишены элементарнейших человеческих прав.

Четыре типа земельных исков коренного населения Канады

Земельные иски коренного населения подразделяются на четыре категории: коллективные иски общин, живущих в резервациях; иски племен по договорам, некогда заключенным ими с европейскими колонистами; иски по обязательствам, выданным группам метисов и индейцев прерий в период восстаний 1869—1870 и 1885 гг.; иски индейцев и эскимосов Крайнего Севера, основанные только на том, что они являются первыми насельниками страны. В конечном итоге все иски вытекают из положения, что право на землю определяется ее первоначальным заселением, а, следовательно, аборигены должны иметь влияние на решение вопросов об использовании их исконных земель и получать свою долю доходов от их эксплуатации.

¹ См.: Ю. П. Аверкиева, Бен Суанкей, Л. А. Файнберг. Аборигенное население Канады. — «Национальные проблемы Канады». М., 1972.

Иски общин, живущих в резервациях, связаны с происходившей в течение многих лет экспроприацией земель и естественных ресурсов: полезных ископаемых, лесов, пастбищ, водных источников, а также полос, изымаемых для строительства шоссе и железных дорог и каналов. Как правило, отторгнутые у индейцев земли использовались частновладельческими капиталистическими группировками.

Заключение договоров с индейцами фактически служило юридическим фасадом для практики насильственной экспроприации их земель. Индейцы в большинстве случаев не знали, что они подписывают, и не имели возможности обсуждать или оспаривать условия договора. Словесные и письменные обещания, которыми сопровождалось заключение договоров, как правило, не выполнялись правительством. Индейцы требуют сейчас перезаключения этих договоров, их модернизации и истолкования с учетом современных условий и потребностей коренных жителей.

Иски по обязательствам сохраняют актуальность для метисов, особенно в провинциях прерий. В большинстве случаев между условиями договоров и тем, что метисы получили в действительности, был огромный разрыв. Метисы требуют полного пересмотра выданных в 1869—1885 гг. обязательств о предоставлении им земли и гарантий их реализации.

Под исконными правами аборигенов имеются в виду права народов, первыми заселявших данные территории. Эти права восходят к традиционному землепользованию. Иски на землю этой категории предъявляются преимущественно в тех районах, где договоры с аборигенами не заключались: на Юконе и в Северо-Западных территориях, в Британской Колумбии, в некоторых районах Квебека и в Атлантических провинциях. Они затрагивают также интересы некоторых других индейских общин, не заключавших договоры (таких, как общины ирокезов и сиу), а также метисов.

Основные принципы урегулирования земельных исков

Признание того факта, что земельные иски аборигенов должны рассматриваться в соответствии с принципом справедливости — лишь полдела. Гораздо труднее осуществить это на практике. Необходима выработка принципов решения земельного вопроса, которое удовлетворило бы обе стороны. Само собой разумеется, что пока в Канаде не победил социализм, пока там господствуют корпорации, действительно справедливое решение земельного вопроса невозможно. Тем не менее, представляется полезным наметить основные принципы, которые позволили бы мобилизовать общественное мнение страны на поддержку аборигенов в борьбе за удовлетворение их исков на землю.

По нашему мнению, при обсуждении этой жизненно важной проблемы следует принять во внимание следующие соображения:

1. Правительство Канады должно в принципе признать, что земельные иски аборигенов законны, что их следует урегулировать справедливым образом и в кратчайший срок. Здесь налицо давняя историческая несправедливость, которую необходимо исправить. Первым шагом было бы ясное осознание этой несправедливости.

2. Нельзя решать вопрос о землях аборигенов посредством торга вокруг отдельных конкретных требований. В качестве основы урегулирования всех спорных вопросов нужно сформулировать общие принципы, которые были бы согласованы и приняты всеми заинтересованными сторонами.

3. Решение земельного вопроса должно внести существенный вклад в устранение неравенства и социальной несправедливости, от которых

страдают коренные жители. Только уплата денежной компенсации за землю (особенно компенсация отдельным лицам) сама по себе не приведет к желаемым результатам. Аборигенам нужно помочь создать прочную экономическую базу для преодоления бедности, установления такого образа жизни, который сделал бы их общество способным к самостоятельному развитию, к созданию тех отраслей производства, которые они считают необходимыми. Они должны получать свою долю доходов от разработки полезных ископаемых, добываемых на их исконных землях. Федеральное правительство должно позаботиться об обеспечении аборигенов жильем, медицинским обслуживанием, а также предоставить им возможность получить образование, а также оказать им помощь в сохранении и развитии их культуры. Резервациям и заселенным аборигенами территориям нужно предоставить самоуправление.

4. Договоры с индейцами следует пересмотреть и заново истолковать в соответствии с современными условиями. Например, передаче индейской общине сундучка с лекарствами 100 лет назад соответствует в наше время организация полного медицинского обслуживания. Компенсация за землю, дававшаяся 100 лет назад, носила по существу фиктивный характер (нищенские 5 долларов или что-либо аналогичное). При установлении размера компенсации следует учитывать современную стоимость захваченных земель и потребности людей, подающих иск о компенсации.

5. Там, где были экспроприированы земли резерваций, с компенсацией или без нее (а сумма компенсации в тех случаях, когда она предоставлялась, всегда была намного ниже реальной рыночной стоимости земли), размеры компенсации должны быть вновь обсуждены совместно правительством и аборигенами с учетом современной стоимости земли и того, что необходимо соответствующей общине для перестройки жизни на новых основаниях.

6. Иски метисов по обязательствам должны стать предметом переговоров, направленных на обеспечение их хорошей пахотной землей, достаточной для удовлетворения их потребностей.

7. Значительно сложнее урегулировать претензии аборигенов на обширные земельные массивы, богатые полезными ископаемыми, а также на территории, заселенные неаборигенами. Здесь речь идет не только об устранении несправедливости по отношению к коренным обитателям этих земель, но также об общегосударственных интересах и интересах всех канадцев. При обсуждении требований такого рода необходимо учитывать оба эти аспекта.

Приведу несколько примеров для иллюстрации высказанных выше положений.

В 1974 г. решался спор о землях, прилегающих к заливу Джеймс, между правительством Квебека, с одной стороны, и индейцами кри (6500 чел.) и инуитами (4200 чел.), с другой. В итоге были полностью ликвидированы наследственные права аборигенов на территорию площадью 400 тыс. кв. миль. Взамен они получили сравнительно небольшое денежное возмещение, выплата которого была растянута на 20 лет. 5250 кв. миль земли были отданы им в полную собственность. Кроме того, аборигенам предоставили право получать часть доходов от разработки природных ресурсов (кроме гидроэнергетических); им были предоставлены еще кое-какие уступки. В этой сделке коренные жители оказались в проигрыше: она существенно не улучшила их жизни. Больше всего выгод получают те капиталисты США, которые приобретут права на энергетические ресурсы залива Джеймс.

Иной характер имеет дело организации Тапиризат (Инуитского братства Северо-Западных территорий), рассмотренное в марте 1976 г. Инуиты предъявили требование на 750 тыс. кв. миль тундровых земель, но согласились уступить государству 500 тыс. кв. миль, оставив за

собой 250 тыс. кв. миль в качестве инуитской территории. Они потребовали исключительных прав на охоту на всей площади в 750 тыс. кв. миль и 3% отчислений от доходов горной промышленности и разработки природных ресурсов на отданных государству 500 тыс. кв. миль их земли. При этом все доходы должны передаваться специально созданной Инуитской корпорации развития, которая из этих средств будет возмещать понесенный инуитами ущерб и финансировать новое строительство. На инуитов должна быть возложена также охрана окружающей среды.

Ясно, что дело о землях у залива Джеймс кое-чему научило инуитов. Их требования представляя собой более реалистическую основу для справедливого урегулирования земельных исков.

Индийское братство Северо-Западных территорий внесло предложение о разделении этих земель на три части — для белых, для инуитов и для дене (индейский народ с центром расселения в долине р. Маккензи). Премьер-министр Трюдо отверг это предложение, без достаточных оснований расценив его как якобы расистское. Между тем в его основе лежало стремление выделить районы, в которых аборигены осуществляли бы самоуправление. Ведь нельзя отрицать, что эти народы являются особыми этническими общностями (в общепринятом научном употреблении этого термина), а значит, вряд ли можно оспаривать их требования на национальное самоопределение, самоуправление и автономию. Все иски такого рода должны стать предметом переговоров.

Заслуживает полной поддержки и требование местных жителей, чтобы до окончательного удовлетворения их претензий не строился ни один трубопровод, поскольку в этом случае они потеряют все преимущества при переговорах.

Приведу еще один пример правовых исков иного типа. Братство аборигенов Британской Колумбии, объединяющее не только рыболовов, владеющих мелкими судами или работающих по найму, но и владельцев крупных судов, нанимающих рыбаков, потребовало исключительного права на рыбную ловлю у западного побережья провинции. Его лидеры к тому же призвали рыбаков-индейцев выйти из Объединенного профсоюза рыбаков и работников смежных промыслов и признать Братство аборигенов агентом в переговорах с рыболовческими компаниями.

Рыболовы-аборигены занимались этим промыслом на протяжении многих веков. Но уже с конца XIX в. тысячи рыболовов неместного происхождения (белых, японцев и др.) также находили в рыболовстве основной источник существования. Не учитывать их интересы при решении вопроса было бы несправедливо и нереалистично. Не они повинны в нынешнем состоянии рыболовного промысла, как не виноват в этом и Объединенный профсоюз рыбаков. Главными врагами всех рыболовов — как аборигенов, так и неаборигенов — являются крупные капиталистические компании, которые, эксплуатируя и тех и других, получают за счет их труда огромные прибыли.

При оценке земельных исков аборигенов следует иметь в виду еще следующие обстоятельства.

Коренные жители не представляют собой единой однородной в этническом и социальном отношении массы; неоднородны также отдельные племена, общины, группы инуитов. Медленно, но неуклонно развивается процесс классовой дифференциации среди аборигенов. Некоторые из них занялись бизнесом, стали предпринимателями. Складывается небольшая по численности прослойка аборигенной интеллигенции. Федеральное правительство пытается подкупить индейских лидеров, предоставляя им должности в правительственном аппарате. В то же время оно всемерно способствует превращению отдельных индейцев в бизнесменов, чтобы заинтересовать их в поддержке существующего строя.

Правительство финансирует аборигенные организации, готовые судебные иски на землю и развертывающие деятельность иного рода. Однако делается это отнюдь не бескорыстно. Нет сомнения в том, что аборигены оказали на правительство сильное давление, чтобы получить денежную поддержку. Но наивно было бы предполагать, что правительство не рассчитывает такими уступками склонить аборигенов к компромиссу, смягчению требований, поддержке Либеральной партии и т. п.

Бесомненно, среди аборигенов имеются группы и отдельные лица, которые в исках коренных жителей Канады на землю видят средство личного обогащения; однако понимание этого факта не умаляет справедливости самих этих требований. Наличие в аборигенной среде различных классовых группировок неизбежно ведет к различиям во взглядах на то, какие следует выдвигать условия, и на тактику борьбы за справедливое урегулирование земельных исков. Существует две точки зрения: о целесообразности «умеренных» переговоров, тайных сговоров и необходимости максимального общественного давления и решительной борьбы. Классовое мировоззрение отдельных групп аборигенов влияет и на выбор союзников для совместной борьбы. Так, предприниматели-аборигены не более любых других предпринимателей склонны вступать в союз с рабочими организациями.

Справедливое урегулирование земельных исков — это цель, которая в настоящее время объединяет всех аборигенов, независимо от их экономического положения и классовой принадлежности. Оно выгодно для всех. Необходимо добиваться, чтобы урегулирование действительно было полезно всем, помогло бы коренным образом изменить жизнь аборигенов к лучшему.

При рассмотрении земельных исков нужно учитывать, что их выдвигает не все аборигенное поселение. При любом всеобщем земельном урегулировании нельзя не помнить о нуждах тех, кто не претендует на сколько-нибудь значительные земельные площади и непосредственно не выигрывает от удовлетворения земельных требований.

И еще одно обстоятельство заслуживает серьезного внимания: в то время, как ведется энергичная борьба вокруг земельных исков, непосредственные повседневные интересы большинства аборигенов отодвигаются на задний план. Условия жизни 80% коренного населения ниже уровня, считающегося границей бедности. Две пятых из этого числа живут на пособие. Большинство работающих заняты на низкооплачиваемых, временных, сезонных работах. Средняя продолжительность жизни индейцев все еще достигает только 34 лет. Детская смертность до двухлетнего возраста в 8 раз выше, чем у других канадцев. Причиной более чем половины смертей у индейцев являются заболевания органов дыхания и несчастные случаи — то и другое в современном обществе может быть контролируемо. Во многих тюрьмах аборигены составляют большинство заключенных. Образовательный уровень аборигенов самый низкий в стране. Они до сих пор подвергаются дискриминации в судах и при найме жилища. Все это проблемы требуют принятия незамедлительных мер. Их решение нельзя откладывать до урегулирования земельных исков через 5—10 лет.

Некоторые аборигены считают всех без исключения белых врагами и отказывают им в доверии. Другие относятся враждебно или с недоверием к рабочему движению. Не все понимают, что политический курс любого буржуазного государства определяется его правящими классами и что расовая дискриминация аборигенов восходит к политике европейских колонизаторов, представлявших сначала феодалов, а позднее — капиталистов Европы. В настоящее время расистская политика определяется современными межнациональными корпорациями.

Однако теперь большинство аборигенов все яснее осознает, что они могут найти сильных союзников в профсоюзном движении и политических партиях, выражающих интересы трудящихся. Надо отдать должное профсоюзному движению: профсоюзы активно поддерживают земельные и другие иски аборигенов. Коренные народы не имеют достаточно сил ни в сфере экономики, ни в сфере политики. Их наиболее сильный и естественный союзник — рабочий класс.

Новая демократическая партия (Социал-демократическая партия Канады), к сожалению, заняла двойственную позицию в вопросе о земельных исках. Ее съезд высказался за то, чтобы ни один трубопровод ни строился прежде, чем будут урегулированы земельные иски аборигенных народов Севера; в то же время депутаты от Новой демократической партии в палате общин поддержали план строительства трубопровода (так называемый «маршрут Алкан»), предложенный либеральным правительством. Их, по-видимому, успокоило обещание правительства Трюдо в неопределенном будущем решить земельные споры. Между тем это необоснованная уступка многонациональным корпорациям, которые только и получают выигрыш от строительства трубопровода.

Напротив, Коммунистическая партия Канады заняла ясную и недвусмысленную позицию по вопросу о земельных исках аборигенов. На своих съездах и в своей повседневной деятельности она последовательно выступает за справедливое решение земельной проблемы. Она требует, чтобы на Севере в настоящее время не строились трубопроводы, чтобы земельные иски аборигенов, живущих в этом районе, были урегулированы немедленно, а условия этого урегулирования были бы включены в особый договор с коренными народами Северо-Западных территорий.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Н. А. Красновская

ЗАГАДОЧНЫЕ БАШНИ САРДИНИИ

Моя долгожданная поездка в центральные районы Сардинии наконец состоялась. В микробусе Института антропологических исследований г. Кальяри нас было 10 человек: профессор Максиа, шофер, семь студентов и я. Профессор непременно хотел привезти нас к нурагу близ местечка Санта Кристина. Девушки недоумевали, зачем так далеко ехать, чтобы посмотреть на обычную полуразвалившуюся каменную башню, каких на Сардинии великое множество (по последним подсчетам, около 7 тысяч). Другие нураги, утверждали они, к тому же и сохранились гораздо лучше. Профессор же, одержимый в последние годы идеей, что нураги служили их создателям храмами, выбрал Санта Крестину не случайно. Он знал, что здесь прекрасно представлен весь комплекс культовых сооружений: нураг, подземный колодец, камни с соляными знаками и алтари для жертвоприношений животных.

Уже больше века нураги привлекают внимание исследователей. Представить себе пейзаж Сардинии без этих башен циклопической кладки просто невозможно. Постоянными эпитетами для нурагов стали такие слова, как «удивительные», «загадочные», «неразгаданные». В последние десятилетия о них стали так много писать, что появилась, можно сказать, особая отрасль знания, получившая в зарубежной науке название «нуралогия».

Первый из сохранившихся до настоящего времени нурагов был воздвигнут в середине II тысячелетия до н. э., последний — в середине III в. до н. э., незадолго до прихода на остров римлян. Во II—I тысячелетиях до н. э. нураги были распространены по всему острову: их остатки и сейчас можно встретить в разных его районах. Однако распределены по Сардинии они неравномерно. Нураги редко встречаются или совсем отсутствуют в бесплодных и суровых восточных областях (Герреи, Ольястра, Галлура), довольно многочисленны в центральных и юго-западных долинах (Трексента, Мармилла, Сульчис). Особенно много их на северо-западе Сардинии. Здесь сосредоточены нураги наиболее сложной конструкции, возможно, поздние сооружения, а ранние нураги простой формы встречаются чаще всего в южной части острова. Такое распределение нурагов итальянские историки объясняют отступлением или бегством строителей этих необычных памятников под натиском финикийских и карфагенских завоевателей в лучше защищенные области¹.

Форма нурагов менялась с веками, однако у них есть и общие черты. Главную часть как ранних, так и поздних построек составляет массивная башня в форме усеченного конуса. Высота ее варьирует от 10 до 20 м. Диаметр самых больших нурагов 10 м². Башни сложены из круп-

¹ A. Mori. Sardegna. Torino, 1966, p. 19, 23.

² A. Della Seta. Italia antica. Bergamo, 1929, p. 55.

ных каменных блоков (базальтовых, известняковых, песчаниковых или гранитных), поставленных друг на друга без цементного раствора (рис. 1)³. Ранние нураги характеризуются плоским покрытием. В настоящее время на острове насчитывается свыше 30 таких лучше или хуже сохранившихся ранних нурагов⁴. Более поздней формой принято считать нураги-толосы (от греческого *τόλος* — купол). Главная их особенность — покрытие ложным сводом. Некоторые ученые приписывают им эгейское происхождение⁵.

Каждого, кто переступает порог какого-либо нурага, поражает контраст между его внешним обликом и интерьером. Толщина стен нурагов

Рис. 1. Нураг близ Макомера

составляет от 2 до 5 м, однако за этой массивной каменной кладкой располагаются довольно тесные помещения⁶. Войдя в нураг через небольшой проем и пройдя коридор (в ранних нурагах длинный, в поздних — короткий), попадают в круглую комнату диаметром 5—7 м, часто с небольшими нишами в стенах⁷. В больших нурагах над этой центральной комнатой находится вторая, меньшего размера. К ней ведет расположенная в толще стены спиральная лестница.

Массивные стены нурагов позволили древним архитекторам возводить постройки, не прибегая к промежуточным опорам⁸.

³ G. Pesce. Preistoria e protostoria della Sardegna.— «Conoscere la Sardegna». Cagliari, 1976, p. 84.

⁴ C. Maxia. La civiltà megalitica nuragica rivelata con l'astroarcheologia.— «L'Universo», anno LIII, № 5, 1973, p. 982.

⁵ G. Stacul. Arte della Sardegna nuragica. Milano, 1975, p. 36; C. Maxia. Указ. раб., с. 982.

⁶ G. Stacul. Указ. раб., с. 33, 34.

⁷ G. Pesce. Указ. раб., с. 84.

⁸ V. Mossa. Architettura domestica in Sardegna. Cagliari, 1957, p. 38.

Из этих простых нурагов-башен со временем развились более сложные сооружения. Возникло нечто вроде нурагических комплексов. К первоначальному одиночному нурагу стали примыкать другие, меньшие, сомкнутые в маленькие дворы⁹. Затем их стали окружать одной или несколькими овальными или четырехугольными в плане стенами (из необработанного камня) с башнями¹⁰. Примером такого комплекса может служить нураг в Лоза, около Аббасанта. Подобные нурагические поселения возникли во второй половине II тысячелетия до н. э. и бытовали до VIII в. до н. э.¹¹

Во многих местах, как показывают археологические раскопки, вокруг нурагов располагались деревни из небольших хижин. К настоящему времени на острове обнаружено свыше 100 таких деревень¹². Большинство их относится ко времени расцвета нурагической культуры, т. е. к VIII—VI вв. до н. э. Такие деревни были раскопаны во многих частях острова. Наиболее интересный материал дали деревни в провинциях Сульчис, Доргали, Альгеро и Кальяри¹³.

В каждой деревне было несколько десятков хижин (от 40 до 200). Основания их были сложены из камня без скрепляющего раствора, крыша делалась из соломы или веток. Все эти хижины обычно тяготели к главному нурагу. Поблизости часто находились коллективные или семейные погребения, называемые местными жителями «могилами гигантов» (*tumbas de sos gigantes*). Они представляли собой удлинённые помещения со стенами и кровлей из плиток. Этих «могил гигантов» обнаружено на Сардинии свыше 300¹⁴. Основная их масса расположена на центральном плато. Считают, что по архитектуре «могилы гигантов» близки некоторым мегалитическим памятникам Балеарских островов¹⁵.

Пожалуй, самой важной вехой в развитии «нуралогии» XX в. стало открытие и исследование нурагической деревни близ Барумини (рис. 2 и 3).

Местечко Барумини, расположенное на юге острова в 61 км от главного города Сардинии Кальяри, в 1949 г. неожиданно стало всемирно известным. Тогда на этот район обрушилось губительное наводнение, и небольшой холм к западу от населенного пункта Барумини, размытый водой, разрушился и исчез и обнажились полуразрушенные громады каменных башен и стен. Оказалось, что здесь под склонами холма в течение 25 веков была погребена нурагическая деревня.

Археологические раскопки Барумини — один из последних значительных эпизодов в исследовании культуры нурагов. Правда, новые материалы обогатили наши знания о ней, но отнюдь не устранили все окружающие ее загадки и неясности. А «неразгаданным» в нурагической культуре остается многое: ее происхождение, язык, на котором говорили ее носители, их нравы, обычаи, религиозные представления и др.

Ни в нурагах, ни поблизости от них никогда не было обнаружено ни одной надписи, так что от нурагической культуры не осталось ни единого письменного памятника, сообщавшего о населении нурагов и каких-либо исторических событиях, в которых оно принимало участие. Это привело к тому, что еще сто лет назад в итальянской археологической науке начались дискуссии по многим вопросам, связанным с нурагами и их создателями, которых (не зная их этнической принадлежности) стали

⁹ A. Della Seta. Указ. раб., с. 55.

¹⁰ A. Mori. Указ. раб., с. 19.

¹¹ A. Л. Монгайт. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974, с. 96.

¹² C. Maxia. Указ. раб., с. 986.

¹³ A. Mori. Указ. раб., с. 26.

¹⁴ A. Della Seta. Указ. раб., с. 55; G. G. Buti, G. Devoto. Preistoria e storia delle regioni d'Italia. Firenze, 1974, p. 170.

¹⁵ L. Pareti. Storia di Roma e del mondo romano, v. I, Torino, 1952, p. 85.

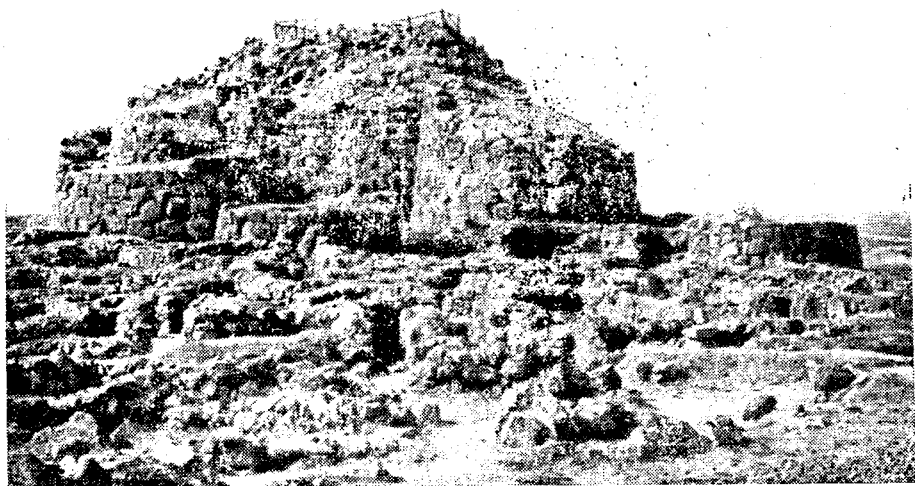

Рис. 2. Нураг близ Барумини

Рис. 3. Остатки строений нурагической деревни Барумини

называть просто «нураджиками» или «нурагиками» (итальянск. nuraghi-chi или nuraghichi).

До настоящего времени ученые не пришли к единому мнению не только о происхождении самих сооружений нурагической формы, но даже о происхождении и значении термина «нураг» (итальянск. nuraghe, множественное число nuraghi). Как указывалось выше, постройки такого типа встречаются и в других регионах Европы, но повсюду они называются по-разному. Термин же «нураг» известен только на Сардинии. Долгое время считалось, что он финикийского происхождения. Еще в прошлом веке это утверждал Дж. Спано, производя его из слов *pig* (огонь) и *hag* (крыша)¹⁶. Близко к этому толкование современного ведущего исследователя в области «нуралогии» Дж. Лиллиу. Он выводит термин из финикийских слов *poirra* (свет) и *hag* (кровля). По его мнению, словом «нураг» стали обозначать сооружение, куда свет поступает из отверстия, сделанного в середине конической крыши¹⁷.

В 1960—1970-е годы получили распространение иные точки зрения на происхождение слова «нураг». Так, крупнейший исследователь сардинского языка М. Л. Вагнер приписывает корню *pig* доиндоевропейское происхождение¹⁸. С ним соглашается К. Максиа, отмечая вдобавок, что топонимы с основой *pig* распространены по всему Средиземноморью, и решительно возражая против выведения этого термина из финикийских корней¹⁹.

Сторонником древнейшего, дофиникийского происхождения термина выступает современный итальянский историк Дж. Пеше. Он считает, что корень *pig* принадлежал языку, на котором говорили протосарды, и имел одновременно два значения: первое — пустота или углубление, второе — куча или груда. «Эти два значения, — пишет Пеше, — на первый взгляд противоположные, выражают, напротив, два существенных аспекта архитектурного замысла — определить пространство, над которым возвышается структура с круглым основанием, с внутренним куполом и с внешним профилем в форме башни»²⁰. Правильность суждений Пеше, возможно, подтверждается и лингвистическим материалом. Так, в некоторых диалектах современного сардинского языка слова *poa*, *piga* или *pigga* обозначают «полая глыба».

К сожалению, ни одно из выдвинутых объяснений слова «нураг» не проливает свет на происхождение культуры тех, кто воздвиг сооружения, обозначаемые этим термином. Так, например, финикийское название нурагов вовсе не говорит о финикийском происхождении самих построек. Здесь могло быть другое: финикийцы, обнаружив на Сардинии нураги, дали им название на своем языке, и оно закрепилось за этими постройками в дальнейшем. Это вполне возможно, так как финикийцы обладали значительно более высокой культурой, чем обитатели острова, с которыми они столкнулись в период его колонизации. Известно, что другие народы древности, побывавшие когда-либо на Сардинии, давали нурагам название на своем языке. Так, древние греки именовали эту постройку толосом (древнегреческ. *θόλος*), а древние римляне — лагерем (латинск. *castrum*) или пещерой (латинск. *spelunga*)²¹. Правда, эти названия за нурагами не закрепились.

Свыше ста лет в науке идут споры о назначении нурагов: были ли они жилищами, защитными сооружениями, погребениями, местами отправления религиозных культов или чем-либо еще.

¹⁶ G. Spano. Memoria sopra i nuraghi di Sardegna. Cagliari, 1867, p. 34.

¹⁷ G. Lilliu. I nuraghi, torri preistoriche di Sardegna. Cagliari, 1962, p. 28.

¹⁸ M. L. Wagner. Dizionario etimologico sardo, v. II. Heidelberg, 1962.

¹⁹ C. Maxia. Указ. раб., с. 995, 998.

²⁰ G. Pesce. Указ. раб., с. 84.

²¹ A. Senes. Curiosità del vocabolario sardo (Contributo alla conoscenza della lingua e di altre cose sarde). Cagliari, 1970, p. 427.

Историки прошлого века выражали мнение, что нураги следует считать «домами мертвых»²². Может быть, на эту мысль их наталкивал тот факт, что в других местах Средиземноморья (на Балеарских островах, на Корсике) похожие сооружения являются именно остатками погребальных памятников²³. Однако в середине столетия выдвигались и некоторые другие точки зрения на назначение сардинских нурагов. В них видели то крепости, то культовые постройки, то жилища²⁴.

В XX в. о нурагах появились солидные работы с обширными описаниями обследованных сооружений, а разногласия о их назначении стали еще сильнее.

Больше всего сторонников нашла точка зрения Дж. Патрони. Он был первым ученым, решительно и пространно сформулировавшим концепцию о морском и военном характере нурагической цивилизации, о ее централизованной политической структуре. Патрони рассматривал нураги как важный элемент общей военной защитной системы древних жителей Сардинии²⁵.

Ярым защитником той же точки зрения был А. Тарамелли. Он считал строителей нурагов воинственным, суровым и твердым народом, сплоченным благодаря военной дисциплине и единой религии. Обороняясь от неумолимо подступающих врагов, нураджели и стали строить эти башни-крепости²⁶.

Военными оборонительными сооружениями считает нураги и историк М. Серра, выдвинувший интересную гипотезу об одной из их функций. Он обратил внимание на расположение нурагов: почти все они находятся один в поле зрения другого. В связи с этим ученый высказал предположение, что при виде приближающихся врагов нураджели зажигали на площадке, завершающей каждый нураг, костер. С помощью такого «оптического телеграфа» они предупреждали своих соотечественников о надвигающейся опасности²⁷.

Убежденным сторонником военного назначения как небольших, так и самых грандиозных нурагов выступает в своих многочисленных трудах по «нуралогии» и Дж. Лиллиу. При описании нурагов он многие их элементы рассматривает как приспособления для обороны от врагов: отверстия в стенах для метания стрел, узкая входная дверь, защищенная атрием-сторожкой, верхняя площадка с нависающим парапетом, с которой метали ядра и опрокидывали на нападающих кипящую жидкость, и др.²⁸

В последние годы появилась новая интерпретация назначения нурагов. Ее выдвинул сардинский антрополог К. Максиа. Подвергнув критике гипотезы других ученых (Дж. Патрони, А. Тарамелли, Дж. Лиллиу), которые он прежде частично принимал²⁹, Максиа теперь старается доказать, что нураги были храмами, посвященными богу солнца. Свою концепцию исследователь подкрепляет, в частности, многочисленными находками около нурагов или внутри них камней с соляными знаками, а также наличием около многих нурагов святилищ и подземных храмов, так называемых храмов с колодцами (рис. 4). По мнению Максии, в нурагах происходило отправление религиозно-магических и погребаль-

²² E. Pais. La Sardegna prima del dominio romano. Roma, 1881, p. 25.

²³ C. Maxia. Указ. раб., с. 986.

²⁴ E. Pais. Указ. раб., с. 25.

²⁵ G. Patroni. La preistoria.—«Storia politica d'Italia», XV, Milano, 1937, p. 462—502.

²⁶ A. Taramelli. Cosa insegna una carta archeologica della Sardegna.—«Atti XII Congresso Geografico Italiano», XIII, 1935.

²⁷ M. Serra. Il popolo dei nuraghi. Cagliari, 1965, p. 244.

²⁸ См. например: G. Lilliu. Указ. раб.

²⁹ К. Максиа. Человек и окружающая его среда на Сардинии.—«Труды VII МКАЭН», т. 3. М., 1968, с. 252—253.

ных культов. Во время летнего и зимнего солнцестояния, пишет Максиа, нураджели снимали верхний камень, закрывавший купол постройки, и тогда солнечные лучи, опускаясь все ниже, освещали в кульминационный момент внутренность центральной ниши, а фигура находившегося в ней служителя культа представляла перед присутствующими как олицетворение бога солнца. Так как затмение солнца пугало людей, боявшихся смерти бога, а потому и конца света, люди строили нураги, чтобы умиротворить божество, убеждая его не оставлять землю во мраке³⁰.

На наш взгляд, все перечисленные гипотезы не исключают друг друга. В оборонные башни могли вводиться элементы культового значения, или культовые здания могли строиться так, чтобы допускать и военное

Рис. 4. «Храм с колодцем»

применение. Наконец, то и другое позже могло использоваться как погребальное сооружение.

До сих пор нерешенным остается и вопрос о происхождении культуры нурагов. В исторической науке идут споры прежде всего о том, были ли создатели первых нурагов автохтонами или они иммигрировали на остров, принеся с собой свои навыки и традиции в строительном деле.

Многие ученые полагают, что первые нураги были построены выходцами из Ливии задолго до того, как северные берега Африки были колонизованы финикийцами³¹. Некоторые историки считают, что создателем ранних нурагов был один из древних народов Сардинии — илиезы или иолаэзы, которые, как они считают, были как раз ливийского происхождения. Э. Пайс склонен связывать название этого народа с именем ли-

³⁰ C. Maxia. La civiltà megalitica, nuragica..., p. 981—1034; *его же*. Uomo e ambiente in Sardegna dalla preistoria ai tempi attuali.— «Conoscere la Sardegna», Cagliari, 1976, p. 135—152.

³¹ R. Di Tucci. Storia della Sardegna. Sassari, 1964, p. 2.

вийского героя Июлая, которого в Сардинии почитали как бога³². Некоторые археологи заявляют, что «древние африканские традиции ощущаются уже в самом стиле нурагов»³³.

Многие ученые связывают нураги с народом шардана (итальянская транскрипция — *Shardana*), который и сам еще плохо изучен, и из-за отсутствия хороших источников наверно еще долго будет представлять загадку для исторической науки.

В трудах современных историков неоднократно высказывалось довольно справедливое мнение о том, что культуру нурагов нельзя приписывать какому-либо одному определенному народу. Ведь нураги строились в разное время, от энеолита до железного века, и понятно, что население их могло несколько раз смениться³⁴. Мало того, даже носители синхронных культур, открытых вблизи нурагов, по предположению некоторых лингвистов, серьезно изучивших топонимику этих районов, могли принадлежать к разным народам³⁵.

Некоторый свет на культуру строителей нурагов проливают археологические находки, обнаруженные поблизости от этих сооружений, а иногда внутри них. Самыми интересными по праву считаются статуэтки, отлитые в бронзе, так называемые «бронзетти» (итальянск. *bronzetti*), найденные во всех районах острова, где сохранились остатки нурагов. К настоящему времени их обнаружено более 400. Значительную их часть нашли в святилищах и подземных колодцах, где они были прикреплены свинцом к скамьям или подвешены к стенам. Такое расположение фигурок навело исследователей на мысль, что их следует считать votivными дарами нурадджиков³⁶. Некоторые бронзовые фигурки были найдены в самих нурагах, в естественных пещерах и в металлургических мастерских римского времени (туда их, очевидно, привозили для переплавки). В настоящее время большая часть бронзетти сосредоточена в музеях городов Кальяри и Сассари. Их описанию и анализу посвятили свои труды многие археологи и искусствоведы³⁷.

По поводу датировки этих миниатюрных произведений нурагического искусства тоже долгое время не существовало единого мнения. Теперь, кажется, почти всех убедила стратиграфическая датировка, обоснованная Дж. Лиллиу, который относит их к X—VIII вв. до н. э.³⁸

Бронзовые фигурки Сардинии изображают людей (в манере, далекой от классической), домашних и диких животных, некоторые предметы быта. Для этнографов, естественно, наибольший интерес представляют человеческие фигурки. Как удачно, хотя, может быть, и слишком поэтично, отметил тот же Лиллиу, они отражают «всю человечность нурагической Сардинии, в конкретном проявлении повседневной жизни, в ее идеальных стремлениях, в ее остром религиозном инстинкте, в чувствах радости и скорби...»³⁹.

Некоторые бронзетти дают явные указания на определенные черты социальной жизни нурадджиков. Очевидно, им был присущ какой-то сложный культ с развитым жречеством. Об этом свидетельствуют в первую очередь фигурки жрецов и жриц (рис. 5). Жрецы, сжимающие в руках жезл, обычно представлены в парадной мантии. Их высокое общественное положение угадывается по увеличенным размерам фигурок

³² E. Pais. Sulla civiltà dei nuraghi e sullo sviluppo sociologico della Sardegna. «Archivio Storico Sardo», VI, 1910, p. 99.

³³ F. von Duhn. Italische Gräberkunde, Bd I. Heidelberg, 1924, S. 97.

³⁴ A. Mori. Указ. паб., с. 24.

³⁵ M. Pittau. La lingua sarda i suoi dialetti — «Conoscere la Sardegna», p. 105.

³⁶ N. Dessy. I bronzetti nuragici. Milano, 1955, p. 8.

³⁷ N. Dessy. Указ. паб.; G. Pesce. Bronzetti nuragici. Venezia, 1949; E. Bruni. Bronzi nuragici. Udine, 1943; G. Stacul. Arte della Sardegna nuragica. Milano, 1975; A. Radmilli. La preistoria d'Italia alla luce delle ultime scoperte. Firenze, 1963, и др.

³⁸ См. G. Pesce. Указ. паб., с. 86; G. Stacul. Указ. паб., с. 107, 108.

³⁹ G. Lilliu. Sculture della Sardegna. Cagliari, 1956, 16, 17.

Рис. 5. Бронзовая фигурка жреца

Рис. 6. Бронзовая фигурка «подносящего»

при сравнении с другими скульптурами. Жрицы также облачены в мантию. Их особое положение в нурагическом обществе подчеркивается также пышными распущенными волосами⁴⁰.

Почитание богов, наверно, сопровождалось у строителей нурагов приношением жертв или подношением каких-то предметов. Об этом явно говорят бронзовые фигурки, названные итальянскими археологами «подносящими» (итальянск. *offerenti*). В них представлены простые люди древней Сардинии в явной позе приношения даров или в состоянии экстатического возбуждения во время жертвоприношения (рис. 6)⁴¹. Указание на веру нурадджиков в потустороннюю жизнь некоторые ученые видят в бронзовых изображениях лодочек, которые якобы перевозили усопших в загробный мир⁴².

По-видимому, нурадджикам приходилось воевать с жителями соседних районов или с какими-либо чужеземцами. На это указывает четкое деление бронзовых статуэток на гражданские и военные. Среди фигурок-воинов много стрелков из лука (рис. 7). Было найдено и несколько

⁴⁰ G. Stacul. Указ. раб., с. 99.

⁴¹ Там же, с. 107.

⁴² G. Pesce. Указ. раб., с. 86.

Рис. 7. Бронзовая фигурка стрелка из лука

Рис. 8. Бронзовая фигурка «Мать убитого»

свидетельств трагических эпизодов войн. Таковы бронзовые скульптуры, получившие в литературе название «Мать убитого», или на христианский манер «Пиета» (рис. 8).

Многие бронзетти позволяют судить о костюме строителей нурагов. Мужская одежда различна у фигурок-воинов и фигурок мирных граждан. Последние одеты в короткую тунику и какую-то верхнюю распашную одежду. Многие историки и этнографы видят в этой одежде известную упоминаемую Цицероном «маструкку» (итальянск. *mastrucca*) древних сардов и отмеченную в средневековых документах «дзамарру» (итальянск. *zamaorra*). Подобную куртку из овчины, сшитую мехом наружу, до сих пор носят сардинские пастухи⁴³. Судя по бронзетти, наиболее бедные нураджели носили нечто вроде набедренной повязки (итальянск. *perizoma*). На ногах у некоторых фигурок имеется подобие гамаш (итальянск. *gambali*); вероятно, у нураджеликов они шились из кожи. Этот элемент одежды тоже дожил в сардинском народном костюме до наших дней. На головах фигурок, изображающих гражданских лиц, встречаются два вида шапочек — цилиндрические и круглые⁴⁴.

⁴³ М. Pallottino. *La Sardegna nuragica*. Roma, 1950, p. 48.

⁴⁴ Там же, с. 48, 49.

Многие бронзовые фигурки дают представление об одежде и вооружении нурагических воинов. Они носили обычную тунику с верхней одеждой, или полосатую тунику, возможно сшитую из полос кожи с добавлением элементов, защищавших плечи. Иногда фигурки воинов изображены в какой-то длинной одежде, отделанной полосками. На ногах у них — подобие поножей (итальянск. *schieri*). На голове у воинов — шлем, чаще всего кожаный. По форме его считают развитием распространенной шапочки с элементами короны, но чаще всего к нему прикрепляются туры рога, встречающиеся на шлемах и в других странах древнего Средиземноморья. Воин был защищен круглым щитом с умбоном, вооружен несколькими мечами. Одним он сражался, другие держал в запасе за щитом. У воинов-стрелков более легкое вооружение — кинжал или палаш с пластинчатым лезвием.

Женские фигурки из бронзы обычно изображены облаченными в длинные туники. На некоторых бронзетти только юбка, а верхняя часть их тела обнажена, как на изображениях древних критян⁴⁵.

Эти и некоторые другие черты нурагической культуры могут указывать на связь ее с восточным Средиземноморьем, с древним Критом и Эгеидой.

Эпоха строительства нурагов, бронзовый век Европы, была временем, когда по всему Средиземноморью происходили сложные, далеко еще не ясные нам передвижения народов, предопределившие ход последующих этногенетических процессов в этой области, которой суждено было стать колыбелью европейской цивилизации. Раскрытие тайны нурагов, происхождения их создателей поможет пролить новый свет на эти важнейшие вопросы древней истории Европы.

⁴⁵ Там же, с. 49.

РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1977 ГОДУ

В 1977 году, ознаменованном 60-летием Великой Октябрьской социалистической революции и принятием новой Конституции СССР, коллективом Института этнографии АН СССР была проведена большая научно-исследовательская и научно-организационная работа. В соответствии с государственным планом завершены три темы. Институт выпустил 28 книг (общим объемом 507 печ. л.). Вышли в свет также 15 внеплановых книг и брошюр, написанных сотрудниками Института (общим объемом свыше 170 печ. л.).

В отчетном году высокую оценку получили результаты исследований Института. За цикл работ по дешифровке и переводу иероглифической письменности индейцев майя Ю. В. Кнорозов был удостоен Государственной премии. Институт этнографии за развитие этнографической науки получил диплом ВДНХ первой степени. За авторскую и редакторскую работу по коллективной монографии «Современные этнические процессы в СССР» Ю. В. Бромлей награжден серебряной медалью ВДНХ. Бронзовой медали ВДНХ удостоены В. А. Александров (за книгу «Сельская община в России XVII — начало XX в.»), Г. И. Анохин (за книгу «Общинные традиции норвежского крестьянства») и И. А. Крывелев (за книгу «История религий. Очерки в 2-х томах»). С. И. Вайнштейну было присвоено звание заслуженного деятеля науки Тувинской АССР.

Как и в прошлые годы, в научной деятельности Института большое внимание уделялось разработке актуальных теоретических проблем этнографической науки. Одним из итогов этой работы явился подготовленный в минувшем году сборник «Исследования по общей этнографии» (под ред. Ю. В. Бромлея, С. И. Брука, А. И. Першица, С. Я. Серова), посвященный вопросам дальнейшей разработки основных проблем этнографии.

Центральным направлением в научно-исследовательской работе Института оставалось изучение современных культурно-бытовых и этнических процессов у народов мира. По этой проблематике было опубликовано несколько книг. Так, вышла в свет вторым изданием коллективная монография «Современные этнические процессы в СССР» (40 печ. л., отв. ред. Ю. В. Бромлей), текст которой дополнен новейшими данными. В монографии освещаются основные особенности и закономерности, а также специфические локальные черты этнических процессов, происходящих в нашей стране.

В книге Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой «Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем» (24 печ. л.) рассмотрена широкая картина изменений в быту городского населения России за годы Советской власти.

Монография В. В. Пименова «Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса» (20 печ. л.) представляет собой первый опыт основанного на применении математических методов изучения этносоциальной общности как целостной системы.

Статьи, посвященные разным аспектам исследования культурно-бытовых и этнических процессов современности, опубликованы в сборнике «Этнографические исследования Северо-Запада СССР» (15 печ. л., отв. ред. Н. В. Юхнева).

Кроме названных публикаций, исследованию современных процессов, происходящих в нашей стране, посвящена подготовленная к печати коллективная монография «Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР)» (отв. ред. Ю. В. Арутюнян).

В отчетном году заметный вклад в изучение этнических процессов внесли работы этнодемографического профиля. В частности, Главной редакцией «Общественные науки и современность» АН СССР была напечатана на четырех иностранных языках книга С. И. Брука «Население мира сегодня» (9 печ. л.), в которой рассматриваются проблемы динамики населения, половозрастной состав, миграции, урбанизация, изменения в этническом, расовом и религиозном составе населения земного шара.

Первая попытка изложить методологические основы новой дисциплины — этнической демографии, сформировавшейся на стыке этнографии с демографией, — предпринята В. И. Козловым в книге «Этническая демография» (14 печ. л.). Главное внимание в ней уделено анализу влияния этнических факторов на рождаемость и смертность населения.

Вышедший в свет ежегодник «Расы и народы», № 7 (24 печ. л., отв. ред. И. Р. Григулевич) содержит статьи по этническим и расовым проблемам современного мира.

Кроме того, этническая ситуация наших дней, национальные отношения в зарубежных странах рассматриваются в двух завершенных работах: коллективном труде «Современные этнонациональные процессы в Западной Европе» (отв. ред. С. А. Токарев) и монографии А. И. Кузнецова «Межэтнические взаимоотношения в островных государствах Юго-Восточной Азии». Специфика культурно-бытовых процессов исследуется в работе О. А. Ганцкой «Народные традиции в современном быту поляков (на примере семейной обрядности)», подготовленной к печати.

Изучение традиционных культур народов мира по-прежнему было одним из важнейших направлений научной деятельности Института. В 1977 г. опубликованы труды, отражающие работу коллектива Института по этой тематике. Четыре книги посвящены народам нашей страны.

В монографии И. С. Гурвича «Культура северных якутов-оленьеводов» (18 печ. л.) дана всесторонняя этнографическая характеристика одной из групп якутского народа, показаны пути формирования ее культурных особенностей.

В книге Н. А. Кислякова «Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана (XIX — начало XX в.)» (7 печ. л.) исследуется соотношение адата и шариата в вопросах наследования у разных народов этого региона в зависимости от уровня их социально-экономического развития.

Широкий круг явлений традиционной культуры народов нашей страны освещен на новых материалах в сборнике «Полевые исследования Института этнографии. 1975» (15 печ. л., отв. ред. С. И. Вайнштейн).

В статьях сборника «Ареальные исследования в языкознании и этнографии» (19 печ. л., отв. ред. М. А. Бородина), изданного совместно с Ленинградским отделением Института языкознания АН СССР, рассматриваются вопросы методики изучения конкретных явлений в языке и культуре разных народов СССР.

Помимо этого, подготовлены к изданию работа Э. В. Померанцевой «Жизнь русской сказки в национальных республиках Поволжья», а также сборники: «Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII—XIX вв.» (отв. ред. В. А. Александров); «Материальная культура компактных этнических групп на Украине», вып. «Жилище» (отв. ред. М. Г. Рабинович); «Кавказский этнографический сборник», вып. VII (отв. ред. В. К. Гарданов); «Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения)» (отв. ред. И. С. Гурвич).

Три выпущенные в минувшем году книги посвящены изучению традиционных культур зарубежных народов.

В коллективной работе «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Весенние праздники» (27 печ. л., отв. ред. С. А. Токарев) проведено сравнительное исследование цикла весенней календарной обрядности у западноевропейских народов.

«Сборник МАЭ», т. XXXII — «Одежда народов Зарубежной Азии» (23 печ. л., отв. ред. Р. Ф. Игс, А. М. Решетов) — содержит статьи по традиционной одежде народов Китая, Кореи, Японии, Монголии, Индии, Вьетнама, Непала, Лаоса, Шри Ланки и Таиланда, написанные на основе изучения коллекций МАЭ.

В книге В. А. Вельгуса «Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов ранее XI в.» (27 печ. л.) впервые собраны

воедино и прокомментированы малоизвестные источники по этнографии народов Африканского материка.

Кроме того, подготовлена к публикации книга «Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Исторические корни и развитие календарных обычаев в Зарубежной Европе» (отв. ред. С. А. Токарев); в которой подводится итог сравнительного изучения полного цикла календарной обрядности западноевропейских народов. Завершена в рукописи и работа Г. П. Снесарева «Хорезмийские легенды (к вопросу о становлении культа мусульманских святых)».

Изучение традиционных культур неразрывно связано с изысканиями в области этногенеза и этнической истории народов мира. Эта проблематика в советской науке рассматривается комплексно, с учетом широкого круга разнообразных данных. Три опубликованные в минувшем году книги посвящены народам, жившим в далеком прошлом на территории Советского Союза.

В работе А. Г. Козинцева «Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры» (15 печ. л.) выявлены связи населения Минусинской котловины I тысячелетия до н. э. с населением эпохи бронзы, жившим на той же территории, а также с населением афанасьевской, андроновской, окуневской и карасукской культур.

М. А. Игина в монографии «История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тыс. до н. э.)» («Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. X; 28,5 печ. л.), учитывая новейшие материалы, воссоздает этническую историю региона с неоднородным и не раз менявшимся по своему составу населением в эпоху бронзы. Этническая картина увязана со сложными историческими процессами, протекавшими на территории степей Евразии.

Книга Б. И. Вайнберг «Монеты древнего Хорезма» (24 печ. л.) является важным пособием для исследования политической и этнической истории всего Среднеазиатского региона.

Завершены работы В. А. Тутолукова «Этническая история эвенков бассейнов Оби и Енисея» и А. И. Гинзбург «Переселенцы в Туркестане (XIX — начало XX в.)».

Проблемы этногенеза и этнической истории зарубежных народов посвящены три вышедшие из печати книги.

В работе А. И. Мухлинова «Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа» (15,5 печ. л.) обосновывается вывод об автохтонном происхождении вьетнамского этноса и показывается необоснованность гипотезы, представляющей вьетов Вьетнама переселенцами с территории Юго-Восточного Китая.

В сборнике «Ранняя этническая история народов Восточной Азии» (20 печ. л., отв. ред. Н. Н. Чебоксаров) обобщены новейшие достижения советской исторической науки в области изучения таких проблем, как первоначальное заселение Восточной Азии, возникновение важнейших культур эпохи палеолита и неолита, формирование древних этнических общностей — предков современных народов региона.

В сборнике «Этническая история Африки. Доколониальный период» (12,5 печ. л., отв. ред. Д. А. Ольдеротте) представлены статьи, охватывающие в целом период почти в два тысячелетия и посвященные широкому кругу вопросов истории формирования и развития народов континента.

Помимо этого завершены работы: «Древние китайцы на пороге средних веков» (отв. ред. Н. Н. Чебоксаров), С. Я. Серова — «Этнические процессы в колониальном Перу, XVI—XVII вв.», Н. Н. Грацианской — «Этническая история словаков».

В прошлом году в Институте продолжалась работа по изучению древнейших этапов истории человечества. Подготовлен к публикации сборник «Этнография как источник реконструкции первобытной истории» (отв. ред. А. И. Першиц). Исследованию некоторых закономерностей развития раннеклассового общества посвящена подготовленная к печати работа Э. С. Годиной «Возникновение и эволюция государства в Буганде».

Важным направлением работы Института оставались исследования по истории религии, имеющие большое теоретическое и практическое значение. По этой теме в отчетном году опубликовано четыре книги.

В монографии И. Р. Григулевича «Крест и меч. Католическая церковь в испанской Америке XVI—XVII вв.» (18,5 печ. л.) на обширном материале проанализирована роль католичества в истории народов Латинской Америки в указанный период.

В книге Н. Р. Гусевой «Индуизм. История формирования. Культурная практика» (17 печ. л.) всесторонне рассматриваются исторически сложившиеся особенности индуизма.

Книга Н. Л. Жуковской «Ламаизм и ранние формы религии» (10,5 печ. л.) посвящена исследованию проблемы религиозного синкретизма. Автор показывает многообразие взаимовлияний ламаизма с шаманством и другими местными культами.

В сборнике «Памятники культуры народов Сибири и Севера. Формы и содержание религиозных культов у народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX века)» («Сборник МАЭ», т. XXXIII; 20 печ. л., отв. ред. И. С. Вдовин) представлены итоги изучения предметов материальной культуры из коллекций МАЭ, в которых нашли отражение традиционные верования народов региона.

Две публикации 1977 г. отражают работу фольклористов Института, связанную с задачами использования фольклора в качестве историко-этнографического источника. Названия книг ясно формулируют этот специфический для Института аспект исследования фольклорных материалов.

В статьях сборника «Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями, верованиями, обрядами» (14,5 печ. л., отв. ред. Б. Н. Путилов) выявляется роль специфических традиционных черт народного быта в формировании некоторых фольклорных жанров и мотивов.

В сборнике «Этническая история и фольклор» (18 печ. л., отв. ред. Р. С. Липец) объединены статьи, в которых рассматривается проблема использования фольклора как источника для изучения этногенеза и этнокультурных связей.

С этой проблематикой тесно соприкасается завершенная работа С. И. Дмитриевой «Фольклор и искусство русского населения Севера (в связи с этнической историей края)».

Как и в прежние годы, продолжалась исследовательская работа в области этнической ономастики, координационным центром которой в масштабах всей страны является межсекторальная группа этнической ономастики, созданная несколько лет назад в Институте. В отчетном году по проблемам ономастики выпущены две книги: «Ономастика Средней Азии» (20 печ. л., отв. ред. В. А. Никонов) и «Ономастика Кавказа» (20 печ. л., отв. ред. В. А. Никонов (издана совместно с Дагестанским филиалом АН СССР)). В обоих сборниках материалы по ономастике регионов рассматриваются как историко-этнографический источник.

В отчетном году Институт продолжал разработку тем, тесно связанных с задачами идеологической борьбы.

Критическая оценка методологических принципов одного из значительных направлений зарубежной науки дана в книге Е. А. Веселкина «Кризис британской социальной антропологии» (9 печ. л.).

На английском, французском, испанском и португальском языках издан сборник «Против расизма и колониализма» (10 печ. л., отв. ред. И. Р. Григулевич и С. Я. Козлов). Опубликованные в нем материалы разоблачают практику и теорию расизма.

В упоминавшемся сборнике «Расы и народы» (вып. 7) помещен ряд документов, связанных с проблемами борьбы против расизма.

Кроме того, в истекшем году подготовлен к печати девятый выпуск ежегодника «Расы и народы». Восьмой выпуск находится в издательстве.

В 1977 г. в Институте продолжались исследования в области антропологии. Завершена и подготовлена к публикации обобщающая монография Г. Л. Хить «Дерматоглифика народов СССР (в связи с проблемой расо- и этногенеза)». Анализ новейших материалов по кожному рельефу позволил автору установить, что расовая дифференциация происходила параллельно по расово-соматическим признакам и элементам кожного рельефа.

По-прежнему в Институте уделялось большое внимание изучению истории науки. По этой теме выпущены две книги.

Сборник «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. VII (16 печ. л., отв. ред. А. М. Решетов, Т. В. Станюкович) посвящен преимущественно этнографической деятельности Русского географического общества, составившей важный этап формирования отечественной этнографии.

В монографии С. А. Токарева «Истоки этнографической науки (до середины XIX в.)»

(11 печ. л.) исследуется история накопления этнографических знаний до того периода, когда этнография стала самостоятельной научной дисциплиной.

Большую работу провела редколлегия журнала «Советская этнография». На страницах журнала были опубликованы статьи, посвященные 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции: передовые — «Великая Октябрьская социалистическая революция и торжество пролетарского интернационализма» (№ 5) и «Великий Октябрь и народы Востока» (№ 6), статья Ю. В. Бромлея «Интернациональное и национальное в строительстве социализма» (№ 5), И. С. Гурвича «Этнокультурное сближение народов СССР» (№ 5), Л. М. Дробижевой «Сближение культур и межнациональные отношения в СССР» (№ 6). Актуальные задачи советской этнографии, связанные с претворением в жизнь решений XXV съезда КПСС, рассматривались в статьях Ю. В. Бромлея «К вопросу об особенностях этнографического изучения современности» (№ 1), И. А. Крывелева «Современные обряды и роль этнографической науки в их изучении, формировании и внедрении» (№ 5). Важные теоретические вопросы поднимались в статьях А. Ф. Дашдамирова «Социально-психологические проблемы национальной определенности личности» (№ 3), Ю. И. Семенова «Об изначальной форме первобытных социально-экономических отношений» (№ 2), М. В. Крюкова «Клановые общества китайцев-иммигрантов на Кубе в первой половине XX века (к проблеме структуры и функции традиционных институтов в инациональной среде)» (№ 2), О. Р. Будины, М. Н. Шмелевой «Этнографическое изучение города в СССР» (№ 6).

В истекшем году завершилась дискуссия о роли социальных факторов в биологической дивергенции человеческих популяций (№ 4), продолжались дискуссии о специфике производственных отношений первобытного общества (№ 1, 3) и о происхождении искусства (№ 1).

Значительное место в журнале было отведено освещению современной культуры и быта, этнических процессов у народов СССР и зарубежных стран, а также различным видам народного искусства. Продолжались публикации статей прогрессивных зарубежных ученых.

Как и в прежние годы, важное место в работе Института занимали экспедиционные исследования. В 1977 г. полевые работы велись как в рамках постоянных экспедиций Института (Северной и Среднеазиатской этнографических, этносоциологической, Хорезмской и Молдавской археолого-этнографических), так и силами отрядов, сформированных из сотрудников ряда отделов и секторов Института. Всего состоялось 56 выездов.

Экспедиции работали по основным проблемам научно-исследовательского плана Института. Одним из главных направлений в сборе полевых материалов оставалось изучение современных этнических, социальных и культурно-бытовых процессов, выявление данных, показывающих соотношение традиционного и современного в хозяйстве, быте и культуре народов Советского Союза. Программа работы части отрядов и групп, как и в предыдущие годы, определялась задачами подготовки региональных историко-этнографических атласов. Экспедиционные изыскания антропологов проводились по тематике, связанной с исследованием антропогенеза, путей формирования рас и отдельных этнических общностей. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция продолжала раскопки памятников разных эпох — от первобытности до средневековья. Полевой сезон 1977 г. был для нее очень напряженным в связи с большим объемом охранных работ. Несколько отрядов сочетали сбор полевых материалов с этнографическими киносъемками. По материалам работ 1977 г. подготовлен в авторском варианте очередной сборник «Полевые исследования Института этнографии» (отв. ред. С. И. Вайнштейн).

Отдельные результаты полевых исследований Института нашли применение в практике социалистического строительства. В частности, Отдел этнографии народов Крайнего Севера и Сибири, как и в прежние годы, направил в государственные органы докладные записки по вопросам современного состояния хозяйства, культуры и быта у малых народов Севера и Сибири, содержащие практические рекомендации.

В Институте продолжалась работа по подготовке научных кадров. В 1977 г. в аспирантуре обучалось 56 человек. Тематика работ аспирантов связана с основными проблемами научно-исследовательской деятельности Института этнографии.

В отчетном году большая работа была проведена специализированными Учеными советами Института (в Москве и Ленинграде). На заседаниях Ученых советов состоялись защиты 7 докторских и 27 кандидатских диссертаций.

Научно-производственные Ученые советы Института (в Москве и Ленинграде) рассматривали актуальные вопросы исследовательской работы. В течение года был заслушан ряд научных докладов, в частности, Н. А. Бутинова «К вопросу о происхождении классификационных систем родства», И. С. Вдовина «Актуальные проблемы изучения этнографии Сибири и Севера», В. К. Гарданова и А. И. Першица «М. О. Косвен — историк первобытного общества и кавказовед», К. В. Чистова «Вариативность как проблема теории фольклора». Оживленную дискуссию вызвало обсуждение плана-проспекта трехтомной коллективной монографии «История первобытного общества», работа над первым томом которой уже началась. На заседаниях советов неоднократно заслушивались отчеты и сообщения сотрудников, выезжавших в научные командировки за рубеж. Большое место в работе Ученых советов занимало рассмотрение состояния плановых работ, в особенности завершавшихся в 1977 г., а также анализ итогов работы некоторых секторов.

В октябре специальные заседания Ученых советов в Москве и Ленинграде были посвящены такому важному событию в жизни всей страны, как принятие новой Конституции СССР.

25—26 октября в Ленинграде и 1 ноября в Москве состоялись юбилейные заседания Ученых советов, посвященные 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В Москве был заслушан доклад Ю. В. Бромля «Великая Октябрьская социалистическая революция и осуществление ленинской национальной политики». В Ленинграде на юбилейных заседаниях были прочитаны доклады, посвященные теоретическим проблемам советской этнографической науки: Л. М. Сабуровой и А. М. Решетова — «Основные направления советской этнографии за 60 лет (методологические аспекты)», Д. А. Ольдерогге — «Проблемы этносоциальной истории Африки», Ю. В. Кнорозова и Б. Я. Волчок — «Протоиндийские календарные тексты».

На последнем (декабрьском) заседании совета в Москве состоялось обсуждение итогов работы года. С докладом о деятельности Института в отчетном году и о задачах дальнейших научных исследований выступила Л. Н. Терентьева.

В течение 1977 г. научно-производственные Ученые советы провели большую научно-организационную работу, связанную с избранием на новые должности и переподготовкой сотрудников, а также с обсуждением и утверждением к печати трудов Института.

В отчетном году сотрудники Института участвовали более чем в 35 научных сессиях, конференциях, совещаниях и симпозиумах, подготовив свыше 150 докладов.

Значительным событием в научной жизни стала организованная Институтом этнографии АН СССР Всесоюзная конференция по вопросам этнографического изучения современности, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В работе конференции, состоявшейся в апреле в Москве, приняло участие свыше 200 человек — представители научных учреждений и учебных заведений Москвы и других городов РСФСР, союзных и автономных республик, а также практические работники, разрабатывающие и внедряющие в быт новую обрядность.

В центре внимания участников конференции стояли вопросы методологии и методики этнографического изучения современности, координации работы этнографов в масштабе всей страны, более тесной связи этнографических исследований с практикой коммунистического строительства на примере гражданской обрядности.

Доклады Ю. В. Бромля «К вопросу об особенностях этнографического изучения современности», Ю. В. Арутюняна «Количественные методы в изучении современных этнокультурных и культурно-бытовых процессов» и И. А. Кривелева, Н. П. Лобачевой, Л. А. Тульцевой и М. Я. Устиновой «Современные обряды и роль этнографической науки в их изучении, формировании и внедрении» создали основу для плодотворного обсуждения ряда важных проблем изучения современности.

Конференцией был разработан проект «Рекомендаций», посвященных задачам повышения эффективности этнографических исследований современности, улучшения подготовки этнографических кадров¹.

Институт этнографии участвовал также в работе Всесоюзной научно-практической конференции «Социалистический образ жизни и вопросы идеологической работы» (Киев, май), Всесоюзной научной конференции «Октябрь и победа пролетарского интернационализма» (Ташкент, апрель) и Всесоюзной конференции «Вопросы патриотического и интернационального воспитания молодежи в свете решений XXV съезда КПСС» (Уфа, май).

60-летию Великой Октябрьской социалистической революции была посвящена конференция молодых сотрудников и аспирантов Института этнографии АН СССР, организованная бюро ВЛКСМ Института (Москва, май).

Сотрудники Института приняли активное участие в работе Регионального совещания по проблемам географии, истории, этнографии и языков народов Европейского Севера СССР, посвященного 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции (июль, Апатиты). Организаторами совещания были Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР и Северный филиал Всесоюзного географического общества. От Института этнографии с докладами выступили Ю. Д. Беневоленская, И. И. Гохман, В. И. Васильев, З. П. Соколова, Т. В. Лукьянченко, Г. М. Давыдова.

На отчетно-экспедиционной сессии Отделения истории АН СССР, посвященной итогам археологических исследований 1976 г. (Москва, март), Институт этнографии был представлен докладами Е. Е. Неразик, Л. М. Левиной, О. А. Вишневской, Ю. А. Рапопорта и О. А. Вишневской, М. Г. Воробьевой, А. Н. Гертмана, М. С. Лапирова-Скобло, А. П. Пестрякова, Н. М. Рудь, Г. В. Рыкушиной.

Этнографической тематике было отведено важное место на VIII Всесоюзной конференции по изучению Австралии и Океании (январь, Москва), организованной Институтом востоковедения АН СССР и Советским национальным Тихоокеанским комитетом АН СССР. С докладами выступили сотрудники Института этнографии Н. А. Бутинов, В. Р. Кабо, К. Ю. Мешков, Е. В. Ревуненкова, И. К. Федорова.

Фольклористы Института представили ряд докладов на различных совещаниях и конференциях. На Всесоюзной конференции по проблемам изучения исторической поэтики фольклора (Москва, март), организованной Научным советом по фольклору при Отделении литературы и языка АН СССР и Институтом мировой литературы им. Горького АН СССР, был заслушан доклад Б. Н. Путилова. На ежегодной конференции «Чтения памяти Богатырева», организуемой ленинградским Институтом музыки, театра и кинематографии (Ленинград, декабрь), выступила с докладом Э. В. Померанцева.

В конференции «Проблемы этнической истории балтов» (Рига, март), организованной Институтом истории АН Латвийской ССР, от Института этнографии приняли участие Л. Н. Терентьева, прочитавшая на пленарном заседании доклад «Проблемы историко-этнографического картографирования материальной культуры народов Прибалтики», а также Р. А. Григорьева и Т. С. Макашина.

В мае в Орджоникидзе состоялась Всесоюзная конференция по ономастике Кавказа, организованная группой ономастики Института этнографии АН СССР совместно с Северо-Осетинским государственным университетом им. К. Хетагурова².

Сотрудники Института участвовали также в работе Всесоюзной конференции «Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока» (Якутск, июнь)³, Второго Всесоюзного семинара по исторической демографии (Рига, апрель), Третьей межвузовской конференции Омского госуниверситета (Омск, март), симпозиума «Греческая колонизация и варварский мир» (Цхалтубо, май), конференции «Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана» (Пянджикент, август), конференции Ленинградского университета «Историкогеография стран Зарубежной Азии и Африки» (Ленинград, февраль),

¹ Подробнее см.: *Н. С. Полищук*. Всесоюзная конференция по вопросам этнографического изучения современности.— «Сов. этнография», 1977, № 6.

² См. *Дж. Б. Логашова*. Вторая Всесоюзная конференция по ономастике Кавказа.— «Сов. этнография», 1978, № 1.

³ См. *Б. Н. Путилов*. Всесоюзная научная конференция «Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока».— «Сов. этнография», 1978, № 1.

Всесоюзного симпозиума «Научно-технический прогресс и развитие художественного творчества» (Москва, декабрь), Всесоюзной конференции «Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене» (Москва, февраль) и в других научных совещаниях.

В минувшем году получили дальнейшее развитие связи Института с этнографическими учреждениями разных стран. Обсуждение конкретных вопросов сотрудничества, предусмотренного планом Академии наук СССР, было целью поездок специалистов Института в зарубежные страны, задачей целого ряда международных совещаний, проведенных с участием ученых Института.

Так, в прошлом году продолжалась совместная работа Института с этнографическими коллективами академий наук НРБ, ПНР, ЧССР, СФРЮ и ГДР по созданию трехтомника «Этнография славян». В ноябре-декабре 1977 г. Институт провел в Москве очередное совещание международной редколлегии трехтомника, возглавляемой Ю. В. Бромлеем. На заседаниях обсуждались завершённый в авторской части первый том (подготовлен советскими учеными) и рабочие варианты текстов остальных томов.

Как и в предыдущие годы, Институт активно сотрудничал с учеными европейских социалистических стран в Международной комиссии по изучению народной культуры населения Карпат и в реферативном журнале «Демос». В Международной конференции Объединенной редакции журнала «Демос» (Любляна, сентябрь) принимала участие Н. В. Шлыгина. Л. Н. Терентьева обсудила с рабочей редакцией журнала ряд вопросов, связанных с сотрудничеством в журнале советской национальной редколлегии (Берлин — Дрезден, декабрь).

Значительно укрепились научные связи Института с крупнейшими внеакадемическими научными центрами ГДР, в которых проводятся этнографические исследования, — с Лейпцигским университетом им. Карла Маркса и Этнографическим музеем Лейпцига. С отделением этнографии университета Институт готовит совместный сборник «Этнические процессы в современном мире». Сотрудничеству в рамках данной темы способствовало успешное проведение Международного симпозиума «Исследование этнических явлений и процессов — главная задача марксистской этнографии» (Лейпциг, январь). От Института на конференции приняли участие Ю. В. Бромлей и В. И. Козлов, ознакомившие зарубежных коллег с теоретическими и методическими разработками советских ученых по исследованию современных этнических процессов⁴.

Совместно с этнографическим музеем Лейпцига и рядом других научных учреждений ГДР Институт ведет работу по унифицированию этнографической терминологии, итогом которой должен явиться «Словарь этнографических терминов». По приглашению музея в ГДР (Лейпциг, Берлин) для выяснения вопросов, связанных с подготовкой словаря, а также для изучения музейных коллекций по Сибири выезжал в ноябре С. И. Вайнштейн.

В рамках сотрудничества с Европейским (Венским) центром по координации исследований и документации в области социальных наук продолжалась разработка темы «Направления и тенденции культурного развития современного общества: взаимодействие национальных культур». В исследованиях по данной проблеме совместно с Институтом этнографии участвуют научные учреждения ряда социалистических и капиталистических стран (НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР, ЧССР, СФРЮ, Великобритания, Греция, Дания, Италия, Норвегия, Франция). В минувшем году состоялся два рабочих заседания в Венгрии. В работе заседаний принимали участие Ю. В. Бромлей, Ю. В. Арутюнян (Будапешт, март), И. А. Гришаев (Балатональмади, сентябрь).

В рамках деятельности советско-кубинской комиссии по общественным наукам АН СССР и АН Кубы проходила разработка плана по совместной подготовке «Этнографического атласа Кубы». После обсуждения на встречах специалистов в Гаване (октябрь), в которой от Института этнографии участвовал В. В. Пименов, и в Москве (ноябрь) план был утвержден.

Отчетный год явился новым этапом в развитии связей между этнографами и антропологами СССР и СРВ. Для совместных полевых работ по теме «Этническая история народов Вьетнама и современные этнические процессы в СРВ» в декабре 1977 г. во Вьетнам выезжали сотрудники Института А. Н. Лескинен и Г. А. Аксянова.

⁴ Подробнее см.: В. И. Козлов, Д. Трайде. Симпозиум, посвященный исследованию этнических явлений и процессов. — «Сов. этнография», 1978, № 1.

Продолжалось сотрудничество Института с научными учреждениями США (в рамках деятельности двусторонней Комиссии АН СССР и Американского совета познавательных обществ) по проблемам «Взаимодействие культур народов мира. Антрополого-этнографо-археологические аспекты» и «Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое изучение народов и этнических групп с высоким процентом долгожительства». В мае-июне 1977 г. в Москве состоялось первое объединенное заседание советской и американской рабочих групп, посвященное проблеме долгожительства; была выработана предварительная программа исследования. Второе заседание было проведено в США (Нью-Йорк, ноябрь-декабрь). В состав советской делегации от Института вошли А. А. Zubov, А. А. Воронов, В. И. Козлов, Я. С. Смирнова.

Проблеме «Взаимодействие культур мира» было посвящено заседание советских и американских рабочих групп (Москва, июнь), на котором обсуждались советские предложения. В рамках исследования этой проблемы в США был проведен Международный симпозиум «Заселение Нового Света» (Вашингтон, октябрь). На симпозиуме Институт представляли Ю. В. Бромлей, В. П. Алексеев, С. А. Арутюнов, И. С. Гурвич. Симпозиум послужил основанием для определения конкретных форм сотрудничества советских и американских ученых по сравнительному изучению аборигенного населения Сибири и Северной Америки.

Успешно развивается сотрудничество Института с научными центрами Республики Индия. В Западной Бенгалии состоялся советско-индийский симпозиум «Традиционные институты, в процессе модернизации общества: опыт Индии и советских Среднеазиатских республик» (Шантиникетан, февраль-март). От Института в симпозиуме приняли участие Т. А. Жданко и М. К. Кудрявцев⁵. Велась подготовка к запланированному на 1978 г. симпозиуму «Проблемы секуляризации в обществах со многими религиями: опыт СССР и Индии». Соруководитель симпозиума с советской стороны В. Н. Басилов был командирован в Индию для обсуждения вопросов подготовки этого симпозиума (Дели, сентябрь).

Во время переговоров с директором Индийского статистического института проф. Калянпуром (Москва, июль) обсуждалась программа продолжения совместных антрополого-этносоциологических исследований эндогамных групп населения Индии.

Развитию связей с научными учреждениями Индии способствует и активная деятельность Института по подготовке X Международного конгресса антропологических и этнографических наук, который состоится в 1978 г. в Дели.

Продолжалось сотрудничество Института с финскими учеными по проблеме «Этногенез и этническая история финно-угорских народов по данным антропологии и этнографии». В минувшем году было достигнуто соглашение об участии Института в подготовке монографии по этой проблеме совместно с венгерскими и финскими учеными.

Большим событием явилось участие сотрудников Института (Д. Д. Тумаркин, В. Н. Басилов, Е. Н. Кальщиков, В. Н. Шамшуров) в экспедиционных работах 18-го рейса научно-исследовательского судна «Дмитрий Менделеев» в Океании⁶.

В течение минувшего года специалисты Института этнографии участвовали во многих международных совещаниях, созванных для обсуждения различных научных проблем.

Ю. В. Арутюнов и Л. М. Дробизева представляли Институт на состоявшемся в Болгарии Международном симпозиуме «Этнографические аспекты социалистического образа жизни» (Смолян, октябрь). И. Р. Григулевич участвовал в работе Всемирной ассамблеи строителей прочного мира (Варшава, май). В. П. Алексеев выступил с докладом на проведенной в ГДР IX научной конференции «Движущие силы в формировании человека и человеческого общества» (Франкфурт-на-Одере, май).

В Югославию на симпозиум «Научные труды Иована Цвичича» (Белград, ноябрь) был приглашен С. А. Токарев. В. К. Соколова участвовала в IV симпозиуме «Болгарский фольклор» (Смолян, июнь)⁷ и конференции «Связи народных обычаев в области

⁵ Подробнее см.: Т. А. Жданко, М. К. Кудрявцев. Советско-индийский симпозиум в Шантиникетане.— «Сов. этнография», 1977, № 6.

⁶ Подробнее см.: Д. Д. Тумаркин. Новая встреча с Океанией.— «Сов. этнография», 1977, № 6.

⁷ См.: В. К. Соколова. IV Болгарский национальный симпозиум по проблемам фольклора.— «Сов. этнография», 1978, № 1.

Карпат и Балкан» (Братислава, октябрь). С. Я. Серов выезжал в Польшу на международный семинар «Анды-77» (Варшава, ноябрь).

Большое значение для ознакомления зарубежных специалистов с достижениями советской науки имели лекции, читавшиеся за рубежом сотрудниками Института. Так, в Швейцарии (Берн) прочитал цикл лекций С. А. Арутюнов, в ГДР (Лейпциг) — С. И. Вайнштейн, Л. М. Дробижева, А. Б. Спесивовский, в ВНР (Будапешт) — В. Н. Басилов.

Работы сотрудников Института переводятся в издательствах зарубежных стран. Книга Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография» в 1977 г. опубликована в ГДР. Книга Э. В. Померанцевой «Русские народные сказки, рассказанные Корольковой» вышла в свет в Японии. Переведена на венгерский язык и издана в ВНР книга В. П. Алексеева «География человеческих рас». В НРБ переведена брошюра Э. Л. Нитобурга «Борьба черных американцев против расизма, за равноправие». В ГДР готовятся к изданию книги Н. Р. Гусевой «Многоликая Индия» и «Тысячелетия и современность». В различных этнографических изданиях зарубежных стран в минувшем году опубликовано 28 статей сотрудников Института. Советские этнографы активно сотрудничают с международным журналом «Каррент антрополоджи». Способствует пропаганде марксистско-ленинской этнографической науки и публикация работ советских этнографов на иностранных языках, осуществляемая советскими издательствами. Так, в отчетном году в серии «Проблемы современного мира» на английском языке опубликован сборник «Этнография и смежные науки» (отв. ред. Ю. В. Бромлей). Вышел в свет вторым изданием сборник «Расы и народы» на английском языке (отв. ред. И. Р. Григулевич, С. Я. Козлов).

Развитию международных связей способствовала и работа в Институте зарубежных ученых. В отчетном году Институтом было принято 75 специалистов из разных стран мира.

Как и в прошлые годы, Институт продолжал уделять большое внимание научно-популяризаторской работе в самых различных формах. Сотрудники Института опубликовали ряд статей в журналах «Природа», «Наука и жизнь», «Наука и религия», «Знание — сила», «Новый мир», «Вокруг света», в газетах «Московская правда», «Вечерняя Москва», «Советская культура», «Советская Россия» и др.

Э. В. Померанцева выпустила научно-популярную книгу «О русском фольклоре», Э. П. Соколова — «Страна Югория», В. И. Васильев (совместно с Л. И. Гейденрейхом) — «Тундра Канинская», В. А. Вельгус (совместно с И. Э. Циперович) — «Разоблачение божества». В издательстве «Знание» вышла брошюра И. А. Крывелова «Критика религиозного учения о нравственном достоинстве личности». Вышла в свет переведенная на литовский язык книга Н. Н. Чебоксарова и И. А. Чебоксаровой «Народы, расы, культуры». Э. Л. Нитобург опубликовал брошюру «Венесуэла». Институт активно участвует в подготовке научно-популярной серии «Страны и народы».

По телевидению и радио выступали Н. А. Бутинов, Н. Р. Гусева, И. С. Кон, М. В. Крюков, В. П. Курылев, С. Я. Серов, Д. Д. Тумаркин.

Совместно с Министерством просвещения РСФСР и ЦК ВЛКСМ Институт этнографии организовал Всероссийский праздник творчества школьников (Краснодарский край, лагерь «Орленок», июнь-июль), который имел большое значение для пропаганды этнографической науки. В подготовке и проведении праздника приняли деятельное участие Р. Ш. Джарылгасинова и С. Б. Рождественская.

Большую работу по пропаганде этнографических и антропологических знаний провел Музей антропологии и этнографии, который в 1977 г. посетило около полумиллиона человек. Вниманием посетителей неизменно пользовалась посвященная 60-летию Октября выставка, показывающая достижения советских этнографов в области изучения культуры и быта народов СССР, участие ученых в практике социалистического строительства.

В. Н. Басилов

ДЕВЯТАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ОКЕАНИСТОВ И АВСТРАЛОВЕДОВ

23—25 января 1978 г. в Москве состоялась очередная Всесоюзная конференция океанистов и австраловедов¹. В своем вступительном слове заместитель председателя Советского национального Тихоокеанского комитета АН СССР К. В. Малаховский отметил многообразные изменения в Австрало-Океанском регионе, в том числе ожидаемое в этом году предоставление независимости Соломоновым островам, островам Гилберта и Тувалу (островам Эллис).

Как и на предыдущих конференциях, на этой научной встрече была широко представлена этнографическая и смежная с нею проблематика.

Н. А. Бутинов (Институт этнографии АН СССР, Ленинград) выступил с докладом «К истории счета (по тасмано-австралийским и океанским материалам)». По мнению автора, первоначально эталоном в счете был сам человек, а числовой ряд от «одного» до «четырех» отражал половозрастную структуру первобытного социального организма.

В докладе В. Р. Кабо (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) была рассмотрена структура общественного производства у тасманийцев — возможно, единственного этноса, находившегося к началу европейской колонизации на стадии позднего палеолита. Основной социально-экономической ячейкой тасманийского общества была община. Анализ сообщений европейцев, наблюдавших жизнь тасманийцев в XIX в., позволяет выделить также хозяйственную группу, целевую группу и временное объединение общин. По мнению докладчика, на основе этих сообщений можно построить модель, которая, будучи наложена на данные археологии, поможет лучше понять особенности общественного производства в глубочайшей древности.

О. Ю. Артемова (Гос. публ. историч. б-ка, Москва) предприняла в своем докладе попытку показать, что в обществе австралийских аборигенов существовали и постоянно реализовались индивидуальные различия в характерах людей. В связи с этим докладчица полемизировала с распространенным в этнографической литературе мнением, согласно которому в обществе с первобытным укладом жизни индивидуальные характеры как бы нивелируются социальной организацией.

М. С. Бутинова (Гос. Музей истории религии и атеизма, Ленинград) сделала доклад «Личность и религия в Меланезии». Эта тема была раскрыта автором на примере трех жителей островов Адмиралтейства, в судьбах которых нашла яркое отражение религиозная обстановка, существовавшая в Меланезии до второй мировой войны и в послевоенные годы. Первый из них строил свою жизнь по нормам традиционной меланезийской культуры, второй руководствовался нормами европейской культуры, почти полностью отказавшись от обычаев предков, третий пытался сочетать институты обеих культур, в частности традиционные верования и христианство.

В докладе М. В. Крюкова (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) рассматривалась проблема достоверности сведений о первоначальном заселении полинезийских «колоний» (outliers) в Меланезии, которые содержатся в генеалогических преданиях. В качестве примера было взято предание о первозасельщиках о-ва Фила (Новые Гебриды), якобы прибывших в разное время с Самоа. Используя для проверки истинности этого предания местную терминологию родства, которая ни лексически, ни по типологическим особенностям, не совпадает с самоанской, автор пришел к выводу, что нельзя связывать заселение Филы только с миграцией самоанцев. Представляется, что в формировании населения outliers участвовали как отдельные группы, связанные с западной и восточной Полинезией, так и аборигены Меланезии.

Тема доклада К. Ю. Мешкова (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) — «Древние письменности Тихоокеанского бассейна». Автор поднял, в частности, вопрос о донероглифической письменности Японии и выступил против преувеличения роли китайской иероглифики в истории письма народов Тихого океана.

¹ О предыдущих конференциях см.: «Сов. этнография», 1968, № 6; 1969, № 5; 1970, № 6; 1971, № 5; 1974, № 3; 1975, № 3; 1976, № 5.

Три доклада московских сотрудников Института этнографии АН СССР были основаны на полевых материалах, собранных ими в 1977 г. в ходе 18-го экспедиционного рейса научно-исследовательского судна «Дмитрий Менделеев»².

В. Н. Шамшуров рассказал об организации анкетного опроса жителей деревни Бонгу (Берег Маклая) и сообщил некоторые предварительные результаты обработки материалов этого обследования. Как подчеркнул докладчик, опрос позволил в короткий срок получить репрезентативные данные о социальных и культурных изменениях в этой папуасской деревне, что в свою очередь позволяет судить о некоторых общих тенденциях современного развития народов Папуа Новой Гвинеи (ПНГ).

В. Н. Басилов рассмотрел в своем докладе обряд посвящения юношей, который совершается в деревне Бонгу и в наши дни, когда все местные жители считаются христианами. Научная фиксация бонгуанского обряда инициации и его изучение в сопоставлении с аналогичными материалами по другим новогвинейским обществам особенно важны потому, что традиционные папуасские верования и связанные с ними обычаи исчезают или существенно деформируются в современных условиях.

Д. Д. Тумаркин рассказал о посещении островов Хермит, входящих в состав ПНГ. В 1876 г. здесь побывал Н. Н. Миклухо-Маклай. Сопоставление с его наблюдениями позволяет выявить изменения в жизни обитателей этой маленькой островной группы, происшедшие за столетие. Как отметил докладчик, на Хермите наблюдаются многие явления и процессы, характерные для ПНГ в целом (возросшая подвижность коренного населения, важная роль пиджина как языка межэтнического общения, закат классического миссионерства, уход «белых» плантаторов и др.).

Значительный интерес для этнографов представляют некоторые доклады, сделанные на конференции историками и литературоведами. Так, Н. Б. Лебедева (Ин-т востоковедения АН СССР) проанализировала коммуналистские тенденции в социально-политическом развитии Фиджи накануне предоставления этой стране независимости и в современный период. В отличие от Индии, где основу коммунизма легли религиозно-общинные факторы, на Фиджи он связан с наличием двух противоборствующих этнокультурных общностей — фиджийской и индийской. Как подчеркнула докладчица, коммунизм, возникший в условиях колониального режима, повсеместно продолжает играть реакционную роль, препятствует назревшим преобразованиям.

Ряд этнокультурных проблем был затронут в докладе Л. Н. Еремина (МГУ) «Дискуссия о национальном автостереотипе в Австралии». Автор отметил проявление в этой дискуссии идеологии национализма и расизма.

С докладом «Тенденции политики австралийского правительства в области культуры (1945—1975)» выступила А. С. Петриковская (Ин-т востоковедения АН СССР). Анализ этой политики показывает, что австралийское буржуазное государство в послевоенные десятилетия было вынуждено в ряде случаев уступать требованиям передовых демократических слоев общества, ибо они выражали абсолютную необходимость прогресса материального производства и духовной культуры. Но при этом государство все более проявляло свою сущность как орудие монополий, обеспечивая их интересы в подготовке кадров и организации научных исследований, содействуя «культурному бизнесу» и устанавливая идеологический контроль над всеми видами культурной деятельности.

Три доклада сотрудников Института востоковедения АН СССР были посвящены современным экономическим и политическим проблемам: В. И. Иванов рассмотрел динамику внешнеэкономических связей капиталистических государств на Тихом океане, И. И. Василевская сосредоточила внимание на японо-австралийских отношениях, а В. М. Андреева остановилась на потенциальных возможностях развития Северо-Запада Австралии.

А. Я. Массов (Ленинградский кораблестроительный ин-т) выступил с докладом «Захват Австралий юго-восточной части Новой Гвинеи в 1883—1884 гг. (К вопросу об особенностях зарождения австралийского колониализма)».

Сотрудники Иркутского Гос. университета сделали на конференции доклады по истории Новой Зеландии: Л. П. Савельева рассказала о первых европейских поселениях в этой стране, а В. П. Олтаржевский охарактеризовал основные этапы эволюции новозеландской внешней политики.

К. Ю. Бем (Ин-т востоковедения АН СССР) представил доклад «Японо-германские отношения в период второй мировой войны».

Различные этапы литературного процесса в Австралии были освещены в докладах М. Г. Андреевой (Московский Гос. пед. ин-т) и Л. М. Касаткиной (МГУ). И. В. Головина (Московский Гос. пед. ин-т иностранных языков) проанализировала творчество австралийской писательницы Г. Ричардсон. Дж. Г. Мчедlishvili (Бакинский Гос. ун-т) сделала доклад «Джозеф Ферфи и австралийский колониальный роман».

На конференции были продемонстрированы две новые работы студии Центрнаучфильм: полнометражная кинокартина «Австралия: города и люди», снятая Д. Р. Гасюком и Б. В. Головной, а также фильм «Под звездами Южного Креста» — киноочерк о

² О работе этнографов в этом рейсе см.: Д. Д. Тумаркин. Новая встреча с Океанией. — «Сов. этнография», 1977, № 6.

ПНГ, который сняли участники экспедиции на «Дмитрии Менделееве» В. Г. Рыклин и А. Н. Попов.

Тезисы большинства докладов участников конференции опубликованы в «Информационных сообщениях» Советского национального Тихоокеанского комитета АН СССР (1978, №№ 1—2).

Д. Д. Тумаркин

VII ВСЕСОЮЗНЫЙ СЕМИНАР МУЗЫКОВЕДОВ-ФОЛЬКЛОРИСТОВ

С 3 по 13 октября в Доме творчества композиторов «Репино» проходил VII Всесоюзный семинар музыковедов-фольклористов «Состояние и перспективы развития советской музыкальной фольклористики», организованный Всесоюзной комиссией по народному музыкальному творчеству Союза композиторов СССР (ВКНМТ).

В работе семинара приняли участие более 50 музыковедов-фольклористов из союзных и автономных республик страны, Москвы и Ленинграда. На пленарных заседаниях было заслушано 33 доклада, тематика которых группировалась вокруг таких актуальных вопросов, как состояние и перспективы развития фольклористической науки в республиках, современные методы исследования музыкального фольклора, фольклор и современность, пропаганда народного творчества, подготовка кадров музыковедов-фольклористов и ряда других, более частных моментов.

Включение в программу семинара такого широкого круга научно-теоретических и организационно-практических проблем было вызвано тем, что в отличие от предыдущих семинаров на встрече в «Репино» решено было подвести итоги деятельности комиссии за пять лет, прошедшие с момента ее основания.

Открылся семинар докладом заместителя председателя комиссии Э. Е. Алексеева (Москва) «Советская музыкальная фольклористика за 60 лет. Итоги, состояние, перспективы». В специальном разделе его освещались результаты деятельности ВКНМТ за пять лет. Всесоюзная комиссия по народному музыкальному творчеству, сказал докладчик, была призвана координировать работу республиканских фольклорных комиссий и секций в системе Союза композиторов, а также отдельных музыковедов-фольклористов на местах. Однако регулярное проведение мероприятий, направленных на активизацию творческих контактов между фольклористами страны, способствовало привлечению к ним широкого круга специалистов, работающих в учреждениях Академии наук, высших учебных заведениях и институтах культуры, в Домах народного творчества, на радио, телевидении, в издательствах и т. д. Сейчас с комиссией сотрудничает значительное число фольклористов-музыковедов и представителей смежных специальностей (филологи, социологи, искусствоведы, хореографы, кинематографисты, редакторы фольклорных редакций радио, телевидения и издательств, работники музеев и пропагандисты народной музыки) из всех союзных и автономных республик страны.

Докладчик указал также на то, что комиссия регулярно проводит семинары молодых фольклористов, призванные повысить профессиональный уровень начинающих ученых, тематические семинары, пленарные заседания, конференции и дискуссии за «круглым столом» по наиболее актуальным научным проблемам, ежегодные отчетно-экспедиционные сессии и музыкально-этнографические концерты. Совместно с научными и общественными организациями ВКНМТ осуществляет межреспубликанские комплексные фольклорные экспедиции.

Большое место в ее деятельности отводится работе с издательствами. Совместно с издательством «Советский композитор» осуществляется выпуск периодического сборника «Музыкальная фольклористика» и сборников народных песен в серии «Из коллекции фольклориста», а в содружестве со Всесоюзной фирмой «Мелодия» и Всесоюзной студией грамзаписей — грампластинок народной музыки. По материалам конференций, проведенных комиссией, в издательствах академий наук Армянской и Казахской ССР выпущены в свет сборники «Социологические аспекты изучения музыкального фольклора» и «Вопросы каталогизации музыкального фольклора».

Однако, как указал далее Э. Е. Алексеев, многие насущные вопросы развития современной советской музыкальной фольклористики остаются еще нерешенными, поэтому на семинаре необходимо выяснить, какими должны быть пути дальнейшего расширения деятельности ВКНМТ.

С развернутым докладом «Методология современной советской фольклористики» выступил член бюро ВКНМТ В. Е. Гусев (Ленинград). Он отметил, что советская фольклористика складывалась в трудных, но плодотворных исканиях новых научных методов исследования народного художественного творчества и ее опыт заслуживает внимательного и объективного рассматривания и обобщения. В отличие от буржуазной советская фольклористика исходит из марксистско-ленинских методологических пред-

посылок, основными из которых являются: 1) признание обусловленности возникновения и развития фольклора объективными условиями исторического развития человеческого общества; 2) признание творческих способностей самих народных масс, создающих свою художественную культуру; 3) понимание фольклора как специфической формы духовной культуры, обладающей собственными внутренними закономерностями развития. Историко-социологический метод является поэтому для советской фольклористики универсальным и генерализирует все другие специальные методы и методики. Методология советской фольклористики не сводится к какому-либо одному методу, а представляет собой систему историко-типологического, генетического, контактного и других методов. Каждый из них имеет свои границы и именно в их пределах оказывается наиболее эффективным, поэтому вопрос о преимуществах того или иного метода должен решаться не путем абстрактных и априорных рассуждений, а проверкой каждого из них на конкретном историко-фольклорном материале. Более того, сказал докладчик, учитывая сложную историческую эволюцию фольклорных жанров и полифункциональность фольклора, возможно комплексное применение различных методов исследования, на стыке которых уже сейчас появляются новые направления научного поиска (структурно-типологические, семиотические и другие методы).

Два других доклада, заслушанные в первый день работы семинара, также носили обобщающий характер. Выступление Л. Н. Лебединского (Москва) было посвящено современному этапу развития советской музыкальной фольклористики, а доклад Л. Л. Христиансена (Саратов) — актуальному вопросу бытования современного фольклора — проблеме взаимоотношения самодетальной песни и народного творчества.

Л. Н. Лебединский подчеркнул, что при всех успехах, которых достигла музыкальная фольклористика, она развивается в разных республиках неравномерно, многие теоретические ее вопросы разработаны недостаточно. Это прежде всего проблема музыкальных жанров, вопросы методики целостного анализа фольклорных явлений, типология национальных музыкальных языков и целый ряд других. Докладчик указал, что необходимо всячески поощрять научные работы, освещающие историю фольклора и фольклористики. В области собирательской деятельности предстоит еще посетить многие необследованные районы, разработать более тонкую методику полевых исследований, добиться оснащения экспедиций современной звукозаписывающей и киносъемочной аппаратурой. Много еще предстоит сделать и в области каталогизации и систематизации фольклорных записей, а также подлинно научного издания образцов музыкального фольклора. Остро стоит вопрос и о нормализации условий хранения фонограмм.

Л. Л. Христиансен осветил сложные и многообразные связи, в которых находятся сегодня профессиональное, самодетальное и любительское творчество, и подробно остановился на таком новом явлении современного музыкального быта, как так называемая «своя песня». Ее соотношение с другими формами творчества, как и процессы ее фольклоризации, должны изучаться фольклористами, так как без углубленного анализа всех ее сторон, без внимания к ней специалистов-музыковедов невозможно ни научное, ни практическое освоение этих массовых форм народного творчества.

Проблемы, поставленные в этих четырех докладах, легли в основу выступлений и дискуссий, проходивших в течение 10 дней работы семинара.

С сообщениями по теме «Состояние и перспективы развития фольклористической науки в республиках» выступили Р. С. Абдулаев (Ташкент), Р. А. Атаян (Ереван), Н. Н. Абубакирова (Ашхабад), З. З. Винокурова (Якутск), Б. Х. Гусейнли (Баку), Д. С. Дугаров (Улан-Удэ), Б. И. Каракулов (Алма-Ата), М. Н. Нигмедзянов (Казань), З. М. Таджикова (Душанбе).

Доклады Б. М. Путилова (Ленинград) «Этнографический подход к изучению фольклора», Б. Я. Котлярова (Кишинев) «Фольклор и исполнительское искусство», И. В. Мациевского (Ленинград) «Основные тенденции в исследованиях народно-инструментальной музыки в СССР за 60 лет» были посвящены вопросам, связанным с методологией изучения музыкального фольклора. Эстонские ученые У. Э. Липпус, И. Н. Рюитель и М. Н. Реммель (Таллин) выступили с серией сообщений о возможностях моделирования как метода изучения и описания мелодической и ладовой структур в музыкальном фольклоре; а доклады А. А. Банина (Москва) и М. А. Брутян (Ереван) касались проблем сравнительного анализа мелодий.

Группа сообщений освещала современные формы бытования музыкального фольклора. О. Матякубов (Ташкент) говорил о состоянии узбекской профессиональной музыки устной традиции на современном этапе, Б. М. Малицкая (Москва) — о музыкальном фольклоре в художественной самодетальности (опыт и проблемы); В. А. Матвиенко (Киев) — о фольклоре и молодежи, И. В. Мациевский — о влиянии на традиционный фольклор вторичных форм бытования, Н. Л. Котикова (Ленинград) — о репертуаре народных хоров, Л. О. Короткова (Ленинград) — о народном костюме в ансамблях народной музыки.

Специальное пленарное заседание было посвящено обсуждению типов публикаций музыкального фольклора в СССР, формам создания новых и сохранения уже существующих фольклорных фондов. Начиная с докладов выступили Н. М. Бачинская (Москва), В. В. Коргузалов (Ленинград), Т. В. Попова (Москва).

Кроме пленарных заседаний, во время которых были заслушаны и обсуждены эти доклады, на семинаре проходили секционные заседания. В их задачу входило прове-

дение дискуссий по трем кардинальным темам: «Насущные задачи фольклористики в республиках», «Проблемы подготовки кадров музыковедов-фольклористов» и «Задачи и средства пропаганды фольклора». Работа секций позволила провести плодотворные обсуждения этих вопросов за «круглым столом». Руководители секций выступили здесь с развернутыми докладами, а все участники семинара приняли активное участие в дискуссиях, результаты которых были отражены в специальных резолюциях.

Во время подведения итогов семинара все участники единодушно отмечали большую роль Всесоюзной комиссии по народному музыкальному творчеству в деле сплочения ведущих сил советской музыкальной фольклористики, разносторонность и продуктивность ее деятельности, высокий научный уровень самого семинара, переросшего рамки узкоспециального мероприятия и приблизившегося по значению к пленарной сессии комиссии. Были высказаны пожелания, чтобы прозвучавшие на семинаре доклады и материалы дискуссий за «круглым столом» стали достоянием широкой общественности, так как они представляют несомненный интерес не только для музыковедов-фольклористов, но и для композиторов, музыковедов-теоретиков, работников культуры, а также для представителей смежных научных дисциплин (филологов, этнографов, социологов).

Е. С. Новик

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В соответствии с планом комплектования музейных фондов с 12 июля по 15 августа 1977 г. в Удмуртской АССР работала совместная этнографическая экспедиция Удмуртского республиканского краеведческого музея (Ижевск) и Государственного этнографического музея Эстонской ССР (Тарту). В состав экспедиции (10 человек) входил директор Гос. этнографического музея ЭССР А. Ю. Петерсон, студенты Удмуртского государственного университета и учащиеся Шабердинской восьмилетней школы Завьяловского района Удмуртской ССР, руководитель экспедиции — заведующая досоветским отделом Удмуртского республиканского краеведческого музея С. Х. Лебедева.

Цель экспедиции — изучение и приобретение народной одежды, запись обрядов и обычаев, связанных с ней, изучение жилищ, выявление традиционных и современных черт в народных постройках.

Экспедиция обследовала 10 населенных пунктов Завьяловского р-на (дер. Шабердино, где была стационарная стоянка, с. Люк, деревни Люкшудья, Чужьялово, Старый и Новый Сентек, Починки, Майский, Михайловский, Вознесенский). Были совершены однодневные выезды в дер. Пуро-Можга Мало-Пургинского и в Сосновку Шарканского районов.

Исследованный район — территория бывшей Люкской волости Сарапульского уезда Вятской губернии. В настоящее время здесь расположены колхоз «Урал» и совхоз «Шабердинский» — пригородные хо-

зяйства, специализирующиеся на мясо-молочном животноводстве и выращивании овощей.

Собранный этнографический материал позволяет сделать следующий вывод: на материальную культуру удмуртов Люкского куста большое влияние оказал город — это прослеживается в одежде, во внутреннем убранстве жилища, в постройках, в их архитектурном оформлении.

Мужская одежда в данном кусте в настоящее время совершенно не отличается от городской. Большинство женщин-колхозниц в праздники предпочитают носить национальную одежду. На свадьбы шьют специальные рубашки и фартуки из ярких атласа и сатина, надевают нагрудные и шейные украшения из серебряных монет (*гурул, чертывесы*), которые передаются по наследству.

Большинство обследованных деревень имеют уличную планировку с двусторонней и радиальной застройкой. Дома срубные, кирпичные, крупноблочные с двускатной крышей.

Членами экспедиции было опрошено около 40 информаторов, составлено 27 описаний отдельных моментов свадьбы, проводов в армию, земледельческих обрядов, произведена запись на магнитофонную ленту жанровых песен (375 м), заснято 520 кадров черно-белой и цветной фото пленки, сделано 100 рисунков, 10 планов и профильных разрезов для Удмуртского республиканского краеведческого музея. В фонды музея поступили также 458 чер-

но-белых фотографий от Прийт Хермас и 200 экспонатов от Э. Г. Бабкина.

В фонды Государственного этнографического музея ЭССР поступили 182 экспоната, 360 фотографий, 42 диапозитива, 77 рисунков и планов.

С. Х. Лебедева, А. Ю. Петерсон

* * *

В июле 1977 г. в Новосибирской области работал Барабинский отряд Западносибирской историко-этнографической экспедиции Омского государственного университета. Основная группа отряда (11 студентов исторического факультета ОмГУ, руководитель — В. Б. Богомолов) собирала материал среди барабинских татар в Венгеровском, Чановском, Куйбышевском и Барабинском районах.

Главное внимание было уделено сбору материалов по орнаменту барабинцев, с помощью которых можно было бы завершить создание целостной картины развития орнамента в XIX—XX вв. Полевое исследование проводилось по вопроснику, методом непосредственного наблюдения, путем бесед с мастерами преклонного возраста. Собраны разнообразные сведения о традиционных технических приемах орнаментации различных материалов (технике ткачества шерстяных безворсовых ковров, валянии войлочных кошм, видах штампа и накола по бересте, приемах нанесения орнамента на глиняную посуду и др.), о специальной терминологии, о связях с художественной культурой соседних народов.

Собранные данные свидетельствуют о сложности формирования орнамента барабинских татар и выявляют как самообытные, так и общие черты его с народным прикладным искусством народов Сибири и Средней Азии.

Участники экспедиции продолжили начатый в прошлые годы сбор материала по фольклору, домусульманским верованиям,

народной медицине, хозяйственным занятиям барабинских татар. Работа проводилась по тематическим программам.

Записанные легенды о богатырях, войнах с казахами, происхождении различных групп барабинцев дают новые данные для выяснения их этнического состава. Часть зафиксированных преданий отражают древние верования барабинских татар. Они повествуют о хозяине дома (*уэзе*), лесном духе (*шурале*), хозяйке воды (*суонасе*), ведьме (*пичен*), куклах (*каурчак*), которым поклонялись барабинцы. Описаны приемы изготовления этих кукол.

По теме народная медицина собран гербарий лекарственных растений. Значительно пополнились сведения о знахарях, лекарственных травах, способах лечения различных болезней и ран.

Из хозяйственных занятий наиболее подробно изучались охота и рыболовство, которые играли важную роль в жизни барабинцев. Фиксировались орудия труда, виды ловушек, приемы охоты в зимнее и летнее время.

Вторая группа отряда (4 студента исторического факультета ОмГУ, руководитель — студентка IV курса О. М. Провоторова) работала среди казахов Чановского и Барабинского районов, продолжив сбор данных по традиционной и современной культуре казахов Южной Сибири, начатый в 1975 г. В ходе полевых исследований получены материалы по планировке поселений, жилищу, хозяйственным занятиям, одежде, фольклору, межэтническим отношениям и т. д.

Полевые материалы оформлены в виде записей, схем и рисунков. За время экспедиции было отснято 12 черно-белых и цветных фотопленок. Участники экспедиции приобрели ювелирные украшения, мужскую и женскую одежду, ковры, берестяную посуду, седла — всего 68 предметов. Этнографическая коллекция и полевые материалы поступили в музей археологии и этнографии Омского государственного университета.

В. Б. Богомолов

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

И. А. Крывелев. История религий, т. 1. М., 1975, 415 с.; т. 2, М., 1976, 423 с.

Выход в свет двухтомного исследования по истории религий И. А. Крывелева представляется событием незаурядным в марксистской религиоведческой литературе. Нельзя пожаловаться на отсутствие марксистских работ по самым различным вопросам, касающимся отдельных религиозных культов, однако из обобщающих трудов по всем религиям в целом можно назвать только книгу С. А. Токарева «Религия в истории народов мира». О том, что такая книга крайне необходима читателю, как советскому, так и зарубежному, говорит тот факт, что она за сравнительно короткий срок вышла большим тиражом тремя изданиями¹ и была переведена во многих странах. Однако, при всех несомненных достоинствах монографии С. А. Токарева, в ней основное место занимает описание племенных культов и национально-государственных религий прошлого и только 100 страниц из 575 отведено мировым религиям — буддизму, христианству и исламу, причем собственно историческому развитию и современному состоянию этих культов отведено весьма скромное место.

По иному принципу построена работа И. А. Крывелева. Она посвящена трем мировым религиям — христианской, буддистской и мусульманской. Раскрытию основных моментов истории мировых религий автор предпосылает две главы более общего характера: о происхождении религии в первобытном обществе и о некоторых проблемах истории древних религий Средиземноморского бассейна, что позволяет ему показать читателю исторические корни догматики и культовой практики мировых религий.

Автор строго придерживается исторического принципа. Он прослеживает зарождение исследуемой религии, затем ее эволюцию. Увязывая эволюцию религии с изменениями условий жизни человека и общества, автор вскрывает земные корни верований. Это вовсе не значит, что он идет по пути упрощенчества и вульгарного социологизма. Не ставя знака равенства между религиозными системами и воззрениями и общественными отношениями, И. А. Крывелев стремится выявить связь между первыми и экономическим базисом. Разгадка религиозных тайн лежит не на небесах, а на земле. Этот марксистский постулат позволяет автору лишить религию ореола сверхъестественности, обнажить ее реальное, земное происхождение и обличье и тем самым доказать несомненное превосходство подлинно научного материалистического понимания и объяснения всех явлений природы и общества.

Следует отметить, что в буржуазной научной литературе нет книг, аналогичных исследованию И. А. Крывелева. Буржуазные религиоведы в обобщающих трудах, как правило, не выходят за рамки проблем, связанных с первобытными и государственными культами древних обществ (Египет, Греция, Рим и т. д.). Таковы старые работы С. Рейнака, А. Мензиса, Д. Грант-Аллена, одно из первых коллективных исследований по истории религии под редакцией Д. П. Шантейи-де-ля-Соссей и современные труды А. Анвандера, Г. Рингрена и Стрема и других. В известной мере этим же недостатком страдают и «Очерки по истории религии» итальянского марксиста А. Донини, хотя в них, кроме христианской религии рассматриваются буддизм, конфуцианство и мусульманство². Разумеется, написание истории религий, а тем более с марксистских позиций, дело не только трудоемкое, но и очень сложное. Оно требует огромной эрудиции, знания источников, специальной философской, исторической, этнографической, социологической, психологической, а также апологетической литературы. Оно требует умения, которым владеет далеко не каждый ученый, слить, связать все эти знания в одно гармоничное целое, синтезировать их, с тем, чтобы воссоздать подлинно объективную картину возникновения религиозных культов, выявить закономерность их эволюции, раскрыть их взаимосвязь и т. д. Сделать это отнюдь не просто, учитывая, что возникновение религиозных культов и их эволюция — процесс исключительно многогранный. При его изучении легко либо впасть в упрощенчество, обьявив всякую религию выдумкой и обманом, либо удариться в другую крайность: запутаться в ее сложностях, попытаться извлечь некое «рациональное зерно» из религиозного учения, выявить нечто «извечное» в религиозном мышлении, будто бы органически присущее человеку, не имеющее якобы «земных кор-

¹ С. А. Токарев. Религия в истории народов мира (изд. 3-е). М., 1976.

² На русском языке книга А. Донини вышла под названием «Люди, идолы и боги» (М., 1966).

ней» — заблуждения, свойственные не только апологетам религии, но и многим ее буржуазным исследователям и критикам, а также всякого рода оппортунистам, пытающимся примирить или, точнее, объединить религию с марксизмом. Легко пасть и в описательство или поверхностный историзм, игнорируя связь социально-экономических факторов с явлениями религиозного порядка, зависимость церковных учреждений и институтов от характера общественно-экономических формаций — ошибка, свойственная большинству буржуазных ученых, которые рассматривают историю религий в отрыве от истории общества.

Всех этих недостатков удалось избежать автору рецензируемого издания. Этнограф и историк-религиовед, И. А. Крывелев известен многочисленными работами, связанными с марксистской трактовкой Библии, ее происхождения, а также книгами, где анализируется отношение классиков марксизма-ленинизма к религии и церкви. Все это говорит о том, что И. А. Крывелев был подготовлен к созданию данного труда.

Заслуживают внимания в первую очередь теоретические и методологические принципы, лежащие в основе исследования И. А. Крывелева. Анализируя понятие «религия», автор отмечает, что оно состоит из следующих разнородных компонентов: церковь как общественный институт, объединяющий на специфически религиозной, а нередко и на более широкой почве людей, считающих себя приверженцами данной религии или выдающих себя за таковых; культ — совокупность религиозно-магических действий, выполняемых в соответствии с каноническими установлениями данной религии под контролем и руководством церкви; верования и представления, составляющие систему догматов или в простейших случаях — мифологию данной религии; специфические эмоциональные переживания, связанные с верованиями и культом соответствующей религии; нормы нравственности, получившие независимо от своего действительного происхождения оправдание и освящение в системе догматов данной религии (т. 1, стр. 10).

Определяющим специфику религии, по мнению автора, и с этим нельзя не согласиться, является третий элемент, а именно — верования и представления о сверхъестественном.

Одна из особенностей религиозных культов, выдаваемых богословами за «вечные», «неизменные» — это их временность и изменчивость. Боги рождаются, живут и умирают. Жизнь богов, как и сотворивших их людей, полна превратностей, с течением времени они меняют свое обличье, теряют старые черты, приобретают новые. Эволюционируют и религиозные системы, от них отпочковываются другие. Меняются догмы. Церковные апологеты, как правило, не в состоянии вразумительно объяснить причины таких изменений. Эти причины позволяет выявить лишь марксистский классовый анализ. Проследившая, как религия окрашивает в определенные тона все мировоззрение верующего человека, И. А. Крывелев напоминает, что религиозные верования меняются прежде всего вследствие изменения действительной жизни, фантастическим отражением которой эти верования являются. «Как бы ни было фантастично религиозное зеркало, в котором отражается содержание общественного бытия», — пишет автор, — изменение последнего не может не вызывать изменений в самом отражении. Несмотря на консерватизм религиозной идеологии, постепенно и боги приобретают другой вид, и их образ жизни оказывается совсем другим, и обстановка в сверхъестественном мире представляется людям иной» (т. 1, стр. 13).

В книге подробно рассматривается вопрос о происхождении религии. Ее возникновение было неизбежно. Невозможность коренилась в тяжелых условиях жизни первобытного человека, в порождавшемся этими условиями постоянном нервно-эмоциональном напряжении, тормозившем разумную деятельность, в стремлении к самообнадеживанию и самоуверждению. Однако религия — вовсе не врожденное свойство «разумного человека». Религиозные иллюзии и связанные с ними культы появляются только тогда, когда человеческое сознание достигает такого уровня развития, при котором воображение в состоянии создавать религиозные фантастические структуры.

Шаг, совершенный «разумным человеком» от безрелигиозности к религии, означал огромный скачок в его жизни. Религия — это первая система взглядов, созданная человеком, первая форма идеологической надстройки над социально-экономическим базисом общества. Но в то же время «разумный человек», изобретая ее, как бы попал к ней в плен, сделался ее рабом. Вся последующая история человека — это сперва неосознанное, а потом осознанное стремление высвободиться из этого плена, обрести свободу, заменить иллюзорное, фантастическое, искаженное представление о себе и окружающем мире материалистическим пониманием, основанным на научном доказательстве и анализе.

Опровергая утверждения церковников о якобы положительном влиянии религии на первобытного человека, И. А. Крывелев пишет: «Религия давала человечеству иллюзию относительной безопасности, обесцениваемой помощью дружественных сверхъестественных сил. Но иллюзия не могла правильно ориентировать человека в его жизнедеятельности: он переставал бояться там и тогда, где и когда страх был совершенно обоснован и побуждал бы человека к спасительным действиям. И наоборот, религия порождала у него страх перед враждебными, сверхъестественными силами и этим опять-таки сбивала его с пути целесообразного поведения. Она угнетала его сознание и держала в страхе и подавленности. Если первобытный человек оказывался в состоянии избежать опасностей и ловушек, на каждом шагу расставленных перед ним природой и враждебными социальными силами, то не благодаря тому, что он „открыл“ религию, а вопреки

этому, преодолевая ее дезориентирующее влияние. Развитие познания в первобытном обществе тоже стимулировалось не фантастическими представлениями религии и не магическими «экспериментами», а потребностями жизни и практики. Если первобытный человек двигался по пути технико-экономического и социального прогресса, то лишь потому, что стихийно-материалистическая направленность его жизнедеятельности позволяла ему преодолевать мертвящее влияние давивших на его сознание религиозных призраков» (т. 1, стр. 50—51).

Буржуазные религиоведы, вторя церковникам, утверждают, что религия развивалась от многобожия (политеизма) к единобожию (монотеизму). И. А. Кривелев доказывает, что монотеизма фактически не существовало и не существует. Верующий любого культа признает существование множества сверхъестественных существ, хотя может поклоняться только «высшему» из них. Для определения такого состояния автор использует термин «однобожие» (энотеизм). Автор вводит новое понятие — «супремонеизм», исходящее из наличия в каждой религии политеистического пантеона, в котором один из богов считается «единственным» и верховным, подчиняющим себе остальных. Аргументация автора убедительна, хотя, по-видимому, могут быть исключения, не соответствующие предлагаемой им схеме.

Восемь глав рецензируемой работы посвящены христианству. В них рассматриваются эсхатология христианского культа, различные этапы его становления, приспособление к условиям раннего феодализма, внутрицерковная борьба, разделение церквей на Восточную и Западную, крестовые походы, борьба церкви и светской власти за преобладание, формирование официального богословия, еретические движения, деятельность инквизиции.

Автор объясняет причины появления протестантизма, его богословские принципы, различные течения в нем, контрреформацию, отношение христианских культов к успехам естествознания.

В исследовании освещена история христианизации восточных славян и образования русской православной церкви. Автор анализирует роль церкви в истории средневековой Руси и такие вопросы, как роль церкви в феодально-княжеских междоусобицах, ее отношение к монголо-татарскому игу, к централизации Русского государства. Особое внимание уделено антицерковным движениям и внутрицерковной борьбе.

В главах, относящихся к новому и новейшему времени, рассматривается христианство в период буржуазных революций, взаимоотношения православной церкви с государством в России в XVII и XVIII вв., в частности образование и эволюция старообрядчества.

Исследование христианства заканчивается анализом его вероучения в условиях научного прогресса XIX — начала XX в.

Три главы посвящены исламу. И. А. Кривелев прослеживает место ислама и его эволюцию до начала XX в. включительно. Такие разделы, как государственно-политические позиции ислама в XVI—XVIII вв.; ислам в условиях развития буржуазных отношений на Ближнем Востоке; панисламизм и модернизация ислама в конце XIX — начале XX в. и ислам в царской России, несомненно, привлекут внимание читателя, интересующегося судьбами этой религии.

Столь же содержательна и глава рецензируемого труда, посвященная возникновению и основным этапам эволюции буддизма.

И. А. Кривелев отвергает широко распространенное среди специалистов мнение, согласно которому буддизм является не религией в традиционном понимании этого термина, а этической системой или атеистической религией. Такая трактовка буддизма, по словам автора, вытекает из непонимания того, что этика в нем имеет религиозную основу, ибо ее нормы якобы санкционированы повелениями сверхъестественных сил (т. 2, стр. 302).

Размеры рецензии не позволяют подробно остановиться на отдельных разделах монографии И. А. Кривелева. Но необходимо отметить еще одно ее немаловажное достоинство — обилие и многообразие материалов, использованных автором. Это и священные тексты, и комментарии к ним богословов и религиоведов самых различных направлений, и исторические исследования — классические и новейшие. Автор свободно ориентируется в отечественной и зарубежной литературе. Монография, скромно названная «Очерками», в высшей степени полемична, направлена своим острым против разного рода богословских теорий и буржуазных антинаучных концепций истории религий. Скрупулезно анализируя всю сумму исследуемых фактов, И. А. Кривелев опровергает точки зрения своих противников. Он последовательно придерживается марксистско-ленинского учения о религии, которая была и остается, говоря словами В. И. Ленина, «пустоцветом, растущим на живом дереве... человеческого познания»³.

Разумеется, в такой большой работе встречаются спорные места и фактические неточности. Рассмотрим некоторые из них. Хотя монография посвящена анализу мировых религий, следовало бы уделить в ней больше внимания локальным культам, на фоне которых и развиваются мировые религии. Заслуживала бы более подробного анализа и религия древнего Израиля, которая рассматривается только в ее взаимосвязи с христианством. Автор правильно, на наш взгляд, датирует евангелие второй четвертью

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 322.

II в., однако в примечании (т. I, стр. 191) евангелие почему-то датируется второй половиной II в. Ошибочна датировка получения Русью митрополита Феофемпта 1037 годом (в литературе начало его деятельности относят к 1038 году).

Однако все эти и другие не отмеченные нами мелкие неточности не снижают высокой оценки книги. Институт этнографии АН СССР и Институт научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, под грифом которых вышла эта работа, совершили полезное дело, способствуя ее публикации. Не только специалисты, а все, кто интересуется вопросами религии, прочтут с интересом и пользой работу И. А. Кривелева. В этом известная заслуга и издательства «Мысль». О том, что рецензируемая книга очень нужна, говорит хотя бы ее молниеносное исчезновение с прилавков книжных магазинов. Очевидно, ее тираж (50 тыс. экз.) оказался заниженным. Вызывает удивление то обстоятельство, что издательство «Мысль» сочло возможным дать исследование И. А. Кривелева в урезанном виде, сократив его более чем наполовину (со 110 авторских листов до 44). Мне, как члену Ученого совета Института этнографии АН СССР, утверждавшему работу И. А. Кривелева к печати, пришлось читать ее в рукописи. Ознакомившись теперь с ее печатным вариантом, могу только выразить глубокое сожаление, что читатель лишился исключительно ценного и полезного материала. Если соблюдение разумных норм необходимо повсюду, то в издательском деле просто недопустим шаблон и сокращение рукописи только на том основании, что она показалась «слишком длинной». Ведь такие монографии, как исследование И. А. Кривелева, не создаются ежегодно. Смело утверждаю, что пройдут десятилетия, прежде чем у нас появится другая работа такого же плана и масштаба.

Исследование И. А. Кривелева важно не только для нашего, но и для зарубежного читателя. Не сомневаюсь, что, как и монография С. А. Токарева, оно будет переведено на многие языки и появится во многих странах. Вот почему книгу И. А. Кривелева не следовало урезать столь радикально. Погоня за экономией бумаги привела к тому, что в таком монументальном труде отсутствует критическая оценка источников, нет библиографии, нарушены пропорции в освещении основных сюжетов и имеются другие недостатки.

Труд И. А. Кривелева доведен до начала XX в. Надеюсь, что автор сможет закончить свое исследование томом об особенностях мировых религий в наше время. Что же касается издательства «Мысль», то пожелаем ему переиздать сочинение И. А. Кривелева в полном объеме.

И. Р. Григулевич

Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография. М., 1976, 263 стр.

В предисловии к рецензируемой книге В. Д. Королюк (отв. редактор) и Е. П. Наумов сообщают читателям о большой работе и планах Сектора древней истории и средних веков Института славяноведения и балканистики АН СССР. Этот сборник — его первая публикация по широкой проблематике этногенеза народностей Юго-Восточной Европы. За ним должны последовать и другие издания, касающиеся комплексных проблем этногенеза славянских и соседних народов в основном в эпоху средневековья.

Рассматриваемый сборник носит подзаголовок «Методология и историография». Столь ответственная задача, поставленная авторами, вызывает особый интерес к этому изданию.

Критический анализ состояния проблемы и острая постановка методологических вопросов содержатся в статье В. Д. Королюка «К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев». Так, автор обосновывает вывод о том, что комплексное изучение вопросов этногенеза должно предполагать «не столько прямое сопоставление данных лингвистики, археологии, антропологии и письменных источников, сколько сопоставление получаемых в результате их изучения реконструкций (разрядка наша.— В. К., Я. Ч.)» (стр. 24). В. Д. Королюк особо подчеркивает эту мысль, поскольку методология исследования этногенеза по данным отдельных дисциплин еще слабо разработана. Так, например, он указывает на противоречие между картиной праславянского общества, как она вырисовывается по лингвистическим материалам, и его изображением в первых письменных источниках. Очевидно, говорит автор, «сопоставлению в данном случае должен предшествовать заново проведенный анализ данных языка» (стр. 25). Аналогичная методологическая задача стоит также перед археологами и историками. «Для будущего наших этногенетических исследований», — пишет В. Д. Королюк, — в связи со сказанным выше, очень большую роль должна сыграть организация равномерно, по возможности синхронно развивающихся разработок во всех возможных направлениях — археологическом, историческом, лингвистическом, этнографическом, даже историко-географическом и историко-социологическом. Только максимальное приближение к теоретически возможным синхронным исследовательским усилиям способно обеспечить действительную комплексность этногенетических исследований, даже если эти исследования будут иметь регионально и хронологически или тематически ограниченный характер» (стр. 25).

Автор одновременно обращает внимание лингвистов, археологов и других специалистов, занимающихся проблемами этногенеза, на проведенную советскими этнографами в течение последнего десятилетия разработку теоретических основ этнических процессов. Полученные результаты уже сегодня позволяют «продолжить исследования в области славянского этногенеза на новом, значительно продвинутом теоретическом уровне» (стр. 22). Отрадное и заслуженное признание.

Вместе с тем мы не можем не подчеркнуть, что лингвистические исследования, по справедливому замечанию В. В. Иванова, в следующей статье сборника, «Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей», остаются «центральными для всей проблематики славянского этногенеза» (стр. 47).

Трудно переоценить вклад языковедов в выяснение начальных стадий становления индоевропейской общности и, соответственно, более дробных ее подразделений, причем не только с точки зрения собственно глоттогенетического процесса, но и в смысле приурочения этой общности к определенным географическим ориентирам (ландшафтным зонам) и к конкретному уровню социального и культурного развития. Благодаря исследованиям лингвистов сегодня можно с большой долей вероятности утверждать, что индоевропейцы как особая этнолингвистическая общность формировались в непосредственной близости от древних цивилизаций Ближнего Востока. Это устанавливается наличием индоевропейских заимствований из семитских языков, выявленных В. М. Иллич-Свитычем, и на основании изобретения колесной повозки в зоне, где произрастали пригодные для ее изготовления древесные породы. (Эти и другие проблемы, тесно связанные с рассматриваемой тематикой, подробно освещаются в упомянутой статье В. В. Иванова.) Однако следует отметить, что достижения лингвистов стали возможны лишь благодаря использованию ими прямых или косвенных данных смежных дисциплин, прежде всего археологии и фольклористики.

В статье Л. А. Гиндина «Некоторые вопросы древнего балканского субстрата и адстрата» на базе лингвистических материалов обосновывается отказ от теории субстрата в пользу идеи заимствований в балканских языках из восточносредиземноморских и ближневосточных языков (стр. 57). Ряд интересных для этнографов наблюдений высказан автором в отношении культов плодородия, терминов ремесла, терминов, обозначающих божества и священнослужителей. Автор приходит к выводу о совпадении результатов ареально-лингвистического анализа с археологическими и историческими материалами, свидетельствующими о связях Восточных Балкан с северо-западной областью Малой Азии, где возникла цивилизация Троицы.

В обстоятельной статье археолога В. В. Седова «Ранний период славянского этногенеза» предпринята попытка рассмотреть поставленную проблему с помощью новейших археологических данных в сочетании с выводами лингвистики, в том числе результатами собственных исследований автора в этой области. Однако, на наш взгляд, в этой работе проводится не синтез реконструкций, полученных в двух смежных дисциплинах, а прямое сопоставление данных разных наук. Причем гипотеза автора о генезисе древнеславянской культуры выглядит как вполне логичная цепь доказательств. В действительности вопрос о происхождении славян, равно как и этногенезе многих других народов, ранние этапы формирования которых не получили должного отражения в письменных источниках, представляется намного более сложным. Это объясняется не только недостаточностью имеющихся материалов, но в значительной мере их противоречивостью, в связи с чем появляется множественность допустимых толкований. Последнее как раз и характерно для археологических данных, которые в этническом отношении в большинстве случаев безлики, а потому нерепрезентативны. Этнонимические же материалы сами по себе характеризуются многозначностью возможных этимологий. Достаточно указать на то, что, как свидетельствует этнография, материальная культура в своей основе в первую очередь определяется социально-экономическими и природно-географическими факторами и поэтому прямо не говорит об этносе ее создателей. Кроме того, существует множество объяснений подавляющего большинства древних этнических наименований, таких, например, как славяне, словене, венецы, анты, хорваты и т. д. Критерием здесь обыкновенно служит лишь личная убежденность автора.

«И був коло Києва змий и кожного году посылалы йому дань: давалы або молодого парубка, або дивчину...». Какому народу не известен сходный змебогочерский миф? Его варианты можно встретить в разных концах света. Что можно извлечь из такого мифа в научном отношении? Самое большее, на первый взгляд, — выяснить генезис его образов, установить их символику. В общих чертах суть ее давно известна — это борьба основных противостоящих стихий — земли, огня и воды, выраженная в мистико-фантастической форме. Но, оказывается, не только. Если взять конкретную фольклорную схему, производную от основного мифа, и опосредованную в генетически родственной топонимии, то вырисовывается весьма определенный ареал, который можно увязать уже с этапами становления народов — носителей данного топомифологического сюжета. Именно эту задачу поставили перед собой два известных советских лингвиста, В. В. Иванов и В. Н. Топоров, в чрезвычайно интересной, с точки зрения этнографов и фольклористов, статье «Мифологические и географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян», помещенной в рецензируемом сборнике, а также в ряде других работ этих авторов. Предложенное авторами направление поиска тем более важно, что обычно фольклорные и мифологические данные редко привлекаются для решения проблемы этногенеза, в том числе этногенеза славян.

В статье Л. В. Куркиной «Изогlossные связи южнославянской лексики (Материалы к проблемам славянского этногенеза)» показано довольно четкое деление южнославянских языков на западную и восточную части. Анализируя ряд точек зрения о времени и месте такой дифференциации, в том числе взгляды О. Н. Трубачева, высказывающего мнение о первоначальной дробности миграционных потоков, автор не выдвигает своей концепции и не присоединяется к какой-либо из высказанных. Заключение Л. В. Куркиной о том, что диалектные различия не имеют простого однозначного объяснения, на наш взгляд, говорит о необходимости изучения экономических, социально-политических и культурных (т. е. экстралингвистических) аспектов проблемы дифференциации диалектов и образования южнославянских народностей.

Именно эти аспекты освещаются в очень важной в методологическом отношении статье Л. Гавлика «Моравская народность в эпоху раннего феодализма». Автор на основании большого фактического материала анализирует роль государства, господствующей верхушки и церкви в образовании моравской народности. Названные факторы он считает основными для процесса распространения единого этнического самосознания в пределах политического господства Великоморавского государства. Характер этого самосознания, исторические этапы его развития подробно исследуются на базе разнообразных ономастических данных, а также сведений о языке, литературе и искусстве. Положения автора об определяющем значении политических процессов в становлении раннефеодалных народностей подкреплены анализом этнических процессов в древнерусском, древнеболгарском и других славянских государствах.

О настоятельной необходимости обращения к данным этнографии свидетельствует статья известного лингвиста А. В. Десницкой «Эволюция диалектной системы в условиях этнического смещения (из истории славяно-албанских языковых контактов)». Вниманию автора сосредоточено на исследовании взаимовлияний албанцев и славян в эпоху раннего средневековья на территории Албании. В конечном счете в стране победила языковая албанизация, причем этот процесс был связан с активной ассимиляционной ролью горного населения, для которого скотоводческое хозяйство более характерно, чем для славянских земледельческих общин. Ассимиляция славян в Албании, как показывает автор, прошла этап существования этнически разнородных территориальных общин. Отмечается, что процесс ассимиляции был постепенным и продолжался вплоть до XVI в. Однако почему победила албанизация, а не славянизация смешанного населения, остается не совсем понятным. Процессу албанизации не помешало политическое преобладание первого Болгарского царства в IX—XI вв. Думается, что, учитывая это обстоятельство, автору следовало выявить тенденции этнического развития собственно албанского населения.

Статья Г. Г. Литаврина «Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках» представляет интерес для этнографов и других исследователей, занимающихся проблемами этногенеза и методикой этногенетических исследований. В ней приводятся любопытные примеры отрыва этнонимов от этноса и перехода их в разряд социальной и социально-конфессиональной терминологии (термины ромеи — византийцы и латины — римляне, италики, католики), расщепления значения этнонима (ромеи и романы) и вторичного слияния того или иного этнонима с конкретным этносом совершенно иного этнического происхождения (ромеи — греки). Исследование Г. Г. Литаврина помогает уяснить принципы конструирования и использования этнической номенклатуры в быту и в книжной традиции и, что весьма существенно, установить подлинную природу таких этнических наименований в средневековых источниках, как скифы, гунны, болгары, сакалы и проч.

Освещение остродискуссионных этногенетических вопросов содержится в работе Н. Л. Подвижной «О характере материальной культуры Болгарии в VII—IX вв. (Краткий обзор трудов болгарских и советских археологов 1948—1973 гг.)». Важнейший из затронутых в статье вопросов для этнографа — причины ассимиляции славянами тюркоязычных праболгар, первоначально господствующего слоя общества. Добытые болгарскими и советскими археологами сведения об уровне развития материальной культуры праболгар имеют очень большое значение (равно как и сведения о различных точках зрения на данную проблему).

Этнографов заинтересует также статья Э. А. Рикмана «Проблемы этногенеза в современной румынской этнографии (о древних источниках румынской народной культуры)». В ней автор анализирует важнейшие статьи, как он выражается, «основного журнала румынских этнографов, отражающего изученность проблемы на „переднем крае науки“». Оценивая методы и результаты, достигнутые нашими коллегами в этой социалистической стране, Э. А. Рикман пишет, что в своих исследованиях они уделяют особое внимание непрерывности развития культуры (в первую очередь материальной) на территории Румынии с древнейших времен вплоть до современности. Отмечая сильные и слабые стороны в работе румынских коллег, Э. А. Рикман считает, что средствами только этнографии или археологии (без привлечения данных других дисциплин) решать проблемы этногенеза в настоящее время практически невозможно. Последнее соображение представляется очень актуальным.

Статья Н. Н. Грацианской и В. Д. Королюка «Проблемы этногенеза моравских валахов в современной чехословацкой историографии» посвящена остро дискутируемой в науке теме о роли восточнороманского компонента в этногенезе славянских народов Карпатского региона. Обычно в историографии валахский компонент прямо называется

румынским. Авторы отмечают, однако, «что румынская народность сложилась позже и не вобрала в себя весь восточнороманский этнос применительно к рассматриваемой здесь эпохе (XIV—XVIII вв.— В. К., Я. Ч.)» (стр. 225). Поэтому они считают, что более правильно пользоваться термином «восточные романцы» и этническим определением «восточнороманский». Авторы присоединяются к мнению ученых, которые предлагают четко различать этногенетические проблемы и проблемы происхождения карпатского типа отгонного скотоводства. Авторы поддерживают тех чехословацких коллег, которые отрицают мысль о позднем формировании моравских вадахов как этнографической группы¹. Истоки культурной обособленности в западной части Карпат лежат, очевидно, глубже.

В конце книги помещен раздел «Хроника», где дана информация о работе Сектора древней истории и средних веков Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Подведем итоги. Можем ли мы сказать, что рассматриваемый сборник хоть в какой-то мере продвинул вперед решение сложных проблем: этногенеза славян и восточных романцев? Ответ должен быть положительным. Ценность сборника заключается не только в частных, хотя и важных выводах, но и в том, что его составителям удалось подготовить целенаправленное актуальное издание.

В. П. Кобычев, Я. В. Чеснов

¹ Такую мысль, например, пропагандировал Д. Кранджалов в своих исследованиях и в дискуссиях на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. См. симпозиум «Карпатская историко-этнографическая общность». — «Труды VII МКАЭН. Москва, 1964», т. II. М., 1971.

Э. А. Рикман. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975.

Монография Э. А. Рикмана посвящена исследованию ряда весьма существенных проблем этнической истории Юго-Восточной Европы в первых веках нашей эры. Чрезвычайно сложные этнические и этнокультурные процессы этого времени, связанные с событиями эпохи Великого переселения народов, привели к сложению на рассматриваемой территории ряда культур и, в частности, черняховской культуры. Указанные проблемы имеют большое научное значение хотя бы уже потому, что здесь затрагиваются такие кардинальные исторические вопросы, как судьбы фракийских, готских племен и ранние этапы этнической истории славян.

История Поднестровья и Подунавья уже неоднократно освещалась в литературе. Существует немало, главным образом археологических, исследований, где рассматриваются, в частности, западносарматская и черняховская культуры. Но важное значение рецензируемой работы состоит в том, что в ней впервые в историографии на основе детального анализа огромного фактического материала — данных археологии, письменных источников, антропологии — ставится и в целом успешно решается задача историко-этнографического исследования динамики этнического состава и культурного облика населения Юго-Восточной Европы в первых веках нашей эры. Монография с подобным комплексным подходом к данной тематике появляется в нашей литературе впервые. И, как думается, автор весьма успешно справился с поставленными перед ним трудными задачами.

Рассмотрим решение Э. А. Рикманом основных проблем.

Автор детально прослеживает историю изучения сарматской и черняховской культур в низовьях Днестра и Дуная. При этом он убедительно показывает, что, несмотря на значительную работу, проделанную главным образом советскими, в меньшей мере зарубежными авторами, проблема еще далека от разрешения. Имеются существенные различия во мнениях относительно этнической принадлежности носителей черняховской культуры. Так, одни исследователи, исходя из представлений о единообразии черняховской культуры, считают ее носителями в низовьях Днестра и Дуная только славян. Другие отмечают наличие славянского компонента. Наконец, третьи, недостаточно аргументируя свои выводы, отрицают наличие в ней славянского компонента. Автор книги справедливо отмечает, что все большее распространение получает точка зрения, согласно которой в пределах черняховской культуры существовали локальные варианты и она состояла из различных этнокультурных компонентов. Автор, очевидно, также прав, когда отмечает существующую в литературе недооценку влияния позднеантичной культуры на черняховскую.

Важный комплекс проблем рассматривается в связи с историей сарматов низовьев Днестра и Дуная. Автор устанавливает, что на рубежах нашей эры сарматы при переселении на запад достигли нижнего Дуная и что в I в. н. э. в нижнем Придунавье обитали аланы и роксоланы. Следствием этих миграций было укрепление в нижнем Подунавье сарматских этнонимов в географических названиях, что было зафиксировано древними авторами. Важные вопросы ставятся в связи с исследованием отличительных черт западносарматской культуры. Рассматриваются ее признаки, исследуется процесс оседания сарматов в первых столетиях нашей эры в лесостепной и степной зонах. При этом автору удается достаточно убедительно показать различия в погребениях, составе инвентаря погребений у сарматов и соседних с ними племен. Заслуживает внимания вы-

вод, что западные сарматы образовывали группу с общими этнографическими особенностями, характерными по большей части и для всех прочих сарматов. Нельзя не подчеркнуть важного заключения, согласно которому на огромных пространствах позднесарматская культура была в целом единообразной, и западная ее граница проходила во II—III вв. н. э. по Дунаю.

Много нового дают разделы исследования, где рассматривается влияние позднеантичной культуры и культуры соседних племен на западных сарматов. В связи с этим высказывается заслуживающая внимания мысль о том, что видоизменения сарматской культуры отражали процессы этнических смещений. В первых веках нашей эры сарматы были и антропологически не однородны, что отражало длительный и сложный путь складывания сарматской этнической общности.

В свою очередь западные сарматы оказывали заметное влияние не только на соседние племена, но и на античные центры Западного Причерноморья. Отмечается, что имело место смешение сарматов с кельтами, певкинами, венедами. Наиболее красноречивы данные о взаимовлиянии сарматов и фракийцев. Сарматы оказали также существенное влияние на культуру карпов II—III вв. н. э. Влияние сарматов на гето-даков и северофракийские племена автор прослеживает по находкам сарматских зеркал в памятниках этих племен. Многочисленные примеры значительного влияния сарматов на германцев Э. А. Рикман вполне убедительно объясняет смешением этих племен.

Самого серьезного внимания заслуживает мысль автора рецензируемого труда о большом влиянии сарматов на этнический состав и культуру населения городов Западного Понта, так же как и на периферию римского мира.

Анализ обширного фактического материала позволил Э. А. Рикману высказать вполне убедительное мнение о том, что западные сарматы были существенной слагаемой частью населения низовьев Днестра и Дуная во II—III вв., а также о том, что сарматы сыграли значительную роль в этнической истории Европы. Нельзя не подчеркнуть, что очерк истории западных сарматов в таком объеме сделан в рецензируемой книге впервые.

На очень большом фактическом материале автор рассматривает интересную проблему поселений и жилищ племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Археологический анализ древних поселений показывает, что изучаемая область была довольно густо заселена. Автор объясняет это явление социальными причинами: массовым оседанием кочевников, а также притоком населения в этот ареал.

Большое впечатление производит проведенный автором анализ поселений и жилищ. Дается их классификация, причем Э. А. Рикман с большим мастерством интерпретирует археологические данные и делает из них этнографические выводы. Очень удачно анализируются «большие дома», убедительно разворачивается археологический материал, свидетельствующий о дифференциации больших семей и постепенном выделении из них малых. Исследование жилищ приводит автора к убедительному выводу о культурных связях черняховской культуры с Северо-Восточной Европой.

Э. А. Рикман рассматривает комплекс проблем, связанных с производственной деятельностью черняховских племен. Привлеченный для этого материал, выводы, которые из него делаются, имеют большое научное значение как непосредственно для решения изучаемой проблемы, так и для исследования широкого круга вопросов ранней истории развития производящего хозяйства. Важны выводы о том, что именно у племен черняховской культуры появляются во II—IV вв. лахотные орудия, приближающиеся к ралу с полозом, раннему плугу, а также тяжелому крупному плугу и двузубой сохе.

Анализируя земледельческое производство, автор отмечает, что чаще всего на поселениях встречаются пшеница, ячмень и просо. Имеющиеся данные позволили прийти к выводу о продуктивном товарном характере земледелия, о его значительном прогрессе, позволившем вывозить часть зерна в провинции Римской империи. Вполне обоснованным представляется предположение, что в лесостепи земледелие было подсечно-огневым, в степи — переложным. Заслуживают внимания выводы автора и о прочих отраслях хозяйства, а также его замечание, что уровень развития экономики у черняховских племен должен был привести к возникновению городов. Но они неизвестны, поэтому особое значение имели экономические и культурные связи с античными городами.

Э. А. Рикман ставит новую и важную научную проблему, исследуя взаимосвязи черняховской культуры и античного мира, и прежде всего связи черняховцев с Нижней Мезией. Отношения с Дакией, отстоящей на значительное расстояние от Днестро-Прутского междуречья, были затруднены. Автору удалось дать глубокий анализ взаимоотношений с античным миром и, прежде всего, торговых отношений. В книге показано, что у черняховцев широкое распространение имели импортные изделия, которые, по мнению автора, попадали к варварам главным образом не вследствие грабежа, а торговым путем. Это утверждение представляется убедительным. Нельзя не подчеркнуть существенный вывод о том, что торговые отношения затронули не только племенную верхушку, но и широкие слои рядовых черняховцев. Столь же важным представляется мысль автора об использовании варварами монеты не только для внешней, но и для внутренней торговли, что характеризует достигнутый ими уровень социально-экономических отношений. Убедительными выглядят и заключения относительно хронологии, когда автор возражает против излишне узкой датировки черняховской культуры III—IV веками. Анализ керамического материала свидетельствует о существовании некоторых поселений и во II в.

Тщательный анализ фактического материала позволил выявить характер влияния античной культуры на черняховцев, на развитие их керамического производства, металлургии и кузнечное дело, на распространение в их среде греческой и латинской письменности. Интересно замечание Э. А. Рикмана о том, что влияние позднеантичной культуры на черняховцев прослеживается в большей степени в сфере производства и менее ощутимо в идеологии.

Серьезные проблемы поднимаются автором в связи с анализом социальных отношений у племен низовьев Днестра и Дуная. Скрупулезно анализируя данные о развитии имущественного неравенства, патриархальных форм семьи, он вполне обоснованно приходит к заключению о разложении и отмирании институтов родового строя, о переходе от родовой структуры общественной организации к территориальной, о зарождении рабовладельческих отношений; при этом указывается, что развитие классовых отношений стимулировалось связями с центрами античного мира.

Значительный комплекс проблем в книге связан с исследованием данных о погребениях и погребальном обряде. Проведенный автором анализ показал, что в погребальном обряде черняховцев нашли отражение черты культа предков, семейных культов, вера в потустороннюю жизнь. Важное научное значение имеет предпринятая Э. А. Рикманом хронологическая классификация захоронений и удачная попытка исследования эволюции погребального обряда, его сущности, что составляет большой вклад в изучение идеологии варварских племен первых столетий нашей эры.

Как бы подводя итог своим исследованиям, Э. А. Рикман рассматривает этнический состав населения низовьев Днестра и Дуная в период черняховской культуры. Привлекаемый им археологический и антропологический материал, данные письменных источников подтверждают его мнение о том, что на рассматриваемой территории до конца существования черняховской культуры продолжали обитать северные фракийцы. В связи с этим представляется убедительным его мнение, что фракийцы были основными носителями черняховской культуры в исследуемом регионе. Столь же важно и заключение, согласно которому одним из этнокультурных компонентов черняховской культуры были сарматы. Все это позволяет автору рецензируемой монографии в конце концов прийти к закономерному выводу о полиэтничности носителей черняховской культуры. Вполне можно согласиться с автором, считающим, что нет оснований полагать, будто черняховская культура целиком создана готами, хотя они и входили в число ее носителей. Прав, очевидно, Э. А. Рикман, допуская наличие среди черняховцев в изучаемом регионе первых групп венедов и целого ряда других племен.

В отличие от ряда авторов, которые думали, что появление черняховской культуры свидетельствовало о складывании народности в разноплеменной среде северо-западного Причерноморья, Э. А. Рикман считает, и, надо полагать, с достаточным основанием, что такие процессы происходили скорее в рамках локальных вариантов культур племен черняховцев, но процессы эти не завершились. Единообразие же культурных черт явилось скорее следствием контактов разнородных племен в рамках обширных межплеменных союзов под нивелирующим воздействием позднеантичной культуры в условиях интенсивного смешения племен.

Давая в целом самую высокую оценку рецензируемой монографии, нельзя не остановиться на некоторых ее дискуссионных сторонах, связанных главным образом с оценкой уровня развития социальных отношений. Так, думается, Э. А. Рикман не прав, когда он говорит, что процесс перехода ряда кочевых племен к оседлости в начале нашей эры сопровождался сложением у них раннеклассовых отношений. В настоящее время можно считать установленным, что первобытнообщинные отношения разложились, а раннеклассовые сложились еще в ходе становления кочевничества, т. е. более чем за тысячу лет до рассматриваемого процесса. Таким образом, было бы правильнее говорить скорее об углублении процесса классовобразования, что всегда сопровождало оседание кочевников на землю. Некоторая архаизация указанных общественных отношений привела автора к соответствующим неточностям в определении уровня общественной организации, развития религиозных отношений и т. д. Так, едва ли он прав, когда на стр. 24 называет племенные институты кочевого общества институтами родового строя. Точно так же нельзя согласиться, когда к институтам родового строя относят большую патриархальную семью.

Из менее существенных замечаний отмечу, что само по себе употребление мотыги при земледелии еще не свидетельствует о его малой эффективности. Известно, что мотыжное земледелие может быть очень интенсивным.

Не всегда убедительны заключения о характере религиозных верований, сделанные главным образом на основе анализа обряда погребений. Эти данные не позволяют прийти к однозначным выводам во всех случаях.

Но значение рецензируемой монографии определяется, разумеется, не этими отдельными промахами и неточностями. Работа представляет собой новаторское исследование, являющееся крупным вкладом в советскую историческую науку, археологию и этнографию. Книга открывает новые горизонты в изучении широкого круга проблем, связанных с историей народов нашей страны.

Г. Е. Марков

Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, Л. А. Оников. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М., 1977, 159 стр.

Быт как важная составная часть образа жизни вполне заслуженно привлекал и привлекает внимание исследователей, работающих в разных отраслях знания: этнографов, социологов, психологов, экономистов¹. В настоящее время изучение быта рабочего класса, составляющего 61,2% населения нашей страны, приобретает особую значимость.

Авторы рецензируемой книги уже не раз обращались к исследованиям в этой области. Их перу принадлежат книга «Человек после работы» (М., 1972), ряд статей в партийной, общественно-политической и научной печати.

В данной книге Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, Л. А. Оников поставили задачу «установить именно и только основные тенденции развития быта на основе ретроспективного анализа» (стр. 11). Исследование наиболее характерных черт быта рабочих в прошлом и настоящем дает авторам основание для прогнозирования сферы быта на 10—15 лет вперед. И в этом одна из примечательных особенностей работы.

Для решения поставленных в книге сложных и актуальных задач используется широкий круг источников, относящихся к разным этапам развития советского общества. Это — обследования бюджетов времени городских рабочих, проведенные под руководством С. Г. Струмилина в 1922—24 гг. (начало переходного периода); обследования, предпринятые Московским и Ленинградским Советами профсоюзов, а также Ленинградским НИИ коммунального и жилищного хозяйства и строительства в 1931—32 гг., Госпланом СССР — в 1930, 1932 и 1936 гг. (период завершения строительства основ социализма в СССР); обследования, проведенные НИИ труда в 1958—1960 гг., Институтом экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР — в 1959—1963 гг., ЦСУ РСФСР — в 1959 и 1963 гг. (период перехода к развитому социалистическому обществу); обследования ЦСУ РСФСР 1965 г., НИИ труда и Института международного рабочего движения АН СССР в 1965—1970 гг. (период развитого социалистического общества) и др.

Эти обследования, охватившие различные типы городов и групп городского населения, проводились на основе различных методик. Поэтому для получения сопоставимых данных авторам понадобились дополнительные расчеты. В рецензируемой книге широко использованы также статистические данные государственных учреждений, касающиеся сферы быта.

Определяя основные понятия, используемые в работе, авторы характеризуют образ жизни как «концентрированное выражение политического, социально-экономического и культурного развития общества» (стр. 3). Таким образом они стоят на тех же позициях, что и в книге «Человек после работы». Быт ими рассматривается как повседневное человеческое бытие вне производственной и общественно-политической жизни (стр. 3). Основные категории бытовой жизнедеятельности, по мнению авторов, охватывают подавляющую часть вне рабочего времени, исключая лишь общественную работу, осуществляемую во вне рабочее время (стр. 27). Это и домашний труд, и воспитание детей, и межличностное общение, и повседневная культурная жизнь — чтение, просмотр телепередач, посещение театра, повышение образования, непрофессиональное творчество, а также занятия спортом, удовлетворение физиологических потребностей и т. п.

В отличие от некоторых философских и социологических исследований, посвященных образу жизни, где во внепроизводственной сфере выделяются и рассматриваются отдельно быт, досуг, общественно-политическая деятельность, в книге Л. А. Гордона, Э. В. Клопова и Л. А. Оникова, так же, как в этнографической литературе, занятия во время досуга исследуются в качестве одного из компонентов быта. Свой подход авторы объясняют тем, что все эти неоднородные формы социальной активности связаны с деятельностью, организуемой не столь прямо и непосредственно, как труд или политическая жизнь, и поэтому менее формализованной, более зависящей от индивидуальных свойств, желаний, устремлений людей, затрагивающей главным образом область личной, семейной жизни.

Таким образом, в рецензируемой книге исследуются, в основном, те стороны жизни рабочих, которые этнографы относят к семейному или домашнему быту, а также отдельные компоненты общественного быта, связанные с досугом, развлечениями и т. п.

Авторы выделяют следующие функции бытовой жизнедеятельности: хозяйственные, восстановительные (восстановление физических и духовных сил людей), воспитательные

¹ См. В. Ю. Крупянская. Проблемы изучения современной культуры и быта рабочих СССР. — «Сов. этнография», 1963, № 4; И. П. Труфанов. Об истории быта рабочего класса периода развитого социалистического общества. — «Рабочий класс на современном этапе», вып. IV, Л., 1976.

и развивающие, т. е. способствующие духовному и физическому совершенствованию человека, приобретению им новых знаний и свойств, удовлетворению потребностей в творчестве и самовыражении. В соответствии с поставленной в начале работы задачей, эти функции исследуются в перспективе и ретроспективе. Так, в книге показано, что в досоциалистической России и на ранних этапах социалистического строительства основную роль в быту горожан играли функции воспроизводства. С развитием социалистических отношений возросла роль «развивающих» элементов быта. Функции же воспроизводства, сохраняя свое значение, потеряли самодовлеющий характер и как бы переплелись некоторыми своими сторонами с «развивающими» аспектами быта. По мнению авторов, этот процесс выражает главное направление развития в сфере социалистического быта, во многом определяя дальнейшие сдвиги в ней.

Исследуя отдельные стороны бытовой жизнедеятельности рабочих, авторы изучают все компоненты быта в их взаимодействии, в тесной связи с общими социально-экономическими изменениями в стране. Например, очень четко прослеживается влияние на домашний труд социально-экономических преобразований и демографических сдвигов. Так, в семьях городских рабочих в 1930—40-е годы исчезли или сократились некоторые виды домашнего труда. В последние годы заметно изменяют домашнее хозяйство улучшение жилищных условий, расширение коммунальных удобств, развитие производства бытовых машин и т. п. Если ранее занятость домашним хозяйством в основном зависела от экстенсивных факторов, то в период развитого социализма сильнее начинает сказываться влияние факторов интенсивных, которые преобразуют сам домашний труд.

Авторы объясняют сравнительно медленные темпы сокращения продолжительности домашнего труда в 1960-е годы по сравнению с предыдущим периодом тем, что экстенсивные факторы тогда уже ослабили свое влияние, а интенсивные еще не показали полностью своих результатов.

В книге сделан вывод о тенденции к сокращению домашнего труда в среднем до 15 часов в неделю в течение ближайших 10—15 лет, поскольку роль интенсивных факторов должна заметно повыситься. Основанием для подобного прогноза послужили также сведения о современной продолжительности домашнего труда у опережающих (по уровню образования, материальной обеспеченности, жилищных условий) групп рабочих; кроме того, авторы учитывают возможность дальнейшего облегчения домашнего труда (в частности, за счет появления новых способов приготовления пищи).

Совершенно обоснованно проблема сокращения домашнего труда в книге рассматривается в неразрывной связи с вопросом о положении женщины. Даже сейчас в «опережающих» группах рабочих семейные женщины заняты домашним трудом в 2—3 раза больше, чем мужчины. Авторы дают ряд практических рекомендаций для уменьшения бытовой нагрузки замужней женщины. Претворение в жизнь решений XXV съезда КПСС уже в ближайшие годы должно дать реальные результаты в этом направлении.

Сокращение домашнего труда является важным условием развития других компонентов бытовой жизнедеятельности, в том числе культурных занятий. По мере того, как домашние дела перестают поглощать большую часть времени, достижения культуры все активнее внедряются в бытовую сферу. Рост культуры, в свою очередь, ограничивает продолжительность домашнего труда. Авторы пришли к выводу, что на начальных стадиях социалистического строительства сокращение домашнего труда почти всегда способствовало повышению уровня культуры. По мере же развития зрелых социалистических отношений, с приближением домашнего труда к рациональным объемам и с повышением образованности масс, культурный уровень рабочих станет одним из ведущих факторов, непосредственно определяющих соотношение различных видов бытовых занятий (стр. 46). Уже и сейчас быт советских людей перестал быть преимущественно хозяйственной формой жизнедеятельности и приобрел комплексную культурно-хозяйственную направленность (стр. 47).

В книге говорится, что в наши дни такие «досугово-информационные виды культуры», как телевидение, кино, чтение превращаются в массовые или даже всеобщие занятия горожан (стр. 59). Как и в книге «Человек после работы», Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, Л. А. Оников уделяют определенное внимание вопросу о роли телевидения в культурной жизни населения. Признавая, что телевидение в известной мере теснит другие формы развлечений, авторы считают, что растущий образовательный уровень населения явится одним из мощных средств предотвращения телевизионной «всеядности».

К сожалению, при рассмотрении в книге степени распространенности тех или иных видов досуга не фиксируется их содержательная сторона. Очевидно, что в этой области также можно проследить большие изменения, происходившие в процессе развития нашей страны у разных групп рабочих. При учете содержания занятий людей во время досуга грань между потребительскими и активно-творческими видами культурно-бытовой деятельности, к которым авторы, кроме участия в художественной самодельности, рационализации и изобретательстве относят также любительские занятия, коллекционирование, была бы не так резко очерчена, как это сделано в рецензируемой работе. Например, чтение серьезной литературы оказывает, по нашему мнению, не меньшее влияние на личность, чем другие любительские занятия.

В целом, конечно, можно согласиться с высказанной в книге мыслью, что в настоящее время необходимо расширять активно-творческие виды культурной самостоятельности; это касается участия в художественной самостоятельности, рационализации и изобретательства. То же самое относится и к таким компонентам бытовой деятельности, как занятия физической, общение с природой и т. д.

Серьезное внимание уделяется вопросу о совмещении рабочего труда с учебой, о повышении самообразования, т. е. таким элементам культурно-бытовой жизнедеятельности, которые выходят за рамки чисто досуговых форм времяпрепровождения. Однако для того, чтобы учеба естественно вошла в быт многих людей, не причинив ущерба другим компонентам вне рабочего времени, в том числе досугу, авторы предлагают рассматривать ее, хотя бы отчасти, как элемент общественно-необходимого времени.

Положительной стороной рецензируемой книги является серьезность и актуальность поставленных в ней проблем. К ним можно отнести и вопрос о преодолении в сфере быта ряда вредных пережитков, в том числе пьянства.

Все эти проблемы в той или иной степени ставились и ставятся и в этнографических работах, посвященных быту городских рабочих, хотя подход к их решению и методы исследования, естественно, несколько иные. В то же время в книге Л. А. Гордона, Э. В. Клопова и Л. А. О니кова есть раздел, который должен вызвать особый интерес исследователей, в том числе этнографов. Авторы ставят и решают вопрос о рациональном бюджете времени как целевом нормативе повседневной жизнедеятельности. На основе изучения изменений в бюджете времени городских рабочих в прошлом и настоящем, тенденций и перспектив его развития, анализа бытового времяпрепровождения передовых групп рабочих, а также с учетом общих социально-экономических и культурных преобразований в нашей стране в книге дается примерный расчет рационального бюджета времени городских рабочих. Авторы, естественно, оговариваются, что это не тот тип времяпрепровождения, который будет достигнут в течение ближайших 10—15 лет, а идеал, эталон, применимый к рабочим крупных городов, и большинство его показателей носит приблизительный, зачастую оценочный характер. Однако в методическом отношении, а также для понимания и оценки общих тенденций развития быта городских рабочих эти расчеты имеют несомненное значение.

Можно сказать, что книга Л. А. Гордона, Э. В. Клопова и Л. А. Оникова важна и актуальна не только по своим теоретическим выводам и материалам, но и в методическом отношении. Этот аспект особенно интересен для этнографов. В то же время построение всей работы главным образом на основе бюджетов времени несомненно ограничивает исследование, так как этот источник не позволяет глубоко изучить не только содержательные стороны бытового времяпрепровождения, но и той части быта, которая относится к взаимоотношениям людей и считается этнографами одной из основных составляющих семейного быта. Авторы сами указывают на принципиальную невозможность достаточно полно осветить эти проблемы с помощью средств, используемых в рамках данного анализа (стр. 83). В результате такие проблемы, как воспитание детей и общение в сфере досуга исследованы в работе неполно, а вопросы об отношении к женщине, взаимоотношениях между членами семьи и т. п. остались за пределами исследования.

Рассматривая перспективы развития быта городских рабочих в зависимости от многих факторов, авторы в то же время не могли, естественно, учесть все их многообразие. По нашему мнению, следовало уделить внимание таким характеристикам, как уровень квалификации рабочих, их возраст, национальность. Во многих этнографических работах показано, например, что в настоящее время быт городских рабочих в разных республиках имеет определенное национальное своеобразие. Книга, посвященная историческому анализу быта рабочего класса, тенденциям и перспективам его развития, несомненно, выиграла бы, если бы авторы учитывали этнические особенности быта рабочих.

Все сказанное не снижает значения рецензируемой книги, которая несомненно привлечет внимание не только научной общественности, но и массового читателя.

Л. В. Остапенко

Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения. Кишинев, 1977, 459 с.

Монографические описания тех или иных народов относятся к числу наиболее законченных и цельных этнографических исследований. В настоящее время список таких, к сожалению, еще немногочисленных, работ обогатился книгой, посвященной молдаванам — народу со сложной историей, своеобразной и яркой материальной и духовной культурой. Такая монография имеет не только научное, но и определенное идеологическое значение в связи с продолжающейся публикацией за рубежом (в США, ФРГ, Франции и других странах) тенденциозных работ, авторы которых искажают историю

Молдавии. От традиционных этнографических работ монография (как отчасти видно и из ее заголовка) отличается тем, что в ней большое внимание уделяется истории (особенно социально-экономической истории), а также профессиональному искусству.

Рецензируемый труд (ред. Я. С. Гросул, А. М. Лазарев, В. С. Зеленчук), объемом около 40 печ. л., состоит из четырех больших разделов: 1. «Социальное и этническое развитие молдавского народа»; 2. «Хозяйство и материальная культура»; 3. «Социально-экономическое и культурное развитие городов Молдавии» и 4. «Духовная культура». Всего в работе 15 глав.

Первый раздел включает главы: «Ранняя этническая история молдаван» и «Этническое и социальное развитие молдавского народа в XIX—XX вв.», посвященные описанию процесса формирования волохов — ближайших предков молдаван, сложению и развитию молдавского этноса — от феодальной молдавской народности до социалистической молдавской нации. Хорошо показана роль, которую играли в этногенезе молдаван восточные славяне, во многом определившие специфику развития молдаван в отличие от родственных им мунтян (и позже — от румын). Следует сказать, что история сложения молдавской народности была бы более полной, если бы она содержала больше сведений о становлении молдавского языка. Немаловажное значение имел бы и показ роли церкви, объективно способствовавшей, например, борьбе молдаван против турецкого гнета.

Для показа этнической истории молдаван особенно важен содержащийся во второй главе этого раздела параграф о формировании молдавской буржуазной нации в пределах России. Эта большая и сложная тема, включающая в себя, в частности, и анализ процесса социально-экономического и этнического обособления формировавшейся молдавской нации от западных молдаван, вошедших в состав Румынии и слившихся там с мунтянами в румынскую нацию, заслуживает разработки в специальной монографии. В рецензируемой работе некоторые аспекты этой темы лишь намечены, а другие даны очень кратко; бросается в глаза, что посвященный ей параграф значительно уступает по объему предшествовавшему параграфу о судьбах молдавской сельской общины. Слабо показано, например, что экономическая база молдавской буржуазной нации формировалась в рамках общероссийского рынка. Правильно отмечены значительная роль молдавской интеллигенции в развитии национального самосознания, а также существование двух направлений в молдавском национальном движении начала XX в.: революционно-демократического и буржуазного. Следовало бы уточнить, однако, что основное расхождение между ними заключалось не столько в том, что «деятели молдавского буржуазного национального движения, будучи идеологами эксплуататорских классов, стремились лишь к автономии» (стр. 48), ибо сепаратизм в тех условиях вел к регрессу, сколько в том, что эти деятели видели национальное развитие молдаван лишь в рамках буржуазного общества, не связывали решение национального вопроса с коренными социально-экономическими преобразованиями.

Второй раздел включает главы: «Сельское хозяйство Молдавии в XVIII — начале XX в.», «Сельские промыслы и ремесла», «Сельское хозяйство Советской Молдавии», «Поселения и жилища», «Одежда и ткачество». Эти главы основаны на богатом фактическом материале и снабжены многочисленными иллюстрациями. Описания поселений и жилищ, земледелия, виноградарства и виноделия, садоводства, животноводства, сельских промыслов (рыболовства, пчеловодства и др.) и ремесел (гончарное дело, обработка дерева, ткачество), одежды слагаются в яркую этнографическую характеристику занятий и материальной культуры жителей Молдавии. К сожалению, излагаемый материал часто привязывается не к этническим группам, а к географическим районам Молдавии (северный район, южный район и т. п.), но по приводимой терминологии можно догадаться, что он относится главным образом к молдаванам. Особенно благоприятное впечатление производят параграфы, посвященные описанию жилища и одежды молдаван. Досадно, что в столь обстоятельной работе нет характеристики пищи и домашней утвари, а без этого картина материальной культуры молдаван осталась незавершенной.

Авторы старались показать историческое развитие тех или иных хозяйственных занятий, орудий труда и т. п. Такой подход позволил, в частности, более ярко обрисовать существенные преобразования в сельском хозяйстве Молдавии, происшедшие за годы Советской власти. Однако иногда такие исторические экскурсы простираются излишне далеко, например при характеристике рыболовства — к первым векам нашей эры, когда не сложились еще и предки молдаван — волохи. Эти места, видимо, можно было сократить, что позволило бы выделить четче занятия, характерные именно для молдаван.

Третий раздел монографии «Социально-экономическое и культурное развитие городов Молдавии» состоит из глав: «Города Молдавии в XIII—XIX вв.», «Социальные и культурные преобразования в городах Молдавии в годы Советской власти» и «Промышленность и рабочий класс». По своему содержанию этот раздел относится к области социально-экономической истории и поэтому несколько выпадает из этнографической в целом тематики работы. Впрочем, дело здесь не столько в содержании данных глав, важно для понимания экономического и социально-этнического развития молдаван, для показа успехов промышленного развития всей республики за советский период, сколько в том, что материал в главах обычно подается безотносительно к его национальному аспекту. Раздел изобилует цифровыми данными о росте числа промыш-

ленных предприятий, динамике выпуска промышленной продукции и т. п., но имеющийся этностатистический материал, как это ни странно, относится лишь к дореволюционному периоду.

Существенный интерес в этностатистическом отношении представляет таблица динамики национального состава городов Бессарабии в XIX в. (стр. 216), где из приведенных цифр на 1844, 1862 и 1897 гг. видно постепенное сокращение процента молдаван почти во всех городах этой губернии. Следовало бы сказать о причинах замедленной миграции молдаван в города; вместе с тем уместно было бы отметить, что сравнительно низкая доля молдаван среди горожан Бессарабии на 1897 г. (около 15%) отчасти объясняется тем, что исходные материалы переписи 1897 г. основаны на учете «родного языка» населения и что часть молдаван в городах могла показать своим родным языком русский. Материалы советских переписей населения, к сожалению, остались неиспользованными, хотя именно они свидетельствуют об изменении ситуации — о быстром росте молдавского городского населения; только за период между переписями населения 1959 и 1970 гг. доля молдаван в общей массе горожан Молдавской ССР возросла с 28,2 до 35,0%. Большой интерес представили бы и данные о росте национальных кадров рабочего класса и национальной интеллигенции, так как характеристика социально-классовой структуры молдавского этноса является одним из наиболее существенных его параметров.

Четвертый раздел монографии посвященный духовной культуре (включая язык) — самый большой по объему (он занимает почти половину всего текста) и, пожалуй, самый сложный по содержанию — состоит из глав: «Верования и обряды в XIX — начале XX в», «Современный общественный и семейный быт», «Язык и литература», «Народное творчество» и «Искусство». Поскольку в настоящее время специфика традиционной материальной культуры у молдаван, как и у других народов СССР, постепенно уменьшается, центр этничности перемещается в духовную культуру, в элементах которой ищет свою опору и национальное самосознание, именно эти главы несут основную этнографическую нагрузку.

Существенный этнографический интерес представляет первая из глав раздела, в которой рассматриваются традиционные формы проведения досуга различными половозрастными группами молдаван в те или иные времена года, верования молдаван (главным образом дохристианские), семейная обрядность (обряды, связанные со свадьбой, родами, смертью и похоронами) и календарная обрядность, приуроченная к сезонным циклам полевых работ. В следующей главе показано, как в советское время в ходе коммунистического воспитания трудящихся шло преодоление религиозных пережитков, возникали новые черты в общественном и семейном быту (новые формы отдыха, новые праздники и обряды и т. п.). Этнографический характер имеет и глава о народном творчестве, в которой дано описание народного устно-поэтического и драматического творчества и музыкального фольклора.

В главе «Язык и литература» важный параграф о языке сильно ослаблен тем, что написан кратко, по существу не для этнографической, а для лингвистической работы; основное место в нем занимает фонетический и морфологический анализ молдавских говоров; о формировании молдавского литературного языка сказано очень скупо, неясно на какой диалектальной основе он создан, какие в нем заимствования из других языков (например из русского) и т. д. Ничего не говорится о современной этноязыковой ситуации в Молдавской ССР, в частности о распространении молдавско-русского двуязычия, с привлечением для этого анализа материалов переписи населения 1970 г. Этот пробел особенно заметен при сравнении параграфа о языке с параграфом о литературе, где хорошо показаны плодотворность русско-молдавских литературных связей и развитие молдавской литературы в русле всей многонациональной советской литературы.

Большой интерес представляет последняя глава монографии, посвященная профессиональному искусству, к которому в прошлом имели доступ лишь представители правящих классов. В ней дана характеристика изобразительного искусства, музыки, театра, танцевального искусства, киноискусства, архитектуры и градостроительства. Не все эти очерки равноценны, бросается в глаза некоторая растянутость параграфов о музыке и театре, различия в стиле отдельных параграфов и т. п. Однако в целом они получились удачными. Как и другие параграфы книги, они построены по историческому принципу, характеризуют то или иное явление в его развитии; в них показаны, с одной стороны, корни профессионального искусства, уходящие в народно-бытовое творчество, с другой стороны — органическая связь развивавшегося молдавского искусства с искусством других народов страны, многонациональный характер современного профессионального искусства Молдавии (особенно таких его новых форм, как кино и телевидение), связь его со всем советским искусством.

К приведенным замечаниям необходимо добавить еще два. В книге, обильно снабженной иллюстрациями, нет ни одной карты; особенно бросается в глаза отсутствие карты расселения молдаван или этнической карты Молдавии, дополненной, конечно, этностатистическими материалами переписей. Заметным недостатком являются пока еще слабые попытки соединения этнографического материала, относящегося к прошлому и настоящему молдаван, с развитием этнических процессов, прежде всего — с современным процессом межнациональной интеграции.

Сделанные замечания не нарушают общего вполне благоприятного впечатления от монографии «Молдаване», выход которой составил заметный этап в развитии исторической и этнографической науки в Молдавии. Этот обобщающий труд, показывающий культуру и быт молдавского народа и их преобразования в ходе строительства социализма, несомненно, заслуживает переиздания.

В. И. Козлов

В. В. Пименов. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977, 262 с.

Последние 10—15 лет ознаменованы активными поисками в области совершенствования методов этнографического изучения народов СССР. Перед нами новая работа В. В. Пименова, представляющая результат применения количественных методов к исследованию этноса. Эта книга — итог длительных раздумий и большого серьезного труда, связанного с разработкой целостной методики по сбору массовых данных, с обработкой их на ЭВМ (она осуществлена доктором исторических наук В. А. Устиновым) и с интерпретацией полученных сведений при помощи некоторых статистических методов.

Книга В. В. Пименова — одно из немногих исследований, которое посвящено анализу не только отдельных этнических характеристик, но и изучению этноса в целом (удмуртов, живущих в пределах Удмуртской АССР). Отбор единиц наблюдения осуществлен с помощью репрезентативной выборки (в нее вошло 2139 человек: 919 в городах и 1220 в селах; подробнее о выборке см. стр. 25, 26). Подобное массовое обследование потребовало не только специальных знаний, но и больших организационных усилий по подготовке инструментария, подбору интервьюеров, обработке опросных листов, а также освоения опыта использования статистических приемов исследования.

Теоретическая часть книги В. В. Пименова хорошо продумана. Можно возражать против некоторых положений автора, но ему никак нельзя отказать в стремлении тесно увязать эмпирическое исследование и теоретические концепции. Всей книге и каждой из ее глав — о социально-демографических характеристиках этноса, о межэтнических контактах, об этноязыковых процессах, обрядовой жизни, материальной культуре, фольклоре, профессиональной духовной культуре, о некоторых этнопсихологических характеристиках — предпосланы разделы, излагающие взгляды автора по теории каждого из анализируемых явлений. Позитивной является попытка автора представить этнос как внутренне координированную и субординированную социальную систему и рассмотреть все компоненты этноса во взаимной связи, а также раскрыть по возможности «механизм» этой связи.

В. В. Пименов достаточно подробно останавливается на методологических проблемах исследования. В книге выражено стремление на основе принципов марксистско-ленинской материалистической диалектики приблизиться к рассмотрению законов, которые «регулируют» этническое развитие, показать этнос как развивающуюся систему, выявить причинно-следственные связи диалектического развития каждой из компонент этноса и этноса в целом. Попытка выйти на уровень широких обобщений выделяет эту книгу среди многих исследований.

В предисловии ответственный редактор книги К. В. Чистов отмечает, что в центре внимания автор поставил этнические и этнокультурные проблемы. Сам Пименов, впрочем, смотрит на свои задачи более широко. «Общий замысел исследования — пишет он — состоит в попытке, пользуясь системным подходом, выяснить существенные закономерности функционирования, а отчасти и эволюции конкретного этноса», проследить «изменение роли и значения отдельных компонент в системе этноса», трансформацию компонент этноса под влиянием противоречий, свойств этноса, и их взаимосвязь с процессами разнообразных межэтнических взаимодействий (стр. 20, 21).

В ходе работы, в процессе анализа эмпирических данных, В. В. Пименов формулирует также ряд заслуживающих внимания положений, использование которых как в его настоящем исследовании, так и в будущем представляется продуктивным. К их числу, например, относится концепция рекультурации (стр. 37, 38 и др.), с помощью которой удачно раскрывается взаимодействие противоречивых тенденций в процессе функционирования культуры — тенденции к вытеснению многих традиционных элементов культуры и тенденции к их сохранению и воспроизводству в новых — профессиональных и индустриальных — формах; соображение по поводу соотношения сторон и слоев культуры: в рамках традиционного для этнографии членения культуры на материальную и духовную автор выделяет также «нижний» (традиционный) и «верхний» (современный) слои. Такое членение, все шире утверждающееся, облегчает анализ явлений, подлежащих измерению (стр. 139—141).

Хотелось бы отметить, что в рецензируемой книге немало и частных наблюдений, которые, надо думать, привлекут внимание исследователей. Так, изучая межэтнические

контакты, автор устанавливает, что для этнических процессов значение этих контактов в первичных производственных коллективах (бригадах и им подобных) в Удмуртии сопоставимо со значением аналогичных контактов в рамках семьи (стр. 90). Интересны наблюдения над речевым поведением удмуртов в семье, на работе и в общественных местах. При этом автор констатирует особое положение признака «выбор родного языка» в группе переменных, измеряющих языковые факторы. В. В. Пименов вводит описание ситуации «эффекта родного языка» и небезынтересно ее интерпретирует.

Положительной чертой рецензируемой работы является ее историзм. В исследованиях, построенных на результатах однократного массового обследования, очень трудно обеспечить исторический анализ полученного материала и, наоборот, весьма легко «замкнуть» его рассмотрение данным хронологическим отрезком времени. В рассматриваемом исследовании автор последовательно стремится избежать этой опасности с помощью различных приемов, среди которых — метод изучения выделенных переменных в возрастных группах. Каждую главу завершает специальный раздел о динамических тенденциях, наблюдаемых в соответствующих областях этнической жизни удмуртов.

Работу В. В. Пименова выгодно отличает и ее, так сказать, «открытость», стремление показать читателю все «секреты» исследовательского процесса, включая программирование, сбор информации, ее обработку и интерпретацию. В книге опубликован инструментарий, примененный в ходе сбора первичных данных, а также итоговые матрицы коэффициентов, выражающих связи между различными факторами (см. Приложения, стр. 234—249).

Таким образом, рассматриваемая работа посвящена обсуждению весьма актуальных для этнографии и этносоциологии проблем. В. В. Пименову удалось сказать свое слово, создав весьма оригинальное произведение, содержащее как свежие фактические данные, так и ряд новых трактовок этих данных.

Ответственный редактор, да, пожалуй, и автор рассматривают работу как этнографическое исследование с применением сравнительно новых для этнографии методов (имеются в виду количественные приемы анализа системы). Вместе с тем К. В. Чистов справедливо ставит вопрос о том, что такая работа «интересна не только своими удачами, но и возможностью выяснения того, что не удается достичь с помощью избранной методики» (стр. 4). Естественно, как и всякая интересная работа, исследование В. В. Пименова не только содержит новое знание, но и дает поводы для размышлений.

В зависимости от собственных профессиональных интересов рецензенты этой работы могут избрать для обсуждения наиболее интересные их вопросы. Нам же хотелось остановиться на некоторых из них, актуальных прежде всего с методологической точки зрения. Первый — в какой мере представленные в книге графы связей факторов допустимо считать моделью этноса в строгом смысле слова.

Попытка моделирования этноса при помощи системного анализа, основанного на математических приемах теории информации (например, использованного в труде В. В. Пименова коэффициентом взаимосвязи признаков, названного В. А. Устиновым коэффициентом информационной связи), заставляет нас более строго осуществлять логический анализ и продумывать операциональные определения, связанные с изучением этноса. Автор, как сказано выше, предвзывает конкретное рассмотрение материала описанием программы исследования. В ней В. В. Пименов излагает свое понимание этноса (стр. 12—15), заключая его утверждением, что эта концепция этноса близка к той его характеристике, которую дает Ю. В. Бромлей, выдвигая понятие «этносоциальный организм» (стр. 15). При этом автор выделяет следующие компоненты этноса: пространственно-географическую, экономическую, социальную, языковую, культурную, бытовую и психологическую, а также демографическую (впоследствии он сводит ее в единую социально-демографическую компоненту, условно обозначенную DS). «Компонента» рассматривается в качестве основной структурной единицы высшего порядка.

Вместе с тем анализируются и сводятся в «модели» в виде графиков связей признаков («общая модель» удмуртского этноса состоит в книге из трех отдельных графов, построенных раздельно для жителей села, города, творческой интеллигенции) не все названные компоненты, а лишь выделенные для конкретного изучения. Эти компоненты изучаются через группы субкомпонент (иначе — составляющих, стр. 16), которые представлены через отдельные факторы и признаки, характеризующие, по мнению автора, названные компоненты. Например, такие признаки, как пол, возраст, тип семьи, длительность проживания, миграция — это все D-факторы, т. е. демографическая компонента. Культурная и бытовая компоненты представлены «субкомпонентами» традиционной и отчасти «индустриальной» материальной культуры, фольклором, профессиональной культурой, а также обрядовой жизнью. Экономика же фиксируется не через субкомпоненты, а непосредственно отдельными признаками — «экономическими характеристиками личности и ее семьи» — среднему душевому доходом и набором предметов современного культурно-бытового обихода в семье (на наш взгляд, эти признаки характеризуют скорее уровень жизни населения).

Из перечня видно, что компоненты представлены очень различными по значимости факторами и признаками. Поэтому в силу их разноточности, а в ряде случаев и отсутствия некоторых существенных факторов, составляющих компоненты, считать приведенные графы (рис. 4, стр. 45—48) моделью этноса, на наш взгляд, было бы преждевременно. Об этом же пишет и К. В. Чистов, по мнению которого совокупность гра-

фов «еще не дает общей модели этноса в строгом смысле данного слова». Он также обращает внимание на «неравноценность элементов, из которых строится модель: в одних случаях это структурные элементы, в других — различные факторы, на них воздействующие, в третьих — косвенные показатели, характеризующие первые или вторые» (стр. 4). Вероятно, не случайно «экономические факторы» (два признака, названные выше) на «моделях» не заняли существенных позиций. Конечно, экономические отношения, уровень развития экономики находят отражение в социальной структуре этноса. Автор справедливо говорит о том, что демосоциальное «основание этноса» «базируется на еще более глубоком фундаменте — социалистической экономике» (стр. 71, ср. 227). Но социальные группы, выделенные в исследовании, не охватывают достаточно полно социальных различий, в частности, не учитываются, например, социальные деления, связанные со сферой народного хозяйства (промышленность, сельское хозяйство и т. д.) и формой собственности (например, рабочие совхозов и колхозное крестьянство). Сам В. В. Пименов пишет, что состав использованного вопросника (и понятно, состав факторов) «не полностью соответствует тому набору компонент, который, согласно определению, характеризует этнос. Это объясняется как объективной сложностью исследования, так и недостаточной разработанностью методики» (стр. 24, 25).

Принимая во внимание все сказанное, не целесообразнее ли графически зафиксированные связи именовать графами связей факторов или признаков, выделенных для изучения, не называя их моделью этноса? Думается, что такое наименование больше отвечало бы современному этапу в подходе к проблеме моделирования этноса, к разработке которой стремится В. В. Пименов.

В этой же связи возникает еще один интересный вопрос — насколько отобранные для анализа признаки могут представить ту или иную компоненту. Конечно, в этом отношении может быть множество вариантов, которые требуют экспериментальной проверки, но все же есть и очевидные вещи. С одной стороны, если рассматривать этнос в качестве этносоциального организма, то ясно, что его компонента не может быть представлена лишь этнически специфическими характеристиками. Как пишет и сам В. В. Пименов, «едва ли верно отождествлять традиционные черты этноса... и... этническое в целом» (стр. 20); и в другом месте: «...не следует ли предположить, что специфика этноса возникает не из суммы специфических элементов, а как специфическое сочетание, как своеобразная связь, интеграция неспецифических или лишь частично специфических элементов» (стр. 114). Но если так, то, видимо, это обязывает в целях моделирования этноса ввести в рассмотрение и определенные общие характеристики. Трудно, например, согласиться с тем, что «если в инструментарии исследования заложены вопросы, выясняющие некоторые стороны обрядовой жизни, то собранная о них информация будет репрезентировать не только сами эти стороны, но и в известной мере быт как компоненту этноса» (стр. 113). Трудно прежде всего потому, что сами материалы опроса населения свидетельствуют о том, что традиционные обряды удмуртов не имеют широкого распространения. Между тем по опыту изучения других народов мы знаем, что даже при несоблюдении подобных обрядов этническая специфика поведения и отношений в быту сохраняется и держится довольно стойко. Она отражается такими показателями, как отношения между мужем и женой, старшим и младшим поколением, внутрисемейное поведение и т. д., которые тоже фиксируют этноспецифику. При рассмотрении культуры важно было бы, на наш взгляд, полнее учесть факторы (признаки), которые характеризуют бытующие моральные и другие нормативные ценности, жизненные ориентации.

Известные сомнения возникают в отношении признаков, на основе которых анализируются национальные ориентации в профессиональной художественной культуре: художественная литература, музыка — это действительно ее «составляющие». Но прессу вряд ли можно рассматривать как равнозначный признак, характеризующий художественную культуру, она скорее является носителем общественно-политической информации (за исключением художественных журналов). Культурно-просветительные учреждения, радио, телевидение, тоже рассматриваемые как признаки художественной культуры (см. стр. 183), являются лишь средством распространения информации. Без специального рассмотрения содержания их программ вряд ли они могут отражать художественную культуру, в том числе в ее национальных формах.

Следует сказать об индикаторах этнического сознания и в целом этнопсихологической компоненты. В исследовании такими индикаторами в строгом смысле слова являются знание национальных праздников, национальных имен, стремление сделать национально-символический подарок, национальные установки и «интегрированная» установка — «сознание связи с этносом». Набор признаков немалый, но в нем не участвует, видимо, один из важнейших — этническое самосознание в узком, прямом значении этого слова, т. е. отнесение себя к данной нации (это отмечает и сам автор, стр. 217). Потому-то, возможно, психологические факторы и представляли крайнюю периферию системы (стр. 213).

Нам бы хотелось отметить подлинно научный подход автора к анализу материала. Этот подход, в частности, выражается в осторожном обращении с полученной информацией. На всем протяжении исследования и в конце его автор неоднократно отмечает: «Поиск ведется, конечно, только в пределах данной анализируемой информации» (стр. 33, 233 и др.). И этот строгий критический подход нам остается только приветствовать.

И, разумеется, прав В. В. Пименов, неоднократно предостерегая читателей от абсолютизации выводов, полученных с помощью использованной методики. Так, в случае с этнопсихологической компонентой он говорит, что речь идет о периферийности психологических факторов «в их наличном наборе», и не исключено, что «набор *p*-признаков недостаточен» (стр. 216).

Наиболее удачно представленной индикаторами и логически обоснованной оказалась, на наш взгляд, «языковая компонента» этноса. И закономерно, что граф связи «языковых» признаков — так называемого «языкового поведения» (употребление языка дома, на работе и т. д.) и отношения к родному языку выглядит, пожалуй, самым убедительным, а выводы автора о связи и значении признаков — интересными и содержательными.

Обратим внимание читателей на один немаловажный факт, установленный в исследовании В. В. Пименова: язык как этноинтегрирующий фактор оказался наиболее значимым в оценке самих опрашиваемых и в оценке интервьюеров, фиксировавших интерес людей, с которыми им довелось беседовать, к отдельным этническим признакам.

Отметим также, что прием сопоставления ответов опрашиваемых и интервьюеров, выступавших в данном случае экспертами, использованный В. В. Пименовым, несомненно заслуживает внимания.

Наконец, последнее, на чем хотелось бы остановиться — это вопрос об эффективности и возможности анализа материала при условии, если анализ ведется на основе полученных коэффициентов связи факторов. Наши рассуждения, естественно, основываются главным образом на логике и опыте социологических исследований. Опыт подсказывает: трудно согласиться с тем выводом автора, что обращение к условным распределениям (например, распределение людей, соблюдающих свадебный обряд в зависимости от места проживания, возраста, образования и т. д.) более удобно и целесообразно при анализе уже готовых графов связей, полученных на основе коэффициентов для установления «направления связей между факторами» (стр. 32). Можем ли мы при отборе показателей, значимых для анализа, довериться лишь показателям коэффициентов связи? Опыт подсказывает, что такой прием чреват немалой опасностью. Известно, что величина коэффициента связи определяется не только взаимной информированностью признаков, но и количеством градаций в каждом признаке (например, пол имеет две градации, образование — 7, а предпочтение танцев — 4). Использованию «информационного» коэффициента должны, естественно, предшествовать нормирование информационных признаков, а самое главное — содержательный анализ рассматриваемых признаков (не случайно видимо, более убедительными и логически обоснованными выглядят в книге графы связей отдельных компонент этноса, ведь здесь рассматриваются логически связанные признаки). Анализ материала только на основе полученных коэффициентов оставляет немало неясностей. Почему, например, в «модели» творческой интеллигенции межэтнические контакты и другие показатели оказались существенно взаимосвязанными с различием в образовании, в то время как уровень образования сравнительно однородной группы — интеллигенции — вряд ли может существенно различаться (стр. 79, 80)?

Можно ли утверждать, что социальное положение главы семьи существенно не влияет на социальный рост детей (стр. 54—56)? Видимо, если бы автор дал таблицу условных распределений, фиксирующую, сколько детей из разных социальных групп идут по стопам своих родителей, он мог бы прийти к иным выводам, которые совпали бы с выводами социологов, изучающих социальную мобильность в других районах страны и фиксирующих существенное влияние семьи, в том числе образования и связанного с ним социального положения родителей, на социальный рост человека в современных условиях.

Верно ли, наконец, на основе коэффициентов связи в «моделях» делать выводы о том, что обряды занимают «существенное место в жизни удмуртов» (стр. 126), если до 80% удмуртов не соблюдают традиционных обрядов на свадьбе и не высказываются за их сохранение, около 70% в городах и 50% в селах считают, что такие обряды не нужны и при рождении ребенка (см. стр. 124, 126), и не более 17% удмуртов в селе и 9% в городе указали на обряды как признак, по которому они ощущают свою связь с этносом (с. 99)?

Но все раздумья, которыми мы поделились не снимают значения предпринятого В. В. Пименовым труда. Сложное исследование, выполненное В. В. Пименовым с помощью его коллег, дает в целом верное представление о распространенности традиционных элементов в культуре удмуртов — народа, быстрыми темпами развившегося в условиях социализма свою экономику и культуру, вовлеченного в современные процессы урбанизации и интернационализации культуры. Книга содержит интересные данные об ориентациях на ряд традиционных и современных национальных ценностей (в области музыки, танцев, литературы и т. д.). Имеющийся в книге материал в известных пределах, очерченных автором, позволяет судить об основных зонах сохранения этнической специфики (такой зоной является, например, язык). Важным позитивным моментом в работе является рассмотрение всех охваченных изучением собственно этнических характеристик в их социально-демографическом разнообразии, стремление вскрыть диалектические противоречия в процессе развития этноса, в характере взаимоотношений между различными сторонами культуры, желание критически подойти к оценке полу-

ченных результатов, дать оценку тех гипотез, которые были выдвинуты в процессе работы.

Книга В. В. Пименова — заметное событие в развитии науки, это исследование зрелого автора, поставившего и рассмотревшего актуальные вопросы в этнографии, поэтому ее интересно читать и обсуждать. И совершенно очевидно, что она найдет широкого читателя среди всех интересующихся национальными проблемами.

Л. М. Дробужева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Українські народні казки Східної Словаччини, т. V. Зібрав, упорядкував, післямову та коментарі написав Михайло Гиряк. Словацке педагогічне видавництво в Братиславі. Відділ української літератури. Прایشів. 1976, 299 с.¹

Очередной том периодически издаваемых украинских сказок Словакии в новых записях М. Гиряка содержит 28 диалектных текстов в упрощенной транскрипции. Из них 24 записано в 1968—1971 гг. от крестьянина с. Бодруджал Свидницкого округа Петра Илько и 4 — от его жены Марии Илько. В Свидницком округе, где весьма значительную часть населения составляют украинцы, украинские сказки записывались еще в конце прошлого века И. Верхратским, В. Гнатюком². Из сказок Свидницкого округа состоит и предыдущий том (1972), в котором есть записи, сделанные в с. Бодруджал от Марии Илько.

Петр Илько превосходит современных ему земляков-сказочников обширностью репертуара и выделяется ярко выраженной традиционностью стиля своих сказок. Это обстоятельство подчеркивает М. Гиряк в послесловии (стр. 226—284), представляющем собой обстоятельное исследование репертуара и словесной формы сказок П. Илько в сопоставлении с ранее опубликованным местным сказочным материалом. Наряду со стилистической «обрядностью», исследуются особенности использования сказочником пословиц и поговорок, синтаксических повторов, метафор, и эпитетов, слов с уменьшительными суффиксами, выразительных междометий, имен персонажей и средств образности, восходящих к песенным жанрам. Столь разностороннему стилистическому анализу еще не подвергались сказки какого-либо народного украинского сказочника. На основе текстов данного тома автор послесловия кардинально пересматривает выводы известной монографии Иржи Поливки «Slovanskú pohádky» (Praha, 1932)³ о том, что стиль украинских закарпатских сказок якобы лишен оригинальности. Показывая сочетание традиционного и нового, устойчивого и импровизационного, коллективного и индивидуального начал сказкотворчества, М. Гиряк систематизирует подробности, связанные с природой Закарпатья, местным украинским бытом (материальной культурой, обычаями, обрядами), историческим прошлым края и с фактами биографии сказочника, а также анализирует его излюбленные словечки, обороты речи. В комментариях сказки схематично пересказаны, даны ссылки на номера указателей сюжетов (международного — Аарне — Томпсона, польского — Кшижановского, словацкого — Поливки) и на закарпатские украинские сборники. Словарь, приложенный к книге, облегчает чтение диалектных текстов. Текстологические принципы издания изложены во «Введении».

Красочное оформление художника И. Шафранко в духе детских рисунков, крупный шрифт цитеро, которым напечатаны сказки, говорят о том, что это издание, имея научные цели, рассчитано также на широкий круг читателей, не только взрослых.

Три четверти опубликованного репертуара П. Илько составляют волшебные и лишь одну четверть (6 текстов) — социально-бытовые сказки.

Все сказки П. Илько соотносятся с международными типами сюжетов, что отнюдь не умаляет их творческого своеобразия. Оно проявляется в детальной разработке, со-

¹ Рецензию на предыдущие тома (1965—1972) см.: «Сов. этнография», 1975, № 3.

² И. Верхратський. Знадоби для пізнання угорськоруских говорів. Львів, 1901, с. 142—148, 174—176, 189—192 — (на с. 142—144 сказки села Бодруджал); «Етнографічний збірник», т. IX. Львів, 1900, с. 79—81.

³ Сказки П. Илько рассматриваются как важнейший источник изучения своеобразия традиционной поэтики украинских сказок Закарпатья и в недавно изданной работе М. Гиряка «Вступні формули українських народних казок Східної Словаччини». — «Науковий збірник Музею української культури у Свиднику», т. 7. Братислава — Прایشів, 1976, с. 481—508, где анализ ведется с полным учетом опубликованных в XIX—XX вв. местных сказочных текстов.

чтениях этих сюжетов и отдельных эпизодов, в художественной логике действия и образов, словесной изобразительности, живости диалогов и повествования.

Примечательно, что ряд текстов П. Илько типичен для восточнославянского сказочного эпоса и не имеет параллелей в словацком, польском и венгерском опубликованном материале.

Зато ряд текстов имеет структуру, обычную для западнославянского, а также западноукраинского, западнобелорусского и отчасти западноевропейского сказочного материала. Это например, № 3 (АТ 709, «Волшебное зеркальце», +706, «Безручка», +707, «Чудесные дети»), № 16 (АТ 451, «Братья-вороны») и др.

Каждый новый том серии украинских сказок Словакии проясняет и дополняет научные представления об особенностях местного украинского репертуара и самых популярных его сюжетах. Одним из них является АТ 304, «Чудесный охотник», очень редко встречающийся в русском и отсутствующий в белорусском сказочном материале. Текст № 8 данного тома — «Як один из трьох братів визволив сестру і жінку» (АТ 304+400, «Поиски исчезнувшей жены») — это уже седьмой опубликованный закарпатский украинский вариант типа АТ 304, а других украинских вариантов в опубликованном материале нет. К самым популярным в украинских селениях Закарпатья, — в частности, Восточной Словакии, — сказочным сюжетам относится и тип АТ 451. Сказка П. Илько «Про трьох братів-гавранов» (текст № 16) — это 14-й опубликованный украинский и 7-й карпатско-украинский вариант этого типа, популярного у поляков (20 опубликованных текстов), а также у словаков, чехов, венгров, нередко в белорусских (8 опубликованных текстов) и реже встречающегося в русских сборниках (5 текстов). Сюжетный тип АТ-710, «Крестница богоматери», к которому относится текст № 17, тоже особенно часто встречается в закарпатском материале: из десяти опубликованных его украинских вариантов (считая и текст П. Илько) девять записано в Закарпатье (шесть на нынешней территории Восточной Словакии).

Полнота разработки сюжетов Петром Илько связана с внесением им особых бытовых подробностей в жизнеописание героев сказки. Так, например, подробности пребывания героя на солдатской службе в сюжете типа 301 Д* (текст № 2). Вместе с тем П. Илько, своеобразно сочетая друг с другом традиционные сюжеты-мотивы, дополняет их событиями или опускает некоторые эпизоды. Так, например, повествование о волшебном кольце он доводит только до эпизода похищения кольца королевной, неверной женой героя (текст 12), а в сюжете о чудесной лампе опускает эпизоды похищения чудесной лампы и королевны чародеем, расправы героя с чародеем и др. (текст 15).

Необычными контаминациями сюжетов, не имеющими соответствия в других сборниках, отличаются текст № 12 — АТ 1960, «Боб до неба», +560, «Волшебное кольцо» (в комментариях указан только тип 560) и ряд других текстов.

Следование традициям неотделимо в структуре сказок П. Илько от свободной игры фантазии, что соответствует характерной современной тенденции сближения устной волшебной сказки с приключенческой повестью. Ту же тенденцию можно проследить в композиционном строе социально-бытовых сказок П. Илько.

Не менее существенно творческая личность сказочника проявляется в стиле сказок. Почти все волшебные сказки данного тома начинаются словами: «Было де не было, в сімдесят семей столиці, за горячим, за зимным морем...» Данная формула соответствует началу сказок многих народов («Было не было...») и напоминает часто встречающееся в восточнославянских сказках вступление о тридевятом царстве. В целом же приведенные выше слова П. Илько совпадают с формулой, известной по сказкам ряда украинских закарпатских сказочников. Но П. Илько, импровизируя, нередко по-своему дополняет эту формулу размышлениями, расцвечивает ее прибаутками, и она перерастает в сложное предисловие-пролог, настраивающее слушателей к переходу из реального в волшебный сказочный мир. Своеобразно варьируется это предисловие в тексте № 3, где вступительная формула слита с заключительной — «А сів ім на повесло, аж ту ня принесло», которой П. Илько обычно заканчивает сказки.

Переходных формул, традиционных для сказок всех трех восточнославянских народов, у П. Илько немного, но они все же встречаются, например: «ся скоро повідат, но але то не так накоротко пішло, як я повів» (текст 4, вариант в тексте 6). В творчески измененном виде применяет он эту формулу в тексте № 3: «...приповідка ся скоро повідат, але двадцять голов не так скоро одтяти...». Разновидности типичных для восточнославянских сказок типа АТ 300 А представляют диалоги богатыря Попела со змеем-шарканем и шарканя с конем в тексте № 1. Излюбленная формула П. Илько «такы, же око не чуло, ухо не виділо» используется и другими украинскими сказочниками Закарпатья и Прикарпатья.

Встречаются в сказках П. Илько и традиционные стилистические формулы, специфичные для закарпатского фольклора, например: «Прийшов-ям до Кожуховець та й приповідіть конець» (тексты 14, 16).

При всем тяготении к традиционному стилю сказки П. Илько отличаются замечательной живостью выразительных и изобразительных средств современного разговорного украинского языка, бытуемого в с. Бодруджал, и отражают характерные особенности местного говора. Современная лексика и связанные с ней понятия оказали естественное влияние на переосмысление традиционных стилистических формул, сравнений, сюжетных мотивов. Так, в сказке «Чарівне дзеркало» (текст № 3), рассказчик шут-

ливо замечает по поводу расправы слуги над осужденной королевной («взяв і одфікнуф руки»): «Кедь то дохторе ріжут, та інекцію давають, а там не були інекції».

Жанровая трансформация сказки в устную авантюрно-фантастическую или авантюрно-бытовую устную повесть, обусловленная творческим мышлением современного сказочника, как видно из фольклорного материала данной книги, может быть связана со вторжением в традиционный сказочный сюжет событий современности. Так, в сказке «Син профессора» (текст № 19) есть эпизод: офицеры готовятся к выступлению против рабочих, которые устроили революцию, и капитан отдает распоряжение в связи с этим по телефону своему денщику.

Украинские сказки Словакии связаны с восточнославянской и западнославянской фольклорной традициями. В репертуаре отдельных сказочников соотношение этих традиционных основ различно, но связь с общеукраинским сказочным эпосом все же является более глубокой, особенно в стилевом отношении.

Сопоставляя сказки П. Илько и таких украинских сказочников Словакии прошлого века, как М. Пустай и М. Фотул, можно заметить в репертуаре современного сказочника отражение процесса разложения жанра и стиля устной сказки, обеднение ее репертуара. Однако эти сказки все же доказывают возможность достижений народного сказкотворчества и в условиях закономерного, но очень противоречивого процесса затухания устной сказочной традиции. Судя по многомотнику М. Гирияка, процесс сказкотворчества получает самобытное выражение в украинских селениях Восточной Словакии, которые наряду с селениями Советского Закарпатья являются редкими очагами активно бытующего сказочного эпоса.

Заключающие книгу тексты №№ 25—28, записанные от Марии Илько, не соответствуют определенным типам сказочных сюжетов: это устные рассказы о житейских случаях.

В предисловии М. Гирияк высказал предположение, что сказки П. Илько послужат ценным источником для выяснения межэтнических связей сказочного эпоса славянских народов и привлекут внимание любителей художественного слова. Разделяя эту надежду, мы вместе с тем снова, как и в рецензии на предыдущие тома, отметим желательность издания избранных текстов этого многомотника в Советском Союзе на русском языке.

Л. Г. Бараг

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

А. Н. Седловская. Малые народы Бихара (историко-этнографический очерк). М., 1976, 125 стр.

Проблемы этногенеза и основные этапы этнической истории так называемых «малых» народов, изменения в их традиционной материальной и духовной культуре и социально-экономических отношениях неизменно вызывают пристальное внимание советских исследователей.

Действительно, трудно себе представить формирование больших этносов без учета того вклада, который внесли в этот процесс малые народы. К тому же надо учитывать, что последние зачастую являются автохтонами того или иного региона. В этом отношении Южная Азия (и в первую очередь Индия) как особая историко-этнографическая область представляет особый интерес.

Новая работа А. Н. Седловской «Малые народы Бихара» посвящена одному из наиболее сложных в этническом отношении штатов Северной Индии. Как известно, в Бихаре живет 30 «зарегистрированных племен», общая численность которых, по переписи 1971 г., составляет 4 млн. 932 тыс. чел., или 8,7% всего населения штата и 13% численности «зарегистрированных племен» Индии в целом.

Книга состоит из обширного введения, четырех глав и краткого заключения. Во Введении (стр. 3—32) А. Н. Седловская аргументированно обосновывает необходимость изучения этнического и социально-экономического развития малых народов Бихара. Автор справедливо подчеркивает, что сам термин «зарегистрированные племена», официально принятый в Индии, весьма условен, так как большинство из них давно уже переросло стадию племенной организации и сохраняет ее лишь в пережиточной форме. Но одновременно с этим принятый в советской этнографической литературе термин «малые народы» также не лишен некоторой условности: численность отдельных народов, входящих в эту категорию, иногда достигает нескольких миллионов человек.

Например, только в Бихаре санталов насчитывается свыше 1,8 млн. чел., ораонов — 876 тыс., мунда — 723 тыс. и хо — 505 тыс. чел.

Во Введении также дается обзор источников и литературы, рассматриваются численность и расселение малых народов Бихара, их лингвистическая и антропологическая характеристика, а также географические условия исследуемого района. Многие из этих народов являлись потомками древнейших жителей рассматриваемого региона, в значительной степени сохранившими в своем антропологическом облике веддоидные черты.

Часть малых народов, известных в индийской литературе также под названием «адиваси» («первозазельщики»), была в самые отдаленные времена отнесена в малодоступные глухие горные и лесные районы. И это, как справедливо отмечает А. Н. Седловская, «явилось одной из главных причин отсталости их социально-экономического развития» (стр. 3, 4).

В настоящее время основную территорию расселения малых народов составляют южные и восточные округа Бихара, в первую очередь область Чотанагпур и округ Парганы Санталов.

В главе I, «Основные этапы исторического развития» (стр. 33—57), автор, привлекая обширный материал, прослеживает историю заселения Бихара, который был освоен человеком в глубокой древности. Об этом свидетельствуют находки палеолитических стоянок и орудий труда человека. В эпоху неолита восточная часть Индостана, Бирма и Индокитай, по-видимому, составляли единую территорию, на которой были распространены близкие культуры.

А. Н. Седловская шаг за шагом рассматривает этапы расселения древних народов на территории современного Бихара и прилегающих районов. И ее вывод о том, что некоторые из них явились родоначальниками современных малых народов, на наш взгляд, вполне закономерен.

Советские антропологи высказали мнение, что предки мунда принадлежали к переходным австралоидно-монголоидным популяциям, которые по мере продвижения на юго-запад все более и более смешивались с веддоидным населением — первоначальными насельниками Индостана. Анализируя и сопоставляя различные данные, А. Н. Седловская пришла к следующему выводу: «Современные мундаязычные народы Бихара и некоторых районов соседних штатов в антропологическом отношении представляют именно такой веддоидный комплекс с разной степенью выраженности монголоидных черт» (стр. 35).

Несомненно, как показывает автор, в дальнейшем антропологический и этнический состав аборигенов населения усложнился с приходом протодравидов и особенно, конечно, в связи с массовым вторжением ведических ариев.

Несмотря на то, что в настоящее время в Бихаре среди малых народов большинство составляют мундаязычные группы, на наш взгляд, в этом разделе исторической главы дравидоязычным народам должно быть уделено большее внимание и более четко определено их место в системе «мунда — арии».

В этой главе достаточно обстоятельно рассказано обо всех перипетиях этнической истории малых народов Бихара, об их длительной и упорной борьбе против вторжения индоарийских народов.

Особенно быстро начало ухудшаться положение адиваси во второй половине XVIII в., потому что после битвы при Плесси в 1756 г. Бихар фактически вошел в состав английских колониальных владений в Индии. Как известно, англичане ввели в этой области систему крупного землевладения, известную под названием «заминдари», и землевладельцы-заминдари, которые зачастую были выходцами из числа крупных соседних народов, начали безудержный захват исконных земель малых народов. Последние не раз брались за оружие, чтобы отстоять свои законные права.

А. Н. Седловская исследует процесс обезземеливания адиваси и показывает его последствия в нелегких исторических судьбах малых народов, которые подвергались двойному грабежу как со стороны «своих» местных заминдаров, торговцев и ростовщиков, так и со стороны английских колониальных властей.

Адиваси, как показано в книге, внесли немалый вклад в развертывание антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Индии. Это, конечно, в первую очередь относится к наиболее крупным «малым» народам. Именно у них наиболее развито этническое самосознание, которое проявляется в их большей политической активности.

Глава II, «Хозяйство и материальная культура» (стр. 58—76), посвящена основным занятиям малых народов Бихара, их поселениям и жилищам, пище и одежде.

Последние индийские переписи выделяют в штате, как уже говорилось, 30 «зарегистрированных племен», которые отличаются как своей численностью, так и уровнем социально-экономического развития.

В настоящее время основным занятием подавляющего большинства малых народов Бихара является сельское хозяйство, в основном земледелие. Автор подчеркивает, что у таких крупных народов, как санталы, мунда, ораоны, хо и ряда других с давних пор господствует пашенное земледелие. Правда, среди них встречаются также группы населения, которые практикуют ручное земледелие (подсечно-огневое и террасное). Возможно, на наш взгляд, что последние, вытесненные с удобных пашенных земель, попали в менее благоприятные географические условия (горы, джунгли) и были вынуждены в новой обстановке изменить характер своей хозяйственной деятельности. Такие примеры в истории Южной Азии известны.

У другой группы народов, менее многочисленных (саурия пахариа, мал пахариа, асуров, кхариа и др.), подсечно-огневое земледелие (джум или курао) было и все еще остается основной формой их хозяйственной деятельности.

Хозяйственно-культурный тип охотников и собирателей «в наиболее чистом виде сохранился у бирхоров и некоторых групп кхариа» (стр. 58). По-видимому, почти все человечество прошло эту стадию. И слова А. Н. Седловской о том, что охота и собирательство «в пережиточной форме встречается почти у всех малых народов Чотанагпура» (стр. 58), только подтверждают эту мысль.

Следует сказать, что автор убедительно показал взаимосвязь материальной культуры с уровнем социально-экономического развития и хозяйственно-культурным типом изучаемых народов. В этой главе много новых интересных сведений и сопоставлений элементов материальной культуры малых народов с материальной культурой больших соседних этносов. К сожалению, объем рецензии не позволяет остановиться на этом вопросе более подробно.

В главе III, «Общественные отношения и социальная организация. Аграрные отношения» (стр. 77—99), рассматриваются очень сложные и актуальные вопросы. Проблемы, поднятые А. Н. Седловской, собственно говоря, определили и определяют дальнейшие пути этнического развития малых народов Бихара.

Эту главу автор правомерно открывает историей земельных отношений, так как «основная часть населения малых народов Бихара занята в сфере сельского хозяйства, главной отраслью которого является земледелие (в переписи 1971 г. 60,6% населения „зарегистрированных племен“ Бихара числятся земледельцами, а 27,5% — сельскохозяйственными рабочими)» (стр. 77).

Аграрные отношения отличались и отличаются сложностью и запутанностью. В их старые, традиционные формы английские колонизаторы ввели много «новшеств», которые еще больше усложнили эти отношения. А. Н. Седловская анализирует всю совокупность взаимоотношений между государством, крупными и средними землевладельцами, мелкими землевладельцами и различными категориями арендаторов.

Как и во всей остальной Индии, в Бихаре была распространена исполщизина, различные формы принудительного труда (бегар), система незаконных поборов (абзабы), взимаемых помещиками с беззащитных крестьян. Кое-где они в силу традиций сохранились до настоящего времени.

Малоземелье значительной части крестьянства приводило его к быстрому и прогрессирующему разорению. Автор справедливо отмечает, что крестьяне «превращались или в бесправных сезонных сельскохозяйственных рабочих, или в отходников, уходивших работать на чайные и джутовые плантации Ассама и Бенгалии» (стр. 80).

Конечно, после достижения Индией независимости в Бихаре, как и во всех остальных штатах, произошли значительные перемены, часть которых была связана с проведением здесь аграрных реформ. Однако, как справедливо пишет автор, «...аграрная проблема там не решена и эксплуатация основной массы адиваси продолжается, с одной стороны, их богатыми соплеменниками, с другой — представителями инонациональных поселенцев, ростовщиками и бывшими заминдарами» (стр. 83).

Характеризуя общественные отношения и социальную организацию малых народов, А. Н. Седловская совершенно правильно, на наш взгляд, пошла по пути описания близких между собой в традиционно-бытовой культуре групп малых народов. Это позволило ей в значительной мере избежать повторов.

В этой главе автор специально выделял два небольших раздела — «Пролетариат» и «Интеллигенция» (стр. 84—86), которые органически связаны с кратким заключением. Выделение этих разделов вполне оправдано.

Южные округа Бихара становятся наиболее промышленно развитыми районами Индии, а Чотанагпур превращается в «индустриальное сердце Индии». Ряды рабочего класса, численность которого непрерывно возрастает, в значительной мере пополняются за счет адиваси. В большинстве случаев, как отмечает автор, «рабочие, принадлежащие к малым народам, — наиболее эксплуатируемая часть индийского пролетариата, многие из них не имеют квалификации и получают очень низкую заработную плату» (стр. 84). Среди адиваси много сезонных рабочих.

Но одновременно с этим из числа малых народов формируется «костяк наиболее квалифицированной и сознательной части пролетариата Чотанагпура» (стр. 85), который все активнее вместе с рабочими других национальностей выступает за свои экономические и политические права. Непрерывное увеличение кадров рабочего класса имеет далеко идущие социальные последствия. Адиваси, живущие среди многонационального населения в промышленных центрах, испытывают культурное влияние со стороны окружающих народов, перенимают основные элементы материальной и духовной культуры. И что особенно важно, как подчеркивает А. Н. Седловская, «в условиях города среди адиваси повышается процент смешанных браков. Все это ведет к постепенному стиранию этнических различий между представителями малых народов и убыстрят их ассимиляцию» (стр. 85, 86).

Глава IV, «Духовная культура» (стр. 100—115), посвящена верованиям и народному творчеству. Отмечая, что индуизм и народные верования малых народов в Бихаре сосуществуют в течение многих веков, автор закономерно ставит вопрос об их взаимовлиянии. А. Н. Седловская справедливо подчеркивает приверженность малых народов своим древним верованиям. Но это не противоречит тому, что в настоящее

время малые народы Бихара не представляют собой единства в религиозном отношении. Верования многих из них в той или иной степени подверглись влиянию индуизма. Больше это касается тех народов, которые сейчас почти утратили свое этническое лицо, превратившись во внекастовых и низкокастовых индусов.

Но даже те адиваси, которые принимали индуизм и его основные догмы, одновременно с этим в значительной мере сохраняют свои древние верования, приспособляя их к индуистской практике. «В меньшей степени,— как отмечает автор,— подверглись индуизации те малые народы, которые представляют собой общности с устойчивыми этническими признаками (санталы, мунда, хо, ораоны и др.)» (стр. 110).

Среди адиваси значительный процент населения исповедует христианство. И, видимо, справедливо пишет автор, что «христианизированная часть малых народов Бихара стоит ближе ко всей общине индийских христиан, нежели к своим соплеменникам» (стр. 109). Это обстоятельство, несомненно, создаст сложности в этническом развитии малых народов Бихара.

В то же время у таких малых народов, как санталы, ораоны, хо и мунда, образовалась значительная прослойка своей интеллигенции, численность которой непрерывно возрастает. Она «играет существенную роль в развитии их этнического, или национального, самосознания» (стр. 86). Именно эта интеллигенция, на наш взгляд, в какой-то степени является носительницей и проводником этнической ограниченности. Она ратует, например, за предоставление национальной автономии народам группы адиваси Чотанагпура и создание штата Джаркханд. Но претворение этого требования в жизнь едва ли реально, так как, во-первых, малые народы в этом регионе составляют все меньшинство и, во-вторых, интересы промышленного пролетариата и местной буржуазии все больше связываются с общеиндийскими интересами, перерастая рамки отдельного штата.

В то же время автор, на наш взгляд, совершенно прав, когда высказывает предположение, что «такие народы, как мунда, ораоны, санталы, хо, ведущие активную борьбу за национальное самоопределение, возможно, пойдут по пути консолидации в рамках единой этнической общности и даже получат региональную автономию, вероятно, в рамках того же штата» (стр. 118). Малочисленные народы — бирхоры, бхумиджи, кхариа — постепенно будут ассимилироваться соседними более крупными этносами.

Для подобного прогноза у автора есть серьезные основания. Действительно, если такие многочисленные народы, как санталы, мунда, ораоны, хо, живут в основном компактно и имеют свои определенные этнические территории, то ряд малочисленных «зарегистрированных племен» живет дисперсно и ни в одном из округов Бихара не составляет значительного процента населения. Это приводит к тому, что в некоторых округах часть последних пополняет ряды «зарегистрированных каст» индусов таких трех основных больших этносов Бихара, как бходжпурцы, магахи и майтхилы, которые часто не совсем правомерно называют собирательным термином «бихарцы».

Заслуга А. Н. Седловской в том, что в сравнительно небольшой по объему монографии она сумела проанализировать большой материал и не только показать впервые в советской этнографической науке специфику этнических процессов в Бихаре, но и дать характеристику материальной и духовной культуры обитающих здесь малых народов. Все это, несомненно, очень важно для изучения общих закономерностей этнического развития народов Индии в целом.

Конечно, в этом серьезном исследовании есть и свои просчеты. Так, например, на наш взгляд, следовало бы более широко использовать для сопоставления сравнительный материал по соседним штатам. Неоправдано кратко разделы, посвященные таким основным элементам материальной культуры, как одежда и пища, нет указателя и словника. Но отдельные недочеты никоим образом не снижают научной ценности рецензируемой монографии.

В. И. Кочнев

НАРОДЫ АФРИКИ

А. Гаудио. Цивилизации Сахары. Десять тысячелетий истории, культуры и торговли. М., 1977, 224 с.

Современная научно-техническая революция привела к стремительному росту числа публикаций, посвященных таким районам мира, которые прежде привлекали лишь ограниченный интерес, а в наши дни оказались в центре внимания благодаря наличию в этих районах тех или иных минеральных богатств. Одновременно с этим усиление борьбы народов развивающихся стран за свое право распоряжаться природными богатствами своих стран в немалой степени обусловило и внимание, которое уделяется сейчас в мировой печати населению таких районов — их традиционной культуре, ее взаимодействию с новыми культурными явлениями, какие возникают в результате экономического развития, наконец, изменениям, которые это развитие вызывает во всех сферах жизни населения некогда глухих окраин земного шара.

К числу таких областей принадлежит и величайшая пустыня мира — Сахара. За последние два — три десятилетия ей посвящено чуть ли не больше статей и книг, чем за всю предшествующую историю книгопечатания. И вместе с тем в публикациях научно-популярного характера успел уже выработаться своеобразный и, к сожалению, довольно устойчивый стандарт, построенный на примерно равной дозировке современности и «экзотики». Поэтому рецензию на русское издание книги итальянского историка-публициста и общественного деятеля А. Гаудио хочется начать как раз с того, что автор сумел в основном счастливо избежать этого стандарта.

От «стандартизации» описания Гаудио уберегло ясное понимание того, что вещи и явления, могущие европейскому читателю показаться занимательной экзотикой, для подавляющего большинства пусть даже немногочисленного населения Сахары и сегодня еще остаются самой что ни на есть живой повседневностью. Именно искреннее уважение к обитателям пустыни, живой интерес к их нелегкой жизни мы можем считать одним из главных достоинств книги.

Гаудио вовсе не претендовал на то, чтобы нарисовать полную картину развития культур народов Сахары; в этом смысле название его работы, может быть, несколько шире ее содержания. Но, тем не менее, ему удалось дать читателю серию очерков о некоторых из важнейших групп сахарского населения, притом сделал он это на достаточно широком историческом фоне. Примечательно, что Гаудио сравнительно мало внимания уделяет современным изменениям в быту и хозяйстве, скажем, наиболее типичных сахарских кочевников — туарегов (между тем стандарт, о котором шла речь, предполагает как раз прямое противопоставление таких фактов, как туареги — некогда хозяева пустыни, и туареги — ночные сторожа в современных африканских городах). Итальянский же автор, насколько можно понять, главную свою задачу видел в показе традиционных форм хозяйственной, общественной и семейной жизни внутри того сложного и многослойного организма, который обозначают обычно словосочетанием «кочевники Сахары». Как раз поэтому столько внимания уделил Гаудио описанию кочевого хозяйства различных групп туарегов и их взаимоотношений с оседлыми жителями оазисов. Этому посвящена, в сущности, вся первая часть книги (стр. 39—104).

Надо сказать, что в работе А. Гаудио широкая читательская аудитория у нас в стране впервые получила нечто вроде сводного описания самых крупных объединений туарегских племен — алжирских и нигерских. Приходится, правда, подчеркнуть как раз слово «нигерских», а не «нигерийских», как значится на стр. 89 русского издания: плоскогорье Аир находится целиком на территории Республики Нигер, и от нигерийской границы его отделяют сотни километров (аналогичное замечание можно высказать и по поводу «нигерийской флотилии» — стр. 214).

Понятно, конечно, что в книге такого рода нельзя было обойти проблему будущего кочевников Сахары, их приспособления к быстро изменяющейся действительности. Естественным поэтому представляется включение в первую часть специальной главы, так прямо и названной «Использование ресурсов Сахары» (стр. 104—127). И хотя глава эта посвящена практически только алжирской части великой пустыни, она в достаточной степени показывает и общие для всей Сахары проблемы. Досадно только, что глава в какой-то мере «выбивается» из общего стиля книги — даже если принять во внимание, что такая книга неизбежно должна оказаться произведением смешанного жанра. В самом деле, Гаудио в этой главе сжато излагает (и, надо ему отдать справедливость, делает это весьма удачно) справочные сведения сразу по нескольким отраслям знания — геологии, ботанике, этнографии — не давая себе труда и в малой степени изменить при изложении такого материала справочный стиль. В итоге полезная и нужная глава выглядит как бы чужеродным вкраплением.

Для широкого читателя немалый интерес представляет и вторая часть книги А. Гаудио, где рассматриваются судьбы одного из основных транссахарских караванных путей средневековья — дороги из Южного Марокко к среднему течению р. Нигер. Здесь хочется обратить внимание на то, что итальянский автор едва ли не впервые в наших изданиях главное место уделил не столько южной оконечности этого пути — району Томбукту, сколько марокканской и сахарской его частям. Как раз они в нашей

научно-популярной литературе не затрагивались, тогда как суданская сторона этой системы многовековых контактов освещалась в той или иной степени уже не один раз. Гаудио использовал очень разнообразные материалы — археологические, этнографические, описания средневековых арабских и более поздних европейских путешественников. В результате он создал живую и интересную картину очень древней культурной традиции, сложившейся в этой части континента и единой в основных своих чертах на огромном пространстве от Тафиалета до Нигерской долины.

Конечно, А. Гаудио не всегда удается правильно осмыслить те данные, которыми он пользовался: порой он к ним относится с излишней доверчивостью, иной раз поддается соблазну несколько «осовременить» описываемые им вполне средневековые по своему характеру факты и явления. Да и вообще, как справедливо отмечено в предисловии Д. А. Ольдерогге, «в книге... журналист преобладает над ученым» (стр. 6). Но в целом эту книгу можно считать безусловной удачей автора. Она способна вызвать интерес у широкого читателя (ведь специалистов по истории и этнографии народов Сахары у нас в стране с трудом наберется десяток — другой), побудить его к дальнейшему чтению, к углублению своих знаний о затронутых в книге проблемах. А ведь в этом и заключается, вероятно, главная задача научно-популярной книги и главный критерий ее успеха или неудачи. Думаю, что такую задачу книга А. Гаудио может успешно выполнить, почему и заслуживает положительной оценки.

Рецензировать переводные издания непросто, помимо всего прочего, и потому, что при оценке работы должно строго отделять авторскую ее часть от той, которая принадлежит переводчику. В данном случае эта сторона задачи облегчена высоким качеством перевода. Собственно, за исключением некоторых чисто терминологических неточностей, вроде уже отмеченной, переводчику вообще нельзя предъявлять претензий. А из такого рода неточностей можно обратить внимание скажем на «квартал Меллах» в Акке (стр. 161): «мелла» (или «меллах», если угодно) не топоним, а термин, обозначающий гетто в средневековых городах Северной Африки. Впрочем, эти погрешности в переводе единичны.

Приходится, однако, высказать сожаление, что при публикации русского издания книги А. Гаудио не всегда в достаточной мере комментировались те места авторского текста, которые заслуживают пояснения, равно как и не всегда отмечены в примечаниях явные неточности и несуразности, лежащие на совести автора. Правда, общие ошибочные взгляды Гаудио охарактеризованы в предисловии (стр. 5—6). Но все же мне представляется, что такого же пояснения заслуживали и некоторые другие места.

Вот, скажем, описание поземельных отношений в Алжирской Сахаре (стр. 110—111). Они не слишком-то ясно освещены самим Гаудио. Главное же — совершенно непонятной остается такая ключевая фигура всей системы, как «хаммас» (или «хаммес»). В тексте он охарактеризован как издольщик, и это, в общем-то, справедливо; но характер издольщины, понятный автору, вовсе не столь очевиден для неподготовленного читателя. А ведь эта издольщина из пятой доли урожая, зафиксированная в самом термине «хаммас», есть в сущности кабальная форма эксплуатации и явно заслуживала бы более подробного разъяснения.

Стоило бы дать пояснения и к изложению автором истории начальных этапов алморавидского движения (стр. 190 и сл.). Гаудио, вероятно, ради большей доступности текста европейскому читателю, пишет о «монастыре», «монахах» и т. п. Но при переводе, наверное, стоило бы указать, что в действительности представляли рибаты мусульманского средневековья и почему их определение в качестве монастырей очень и очень приблизительно, а в некоторых отношениях — и прямо противоречит историко-культурной реальности. Непонятно, кстати, и то, почему на всех этих страницах основатель Алморавидской державы упорно именуется просто Ташфином, т. е. по имени своего отца, поскольку имя правителя было Юсуф б. Ташфин (или Ташуфин). Неужели только из уважения права автора на ошибки?

Не совсем понятно, почему не отмечен чисто формально-генеалогический характер возведения берберов-лемтуна к химьяритам на стр. 189. Ведь редакторское примечание № 14 (стр. 220) сформулировано в общей форме, и Химьяр в нем не упомянут.

Не всегда отмечены в примечаниях реальные или кажущиеся противоречия авторского текста. Скажем, из текста на стр. 62 и 64 трудно понять, возрастало или сокращалось у туарегов Ахаггара поголовье скота (речь идет, понятно о том, что было до многолетней засухи и бескормицы начала 70-х годов). Столь же неясной остается и амплитуда суточных колебаний температуры по данным стр. 105 и 108. Непонятны отступления от принятой у нас номенклатуры географических названий — например, Хумбури вм. Хомбори (стр. 214), или этнонимов (ниафонке вместо ниафунке, там же). Конечно же, всё это мелочи, но тем более досадные, что их устранение не потребовало бы сколько-нибудь серьезных усилий от редакторов.

Однако эти погрешности не меняют общей положительной оценки русского перевода книги А. Гаудио. Книга «Цивилизации Сахары» содержит богатый и полезный познавательный материал. Она написана истинным другом народов Африканского континента

Л. Е. Куббель

СОДЕРЖАНИЕ

Навстречу X Международному конгрессу антропологических и этнологических наук	3
Н. А. Томилов (Омск). Современные этнические процессы в южной и средней полосе Западной Сибири	9
Б. М. Эккель (Москва). Некоторые аспекты межэтнических контактов в Удмуртской АССР	22
Н. А. Дубова (Москва). К проблеме формирования памиро-ферганской расы	34
В. Г. Осипов (Москва). Первые контакты тонганцев с европейцами в XVII—XVIII вв.	46
Дискуссии и обсуждения	
Ю. И. Семенов (Москва). О некоторых теоретических проблемах экономики первобытного общества	58
Сообщения	
Л. Н. Чижикова (Москва). Этнические аспекты материальной культуры населения юго-западных районов Курской области	76
Т. А. Гонтарь (Львов). Посуда и домашняя утварь карпатских украинцев в конце XIX — первой четверти XX в.	88
Ш. Ж. Мынжасарова (Алма-Ата). Народное ювелирное искусство казахов Западного Казахстана	99
Н. В. Кочешков (Владивосток). Народное декоративное искусство агинских бурят (по материалам этнографической экспедиции 1973 г.)	107
М. Шрамкова (Брно). К вопросу о взаимоотношении чешской фольклорной прозы и литературы	119
А. Г. Лундин (Ленинград). Престолонаследие в Катабане	123
Б. Суанкей (Ванкувер). Земельные иски аборигенных народов Канады	131
Поиски, факты, гипотезы	
Н. А. Красновская (Москва). Загадочные башни Сардинии	137
Хроника	
В. Н. Басилов (Москва). Работа Института этнографии АН СССР в 1977 году	148
Научная жизнь	
Д. Д. Тумаркин (Москва). Девятая всесоюзная конференция океанистов и австраоловедов	158
Е. С. Новик (Москва). VII Всесоюзный семинар музыковедов-фольклористов	160
Коротко об экспедициях	162
Критика и библиография	
Общая этнография	
И. Р. Григулевич (Москва). И. А. Кривелев. История религий, т. 1 и 2	164
В. П. Кобычев, Я. В. Чеснов (Москва). Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография	167
Г. Е. Марков (Москва). Э. А. Рикман. Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры	170

Народы СССР

Л. В. Остапенко (Москва). Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, Л. А. Оников. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра	173
В. И. Козлов (Москва). Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствovedения	175
Л. М. Дробнжева (Москва). В. В. Пименов. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса	178

Народы зарубежной Европы

Л. Ф. Бараг (Уфа). Українські народні казки Східної Словаччини, т. V	182
--	-----

Народы зарубежной Азии

В. И. Кочнев (Москва). А. Н. Седловская. Малые народы Бихара (историко-этнографический очерк)	184
---	-----

Народы Африки

Л. Е. Куббель (Москва). А. Гаудио. Цивилизации Сахары. Десять тысячелетий истории, культуры и торговли	188
--	-----

SOMMAIRE

Vers le Xe Congrès International des Sciences Anthropologiques et Ethnologiques	3
N. A. Tomilov (Omsk). Processus ethniques modernes dans la bande méridionale et celle du centre du territoire de la Sibirie Occidentale	9
B. M. Ekkel (Moscou). Quelques aspects des contacts interethniques en R. S. S. A. des Oudmourtes	22
N. A. Doubova (Moscou). Contribution au problème de la formation de la race pamiro-ferghanienne	34
V. G. Ossinov (Moscou). Les premiers contacts des Tonganiens avec les Européens aux XVIIe—XVIIIe siècles	46

Discussions et délibérations

Yu. I. Sémionov (Moscou). De quelques problèmes théoriques de l'économie des sociétés primitives	58
--	----

Communications

L. N. Tchijikova (Moscou). Aspects ethniques de la culture matérielle des populations des arrondissements sud-ouest de la région de Koursk	76
T. A. Gontar' (Lvov). Vaisselle et utensiles de ménage des Ukrainiens de Carpathes, fin XIXe—premier quart XXe s.	88
Ch. J. Mynjassarova (Alma-Ata). L'art populaire de joaillerie des Kazakh du Kazakhstan Occidental	99
N. V. Kotchiechikov (Vladivostok). L'art décoratif populaire des Bouriates d'Aguinsk (d'après les matériaux de la mission ethnographique de 1973)	107
M. Sramkova (Brno). Contribution au problème des rapports entre la littérature et la prose orale tchèque	119
A. G. Loundine (Leningrad). Succession au trône au Qataban	123
B. Swankey (Vancouver). Actions civiles foncières des populations autochtones du Canada	131

Recherches, faits, hypothèses

- N. A. Krasnovskaïa (Moscou). Les tours énigmatiques de la Sardaigne . . . 137

Chroniques

- V. N. Bassilov (Moscou). Activités de l'Institut d'Ethnographie, Académie des Sciences de l'U. R. S. S., en 1977 . . . 148

Vie académique

- D. D. Toumarkine (Moscou). IXe Conférence Nationale des études océaniques et australiennes . . . 158
Ye. S. Novik (Moscou). VIIe Séminaire National des musicologues-folklorisants . . . 160
Missions en bref . . . 162

Critiques et bibliographie

Ethnographie générale

- I. R. Grigoulievitch (Moscou). *I. A. Kryvéliov*. Histoire des religions, I—II . . . 164
V. P. Kobytchiev, Ya. V. Tchiesnov (Moscou). *Problèmes de l'ethnogenèse et de l'histoire ethnique des Slaves et des Romans de l'Est. Méthodologie et historiographie* . . . 167
G. Ye. Markov (Moscou). *E. A. Rikman*. Histoire ethnique des populations de la région de Dniestre et des régions avoisinantes de Danube aux premiers siècles de notre ère . . . 170

Peuples de l'U.R.S.S.

- L. V. Ostapienko (Moscou). *L. A. Gordon, E. V. Klopov, L. A. Onikov*. Traits du mode de vie socialiste: vie quotidienne des ouvriers urbains — hier, aujourd'hui, demain . . . 173
V. I. Kozlov (Moscou). *Les Moldaves. Essais d'histoire, d'ethnographie et d'étude de l'art* . . . 175
L. M. Drobijéva (Moscou). *V. V. Pimienov*. Les Oudmourtes. Essai d'une component analysis d'une ethnie . . . 178

Peuples de l'Europe hors l'U.R.S.S.

- L. G. Barag (Oufa). *Contes populaires ukrainiens de la Slovaquie de l'Est* . . . 182

Peuples de l'Asie hors l'U.R.S.S.

- V. I. Kotchniev (Moscou). *A. N. Siedlovskaïa*. Populations mineures du Bihar (essai historico-ethnographique) . . . 184

Peuples de l'Afrique

- L. Ye. Koubbel (Moscou). *A. Gaudio*. Les civilisations du Sahara. Dix millénaires d'histoire, de culture et de grand commerce . . . 188

Технический редактор Сироткина Т. И.

Сдано в набор 11.05.78 Подписано к печати 19.07.78 Т-10736 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 16,8 Уч.-изд. л. 19,2 Бум. л. 6. Тираж 2800 экз. Зак. 4153

Издательство «Наука». 103717, Москва, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

1-1-12
ЛЕНИНГРАД 69
САДОВАЯ 18
ПУБЛ Б-КЕ
70845
1-12 2 ЭКЗ

Цена 1 р. 80 к.
Индекс 70845

**В магазинах «Академкнига»
имеются в продаже:**

- Africana. Африканский этнографический сборник IX.** 1972. 228 с. 1 р. 67 к.
Беневоленская Ю. Д. Проблемы этнической краниологии. Морфология затылочной области черепа человека. 1976. 150 с. 68 к.
Берзина М. Я. Формирование этнического состава населения Канады. Этностатистическое исследование. 1971. 194 с. 90 к.
Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. I. Приангарье. 1971. 198 с., 16 вкл. 1 р. 65 к.
Кнорозов Ю. В. Иероглифические рукописи майя. 1975. 272 с. 1 р. 32 к.
Левин М. Г. Этническая антропология Японии. 1971. 236 с. 1 р. 46 к.
Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 7. 1971. 252 с. 2 р. 12 к.
Расы и народы. Ежегодник. Вып. 1. Современные этнические и расовые проблемы. 1971. 364 с. 1 р. 60 к.
Расы и народы. Ежегодник. Вып. 2. Современные этнические и расовые проблемы. 1972. 352 с. 1 р. 61 к.

Заказы направляйте по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13;
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 443002 Куйбышев,
проспект Ленина, 2; 197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7; 117192 Москва,
В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, 90, Морской проспект, 22;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700029 Ташкент, 29, ул. К. Маркса, 28;
450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 16; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310003
Харьков, Уфимский пер., 4/6.